

# ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета  
имени Ф.Скорины

---

№ 5(68)

*Гуманитарные науки*

2011

# ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета  
имени Ф.Скорины

---

Научный и производственно-практический журнал

*Выходит 6 раз в год*

*Издается с октября 1999 г.*

№ 5(68)

*Гуманитарные науки*

2011

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь  
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. РОГАЧЕВ (главный редактор)

О. М. ДЕМИДЕНКО (зам. главного редактора)

Л. А. ШЕМЕТКОВ (зам. главного редактора)

В. В. АНДРЕЕВ, Го Вэньбинь, В. Ф. БАГИНСКИЙ, Г. Г. ГОНЧАРЕНКО, А. М. ДВОРНИК, Г. М. ЕВЕЛЬКИН,  
Н. Н. КОЛЕНЧУКОВА (ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ), С. В. ЖАВОРОНОК, В. Г. ЖОГЛО,  
Ф. В. КАДОЛ, В. Н. КАЛМЫКОВ, В. В. КИРИЧЕНКО, Г. Е. КОБРИНСКИЙ, Г. Г. ЛАЗЬКО, В. Д. ЛЕВЧУК  
А. М. ЛИТВИН, А. В. МАКАРЕВИЧ, О. А. МАКУШНИКОВ, И. В. МАКСИМЕЙ, Н. В. МАКСИМЕНКО,  
Г. И. НАРСКИН, О. С. ОСИПОВА, А. Н. СЕРДЮКОВ, Н. В. СИЛЬЧЕНКО, Б. В. СОРВИРОВ, А. А. СТАНКЕВИЧ,  
М. И. СТАРОВОЙТОВ, В. М. ХОМИЧ, И. Ф. ШТЕЙНЕР, В. А. ЩЕПОВ, Я. С. ЯСКЕВИЧ

### *Адрес редакции:*

ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель  
Тел. 57-37-91, e-mail: [vesti@gsu.by](mailto:vesti@gsu.by)

© Известия Гомельского государственного  
университета имени Франциска Скорины, 2011

© Proceedings of the F.Scorina Gomel State University, 2011

---

## История

---

УДК 614.2+940.53(476)

### Оказание медицинской помощи населению Беларуси в годы Великой Отечественной войны

М. Е. АБРАМЕНКО

В статье отражены характер и особенности оказания медицинской помощи населению Беларуси в сложный период Великой Отечественной войны.

Раскрыты особенности работы уцелевших и функционирующих медицинских учреждений под контролем оккупационных властей. Систематизирована и дополнена деятельность медицинских служб партизанских отрядов и соединений. Также указаны основные этапы становления здравоохранения в ходе освобождения Беларуси от оккупантов.

**Ключевые слова:** война, оккупация, коллаборация, здоровье, медицинская помощь, лечебные учреждения, партизанская медицинская служба, восстановление.

The article reflects the type and features of rendering medical assistance to the population of Belarus in the difficult period during the Great Patriotic War.

The peculiarities of the work spared and functioning medical institutions under the control of the occupation authorities were revealed. The activities of the medical services of guerrilla bands and formations were systematized and supplemented. The main stages of the restoration of public health service during the liberation of Belarus from the occupiers were also stated.

**Keywords:** war, occupation, collaboration, medical care, medical institutions, guerilla medical service, restoration.

Медицинские работники на войне – явление не новое. В такие особые экстремальные периоды перед здравоохранением стоит задача сохранить боеспособность сил сопротивления и сохранить генофонд нации. Поэтому роль и значение медицинских работников в Великой Отечественной войне были чрезвычайно велики. Сложность проблемы обусловило то, что вся территория Беларуси была оккупирована, и само прежнее здравоохранение как часть государственной системы прекратило временно выполнять свои функции.

Это предшествующее здравоохранение было составной частью социальной сферы республики и всего СССР. Ее основным содержанием являлось государственное финансирование, которое предусматривало бесплатную и общедоступную медицинскую помощь всему населению страны. Эта бесплатность, экономически необоснованная, образовывалась за счет перераспределения общественных средств, являлась, главным образом, мощным идеологическим аргументом существующего строя. Но следует признать ее важную роль в решении проблемы доступности медицинской помощи для людей.

Проблема советского предвоенного здравоохранения заключалась в том, что оно не могло выйти в своем развитии за рамки существующих экономических, внутривластных реалий в стране. Поэтому в БССР практически не выросла продолжительность жизни людей, высокой оставалась детская заболеваемость и смертность. По-прежнему имели место сильные вспышки эпидемий тифа и дизентерии, вызванные неудовлетворительным состоянием населенных пунктов, и главное, условиями труда и быта.

Не преодолев пока имеющиеся недостатки, новое здравоохранение отражало все же интересы большинства общества и имело его поддержку.

22 июня 1941 г. мирный труд советских людей был прерван. Началась самая жестокая и тяжелая война. В противостояние с врагом с первых дней войны вступили медицинские

работники, сражающиеся в составе воинских частей Красной Армии. Не остались в стороне патриотически настроенные медицинские работники гражданских учреждений. Но несмотря на отчаянное сопротивление советских войск, к сентябрю 1941 г. вся территория Беларуси была оккупирована.

В этих условиях наиболее острой и результативной формой сопротивления советского народа в тылу врага являлась организованная борьба партизан.

Не лучшим образом сказалась на развертывании этого движения существовавшая перед войной в умах многих политиков и военных шапкозакидательская доктрина войны «на чужой территории». В 30-х гг. после периода внимания к партизанскому движению последовала полоса репрессий многих военных и гражданских лиц, занимавшихся организацией партизанской борьбы.

Это обстоятельство оказало негативное влияние на начальный этап формирования партизанских отрядов, в особенности во время первой зимы. Непрерывные карательные операции гитлеровцев и суровые холода, отсутствие опыта и слабая материальная база заставляли рассредотачивать отряды на небольшие группы, которые выходили за линию фронта или оседали в лесах или населенных пунктах. Оказалось, что во многих отрядах не умели строить себе жилье. Опыт применения специальных партизанских технологий появился уже позже. В таких условиях очень тяжело было оказывать полноценную медицинскую помощь больным и раненым. В конце 1941 г. в отрядах насчитывалось всего 6 врачей и чуть больше средних медицинских работников [1].

Поэтому в первых партизанских отрядах из-за недостатка врачей командование обращалось за содействием в оказании медицинской помощи раненым в подпольные организации, непосредственно к медицинским работникам. Такая практика существовала преимущественно в начальный период войны, до создания в отрядах своих медико-санитарных служб и частей.

После поражения немцев под Москвой, с повышением боевых возможностей партизан совершенствовалась организационная структура партизанских формирований. Отряды объединялись в бригады, те в свою очередь в объединения. Подобную эволюцию стало претерпевать и медико-санитарная служба – началось создание медпунктов, амбулаторий, госпиталей (стационарных и передвижных), эвакуационных пунктов при партизанских аэродромах. Более организованный характер это движение приобрело с созданием Центрального Штаба партизанского движения в мае 1942 г. К участию в деятельности этого органа был привлечен бывший Нарком здравоохранения республики М.И. Коваленок, много сделавший для сохранения отрасли в период эвакуации, и с осени 1941 г. и по февраль 1942 г. работавший в Свердловском медицинском институте. В ходе реорганизации управления партизанским движением в сентябре 1942 г. был образован Белорусский Штаб партизанского движения под руководством секретаря ЦК КП(б)Б П.З. Калинина. При нем был создан медико-санитарный отдел под руководством И.А. Инсарова, который в полную силу заработал в начале 1943 г.

К этому времени была создана самостоятельная база медицинского имущества. Для партизанских врачей разработана форма медицинской отчетности, установлены сроки представления отчетов о движении раненых и больных, списки на погибших партизан, данные об эпидемиологическом состоянии партизанских зон, списков медицинского состава партизанских соединений.

Систематизация и анализ полученных данных позволяли в основном правильно оценивать состояние дел по медицинскому обеспечению партизан различных зон с последующим принятием мер по оказанию им помощи. Однако, при всем при этом, обеспечение отрядов медицинскими кадрами лежало по-прежнему на руководстве партизанскими отрядами. И эта проблема решалась ими успешно. Количество партизанских врачей к началу 1944 г. достигло уже 538 [2]. Организационное влияние БШПД наиболее ощутимо определялось методической помощью, поставками медицинского имущества, осуществлением помощи в эвакуации людей. БШПД организовал вывоз в тыл самолетами на излечение 6617 раненых и больных и 8986 членов партизанских семей [3].

Формирование медико-санитарных частей в партизанских отрядах, насыщение их большим количеством медицинских работников дало возможность на освобожденных партизанами

территориях восстановить некоторые принципы советского здравоохранения. Созданные здесь сельские Советы в ходе восстановления хозяйственной деятельности обеспечивали также работу существующих здесь лечебных учреждений, обеспечивая их продуктами питания, помогая за немецкие марки разбитых гарнизонов и управ, имеющиеся советские деньги, в приобретении в городских аптеках медикаментов и перевязочных средств. Медицинская помощь здесь и медсанчастях партизан оказывалась бесплатно.

Несмотря на высокую маневренность в ходе боевых действий партизанским медикам удалось выработать эффективные приемы и средства в выполнении своих лечебных задач. По данным санитарно-медицинского отдела БШПД, в строй было возвращено 78,4% раненых, обратившихся в лечебные партизанские учреждения. Среди больных партизан процент выздоровевших составил 99,5% [4]. Этому способствовало продуманное медицинское обеспечение, т.е. была отлажена система оказания квалифицированной помощи на всех этапах медицинской эвакуации.

Гражданское население получало также медицинскую помощь в соответствии с закрепленными приказом БШПД территориями за партизанскими отрядами. В своей лечебно-профилактической работе партизанские медики широко вели санитарно-просветительскую деятельность. Недостаток медикаментов частично компенсировался при помощи трав и настоев, других народных средств. Всего среди местного населения партизанскими врачами было обслужено более 135 тыс. человек [5].

Надо, конечно, учитывать, что лечебная работа велась на оккупированной территории, в условиях геноцида против местного населения и жестокой борьбы оккупантов против самих партизан и поэтому имела ограниченный характер. В силу этого обстоятельства деятельность партизанских медиков имела локальные черты, лишь достигая результата в обеспечении боеспособности собственных подразделений. Необходимые качественные и количественные характеристики работы отрасли, свойственные для суверенного государства, они, в силу указанных обстоятельств, обеспечить не могли.

В ходе боевых действий в начальный период войны, сложившихся не в пользу Красной Армии, вся территория Беларуси оказалась оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. Свыше 8 млн. жителей республики, территория которой была расчленена по различным оккупационным административным единицам, стали теперь жить в условиях «нового немецкого порядка» [6].

В числе первоочередных мер оккупационных властей, наряду с введением всеобщей трудовой повинности, была разрешена работа лечебных учреждений. Сделано это было исходя из необходимости предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний среди личного состава немецких воинских частей, в том же нуждалось и население, занятые на предприятиях и привлеченное к обслуживанию различных учреждений и служб.

В октябре 1941 г. были изданы распоряжения рейхскомиссариата «Остланд», относящиеся к сфере здравоохранения [7]. В соответствии с ними была образована Белорусская палата здоровья, созданы при Генеральном комиссариате «Белоруссия» окружной отдел охраны здоровья, отдел охраны здоровья округа Минска. При городских и районных управах были созданы соответствующие отделы здравоохранения [8].

Их штаты были небольшими: при заведующим отделом – враче, состояли два дезинфектора и один секретарь – статистик. В дальнейшем вместо отделов были введены должности городских и районных врачей. Главной задачей созданной структуры являлся санитарный эпидемиологический контроль за территорией, не позволяя отвлекать на это собственные кадровые ресурсы фатерланда.

Уцелевшие лечебные учреждения с резко сократившимися штатами обеспечивали население платной лечебной помощью. Ее размер зависел от вида диагноза и типа заболевания. Койко-день в стационаре для работников государственных учреждений стоил 8 рублей, крестьян и работников частных учреждений – 10 рублей, кустарей и торговцев – 12. Плата за использованные во время лечения медикаменты взималась дополнительно. Чтобы получить право на стационарное лечение, больной должен был иметь свои постельные принадлежно-

сти и продукты питания. При этом иногородние больные обязаны были платить за пребывание в стационаре в тройном, а за амбулаторное лечение – в двойном размере [9].

Но для тех, кто сотрудничал с оккупационными властями, представлялись льготы. Так, широкой пропагандистской шумихой сопровождалось создание профсоюзов, разумеется, по нацистскому образцу. Чтобы привлечь людей к более активному участию в этой организации, определенный акцент делался на представление медицинской помощи. Для обслуживания новоявленных членов профсоюза назначались местные медицинские работники – не евреи, врачи, зубные врачи, фельдшеры и зубные техники. Выплата больным пособий производилась городскими или районными управами из средств отделов попечения. Но все это продолжалось недолго, в куцем урезанном виде. Другое дело, что более длительный срок существовала система помощи лицам, работающим в воинских частях, СС, полиции, строительной организации Тодта и т.д. Здесь помощь оказывалась не только лекарствами, но и костылями, банками, шприцами и прочими средствами медицинского назначения. Об этом гебитскомиссариат постоянно указывал в своих инструкциях – наставлениях [10].

Утвердившаяся система оккупационного здравоохранения по форме напоминала прежнюю, советскую. Был оставлен участковый принцип построения медико-санитарного обслуживания населения. Волости прикреплялись к районным больницам, заведующими врачебными участками назначались врачи – заведующие районными больницами и амбулаториями.

Наряду с системой директивного управления сохранились старые названия отделов, характер взаимоотношений с управами, решение схожих проблем. Но несопоставимым оказалось содержание всей этой деятельности. К примеру, районный доктор из Смолевич информировал окружного доктора о проведении медосмотра в 36 школах района. В справке, как и ранее в довоенных отчетах, перечислен контингент осмотренных, анализируется характер заболеваний, указываются недостатки. Создается впечатление, что система действует, но на деле все кардинально поменялось. Ни в одной школе нет баков для питьевой воды, все ученики поголовно страдали педикулезом, многие школы разрушены, сгорели, в некоторых на постое расквартированы оккупанты. Всем проверяющим ясно, что все так и останется, не было бы хуже, что «новый порядок» ведет к уничтожению генофонда народа [11].

Такой же фикцией являлись мероприятия коллаборационистских структур по планированию местных бюджетов с тем, что бы улучшить состояние лечебных учреждений [12].

Бесплодными оказались попытки комиссий по освидетельствованию населения на инвалидность с целью получения пенсий или пособий. Эти и другие попытки по организации подобия гражданского здравоохранения были обречены на неудачу. Эти меры никак не могли сочетаться с истинными намерениями нацистского руководства относительно завоеванных территорий и проживающего здесь населения [13].

Материальное положение, жизненный уровень людей, и так невысокий перед войной, резко снизился в условиях оккупации. Зарплата врачей и учителей была более низкой, чем квалифицированных рабочих на производстве и транспорте. Зарплаты всех категорий работающих не хватало для приобретения хотя бы минимума продуктов, люди голодали [14].

В результате военных действий значительно уменьшилась в сравнении с довоенным временем сеть медицинских учреждений. Не работали прачечные, население не имело моющих средств. В результате воздействия всех этих негативных факторов оно становилось легкой добычей эпидемий.

С целью предупреждения эпидемий среди войск оккупационные власти требовали строгого учета инфекционных заболеваний среди населения. Проводились совещания с представителями районных отделов здравоохранения, с них требовались периодические отчеты о движении инфекционных больных. Иногда районные отделы получали прививочный материал для прививок конкретных медицинских работников, работающих на ликвидации эпидемии [15]. Этот комплекс мер строго выполнялся в начальный период войны, и в конце войны, напротив, немцы уже сами сознательно и преступно распространяли инфекционные болезни среди населения, с целью ослабить наступательный порыв Красной Армии.

О здравоохранении, существовавшем в период оккупации, учитывая вышеизложенное, можно говорить с большой долей условности. Можно отметить, что действовали адми-

нистративные медицинские органы, функционировали, хотя и значительно сократившиеся, лечебные учреждения. Все это оккупационные власти вынуждены были допустить в пределах, необходимых для поддержания стабильной, медико-эпидемиологической ситуации и защиты от последствий, связанных с угрозой развития массовых инфекционных заболеваний. Законодательные и практические мероприятия в сфере здравоохранения в большей степени были направлены на контроль за состоянием здоровья лиц, деятельность которых была подконтрольна оккупантам и обеспечивала выпуск и поставки продукции для нужд рейха.

Основная масса населения, женщины и дети, оказались вне зоны внимания, временно действующей в указанный период, системы медицинского обслуживания и которая была близка к окончательному разрушению, в т.ч. от условий жизни, фактически несовместимых с полноценным выполнением своих изначальных задач.

Что же касается Народного комиссариата Беларуси, то его деятельность практически не прекращалась. Начальный период войны объяснимо связан с вопросами эвакуации в советский тыл подведомственных учреждений. В июне 1942 г. в советском тылу была создана оперативная группа Наркомздрава во главе с М.И. Коваленком [16]. По поручению руководства республики рабочая группа приступила к восстановлению основ будущего здравоохранения. За короткое время был создан свой резерв работников из 66 человек для местных структур органов здравоохранения на будущих освобожденных территориях.

Много усилий пришлось затратить группе на работу по поиску и уточнению местонахождения эвакуированных людей, медицинского имущества, учреждений.

В июне 1943 г. возобновили свою работу Главное аптекоуправление и Главное управление медико-хозяйственного имущества.

Осенью 1943 г. окончательно укомплектовался аппарат комиссариата. После проведенной работы по укреплению наркомата М.И. Коваленок подписал приказ о переезде всего аппарата ведомства 12 декабря 1943 г. в освобожденный Гомель [17].

Уже с освобожденной территории республики началась работа по обеспечению кадрами областных, городских и районных органов здравоохранения, стали приниматься конкретные меры по восстановлению медицинских учреждений.

Следующий этап восстановления здравоохранения уже связан с мероприятиями, которые осуществлялись по мере освобождения территории от оккупантов, решением самых насущных и не терпящих отлагательства дел, связанных с жизнью населения республики.

Таким образом, на оккупированной оккупантами территории Беларуси здравоохранение существовало в двух формах. Сформировалась система медико-санитарного обслуживания партизанского движения, наиболее деятельной и организованной силы противостоящей захватчикам. И оставшаяся, внешне схожая с советской, система медицинского обслуживания, имевшая структуру и сеть лечебных учреждений, подконтрольных оккупационным властям. Несмотря на сотрудничество части врачей с коллаборационистскими структурами, большой контингент медицинских работников через подпольные организации ушел в партизаны и стал основой формирования партизанских медицинских служб.

Говоря о таком сотрудничестве, надо иметь в виду неоднозначность и сложность явления. Многие из медицинских работников не успели мобилизоваться и были на первых порах дезориентированы не только военными успехами противника, но и мощным идеологическим воздействием оккупантов. На их поведении сказывалась также внутрисполитическая ситуация в стране, сложившаяся перед войной. А она была непростой. В БССР по имеющимся данным было репрессировано около 500 врачей и 200 работников со среднего медицинского персонала [18]. Поэтому многие для себя не могли сделать выбор, какие все же «социалистические завоевания» надо было отстаивать в борьбе с врагом. Наконец, врачи – это особая категория специалистов, принесших клятву Гиппократу о служении людям, не принимая во внимание их идеологические воззрения. Тема это непростая, вполне подходит, по определению поэта, к разряду «высоковольтных проводов» истории и требует дополнительного изучения и как явление, и в каждом конкретном случае.

Руководящее же ядро здравоохранения, восстановленное в июне 1942 г. в советском тылу, совместно с БШПД, оказывая помощь партизанскому движению, являлось координи-



рующим центром по подготовке и восстановлению отрасли, которая выдержала вместе со страной страшную войну и еще длительный период времени успешно решала задачи по сохранению здоровья белорусского народа.

### Литература

- 1 Инсаров, И.А. Медицинская служба в партизанских соединениях Белоруссии / И.А. Инсаров // Здоровоохранение Белоруссии. – 1964. – № 7. – С. 12.
- 2 Кузьменко, В.И. Участие медицинских работников Белоруссии в партизанском движении / В.И. Кузьменко // Советское здравоохранение. – 1980. – № 9 – С. 51.
- 3 Беларусь в годы Великой Отечественной войны. – Минск: Белта, 2005. – С. 333.
- 4 Инсаров, И.А. Медицинская служба в партизанских соединениях Белоруссии / И.А. Инсаров // Здоровоохранение Белоруссии. – 1964. – № 7. – С. 11.
- 5 Гісторыя Беларусі. У 6 т. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 5. – С. 537.
- 6 Там же. – С. 518.
- 7 НАРБ, ф. 393, оп. 1, д. 107, л. 179.
- 8 НАРБ, ф. 393, оп. 1, д. 15, л. 9; Государственный архив Минской области (далее – ГАМО), ф. 688, оп. 1, д. 24, лл. 76, 101.
- 9 Тищенко, Е.М. Деятельность медицинских учреждений Белоруссии в период фашистской оккупации / Е.М. Тищенко // Здоровоохранение Белоруссии. – 1992. – № 7. – С. 27–29.
- 10 НАРБ, ф. 1450, оп. 2, д. 51, лл. 23–24.
- 11 НАРБ, ф. 393, оп. 1, д. 15, л. 9; д. 104, л. 51.
- 12 НАРБ, ф. 391, оп. 1, д. 30, л. 7.
- 13 НАРБ, ф. 393, оп. 3, д. 12, лл. 125–130.
- 14 Беларусь в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945. – Минск: Белта, 2005. – С. 300.
- 15 ГАМО, ф. 1039, оп. 1, д. 243, л. 1–5.
- 16 НАРБ, ф. 46, оп. 4, д. 1339, лл. 225, 269.
- 17 НАРБ, ф. 46, оп. 4, д. 1, л. 1.
- 18 Маракоў, Л.У. Рэпрасаваныя медыцынскія і ветэрынарныя работнікі Беларусі. 1920–1960. Энцыклапедычны даведнік. – Мінск: Медысонт, 2010. – С. 14.

УДК 94 (100) : 341.24 (47 : 438) «1921»

## Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь–август 1921 г.)

А. М. БАБКОВ

Белэвак являлся структурным подразделением Центроэвака НКВД РСФСР и одновременно рассматривался властями БССР как и их исполнительный орган. Белэваком реэвакуировались беженцы и репатриировались военнопленные Первой мировой и польско-советской войн, демобилизованные красноармейцы, интернированные и др. Им оказывалась жилищная, продовольственная, медицинская помощь, спасшая многих от голода и эпидемий. Из РСФСР и других советских республик опекаемые Белэваком контингенты населения направлялись преимущественно в Польшу, частично – в Прибалтийские страны. Большинство беженцев, возвращавшихся в Польскую Республику, были уроженцами Западной Беларуси. Среди них преобладали белорусы, поляки, евреи.

**Ключевые слова:** Белэвак, беженцы, реэвакуация, эпидемия, контингент, эшелон.

B.E.D. was a structural division of Central Evacuation Department of People's Commissariat of Internal Affairs of RSFSR and was simultaneously considered by the Belarussian authorities as their executive office. B.E.D. re-evacuated refugees, repatriated prisoners of the World War I and the Polish-Soviet war, demobilised Red Army men, those interned and others. They were provided with housing, food, medical aid, which rescued many people from hunger and epidemics. From RSFSR and other Soviet republics monitored by B.E.D. contingents of the population were mainly directed to Poland, partially to the Baltic countries. The majority of the refugees returning to the Polish republic were natives of the Western Belarus. Among them Belarussians, Poles, Jews prevailed.

**Keywords:** B.E.D., refugees, re-evacuation, epidemic, contingent, echelon.

После подписания 12 октября 1920 г. между РСФСР, советской Украиной и Польшей договора о перемирии прекратились боевые действия на территории Беларуси. С этого времени к западной границе и особенно в г. Минск как крупный железнодорожный, промышленный центр и конечный пункт, расположенный недалеко от границы с Польшей, начинает стекаться масса беженцев из советской России. Беженцы надеялись, что им из Минска удастся быстрее вернуться на родину. Они двигались к западной границе, «заполняя леса и дороги, ваяясь под открытым небом, на железнодорожных путях, уничтожая народное имущество и принося огромный вред государству» [1, д. 84, л. 52 об].

Репатриация населения между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, осуществлялась на основе «Соглашения о репатриации», подписанного 24 февраля 1921 г. между странами и дополненного Рижским мирным договором. Стороны обязались «приступить к возможно скорейшей репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов» [2, с. 502]. Под беженцами понимались лица, проживавшие до 1 августа 1914 г. на территории одной из договаривающихся стран и находившиеся на территории другой стороны, «оставившие во время мировой войны 1914–1918 гг. или российско-украинско-польской войны, или гражданской войны занятые или угрожаемые неприятелем районы, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей». К беженцам приравнивались также «бывшие военнопленные мировой войны до 1 августа 1914 г., проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и находящиеся на территории другой стороны», а также находившиеся на территории Польской Республики бывшие военнослужащие российско-украинских армий и «не взятые в плен» [2, с. 502–503].

Реэвакуацией беженцев и других категорий населения, репатриацией военнопленных в БССР, Гомельской и Витебской губерниях, входивших в состав РСФСР, занималось управление Главноуполномоченного по Западной области и БССР (Главэвакзп) во главе с Л.И.

Розенгаузом, которое было подчинено Центроэваку НКВД РСФСР. Фактически Главэвакуап являлся исполнительно-распорядительным органом РСФСР на территории БССР, Гомельской и Витебской губерний.

В БССР работа по реэвакуации беженцев и репатриации военнопленных осуществлялась Белорусским управлением по эвакуации населения (Белэвак), созданным на основе Минского губэвака в январе 1921 г. во главе с Марьясиным, а позже – М. Стоковским [3, д. 444, л. 68] и подведомственными ему уездными эвакуационными органами. Белэвак являлся структурным подразделением Центроэвака РСФСР и в административном отношении подчинялся непосредственно Главэвакуапу. Одновременно он рассматривался белорусскими властями как орган исполнительной власти БССР. В условиях гражданской войны и формирования военного союза между РСФСР и другими советскими республиками устанавливалась очень жесткая централизованная система управления Центроэваком РСФСР всей эвакуационной работой как в советской России, так и на территории БССР и других советских республик. Для РСФСР необходимость централизации руководства всем процессом перемещения огромных масс населения диктовалась также потребностью поддерживать контроль за эвакуационными путями, значительная часть которых проходила на запад по территории Беларуси и таким образом сохранить непосредственный контроль на западной границе за обменом военнопленными, перемещением беженцев мировой и польско-советской войн, мигрантов и других категорий населения.

В январе 1921 г. при Совнаркоме БССР под председательством И. Адамовича состоялось межведомственное совещание, на котором обсуждался вопрос о массовом прибытии в Минск беженцев, военнопленных, других контингентов населения, проблемах налаживания их быта и неотложных мерах по их реэвакуации в места постоянного проживания. Главное внимание участников совещания было уделено подготовке Белэвака к проведению реэвакуационной работы. С докладом выступил начальник Белэвака Марьясин, который охарактеризовал сложившуюся в Минске обстановку, вызванную скоплением громадного количества беженцев как очень сложную. Он сообщил, что численность зарегистрированных беженцев и военнопленных достигла в Минске 5325 человек. Из них 1200 беженцев и 400 военнопленных вернулись из Германии и были размещены в общежитиях, остальные проживали на частных квартирах [3, д. 444, л. 56]. Марьясин обратил внимание участников совещания на то, что в более сложном положении оказались беженцы. Если «для военнопленных существует питательный пункт, на котором выдается горячая пища, то беженцы ее не получают из-за отсутствия мяса и круп». Плохо обстояло дело и с обеспечением беженцев жильем. «Их пришлось вселить в первые попавшиеся под руки общежития, т.к. на вокзале беженцев нельзя было оставлять ни одного дня» [3, д. 444, л. 56]. Существовали опасения, что огромная скученность в общежитиях может вызвать эпидемические заболевания. Партийно-советские органы понимали, что тяжелые условия проживания беженцев и пленных могли привести и к росту антисоветских настроений. Во избежание антисоветской агитации среди них Марьясин призвал участников совещания «срочно, в порядке боевого задания» оказать Белэваку всевозможную помощь в укреплении его финансово-материальной базы по оказанию беженцам и пленным жилищной, продовольственной и санитарно-медицинской помощи. Причем, он отметил, что эти меры «имеют, помимо своего социального значения, крупное политическое значение». Марьясин обратился к представителю жилсовета Слепяну с предложением выделить Белэваку четыре здания для оборудования общежитий по 200 человек в каждом и построить одно запасное общежитие, а также предоставить здание для госпиталя-изолятора вместимостью 300 мест и построить баню. В ходе обсуждения поставленных председателем Белэвака вопросов среди участников совещания возникли споры о целесообразности строительства отдельной бани для беженцев. Представитель комздрава Г.С. Липманов высказался против постройки отдельной бани для Белэвака и предложил комхозу построить большую баню на Дементьевской улице, которая обслуживала бы всех прибывающих в Минск. «Поезда будут поданы и всякий прибывающий выполнит банную повинность», – заявил он. Г.С. Липманов предложил также вместо открытия изолятора для Белэвака «оборудовать одну

остро-заразную больницу для обслуживания населения разных категорий, в т.ч. пленных и беженцев» [3, д. 444, л. 56 об].

На совещании был принят ряд постановлений по укреплению материально-финансовой базы Белэвака. Комхозу поручалось в срочном порядке решить вопрос об устройстве бани на Дементьевской улице. Для ее постройки комздрав выделил аванс в сумме 15 млн. руб. Причем, до возведения новой бани комздраву поручалось обеспечить помывку пленных и беженцев два раза в неделю в одной из бань города под контролем Белэвака. Жилсовет выделил запрашиваемые Белэваком помещения для устройства в них общежитий. Совнархоз отпустил 10 тыс. досок для оборудования топчанов и нар, а также выделил стекло и гвозди. В связи со срочностью работ представитель рабоче-крестьянской инспекции Левит согласился с проведением ремонтных работ хозяйственным способом. Наркомфину было дано поручение выделить Белэваку 20 млн. руб. в счет сметы на 1921 г. Ввиду важности вопроса об обслуживании пленных и беженцев представители учреждений, принявших участие в совещании, обязались исполнять требования Белэвака как первоочередные [3, д. 444, лл. 56–56 об].

Принятые на совещании Совнаркома БССР решения способствовали более организованному проведению работ по обустройству общежитий, медико-санитарных учреждений. Хозяйственно-ремонтные работы проводились созданным при Белэваке хозяйственно-строительным отделом. В первое время Белэваку приходилось работать в очень тяжелых условиях. Жизнь в городе постепенно налаживалась. Общежития, оставленные Минским губэваком перед эвакуацией, находились в полуразрушенном состоянии. Одно из них, по ул. Советской, д.16, было повреждено снарядами. Из-за нехватки свободных помещений, прибывавшие в Минск беженцы долгое время оставались в вагонах, часть из них самовольно заняла пустовавшие общежития на Ново-Московской и Дементьевской улицах. Л.И. Розенгауз сообщал на имя начальника Центроэвака Радека, что Минск «заполнен беженцами и красноармейцами-досрочниками. Жилищный вопрос крайне обострен и в городе развернуться почти невозможно» [3, д. 477, л. 4]. В ожидании массового возвращения через Минск беженцев и военнопленных первой мировой и польско-советской войн Белэвак отремонтировал пять общежитий, три из которых находились по ул. Советской, общежитие № 1 – на ул. Базарной и общежитие № 4 – на ул. Трубной. Во всех общежитиях были остеклены окна, починены печи, отремонтированы комнаты, устроены топчаны-нары, в отдельных общежитиях поставлены койки, исправлены водопроводы. Лучше всех было обустроено общежитие № 2 по ул. Советской, д.16, в котором размещались военнопленные. В нем была открыта кухня, где пленные получали горячую пищу, и оборудована прачечная для стирки белья [1, д. 84, лл. 9, 52 об]. Зимой 1921 г. Белэвак приступил к устройству питательного пункта в доме Малина на углу улиц Захарьевской и Серпуховской, который был рассчитан на выдачу горячей пищи 3 тыс. беженцев в сутки [1, д. 84, л. 9 об]. Большая часть строительных материалов закупалась на рынке по свободным ценам ввиду отсутствия их в государственных учреждениях. Из-за нехватки материальных и финансовых средств многие виды работ выполнялись из подручных средств и своими силами. Одновременно с обустройством общежитий были открыты амбулатория, приемный покой и два госпиталя вместимостью 120 коек. Амбулатория снабжалась медикаментами из аптеки Белэвака, в ней больным оказывалась первая медицинская помощь и в случае надобности они направлялись в госпитали [1, д. 84, л. 53].

Большое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди беженцев, военнопленных и красноармейцев. 3 февраля 1921 г. на совещании представителей Белэвака с участием Марьясина и заведующего Минским агитпунктом Шпаровского обсуждался вопрос об устройстве отделения агитпункта Минского узла для беженцев и бывших пленных. Принимая во внимание, что Минск становился одним из крупнейших центров сосредоточения пленных и беженцев, было принято решение «приступить к устройству большого специального агитпункта для обслуживания культурных потребностей беженцев и военнопленных и устроить при пункте школу грамоты». Агитбаза с читальней и библиотекой, во главе которой стояли опытные политинструкторы, была открыта в районе расположения общежитий Белэвака. Ее целью являлось политическое воспитание и поднятие культурного уровня бе-

женцев. Библиотека и читальня посещались беженцами, военнопленными, красноармейцами, а также частными лицами в среднем по 250 человек в день. В библиотеке устраивались собрания на политические темы, разъяснялась структура социалистического государства и советского правительства [1, д. 91, л. 67].

В начале 1921 г. наметилось оживление движения беженцев, красноармейцев, уволенных в бессрочный отпуск и военнопленных к западной границе. В январе в Белэваке было зарегистрировано 635 человек, из них 364 беженца, 200 военнопленных и 71 демобилизованный красноармеец. Вместе с ранее проживавшими в общежитиях контингентами Белэвака их численность составила 1542 человека. В феврале прибыл еще 1831 человек, из них 1135 беженцев, 353 демобилизованных красноармейцев и 343 военнопленных. Численность проживавших в общежитиях увеличилась до 1872 человек. Зимой Белэвак отправлял беженцев в Литву и отошедшие к ней территории Виленской и Гродненской губерний, а также в Латвию. Так, в январе было реэвакуировано на родину 470 беженцев и 38 военнопленных, а в феврале – 403 беженца и 107 военнопленных [1, д. 84, л. 51].

В соответствии с советско-польским «Соглашением о репатриации», для решения вопроса об учреждении на границе с Польшей передаточного пункта 6 марта 1921 г. в Минске состоялось межведомственное совещание представителей Главэвакзапа, Белэвака и военного ведомства. На нем было принято решение об открытии в Негорелом пункта для обмена репатриантами между РСФСР и Польшей [3, д. 481, лл. 4–36]. Начальником погранобменного пункта был назначен И.З. Туманов. С этого времени через Минск регулярно направлялись эшелоны с военнопленными из РСФСР в Польшу и обратно. В марте из Польши прибыло 5 эшелонов с военнопленными красноармейцами численностью 3545 человек, из которых 1000 человек разгрузили в Минске, 2545 человек направили в г. Смоленск. В течение месяца из РСФСР в Польшу через Негорелое было отправлено 3 эшелона с военнопленными легионерами численностью 2594 человека. В это время увеличился поток беженцев из РСФСР и демобилизованных красноармейцев, выходцев из западнобелорусских районов, отошедших по Рижскому договору к Польше. В течение месяца в Белэваке было зарегистрировано 1154 человека, из них 487 красноармейцев, уволенных в бессрочный отпуск и 261 красноармеец, уволенный в двухмесячный отпуск. Большинство из них направлялось в Западную Беларусь – 669 человек, среди которых преобладали белорусы – 575 человек и евреи – 79 человек [1, д. 84, л. 20]. В марте общая численность беженцев, проживавших в общежитиях Белэвака, увеличилась до 2586 человек. Для размещения красноармейцев, уволенных в двухмесячный отпуск, было оборудовано общежитие, а также открыто новое общежитие для беженцев по ул. Московской, д. 64. Когда численность беженцев и военнопленных резко увеличилась, был открыт крупный питательный пункт. В марте на довольствии Белэвака состояло свыше 5 тыс. человек. На питательном пункте ежедневно выдавалось 3 тыс. обедов и 2 тыс. сухих пайков. Одновременно с питательным пунктом на Александровском железнодорожном вокзале начал функционировать передвижной питпоезд Центроэвака, снабжавший хлебом и горячей пищей военнопленных и беженцев транзитных эшелонов. Всего в течение марта было выдано 86976 пайков, из них 65000 – беженцам [1, д. 84, лл. 20–20 об, 51 об, 52 об].

Весной 1921 г. возобновилось самостоятельное движение беженцев, т.н. самотек к западной границе из Сибири, Поволжья, Украины. Эти беженцы являлись преимущественно уроженцами Гродненской губернии и бывшего Царства Польского. Они стремились успеть вернуться домой к началу посевных работ. Отъезд беженцев на родину ускорили также события гражданской войны в советской России. В апреле в Белэваке было зарегистрировано 1943 человека, в т.ч. 890 мужчин, 489 женщин и 566 детей. Подавляющее большинство беженцев направлялись в Западную Беларусь – 1124 человека, в Литву – 654, в Польшу – 147, остальные – в Латвию и Украину [1, д. 84, лл. 26–26 об]. Перегруженность Минска беженцами, красноармейцами и другими контингентами населения грозила городу возникновением эпидемии. Для предупреждения неблагоприятной ситуации Белэваком были приняты меры по «разгрузке» города от беженцев. В апреле он провел переговоры с находившейся в Минске польской делегацией военно-смешанной комиссии и добился ее согласия на внеплано-

вую отправку первого эшелона с беженцами численностью 1383 человека. Почти все беженцы были крестьянами и направлялись в Западную Беларусь, за исключением 50 человек. Советское государство было заинтересовано в скорейшем возвращении на родину выходцев из крестьянства и неквалифицированных рабочих, т.к. большинство из них не могло прокормить себя и свои семьи. К тому же беднейшая часть беженцев оказалась наиболее восприимчивой к советской пропаганде и с их помощью советская власть планировала распространять революционные идеи. Во второй половине апреля был подготовлен к отправке эшелон с беженцами в Литву. В целом в апреле Белэваком было зарегистрировано 1844 человека. В течение месяца численность беженцев, проживавших в семи общежитиях Белэвака, увеличилась с 2434 до 2882 человек. Для обеспечения питанием беженцев и других категорий населения Белэваку было поставлено 5 вагонов с продуктами. Паяк для беженцев составлял всего 1,5 фунта и чай. Из-за отсутствия мяса его заменили сельдью. В апреле была сокращена норма хлеба для беженцев. Всего в течение месяца на довольствии Белэвака состояло 4975 человек, в т.ч. 2825 беженцев [1, д. 84, лл. 51 об, 52 об].

В мае продолжал увеличиваться стихийный поток беженцев в Минск. Для быстрой их реэвакуации Белэвак регистрировал исключительно беженцев «самотека», а также демобилизованных красноармейцев и не допускал регистрации других опекаемых контингентов, которые проживали в городе. Самовольное движение беженцев нарушало плановую эвакуацию их из Минска, что вынуждало Белэвака обращаться к Главэвакупу и Центроэваку с просьбами ограничить их движение к западной границе и направлять только по нарядам Центроэвака. Положение с отправкой беженцев домой улучшилось после прибытия в июне в Минск уполномоченных смешанной польско-советской репатриационной комиссии, которая завизировала на месте беженцев, направлявшихся в Польшу. В мае-июне 1921 г. в Белэваке было зарегистрировано более 6 тыс. беженцев, около 3 тыс. демобилизованных красноармейцев, отправленных в бессрочный отпуск, а также другие контингенты населения общей численностью 9458 человек [1, д. 84, л. 51 об]. Огромный приток беженцев в Минск остро поставил вопрос об их размещении на временное проживание. Для решения жилищной проблемы Белэваком были открыты три новых общежития. Общая численность проживавших в общежитиях беженцев за два месяца увеличилась к концу июня до 3656 человек. В течение мая-июня на довольствии Белэвака ежедневно состояло в среднем 2,5 тыс. беженцев, 3 тыс. красноармейцев, 500 военнопленных [1, д. 84, лл. 28–30 об, 53].

Контингенты Белэвака снабжались хлебом из собственной хлебопекарни. Летом Белэвак заключил договор с Союзом пищевиков Минска на выпечку хлеба. В соответствии с ним Белэвак поставлял артели хлебопеков все необходимые продукты, а артель «обязывалась за каждый пуд муки нетто сдавать Белэваку 1 пуд 15 фунтов хлеба хорошего качества в необходимом количестве» [3, д. 442, л. 115]. В мае-июне с питпункта Белэвака беженцам было выдано более 5,6 тыс. сухих пайков, красноармейцы и военнопленные получали как сухие пайки, так и горячие обеды. В течение двух месяцев с питпоезда получили довольствие 6059 человек, в т.ч. беженцы пяти эшелонов. 1 июня 1921 г. распоряжением Центроэвака контингент красноармейцев был снят с довольствия Белэвака и передан на попечение соответствующих органов военного ведомства [1, д. 84, лл. 29–29 об].

На Белэвак как пограничный эвакуационный пункт возлагалась ответственная задача по медицинско-санитарному обслуживанию беженцев и других категорий населения и санобработке отправляемых за границу эшелонов. С этой целью при нем был учрежден медико-санитарный отдел. С увеличением численности беженцев и других контингентов населения действовавшие врачебные учреждения не справлялись с их медико-санитарным обслуживанием. Поэтому в марте на базе бывшего Варшавского госпиталя был открыт новый госпиталь вместимостью на 300 коек, куда перевели больных из изолятора № 2 [1, д. 84, л. 20 об]. Для предотвращения возникновения эпидемии в Минске на железнодорожных вокзалах были открыты изоляционно-пропускные пункты с круглосуточным дежурством медперсонала, который осматривал проходившие эшелоны с беженцами, военнопленными, красноармейцами и оказывал первую медицинскую помощь. При Белэваке функционировали изоляционно-

пропускной пункт, дезинфекционный отряд и дезкамера, баня и прачечная. Большинство больных получали лечение в амбулатории. Так, в марте через амбулаторию прошло 962 больных, из них 709 беженцев; в апреле – 1393 человека, в т.ч. 774 беженца; в мае-июне в амбулатории лечилось 3637 больных, из них 1720 беженцев. Таким образом, среди больных преобладали беженцы, которые составляли около 50% всех заболевших. Эпидемические больные направлялись в два изолятора. В апреле на лечение в них поступило 298 человек, в мае-июне – 701 человек, среди них имелось 15 смертных случаев. Наиболее распространенными заболеваниями являлись сыпной и возвратный тиф, частично дизентерия. В общежитиях Белэвака беженцы и другие контингенты осматривались эшелонным отрядом медработников. В апреле им было выявлено 392 больных, в мае-июне – 328 человек [1, д. 84, лл. 20 об, 27].

Летом 1921 г. важнейшей задачей Белэвака становилось обслуживание транзитных эшелонов с беженцами, проходивших по нарядам Центроэвака. Большинство их составляли беженцы Первой мировой войны, временно проживавшие в губерниях Поволжья, которые охватил жестокий голод. Основная их масса направлялась через Минск к пограничному пункту Негорелое, где они передавались польским властям. Транзитные эшелоны осматривались на изоляционно-пропускном пункте в Минске. В марте через изопропункт прошло 73 эшелона, продезинфицировано 194 вагона и выявлено среди пассажиров 67 больных. В апреле было осмотрено 93 эшелона, продезинфицирован 1091 вагон, в которых следовало 61730 человек и снято 14 больных. В мае-июне через изопропункт прошло 392 эшелона, продезинфицировано 2869 вагонов, в которых следовало 242272 человека, среди них 28 больных. По сравнению с предыдущими двумя месяцами движение транзитных контингентов в мае-июне возросло более чем в два раза. Дезинфекционным отрядом было обработано 1429 пудов одежды и 89 пудов белья [1, д. 84, лл. 20 об, 27, 30].

Колоссальные масштабы принял поток беженцев «самотека», несмотря на многочисленные запреты Центроэвака, касавшиеся «удержания беженской волны». Прибывавших «самотеком» беженцев приходилось временно разгружать, т.к. железнодорожные власти требовали освобождения вагонов для других перевозок. 19 июля 1921 г. председатель Минского исполкома обратился в Совнарком БССР с просьбой принять меры для скорейшей отправки беженцев на родину, чтобы «предохранить местное крестьянство от излишних опустошений и разорений» со стороны последних. В докладной записке указывалось, что «в окрестностях города и в ближайших к городу деревнях, а равно по тракту Минск – Койданово, замечается страшный наплыв беженцев. Остановившись в поле, они срезают колосья со ржи у крестьян, копают картофель, ломают и сжигают заборы» [1, д. 87, л. 50].

Одновременно возросли масштабы работы Белэвака по эвакуации беженцев, проживавших в Западной области, в т.ч. и передвигавшихся гужевым транспортом по грунтовым и шоссейным дорогам. В июле-августе в Минске было зарегистрировано рекордное количество беженцев численностью 24447 человек, из них 1410 красноармейцев, что составляло в два с половиной раза больше по сравнению с предыдущими двумя месяцами. По половозрастному составу в этом количестве мужчины составляли 9334 человека, женщины – 6277 и дети – 8782 [1, д. 84, л. 73].

На довольствии Белэвака в июле-августе ежедневно состояло в среднем до 4,4 тыс. беженцев, 4,5 тыс. красноармейцев и 250 военнопленных мировой войны. С питательного пункта беженцам было выдано 58655 сухих пайков, красноармейцам – 42830 сухих пайков и 33146 горячих обедов и военнопленным – 2569 сухих пайков и 364 горячих обеда. За два месяца хлебопекарней Белэвака было выпечено 3,2 тыс. пудов хлеба. Однако продовольственный кризис привел к дефициту зерна и круп на базе Главэвакзапа, что вынудило Белэвак сократить до минимума выдачу продуктов опекаемым контингентам. Транзитным беженцам с питательного поезда было выдано 32,5 тыс. сухих пайков и более 83 тыс. рационов горячей пищи [1, д. 84, л. 73 об].

Недостаточное питание, физическое истощение, скученность и антисанитарные условия проживания беженцев и других контингентов населения в общежитиях вызывали рост заболеваемости среди них, способствовали развитию эпидемий. В июле-августе в два изолятора Бе-

Белэвака поступило 746 больных, больше половины из них составляли беженцы. Количество смертных случаев увеличилось до 56. Через амбулаторию прошло 4177 больных, среди них также абсолютное большинство составляли беженцы – 3277 человек. Им было сделано 7182 противохолерные прививки. Эшелонным отрядом в общежитиях выявлен 161 больной. Через изоляционно-пропускной пункт прошло 504 эшелона, продезинфицировано 3131 вагон, в которых следовало 309609 человек и был выявлен 121 больной. Дезинфекционным отрядом было обработано 144 пуда одежды и 19 пудов белья. Через баню было пропущено 8205 человек, в прачечной было вымыто 200 пудов белья. При оказании продовольственной и медицинской помощи опекаемым контингентам населения Белэвак испытывал огромные финансовые трудности из-за недостаточного выделения ему средств со стороны Центроэвака РСФСР. Часть финансовых средств Белэвак получал от Комфина и Наркомвнудел БССР, которые летом 1921 г. отпустили ему взаимобразно сумму 50 млн. рублей [1, д. 84, л. 74]. Усилиями Белэвака совместно со смешанной комиссией по репатриации в июле-августе было реэвакуировано почти столько же беженцев и других контингентов населения, сколько и зарегистрировано. Их общая численность составляла 25526 человек, в т.ч. 8016 мужчин, 7384 женщин, 10121 детей. Наибольшее количество беженцев было отправлено в Западную Беларусь – 18460 человек. Из них 15316 человек составляли белорусы, 2144 – евреи, 875 – поляков и 145 человек других национальностей. В Польшу было реэвакуировано 6831 беженцев, из них 2655 поляков, 2472 белоруса, 1292 еврея и другие. В Литву было направлено только 225 беженцев, преимущественно литовцев. Летом наибольшее количество беженцев следовало через Минск транзитом в Польшу, в т.ч. в Западную Беларусь. В июле-августе их численность составила 92650 человек. Продолжался обмен военнопленными между РСФСР и Польшей. За два месяца из РСФСР в Польшу прошло 6149 легионеров, 51 заложник. Из Польши в РСФСР возвратилось 12609 военнопленных красноармейцев и 432 интернированных. К началу сентября общежитиях Белэвака осталось проживать 1766 человек [1, д. 84, лл. 73, 73 об].

Таким образом, весной-летом 1921 г. Белэваком осуществлялась наиболее массовая реэвакуация беженцев, военнопленных Первой мировой и польско-советской войн, а также демобилизованных красноармейцев, которые из РСФСР и других советских республик направлялись в Польшу и Прибалтийские страны. По данным замначальника Белэвака, за период с ноября 1920 г. по август 1921 г. включительно регистрационно-эвакуационным отделом в Минске было зарегистрировано 38549 беженцев, 5782 демобилизованных красноармейцев и 2121 военнопленный. В реэвакуационный период всем опекаемым контингентам населения оказывалась жилищная, продовольственная и медицинская помощь, которая многих спасла от голода и эпидемий. В течение этого времени через лечебные учреждения Белэвака прошло 15635 больных, из них 10744 беженцев, что составило 69 % всех больных. С ноября 1920 по сентябрь 1921 г. только беженцев было отправлено на родину более 37127 человек [1, д. 84, л. 51]. Причем, большинство отправленных в Польшу беженцев были выходцами из Западной Беларуси, среди них преобладали белорусы, значительную часть составляли евреи и поляки. Белэвак, как пограничный эвакуационный орган, осуществлял также масштабную санобработку следовавших через Минск транзитных поездов с беженцами и военнопленными. По данным начальника погранобменного пункта Негорелое И.З. Туманова, с марта по сентябрь 1921 г. из советской России в Польшу через эту станцию проследовало 173286 беженцев, 18377 военнопленных, 106 интернированных. Из Польши в советские республики возвратилось 44056 военнопленных красноармейцев, 2051 беженец и 232 интернированных. В октябре 1921 г. обмен военнопленными между советскими республиками и Польшей фактически завершился. Главные усилия Белэвака направлялись на реэвакуацию беженцев.

### Литература

- 1 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 40. – Оп. 1.
- 2 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – М., 1965. – Т. III.
- 3 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1.



4 Цынкевіч, В. Праблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыццё польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) / В. Цынкевіч // Беларуский журнал международного права и международных отношений. – Минск, 2001. – № 3. – С. 76–82.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 11.01.10

## Изучение конфессиональной истории Беларуси в трудах отечественных историков 1920-х гг.

С. Ф. ВЕРЕМЕЕВ

В данной статье анализируются взгляды белорусских исследователей 1920-х годов на конфессиональную историю нашей страны.

**Ключевые слова:** историография, конфессия, православие, католицизм, В.М. Игнатовский, М.В. Довнар-Запольский, В.И. Пичета.

This article deals with the analysis of Belorussian 20<sup>th</sup> century researchers' views on the confessional history of our country.

**Keywords:** historiography, confession, orthodoxy, catholicism, V. Ignatovsky, M. Dovnar-Zapolsky, V. Picheta.

Установление советской власти в Беларуси существенным образом повлияло на последующее развитие отечественной исторической науки. Основное внимание исследователей в 20-е – 30-е гг. XX в. фокусируется на изучении социально-экономических и политических аспектов истории Беларуси, классовой борьбы в прошлом. Такая тематическая заданность была обусловлена, по мнению известного историка В. Михнюка, «настоятельной потребностью марксистско-ленинского осмысления» истории белорусского народа в то время [1, с. 202]. Марксистско-ленинская методология постепенно, но неотвратимо приобретает господствующий характер в исследованиях.

Вместе с тем, в условиях политики «белоруссизации» существовала возможность и для изучения иных тем, ставших в дальнейшем «неудобными» в историографии, в частности, конфессиональной истории.

Так, в 1920-е гг. В.М. Игнатовский, занимавший должность председателя Президиума Инбелкульта, а затем главы Академии наук БССР, выпустил книгу «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» [2]. Его работа, выдержавшая впоследствии три издания в БССР и получившая широкое распространение, представляла собой курс лекций, прочитанных для учителей начальных школ [1, с. 215]. Автор не обошёл вниманием на её страницах и сюжеты конфессиональной истории Беларуси. Повествуя о распространении христианства на наших землях, В.М. Игнатовский выделил особенности данного процесса: отсутствие принудительного крещения всех жителей Полоцкого княжества, в отличие от Киева; отсутствие насильственных действий в отношении язычества после принятия властями христианства [2, с. 51–52]. Автор отметил широкую веротерпимость в ВКЛ, существование там двух вер: «усходнехрысціянскай» у славян и «паганскай» у литвинов. В XV в., по его мнению, православная церковь в Литовско-Белорусском государстве отделяется от православной церкви Московского княжества. Именно с этого времени то разрывается, то восстанавливается связь православной церкви ВКЛ с Московским патриархатом [2, с. 110]. В работе обрисована религиозная ситуация на белорусских землях накануне заключения Брестской церковной унии, в частности, кризис православной церкви, вызванный тремя «ударами»: Реформацией, католицизмом, польским политико-социальным влиянием [2, с. 125].

Брестская уния, по мнению В.М. Игнатовского, была своего рода ответным ходом на введение в Москве патриаршества в 1589 г. Он считал, что если бы не реформационное движение в ВКЛ, то уния появилась бы ранее 1596 г. Историк назвал Брестскую унию продолжением Люблинской: принимая униатство, православный житель ВКЛ попадал тем самым под политическое, социальное и культурное влияние Польши [2, с. 116]. Следствием распространения унии явилась деятельность братств, достигшая апогея в XVII в. [2, с. 144]. По мнению В.М. Игнатовского, уния ослабляла белорусский народ: «творчыя сілы, замест таго,

каб будаваць жыццё, траціліся на непатрэбную грамадству рэлігійную барацьбу» [2, с. 125]. Однако совсем иной взгляд был у него на факт ликвидации унии в 1839 г.: «Калі ў свае часы вунія патрэбна была польскаму ўраду, то цяпер яна зусім была непатрэбна рускаму ўраду. Як і ў часы Польшчы, так і цяпер былі знойдзены патрэбныя епіскапы, каторыя і заняліся ліквідацыяй старой вуніі... Зноў пачаліся гвалты. Зноў селяніна прымушалі мяняць веру. А калі ён не хацеў, то яго папросту секлі лозамі і запісвалі ў праваслаўныя. Ясна, якія вынікі маглі быць ад такога наварочвання да праваслаўя» [2, с. 169].

В «Кароткім нарысе гісторыі Беларусі» нашла своё отражение ранняя история протестантизма в Беларуси. Автор считал, что реформационное движение не имело здесь «моцнага ґрунту», было раз'яди́нненым (делилось на множество сект) и в условиях набиравшего мощь после Тридентского собора католицизма не могло противостоять ему. В.М. Игнатовский отметил большую роль иезуитов в борьбе с реформационным течением, проводя аналогию между орденем иезуитов и современными ему партиями [2, с. 118–119].

В рассматриваемый период изучением белорусской истории занимался М.В. Довнар-Запольский. В своём труде «История Белоруссии», запрещённом к опубликованию по политико-идеологическим причинам в 1920-е гг. и впервые опубликованном в сокращённом варианте лишь в 1994 г., учёный изложил свои взгляды на историческое прошлое наших земель [3]. И хотя он во многом отдал предпочтение освещению социально-экономической истории, тем не менее, затронул ряд конфессиональных аспектов. В отличие от В.М. Игнатовского, М.В. Довнар-Запольский отдельно не рассматривал в своей работе процесс принятия христианства в Беларуси, Брестскую церковную унию. Касательно истории ВКЛ М.В. Довнар-Запольский отмечал, что во второй половине XV в. начались «притеснения православия, что вызывало национально-религиозную вражду в недрах Великого княжества», поиск великими князьями компромисса в религиозном вопросе [3, с. 98]. Отдельные параграфы своей работы автор посвятил характеристике положения католической, униатской и православной церквей в Российской империи [3, с. 331–340]. М.В. Довнар-Запольский писал, что Екатерина II и её преемник Павел I «в одинаковой мере терпимо» относились ко всем религиозным течениям. Православная церковь представляла собой «весьма печальное зрелище» в тот период, католическая же церковь фактически была господствующей и до 1830-х гг. «не подвергалась особым гонениям». Восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. вызвали ужесточение мер властей по отношению к католикам [3, с. 337–338]. В своём взгляде на процесс ликвидации унии историк во многом солидарен с представителями российской дореволюционной историографии: он отмечал «естественный переход» в православие десятков тысяч униатов, однако признал и «большое упорство» населения и униатского духовенства в западных регионах Беларуси ликвидации унии [3, с. 336–337].

Ряд сюжетов истории конфессий Беларуси осветил в своих трудах В.И. Пичета, первый ректор БГУ в 1921–1930 гг. В своей работе «История белорусского народа», являвшейся составной частью более обширного научного пособия «Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 г.» [4], он заострил внимание на процессе христианизации, в котором различал формальную сторону (устройство церкви и т.д.) и усвоение христианства как религиозно-нравственной системы. Автор отмечал самостоятельность Полоцкой епископии от Киева, живучесть языческих традиций в Полоцком княжестве [4, с. 23]. Датой окончательного разделения православной церкви ВКЛ с Московской церковью историк назвал 1452 г. В центре внимания В.И. Пичеты также оказались вопросы церковной земельной собственности, системы патроната в православной церкви, деятельность братств [4, с. 54–58]. Одна из глав «Истории белорусского народа» носит название «Католическая реакция и церковная уния» [4, с. 58–61]. По мнению В.И. Пичеты, уния православной и католической церкви была заключена в Риме, а Брестский собор 1596 г. лишь принял унию. Распространение протестантизма в Беларуси было остановлено иезуитами. В.И. Пичета рассмотрел также историю еврейской общины в Беларуси, однако историю оплота еврейства – иудаизма, оставил без внимания [4, с. 63–64].

Отдельным блоком в работе В.И. Пичеты проходит обзор религиозной политики русского правительства. Он отмечает покровительство со стороны Екатерины II православной церкви в

Беларуси, имевшее место насильственное присоединение к православию адептов иных религиозных конфессий. При Павле I наблюдается усиление позиций католической церкви и прекращение «антиуниатской пропаганды». В.И. Пичета не скрывает, что следствием ликвидации унии были имевшие место недовольства населения и «естественный протест» [4, с. 77].

В другой своей работе «Гісторыя Беларусі» исследователь определяет характер христианизации белорусских земель как «поверхностно-принудительный», пишет о её «очень медленных темпах» до XI в. При этом христианство «апаганьваецца і прыстасоўваецца да простага светаразумення» [5, с. 60–61, 91]. Белорусская духовная культура в период с XI–XIV вв. имела церковный характер, но вместе с тем была далека от ортодоксальности в деле толкования Священного Писания. Культурные контакты с Западом являлись проводниками «свежей критической мысли» [5, с. 100]. В данной работе В.И. Пичета называет уже 1467 год как дату полного отделения литовско-белорусской церкви от великорусской. Религиозную политику в ВКЛ он назвал двойственной: с одной стороны, великие князья поддерживали католическую церковь, с другой – не могли игнорировать наличие большой массы православных жителей в стране. В целом, Пичета определяет религиозную ситуацию на наших землях в период ВКЛ как «свободу и религиозное равноправие» [5, с. 150–151].

На страницах «Гісторыі Беларусі» В.И. Пичета затронул также историю протестантизма в Беларуси. Он выделил следующие причины, побудившие магнатов принимать данное направление в христианстве: стремление избавиться от католицизма как проводника польского влияния и секуляризовать земельную собственность католической церкви [5, с. 164–165].

В 1960 г., уже после смерти В.И. Пичеты, вышел сборник его работ [6]. В своей статье «Культура Белоруссии XVI в.» В.И. Пичета пишет о том, что реформационное движение пришло в Беларусь из Чехии, однако не получило здесь широкого распространения. Признавая, что протестантское направление христианства «содействовало развитию индивидуализма литовской знати», В.И. Пичета далее пишет, что «протестантская агрессия была бы опасной для белорусского народа... угрожала потерей своей национальности», обвиняет деятелей протестантизма в осуществлении колонизации [6, с. 678–681].

Знаковым событием в отечественной историографии явилось издание в 1930 г. монографии Н.М. Никольского «История русской церкви» – первой работы в советской исторической науке, где история конфессий освещалась с марксистско-ленинских позиций [7]. Н.М. Никольский, характеризуя языческие верования и культы, нравы и быт славян в дохристианскую эпоху на основе накопленного на тот момент наукой источникового материала этнографического и фольклорного характера, приводит много фактических сведений по Беларуси. Однако на последующих страницах монографии конфессиональная история Беларуси специально не выделяется, «растворяясь» в общем контексте истории православия и старообрядчества на территории Российской империи. Исключение составляет лишь отдельный параграф работы «Миссия и ликвидация унии» [7, с. 284–296]. По мнению автора, заключение унии было вызвано заинтересованностью православного епископата в получении одинаковых прав и привилегий с католическими епископами, а польских и литовских помещиков-католиков – «в лишнем орудии для властвования над православным крестьянством». Униатское духовенство Н.М. Никольский ставил в один ряд с католическим в качестве «оплота панской эксплуатации крестьян» [7, с. 287]. Начало «воссоединения» униатов с православными автор отнёс к 1794 г. Н.М. Никольский, в отличие от дореволюционных историков, считал, что «воссоединение» проводилось принудительными мерами, вызывало бунты крестьян, имело «бумажный» успех и заменяло польско-литовскую эксплуатацию крестьян русской эксплуатацией. При Павле I, вследствие усиления польских панов при дворе и повышения роли Польши в международной политике, процесс «воссоединения» приостановился. Н.М. Никольский не замалчивает участие в деле ликвидации унии шефа жандармов Российской империи А.Х. Бенкендорфа. Последствием «воссоединения» автор назвал поглощение православной церкви государством [7, с. 293–296]. Любопытно, что данный параграф работы Н.М. Никольского не всегда был «удобным» для советской исторической науки. Так, в третьем издании «История русской церкви», вышедшем в 1983 г., редактор Н. Гордиенко попросту убрал данный параграф, мотивируя это тем, что взгляды Н.М. Никольского не отве-

чают «современным взглядам». Лишь в 1990 г. в издательстве «Беларусь» был издан полный вариант работы [8, с. 104].

В целом, повествовательная канва произведения Н.М. Никольского, убеждённого историка-марксиста, занимавшего должность директора Института истории в 1937–1941 и 1944–1953 гг., насквозь проникнута марксистской фразеологией. Мы ставим под сомнение тезис автора о классовой сущности религии, однако считаем его мнение о принудительном характере ликвидации унии объективным, что находит своё подтверждение в исследованиях современных белорусских историков [9].

Таким образом, в 20-е гг. XX в. историко-конфессиональная проблематика, несмотря на приоритетный характер социально-экономических и политических исследований, находила своё отражение на страницах работ известных представителей белорусской исторической науки: В.М. Игнатовского, М.В. Довнар-Запольского, В.И. Пичеты, Н.М. Никольского. В.М. Игнатовский осветил процесс христианизации Беларуси; религиозную ситуацию в ВКЛ, в том числе причины Брестской унии; негативно отзывался о ликвидации униатской церкви в 1839 г.; затронул первоначальную историю протестантской конфессии. Схожий круг вопросов в своих трудах рассмотрел В.И. Пичета, в отличие от В.М. Игнатовского уделивший большее внимание истории Реформации на белорусских землях. М.В. Довнар-Запольский отметил притеснение православных в ВКЛ, охарактеризовал положение православия, католицизма и униатства в Беларуси в конце XVIII–XIX вв. Н.М. Никольский впервые в отечественной историографии написал специальное исследование по истории конфессий с позиций марксистско-ленинской методологии, где в том числе раскрыл своё видение причин возникновения старообрядчества, проблемы ликвидации унии в Беларуси. Вместе с тем, все авторы оставили без внимания историю иудаизма и ислама в Беларуси.

### Литература

- 1 Михнюк, В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) / В.Н. Михнюк; под ред. П.Т. Петрикова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 286 с.
- 2 Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі // Уступ. арт. А.П. Грыцкевіча; Камент. і заўвагі Э.Н. Гнеўкі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1992. – 190 с.
- 3 Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – 680 с.
- 4 Пичета, В.И. История белорусского народа / В.И. Пичета. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003. – 184 с.
- 5 Пічэта, У.І. Гісторыя Беларусі / У.І. Пічэта. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005. – 179 с.
- 6 Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) / В.И. Пичета; под ред. З.Ю. Копысского, В.Д. Королюка, Н.Н. Улащика. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 882 с.
- 7 Никольский, Н.М. История русской церкви / Предисл. А.А. Круглова. – Минск: Беларусь, 1990. – 541 с.
- 8 Драгун, Ю. Уніяцкая царква Беларусі і дзяржаўная палітыка / Ю. Драгун // 3 гісторыяй на «Вы»: Публіцыстычныя артыкулы. Выпуск другі / Уклад. У. Арлова. – Мінск: Маст. літ., 1994. – С. 89–107.
- 9 Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) / С.В. Марозава / Аўтарэф. дысер. на суісканне вуч. ступ. д. г. н. – Мінск, 2002.

УДК 364–056.45(476)

## Социальная поддержка талантливой и одаренной учащейся молодежи в Республике Беларусь (1991–2000 гг.)

И. П. ДМИТРУК

В статье анализируется деятельность государственных органов власти, направленная на создание системы социальной поддержки талантливой и одаренной учащейся молодежи. Нестабильная ситуация первой половины 1990-х гг., вызванная социально-экономическим кризисом в стране, выявила острую необходимость предпринять реальные шаги по поиску, развитию и поощрению молодых талантов, патриотов своей Родины, готовых применить свои творческие и интеллектуальные способности на благо развития страны. Созданные специальные фонды Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи и по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов явились особым резервом в деле финансового и материального поощрения юных дарований.

**Ключевые слова:** социальная поддержка, учащаяся молодежь, специальный фонд, реформа, патриотическое воспитание.

The article analyzes the government bodies' activity directed at creating a system of social support of talented and gifted students. The instability of the first half of the 1990s caused by a socio-economic crisis in the country brought the urgent need to undertake feasible steps in identifying, developing and encouraging young talents and patriots who are ready to apply their creative and intellectual abilities for the good and the development of the country. Special Presidential Funds created for the support of the talented youth and social support of gifted pupils and students have been a specific reserve in the matter of financial and pecuniary incentive of young talents.

**Keywords:** social support, students, special fund, reform, patriotic education.

Молодежь любого государства в перспективе является той движущей силой развития общества, которая в дальнейшем обеспечит его будущее. Молодая, интеллектуальная, прогрессивная часть общества, вобравшая в себя творческий, научный мировой опыт способна в дальнейшем развивать и передавать потомкам все достижения цивилизации. Новое государство, Республика Беларусь, требовало совершенствования системы образования, направленной на выявление и развитие способностей учащихся, их самореализацию, а вместе с этим и поиск творческой личности.

Цель работы: раскрыть причины и проанализировать деятельность государственных органов власти, направленной на создание системы социальной поддержки талантливой и одаренной учащейся молодежи.

Поддержка талантливой молодежи неразрывно связана с патриотическим воспитанием. Патриоты своей страны должны были быть непосредственными участниками ее социально-экономической, политической и культурной жизни. Вопросы, связанные с необходимостью государственных органов власти вырастить и не потерять талантливую молодежь, готовую служить интересам своей Родины, создать для нее благоприятные условия для развития творческого и интеллектуального потенциала, несомненно, являются общественно значимыми и актуальными.

Документы архива Министерства образования Республики Беларусь, текущего архива Брестской области позволили более широко раскрыть направления реализации мероприятий по работе с талантливой и одаренной учащейся молодежью. В материалах научно-практической конференции «Социальная поддержка одаренных учащихся и студентов специальным фондом Президента Республики Беларусь» [1] рассматриваются ход и результаты работы с данной категорией молодежи, осмысливается необходимость создания фонда. При работе над статьей использовались и материалы других источников [5; 8; 9; 16; 23; 24; 27; 32].

Деятельность органов власти в области социальной поддержки талантливой молодежи, включая ее патриотическое воспитание, была напрямую связана с системой образования. На протяжении исследуемого периода ее можно разделить на два этапа: 1991–1995 гг., 1996–2000 гг.

Воспитать высокоэрудированную, творческую личность – задача учебно-воспитательного процесса, берущего начало с детского сада. Школе необходимо было раскрыть творческий и интеллектуальный потенциал учащихся и создать им максимально благоприятные условия для развития. Это проявилось в выявлении, отборе и поддержке на государственном уровне наиболее талантливой учащейся молодежи. Ведь в первую очередь она должна была осознавать себя частью белорусской нации, являться патриотом своей Родины и направлять свои способности на благо ее развития и процветания.

Так, в 1991 г. в стране был принят закон «Об образовании в Республике Беларусь». Закон написан с позиции суверенного государства и декларировал собственную систему образования и воспитания. В нем были сформулированы принципы государственной политики в области образования, одним из которых являлся принцип поощрения таланта и образованности. Для развития творческих способностей учащихся в школах вводились индивидуальные программы, факультативы, а также создавались классы с углубленным изучением отдельных предметов [14]. Уровень образованности учащихся не приравнивался к среднему. Таким образом, в Законе предусматривалась поддержка наиболее способных и их развитие на более высоком уровне.

В Программе государственной молодежной политики на 1993–1994 гг., утвержденной Советом Министров Республики Беларусь в марте 1993 г., для развития творческих способностей детей предусматривалось образовать Национальный детский центр художественного творчества [7, с. 21]. Однако он был создан только в 1996 г. в связи со сложным социально-экономическим положением, в котором находилась Республика Беларусь.

Нехватка финансовых средств, ослабление нравственности и патриотизма, изменение жизненных ценностей не способствовало полномасштабной работе, направленной на развитие и поддержку талантливой молодежи.

Можно выделить несколько причин, повлиявших на становление под государственный контроль проблемы поддержки одаренной и талантливой учащейся молодежи:

- социально-экономический кризис в стране вызвал снижение престижа науки в обществе;
- «старение кадрового потенциала»;
- «утечка умов» в страны Запада, потеря перспективных специалистов.

Так, в 1992 г. на 18% уменьшилось количество научных сотрудников Академии наук Беларуси, в том числе в научно-исследовательских учреждениях и институтах – на 1530 человек. За 1992–1993 гг. из Академии наук уволилось 198 кандидатов наук, 60–70% из них составляла научная молодежь. Сферой ее жизнедеятельности в дальнейшем явилась предпринимательская и коммерческая деятельность, связанная с большими доходами [21, с. 58].

Необходимо было удержать талантливую молодежь, направить ее на путь служения Родине, воспитывая в духе национальных традиций и патриотизма. Отличительной особенностью первого этапа (1991–1995 гг.) являлось то, что деятельность по поддержке одаренной и талантливой учащейся молодежи не была систематизирована. Не было разработано нормативных документов по ее финансовой поддержке. Опыт, наработанный органами власти в 1991–1995 гг., свидетельствовал о том, что для координации и более целенаправленной работы всех звеньев управления, причастных к работе с молодежью, необходимо построение новой системы в работе с талантливой молодежью и ее гражданско-патриотического воспитания. В целях изменения ситуации в стране вырабатывалась политика поддержки белорусской науки, национальной культуры, расширялась сеть гимназий, лицеев, школ с углубленным изучением предметов [2, с. 53].

В конце 1995 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 473 «О поддержке талантливой молодежи Республики Беларусь» [10], в результате чего в начале 1996 г. были образованы специальные фонды Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи [11] и по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов [13].

Целью деятельности первого фонда явилось финансирование мероприятий различных республиканских программ в области культуры и искусства, обеспечивавших поиск, становление и творческое развитие одаренной молодежи [12, с. 2]. Из средств фонда оказывалась помощь в организации обучения творческой молодежи, материальная помощь, выплачивалась стипендия, выделялись финансы на материальные нужды, организацию различных творческих проектов и стажировок. В состав совета фонда входили представители культуры и искусства, Администрации Президента Республики Беларусь, министерств, а также иных заинтересованных из числа учреждений, учебных заведений, организаций [25, с. 728–729].

Целью деятельности специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов явилось финансирование мероприятий, включавших в себя стимулирование интеллектуальной и творческой деятельности молодежи в области образования и науки. В состав совета фонда входили представители Администрации Президента Республики Беларусь, министерств, Академии наук Беларуси, предприятий, учебных заведений, общественных объединений. Средства фонда направлялись на выплату поощрительных стипендий, проведение мероприятий (олимпиад, конференций, конкурсов и т.п.), направленных на выявление талантливой молодежи и развитие ее интеллектуальных способностей, оплату ее обучения, оплату материальной помощи [25, с. 729–730]. Средства фондов образовывались за счет поступлений из резервного фонда Президента Республики Беларусь, добровольных взносов юридических и физических лиц.

Для более плодотворной и интенсивной деятельности фонда в структуре Белорусского государственного института проблем культуры был создан Центр по работе с талантливой молодежью. В его задачи входило выявлять одаренную молодежь, составлять банк данных, учитывать стипендиатов фонда, создавать условия для их творческого развития. Центр пропагандировал передовой педагогический опыт преподавателей, работавших с талантливой молодежью, в рамках Концепции школьной реформы, проводил концерты, конкурсы, организовывал выставки работ стипендиатов [28, с. 47].

Одной из первых акций фонда стало выделение средств на организацию Международного конкурса музыкантов-исполнителей «Фортепиано. Минск-96», проведенного в Белорусской государственной филармонии [6, с. 1]. Его участниками были 82 молодых пианиста из 12-ти государств: Беларуси, России, Украины, Армении, Молдовы, Узбекистана, Латвии, Литвы, Эстонии, а также Японии и Китая. Из средств фонда победителям конкурса были вручены награды и премии от 1500 до 5000 долларов США. Организатору конкурса – Министерству культуры Республики Беларусь – из средств специального фонда было выделено 194 млн. рублей [28, с. 47–48].

В марте 1997 в Барановичах состоялся Республиканский конкурс исполнителей на духовых и ударных инструментах. Среди приглашенных участников были представители из России, Молдовы, Украины. Фондом было выделено 80 млн. рублей на выплаты премий победителям конкурса. В июне прошло торжественное вручение дипломов первым стипендиатам фонда.

Средства фонда направлялись на выплату премий победителям таких мероприятий, как Республиканский конкурс молодых вокалистов им. Л.П. Александровской, Международный конкурс юных пианистов им. И.А. Цветаевой, Международный конкурс «Музыка надежды», Республиканский конкурс учащихся детских художественных школ и средних специальных учебных заведений искусств и т.п. [28, с. 48–49].

Специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи учредил премии победителям литературного конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения А. Мицкевича, конкурса детского рисунка, Республиканского конкурса по созданию фирменного стиля фонда. Профинансировано проведение Республиканской молодежной выставки «Время. Пространство. Личность» [30, с. 1], художественной выставки работ стипендиатов фонда [33, с. 8; 35, с. 4], проведение мастер-класса для студентов Белорусской государственной академии искусств в г. Санкт-Петербурге [28, с. 49–50], а также II Международного конкурса «Музыка надежды» [20, л. 28].

Поквартальные отчеты по выполнению плана работы с творческой молодежью предоставляло Министерство культуры. Совместно с Государственным комитетом по делам мо-



лодежи была проведена Международная благотворительная акция «Чернобыльский шлях – дорога жизни». В рамках акции молодыми талантами дано 46 концертов в 21 районе Беларуси, а также 2 на Украине и 4 в России. Студенты Белорусской академии искусств, Белорусской государственной академии музыки, Белорусского университета культуры, а также учащиеся средних специальных учебных заведений формировались в концертно-творческие бригады и участвовали в «Звездных походах» [19, л. 31–32].

Исполняя план работы с творческой молодежью, на областном уровне были разработаны программы поддержки талантливой молодежи. Так, в Брестской области в соответствии с программой велась работа по выявлению талантливых детей, созданию условий для их творческого роста. В центрах, объединениях, клубах по месту жительства работало более 5 тыс. кружков и секций, в которых занималось около 75 тыс. человек.

При управлении культуры облисполкома была создана комиссия с целью отбора кандидатов на назначение стипендий, оказание материальной помощи из средств специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи. В 1998–1999 гг. стипендиатами фонда стали 18 жителей Брестчины. Управлением образования облисполкома в летний период 1999 г. был организован оздоровительный лагерь для талантливой молодежи, в котором отдохнуло 120 человек [29, л. 7].

С целью изучения культурных традиций белорусского народа проводились «Звездные походы», в которых приняли участие учащиеся средних специальных учебных заведений области. С участием команд Беларуси, России и Украины в г. Дрогичине прошел Международный фестиваль «Полесский КВН», а в г. Бресте 45 молодых талантов приняли участие в Республиканском конкурсе «Поэтический дебют» [4, л. 65].

В 1999 г. решениями совета специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи были утверждены: Положение об оказании материальной помощи талантливым учащимся и студентам, имеющим творческие достижения; Положение о поощрении талантливых учащихся и студентов, имеющих творческие достижения; Положение об экспертно-художественной комиссии специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи.

В этом году были установлены призовые фонды победителям Республиканских конкурсов исполнителей на духовых и ударных инструментах, на народных инструментах имени И.И. Жиновича, Республиканского фестиваля фортепианной музыки [31, с. 3], Международного конкурса юных композиторов имени Ю.В. Семеняко, III Республиканского художественного конкурса.

В 2000 г. фондом было профинансировано проведение Первой Творческой школы в составе 70 юных художников и музыкантов, которые на протяжении 12 дней стажировались у крупнейших мастеров искусств Беларуси; поддержано проведение II Международного конкурса музыкантов-исполнителей «Фортепиано. Минск-2000»; II Республиканского пленэра учащихся средних специальных заведений культуры и искусства. Значительным событием года было проведение в Москве Первых Дельфийских игр. Юным талантам Беларуси фондом была оказана финансовая поддержка, среди них оказались золотые и бронзовые призеры. Итогом проведения выставки работ художественных школ в музее Белорусской государственной академии искусств стало выделение советом фонда грантов в размере 300 тыс. рублей Могилевской, Гродненской, Пинской, Мозырской художественным школам, а также Дзержинской школе искусств. Фондом была оказана поддержка творческим коллективам на приобретение костюмов, музыкальных инструментов, материалов для занятий изобразительным творчеством [28, с. 52–53].

Учитывая, что одним из приоритетных направлений деятельности в работе с творческой молодежью являлось патриотическое воспитание, Государственным комитетом по делам молодежи совместно с заинтересованными были проведены: в Гомельской области – областной фестиваль патриотической песни, посвященный освобождению Беларуси от немецко-фашистских захватчиков [17, л. 11]; Международные и Республиканские фестивали патриотической и авторской песни [18, л. 87].

В Могилевской области в рамках плана мероприятий по поиску и поддержке талантливой молодежи предусматривалось выделение финансирования на поддержку талантливой молодежи, способной приумножать национальное достояние и культуру; учреждение премии имени деятелей науки, искусства, прославивших Могилевщину, лучшим представителям молодежи за особые достижения в учебной деятельности; учреждение специальных призов победителям творческих, научных, спортивных конкурсов и соревнований; оказание адресной материальной помощи [26, с. 4–5].

Таким образом, специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи стал наиболее влиятельной организацией страны в государственном деле поиска и развития творческих способностей молодых талантов.

Таблица. Социальная поддержка талантливой учащейся молодежи

| Год    | Количество стипендиатов фонда | Количество молодежи, которой оказана материальная помощь | Общая численность молодежи, которой оказана государственная поддержка |
|--------|-------------------------------|----------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------|
| 1996   | 28                            | 23                                                       | 51                                                                    |
| 1997   | 51                            | 20                                                       | 71                                                                    |
| 1998   | 63                            | 15                                                       | 78                                                                    |
| 1999   | 136                           | 44                                                       | 180                                                                   |
| 2000   | 116                           | 63                                                       | 179                                                                   |
| Итого: | 394                           | 165                                                      | 559                                                                   |

Как видно из приведенных данных, общая численность молодежи, которой была оказана государственная поддержка, с каждым годом увеличивалась. 1999 и 2000 годы оказались наиболее продуктивными по поощрению молодых талантов (180 и 179 чел.), что свидетельствовало о возрастающей роли государства в деле выявления и поддержки молодых дарований.

Как было отмечено ранее, в начале 1996 г. был создан специальный фонд Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, председателем совета которого являлся ректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, кандидат филологических наук, профессор Авласевич М.А. [13].

Советом фонда была разработана программа деятельности, которая включала следующие направления: учреждение стипендий Президента Республики Беларусь для студентов государственных высших учебных заведений; назначение премий и стипендий школьникам, победившим на республиканских и международных олимпиадах; поощрение студентов и учащихся средних специальных учебных заведений, победивших на республиканских конкурсах по естественным и гуманитарным наукам; оказание финансовой поддержки студенческим научно-исследовательским объединениям и школам, получившим признание перспективными разработками; оказание материальной помощи студентам и учащимся, достигшим высоких показателей в учебе [3, с. 144–145]. Решения совета специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов утверждались Президентом Республики Беларусь.

Так, распоряжением Президента Республики Беларусь от 12 мая 1998 г. № 94рп на январь 1998 г. назначались стипендии Президента в размере 1,5 млн. рублей каждая 88 студентам государственных ВУЗов [3, с. 20–25]. Денежными премиями были награждены: 12 школьников – призеров международных олимпиад выпускников 1997 г. в размере 1,25 млн. рублей каждая; 95 участников международных олимпиад, а также учащиеся, награжденные дипломами I степени на республиканских олимпиадах, в размере 1 млн. рублей; 150 учеников – дипломантов международных конференций, конкурсов, победителей и призеров олимпиад стран-участниц СНГ, учащиеся, награжденные дипломами II степени на республиканских предметных олимпиадах 1997 г., в размере 750 тыс. рублей; 27 учащихся, победивших на олимпиаде в лагере «Зубренок» по математике и физике, а также учащиеся сельских школ, награжденные дипломами III степени на республиканских предметных олимпиадах 1997 г., в размере 500 тыс. рублей. На 1998 г. стипендии специального фонда были назначе-

ны 4 ученикам общеобразовательных учебных заведений – призерам международных предметных олимпиад 1997 г. в размере 500 тыс. рублей [3, с. 26–39].

Распоряжением Президента Республики Беларусь от 5 июня 1998 № 136рп назначались стипендии Президента: в размере 1,5 млн. рублей каждая 81 студенту государственных ВУЗов по результатам зимней экзаменационной сессии 1997/1998 учебного года. Денежными премиями в размере 3 млн. рублей каждая были награждены 7 студентов – победителей республиканской олимпиады по информатике, участников командного чемпионата мира по программированию среди студентов 1997 г.; 6 успешно обучавшихся студентов и 11 учащихся из числа детей-сирот по итогам первого семестра 1997/1998 г. были награждены денежными премиями в размере 750 тыс. рублей каждая [3, с. 49–54].

Распоряжением Президента Республики Беларусь от 9 декабря 1998 г. № 345рп были назначены стипендии Президента в размере 1,5 млн. рублей каждая в сентябре и 2,1 млн. рублей в октябре-декабре 88 студентам государственных ВУЗов по результатам летней экзаменационной сессии 1997/1998 учебного года.

Первой, второй и третьей премиями были награждены учащиеся средних специальных учебных учреждений, победивших на республиканских предметных олимпиадах и олимпиадах профессионального мастерства 1997/1998 учебного года в размере 3 млн. рублей, 2,5 млн. рублей и 2 млн. рублей соответственно каждая. Первой, второй и третьей премиями награждались победители республиканских предметных олимпиад, конкурсов, выставок технического и художественно творчества учащиеся ПТУ (18, 20 и 22 человека) в размере 2 млн. рублей, 1,7 млн. рублей и 1,5 млн. рублей каждая. За высокие показатели в учебе денежными премиями в размере 3,5 млн. рублей каждая были награждены 7 учащихся и студентов [3, с. 55–64].

Распоряжением Президента Республики Беларусь от 6 июля 1998 г. № 172пр первой, второй и третьей премиями были награждены учащиеся (10, 12 и 22 человека) победители республиканских предметных олимпиад и олимпиад профессионального мастерства педагогических колледжей и училищ, проведенных в 1997/1998 учебном году, в размере 3 млн. рублей, 2,5 млн. рублей и 2 млн. рублей каждая. Поощрительные стипендии за успешную учебу на июль-декабрь 1998 г. в размере 250 тыс. рублей каждая получили 4 студента и 11 учащихся-сирот. 5 человек из числа студентов и учащихся были награждены денежными премиями в размере 3 млн. рублей каждая за высокие показатели в учебе [3, с. 74–77].

На реализацию программы специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов было израсходовано: в 1996 г. – 210 млн. рублей, в 1997 г. – 1,18 млн. рублей, в 1998 г. – 3961,5 млн. рублей [3, с. 146].

Распоряжением Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1рп была оказана финансовая помощь в размере 391,1 млн. рублей 5-и перспективным студенческим научно-исследовательским объединениям. За высокие показатели в учебе 35 студентов и учащихся были награждены денежными премиями в размере 3,5 млн. рублей каждая [3, с. 78–80].

Награждения студентов и учащихся должны были быть общеизвестны и поэтому широко информировались в средствах массовой информации.

Непосредственным организатором работы с творческой молодежью являлось Министерство образования, предоставлявшее ежеквартальные отчеты о проведенной деятельности.

В декабре 1998 г. в Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова был проведен «Круглый стол» на тему «Развитие способностей талантливой молодежи», на котором обсуждались вопросы практической, инновационной работы с одаренной молодежью. Его участники вырабатывали основные направления работы по укреплению интеллектуально-творческого потенциала страны [1, с. 7].

Советом специального фонда были представлены наиболее значимые направления для работы с одаренной молодежью: специальная подготовка кадров, создание организационной и методической вертикали, создание региональных и республиканского банков данных одаренной молодежи, школ и классов для одаренных детей [26, с. 10].

Отмечался недостаток системы образования: преподавание обществоведения, в первую очередь на школьном уровне, не вполне удовлетворяло потребности талантливой молодежи в

полноценных гуманитарных знаниях, тем самым не было достаточного интеллектуального творчества в области социальных наук. Поэтому реформа школы была направлена на гуманитаризацию, что способствовало развитию творческих способностей учащихся [3, с. 147–148].

Учитывая опыт «Круглого стола», Президентом Республики Беларусь в 1999 г. были одобрены разработанные при участии членов фонда две комплексные программы: «Общественно-вознанию XXI века – инициативу и творчество талантливой молодежи Беларуси» [22, с. 2] и «Одаренная личность», предусматривавшие решение таких задач, как выявление, обучение и воспитание талантливой молодежи, создание благоприятных условий для развития ее способностей [1, с. 7]. Целью первой программы явилось формирование эффективной системы работы педагогических коллективов с одаренной молодежью в области общественных наук, отвечающей запросам творческой личности, общества и государства [34, с. 7].

Реализовывая программы, фонд финансировал различные мероприятия. Так, в рамках выполнения целевой программы «Общественно-вознанию XXI века – инициативу и творчество талантливой молодежи Беларуси» распоряжением Президента Республики Беларусь от 16 февраля 1999 г. № 39рп на январь 1999 г. были назначены стипендии Президента 88 студентам государственных ВУЗов в размере 3 млн. рублей каждая. Денежными премиями были награждены: 9 школьников – призеров международных предметных олимпиад в размере 4 млн. рублей каждая; 97 учащихся – участников международных олимпиад, а также учащихся, награжденных дипломами I степени на республиканских предметных олимпиадах, в размере 2,5 млн. рублей каждая; 148 человек – дипломантов международных конференций, конкурсов, турниров, олимпиад в размере 2 млн. рублей каждая; 145 школьников – победителей олимпиады в лагере «Зубренок», республиканских конференций, турниров и конкурсов, а также награжденных дипломами III степени на республиканских предметных олимпиадах, в размере 1,5 млн. рублей каждая. Семи школьникам – призерам международных предметных олимпиад были назначены стипендии фонда в размере 1,5 млн. рублей каждая [3, с. 89–117].

На областных уровнях были разработаны и действовали комплексные программы «Одаренные дети», в рамках которых выделялись следующие направления: создание банка данных одаренных детей; создание системы средних учебных заведений нового типа (гимназий, лицеев, школ с углубленным изучением предметов и различными уклонами); подготовка квалифицированных кадров для работы с одаренной молодежью; разработка системы раннего выявления творческого потенциала и одаренности ребенка и т.д. [1, с. 7–8].

В Республике Беларусь на областном, районном и городском уровнях складывалась система поддержки талантливой и одаренной молодежи. Деятельность совета специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов была направлена на решение таких проблем, как выявление и отбор одаренной учащейся молодежи во всех видах учебных заведений и работа с ней [3, с. 146].

За 1996–2000 гг. советом специального фонда, Министерством образования, Администрацией Президента Республики Беларусь проведена большая работа по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов. Были поощрены более 3 тысяч человек. В их числе: студенты государственных ВУЗов, получавших стипендию Президента; студенты – лауреаты республиканских конкурсов научных работ по гуманитарным и естественным наукам, олимпиадам по информатике; учащиеся – победители международных олимпиад; учащиеся школ, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений – победители и призеры республиканских олимпиад и конкурсов; студенты и учащиеся, добившиеся высоких показателей в учебе, среди которых дети-сироты; а также студенческие объединения [1, с. 6].

Таким образом, в 1991–1995 гг. не было создано системы социальной поддержки одаренной и талантливой учащейся молодежи, в том числе ее патриотического воспитания. Органы власти не уделяли достаточного внимания решению этой важнейшей социальной задачи, и основная работа была возложена на педагогические коллективы, общественные объединения.

Тенденция к преодолению такой ситуации проявилась в деятельности органов государственной власти с 1996 г., когда были осуществлены практические меры по разработке и внедрению системы социальной поддержки одаренной и талантливой учащейся молодежи, включая ее патриотическое воспитание, на законодательном уровне. Основными составляющими

этого механизма стали приняты нормативные правовые акты, программно-концептуальное обеспечение, деятельность органов власти, работа педагогических коллективов учебных заведений, идеологическое обеспечение со стороны средств массовой информации.

Так, были созданы два фонда: специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи и специальный фонд Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, финансировавшие мероприятия, участниками которых являлись талантливые и одаренные молодые патриоты своей страны. Стипендиатами первого фонда стали 394 человека, материальная помощь была оказана 165 талантам. Около 3 тысяч человек из числа школьников, учащихся средних специальных и профессионально-технических учебных заведений, студентов получали стипендии, премии за победы на республиканских, международных олимпиадах, республиканских конкурсах, высокие показатели в учебе.

В рамках программ «Обществознанию XXI века – инициативу и творчество талантливой молодежи Беларуси» и «Одаренная личность» создавались благоприятные условия для развития и самореализации способностей творческой личности. Государство выступило в качестве главного организатора в деле социальной поддержки талантливой и одаренной учащейся молодежи. В Республике Беларусь были созданы финансово-материальное, правовое, организационное, методическое обеспечение заинтересованных исполнителей необходимыми средствами и ресурсами.

В целом в республике на государственном уровне складывалась система социальной поддержки одаренной и талантливой учащейся молодежи, что позволило выявить, развить и сохранить интеллектуальный и творческий потенциал страны.

### Литература

1 Авласевич, М.А. Социальная поддержка одаренных учащихся и студентов специальным фондом Президента Республики Беларусь / М.А. Авласевич // Шляхі развіцця інтэлекта і творчасці маладых: матэрыялы рэспубл. навук.-практ. канф. «Работа з адоранай студэнцкай і вучнёўскай моладзю: стан, формы і метады, перспектывы развіцця», Гродна, 5–6 мая 2000 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Гродна, 2001. – С. 5–11.

2 Венгер, Ю.И. Социальная политика государства по поддержке одаренной молодежи / Ю.И. Венгер // Одаренные дети: выявление, обучение, развитие: материалы межрег. науч.-практ. конф., Витебск, 11–12 нояб. 2009 г. / ВОИРО; редкол.: Л.Ю. Слепцова [и др.]. – Витебск, 2010. – С. 52–53.

3 Информационный бюллетень № 1. Сборник материалов специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке учащихся и студентов. – Минск, 1999. – 159 с.

4 Информация о ходе выполнения плана работы с творческой молодежью Брестской области в 1998 г. // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 65.

5 Концепция патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь // Архив Министерства образования Республики Беларусь. – Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 29–38.

6 Лукашенко, А. Участникам Международного конкурса музыкантов-исполнителей «Фортепиано. Минск-96» / А. Лукашенко // Рэспубліка. – 1996. – 8 кастр. – С. 1.

7 Молодежь Беларуси: Информационный вестник / Гос. комитет по делам молодежи Респ. Беларусь. – 1996. – № 1.

8 Молодежь Беларуси: Информационный вестник / Гос. комитет по делам молодежи Респ. Беларусь. – 1998. – № 7.

9 О концепции реформы общеобразовательной школы в Республике Беларусь: Постановление Кабинета Министров Респ. Беларусь, 21 авг. 1996 г., № 554 // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1996. – № 24. – Ст. 621.

10 О поддержке талантливой молодежи Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 20 ноябр. 1995 г., № 473 // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1995. – № 33. – Ст. 801.

11 О специальном фонде Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 янв. 1996 г., № 18 // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1996. – № 2. – Ст. 27.

12 О специальном фонде Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи: Указ Президента Республики Беларусь от 12.01.1996 г. № 18 // Советская Белоруссия. – 1996. – 19 янв. – С. 2.

13 О специальном фонде Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 янв. 1996 г., № 19 // Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1996. – № 2. – Ст. 28.

14 Об образовании в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 29 окт. 1991 г., № 1202-XII // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 33. – Ст. 598.

15 Письмо Государственного комитета по делам молодежи Республики Беларусь в Администрацию Президента Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь от 04.02.1999 № 01-01/78 // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 8–14.

16 Письмо Государственного комитета по делам молодежи Республики Беларусь в Совет Министров Республики Беларусь от 30.06.1998 № 01-06/678 // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 33.

17 Письмо Государственного комитета по делам молодежи Республики Беларусь в Совет Министров Республики Беларусь от 06.06.1999 № 01-06/581 // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 7–16.

18 Письмо Государственного комитета по делам молодежи Республики Беларусь в Совет Министров Республики Беларусь от 05.12.2000 № 01-06/13 // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 87.

19 Письмо Министерства культуры в Государственный комитет по делам молодежи Республики Беларусь от 24.06.1998 № 07-06/2649 «О ходе выполнения плана работы с творческой молодежью» // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 31–32.

20 Письмо Министерства образования Республики Беларусь в Государственный комитет по делам молодежи Республики Беларусь от 24.06.1998 № 21-12/416 // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 27–28.

21 Подгайный, И.В. Актуальные проблемы социализации молодежи / И.В. Подгайный // Праблемы сацыялізацыі дзяцей і падлеткаў у пазашкольным асяроддзі: матэрыялы Міжнар. канф., Мінск, 27–30 мая 1993 г. / Мінскі дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: Г.А. Бутрым [і інш.]. – Мінск, 1994. – С. 58–61.

22 Прэзідэнцкі фонд падтрымлівае ініцыятыву і творчасць // Звязда. – 1999. – 20 лют. – С. 2.

23 Республиканская программа «Молодежь Беларуси» на 1996–1999 гг. // Архив Министерства образования Республики Беларусь. Фонд Департамента по делам молодежи. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 2–40.

24 Сайтов, У.Г. Творческая молодежь в условиях демократизации общественной жизни: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 17.00.08 / У.Г. Сайтов; Акад. общ. наук ЦК КПСС. – М., 1991. – 18 с.

25 Сборник действующих нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь: 1994–2000. – Минск: Национальный центр правовой информации Респ. Беларусь, 2001. – 1120 с.

26 Сборник материалов по поиску, развитию способностей и поддержке талантливой молодежи / Отдел по делам упр. информ. Могилев облисполкома. – Могилев, 1999. – 67 с.

27 Сборник нормативных правовых актов Республики Беларусь по вопросам государственной молодежной политики. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2004. – 156 с.

- 28 Специальный фонд Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи: Информационный бюллетень. – Минск: БелГИПК, 2005. – 80 с.
- 29 Становление государственной молодежной политики и меры по ее реализации на территории Брестской области // Текущий архив отдела по делам молодежи Брестской области. – Д. 1. – Л. 2–7.
- 30 Талантливая молодежь без поддержки не останется // Рэспубліка. – 1998. – 6 ліст. – С. 1.
- 31 Таленавітай моладзі – дзяржаўная падтрымка // Звязда. – 1999. – 12 мая. – С. 3.
- 32 Творческая молодежь – потенциал российской науки: тезисы 9-й краев. науч. конф. школьников по естеств. наукам; редкол.: К.В. Нефедов (отв. ред.) [и др.]. – Владивосток, 2006. – 112 с.
- 33 У таленавітых ёсць фонд // Звязда. – 1998. – 3 кастр. – С. 8.
- 34 Учись, пока молодой. И президентская стипендия тебя найдет // Рэспубліка. – 1 снеж. – С. 7.
- 35 Фонд. Стипендыяты. Выстава // Культура. – 1998. – 10–16 кастр. – С. 4.

УДК 947.0"186":625.1

## Государственная политика в сфере железнодорожного строительства в России в конце XIX – начале XX вв.

С. Б. ЖИХАРЕВ

В статье исследуется еще недостаточно изученная в научной литературе проблема – железнодорожное строительство в России в конце XIX – начале XX вв. как направление правительственной политики. Рассматривается также процесс национализации и укрупнения частных железных дорог государством. В статье ставится общая проблема усиления государственного вмешательства в железнодорожное хозяйство как одна из основных тенденций экономической политики российского правительства в конце XIX – начале XX вв.

**Ключевые слова:** железные дороги, правительственная политика, предпринимательство, частный капитал, акционерная компания, концессия, прибыль, конкуренция, выкуп частных железных дорог государством.

The article devoted to the scantily explored in the scientific literature subject – the railway building in the end of the XIX – beginning XX century as direction of Russian government's policy. Redeeming and enlargement of private railways by the state is analyzed. The article raises a general problem of the strengthening of state intervention into railway transport as one of main tendencies in the economic policy of the government in the end of the XIX – beginning XX century.

**Keywords:** railways, government's policy, undertakings, private capital, share-stock company, concession, profit, competition, redeeming private railways by the state.

В своё время П. Валери заметил: «Сильное государство нас подавляет, а при слабом мы погибнем». Как, впрочем, и во всех сферах жизни, во взаимоотношениях общества и государства особенно важно чувство меры, поиск некой «золотой середины». Как нельзя кстати, поиск баланса государственных и частных интересов был актуален при разработке основ железнодорожной политики в эпоху раннеиндустриальной модернизации России конца XIX – начала XX вв. Именно в это время правительство пыталось создать эффективный «modus operandi», который бы позволил сохранить государственный контроль над железнодорожным строительством и вместе с тем не спровоцировать утечку частных инвестиций из этой чрезвычайно капиталоемкой сферы деятельности. Решение этой сверхзадачи удалось найти министру финансов С.Ю. Витте в создании «гибридной» государственно-частной системы железнодорожного строительства, сочетавшей в себе достоинства каждого из названных элементов. Целью данной статьи является исследование процесса зарождения и складывания основ обозначенной политики в конце XIX – начале XX вв. (до Первой мировой войны), а также оценка степени её эффективности.

90-е годы XIX столетия ознаменовали качественно новый период в железнодорожной политике российского правительства. Его отличительной особенностью можно считать, во-первых, беспрецедентное по своему масштабу железнодорожное строительство, сопоставимое лишь с концессионным периодом второй половины 1860–70-х годов, во-вторых, выкуп частных железных дорог в казну и, в-третьих, завершающую стадию процесса укрупнения частных железнодорожных компаний.

Усиление строительства железных дорог в 90-х годах XIX в. было тесно связано с улучшением общеэкономической конъюнктуры. Исключительный подъем экономики страны в 1890–1900 гг. повлиял на темпы строительства железных дорог. За 1890–1899 годы было сдано в эксплуатацию более 19 тыс. верст новых железнодорожных путей. Причем максимальный годовой прирост пришелся на 1899 год и составил 5,25 тыс. верст (см. табл. 1). В результате в России наблюдалась конкуренция между крупными частными акционерными обществами в постройке максимально возможного количества новых железнодорожных магистралей и ветвей.



Таблица 1

Динамика развития железнодорожной сети России в 90-е гг XIX в.

| Построено<br>железных до-<br>рог (верст) | 1890 | 1891 | 1892 | 1893 | 1894 | 1895 | 1896 | 1897 | 1898 | 1899 |
|------------------------------------------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|
| Государством                             | 299  | —    | 261  | 176  | 77   | 195  | 2250 | 535  | 620  | 1150 |
| Частными<br>акционерными<br>обществами   | 385  | 123  | 192  | 1404 | 1748 | 1691 | 449  | 1402 | 2583 | 4100 |

Источник: [1].

Расширение железнодорожной сети в конце XIX ст. носило преимущественно экстенсивный характер: новые линии сооружались в основном только в тех районах, которые до этого еще не были затронуты железнодорожным строительством. Постройка их вызывалась стратегическими потребностями или нуждами вновь возникавших промышленных районов. Главным направлением для «железнодорожной экспансии» были окраинные районы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. С 1890-ми годами связана постройка самой отдаленной железной дороги – Уссурийской. С 1896 года начинают открываться для движения отдельные участки Сибирской железнодорожной магистрали, а с 1899 года также по частям сдаётся в эксплуатацию Забайкальская линия, как естественное продолжение Сибирской железной дороги. Завоевание Туркестана сопровождалось постройкой Закаспийской железной дороги с доведением ее в 1899 году до Ташкента и Андижана. В 1900 году была открыта стратегическая линия Мерв – Кушка (на границе с Афганистаном). Одновременно осуществляется расширение Закавказской сети, постройка линии Тифлис – Карс и Боржомской ветви [2, с. 21].

Несмотря на крайне высокие темпы железнодорожного строительства в 1890-е гг., Россия заметно отставала от других стран и, в первую очередь, от таких наиболее экономически развитых, как США и Германия, по протяженности железнодорожной сети (см. табл. 2). Занимая территорию около 17% континентальной поверхности земного шара, Россия имела в 1900 г. протяжённость железнодорожной сети 7,1% по отношению к мировой. Только в самом конце XIX в. по длине эксплуатируемой сети Россия догнала Францию и Великобританию. Соединённые штаты Америки так и останутся для России вне досягаемости.

Таблица 2

Прирост железнодорожной сети европейских государств и США в верстах

| Год  | Россия | Австро-<br>Венгрия | Германия | Франция | Великобритания<br>и Ирландия | США    |
|------|--------|--------------------|----------|---------|------------------------------|--------|
| 1892 | 27759  | 25487              | 39859    | 32952   | 30670                        | 245057 |
| 1893 | 29339  | 25957              | 40360    | 33546   | 31155                        | 256198 |
| 1894 | 31122  | 26699              | 40845    | 33980   | 31550                        | 265118 |
| 1895 | 32916  | 27532              | 41472    | 34062   | 31952                        | 268219 |
| 1896 | 33711  | 28669              | 42370    | —       | 32107                        | 274612 |

Источник: [3].

Вследствие непропорционального развития различных регионов Российской империи и военно-стратегического назначения многих железнодорожных линий железные дороги были крайне неравномерно размещены на территории страны. Даже в начале XX в., когда сеть железных дорог России вырастет до 53268 в.<sup>1</sup> (1902 год) [4, с. 38], для полной реализации экономических и военно-стратегических задач государства потребуется её увеличение не

<sup>1</sup> К середине 1902 г. общая протяженность эксплуатируемых железных дорог в России составляла 53268 в., из них 9484 в. с двойной колеёй и строящихся – 8402 в., а всего – 61700 в.

менее чем в два раза [5, с. 38]. По таким важным показателям, как плотность железных дорог на 1000 в<sup>2</sup> территории, их длина в расчете на 1 млн. жителей, Россия существенно уступала всем обозначенным странам (см. табл. 3).

Таблица 3

Обеспеченность европейских государств и США железнодорожными путями сообщений

| Год                                    | Территория<br>(верст) | Население<br>(человек) | Железных дорог приходится на   |                 |
|----------------------------------------|-----------------------|------------------------|--------------------------------|-----------------|
|                                        |                       |                        | 1000 в <sup>2</sup> территории | 1000000 жителей |
| <b>Россия</b> <b>Евро-<br/>пейская</b> | 4855029               | 112920053              | 7.3                            | 313.6           |
|                                        | 14536220              | (1897 год)<br>13464861 | 0.2                            | 203.4           |
| <b>Россия</b> <b>Азиат-<br/>ская</b>   |                       |                        |                                |                 |
| <b>Австро-Венгрия</b>                  | 602294                | 42926978<br>(1890 год) | 47.9                           | 672.1           |
| <b>Германия</b>                        | 475.506               | 52279915<br>(1893 год) | 90.4                           | 821.6           |
| <b>Франция</b>                         | 464.717               | 38517975<br>(1896 год) | 85.1                           | 1027.6          |
| <b>Великобритания<br/>и Ирландия</b>   | 275.469               | 38104975<br>(1891 год) | 116.5                          | 842.7           |
| <b>США</b>                             | 7971777               | 62979763<br>(1890 год) | 34.6                           | 4379.3          |

Источник: [3].

Анализируя динамику роста российской железнодорожной сети во второй половине XIX в., необходимо признать, что ее развитие шло рывками. Массовое железнодорожное строительство в России началось с середины 60-х гг. XIX в. и в целом высокими темпами велось вплоть до Первой мировой войны. Вместе с тем, на протяжении этого продолжительного периода политика правительства по отношению к строительству и эксплуатации железных дорог в России существенно менялась в соответствии с ее финансовым, экономическим состоянием, внешней политикой.

Железнодорожное строительство служило ведущим звеном индустриальной модернизации России и главным рычагом государственного воздействия на экономику. По мнению советского историка И.Ф. Гиндина, «<...> российское правительство на протяжении второй половины XIX века – 1905 года при помощи железных дорог взращивало металлургическую промышленность и транспортное машиностроение. Резкое сокращение строительства в 1904–1910 гг. и крайне низкий уровень сооружения железных дорог в годы нового экономического подъема 1910–1913 гг. вместе с проводившейся экономией в оснащении действующих дорог подвижным составом означали, что правительство прекратило государственно-капиталистическую политику индустриализации страны. В решающем, железнодорожном звене эта политика после 1907 г. исчерпала свои возможности выполнять в сфере экономики общеклассовые задачи» [6, с. 118; 122].

Создание железнодорожной сети в полном смысле слова началось в России с 1868 г. и в дальнейшем носило выраженный циклический характер. Именно в 1868 г. частные компании совместно с государством соорудили 1763 в. рельсовых путей. Причем наиболее активно железнодорожное строительство велось в течение последовавшего пятилетия. В январе 1873 г. длина российской железнодорожной сети насчитывала уже 13526 в. Новые пути сообщения пролегали от Москвы, черноморских и балтийских портов далеко вглубь страны. Во второй половине 70-х гг. рост железнодорожной сети по сравнению с предыдущим пятилетием несколько замедлился, но темпы железнодорожного строительства оставались все еще высокими. К концу 1878 г. общая протяженность построенных железнодорожных линий насчи-

тивала 21099 в. Только с 1879 г. наблюдалось резкое снижение объемов строительства, что было вызвано войной 1877–78 гг., которая привела к значительному снижению импорта капиталов в Россию. К середине 1880-х гг. снова стал просматриваться некоторый рост железнодорожного строительства, достигший своей кульминации в 1886 г. (открыто 1254 в. новых железных дорог). Затем постройка железных дорог снова пошла на убыль, но с 1891 г. возродилась с новой силой и частично продолжалась еще в начале экономического кризиса 1900–1903 гг. Последовавший в период депрессии 1903–1909 гг. спад в сооружении железных дорог еще более усилился в начале промышленного подъема. Строительство железных дорог в России стало вновь усиливаться лишь с 1912 г. [6, с. 120]. Графическое развитие железнодорожной сети в довоенный период может быть изображено в виде гигантских волн, высшие точки которых приходятся на 1870–1871 и 1899 гг.

В начале 1880-х годов правительство России отказалось от концессионной частнохозяйственной системы и перешло к железнодорожному строительству за счет казны, а также приступило к формированию государственного сектора железных дорог путем национализации на основе компенсации бывшим владельцам. Ведущим звеном в цепи кардинальных преобразований на железнодорожном транспорте России было принято огосударствление частных железных дорог. Главными причинами таких радикальных мер были финансовые банкротства и дестабилизация железнодорожного хозяйства, а также военно-стратегические и политические цели государства.

Значительная активизация усилий правительства по огосударствлению частных железных дорог была связана с именем главы финансового ведомства России И.А. Вышнеградского (1887–1892 гг.): у частных обществ было выкуплено 10 линий (5,5 тыс. верст). В конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. приобретение государством частных железных дорог становится неотъемлемым компонентом экономической политики российского правительства. Однако пик национализации частной железнодорожной сети в России начался в середине 1890-х гг. И она стала одним из самых значимых направлений деятельности на посту министра финансов С.Ю. Витте (1892–1902 гг.). Если в 80-х гг. XIX в. основной причиной выкупа были финансовые банкротства и вопиющие нарушения в эксплуатации отдельных железнодорожных линий, то в 90-х гг. XIX в. определяющим мотивом стала централизация сети. С 1893 по 1900 г. в результате ликвидации 21 акционерного общества в собственность государства перешло свыше 14 тыс. верст железных дорог [7, с. 181]. Приобретение железных дорог казной продолжалось в течение 20 лет – с 1881 по 1900 г. В целом, за обозначенный период было выкуплено 37 из 52 частных дорог общей протяженностью около 22 тыс. верст.

Поворот политики в 1880 – начале 1890-х гг. в сторону усиления государственного вмешательства в дела частных железнодорожных компаний воспринимался многими современниками как стремление государства ликвидировать частный сектор железнодорожного хозяйства в России. С предложением концентрации всей железнодорожной сети в руках государства в начале 1890-х годов выступил министр путей сообщения А.Я. Гюббенет [7, с. 236]. С министром солидаризировался государственный контролер Т.И. Филиппов. Тем не менее, прагматично мыслящие государственные деятели понимали, что дальнейшее железнодорожное строительство лишь на средства казны неосуществимо. Активным сторонником смешанной (государственно-частной) системы сооружения железных дорог выступил министр финансов С.Ю. Витте. По этому поводу он писал: «Мудрую политику в железнодорожном деле нужно признать ту, которая соединяет казенное управление с частным, но то и другое в меру необходимости и полезности в данное время. Угадать эту меру, может быть, нелегко, но зато такое сочетание дает наилучшие плоды» [8, с. 349]. Он четко осознавал, что частный железнодорожный сектор, свободный от формальностей казенного хозяйства, способен быстрее адаптироваться к меняющимся условиям. Расчет также делался на то, что крупные частные железнодорожные компании, обладающие значительными оборотными капиталами, смогут быстрее проводить техническое перевооружение собственных линий, а также расширять сеть эксплуатируемых ими железных дорог [9, с. 12]. Таким образом, в 90-е годы XIX века частное железнодорожное строительство снова приобрело равноправный статус с казенным. На его долю приходилось до 55% прироста железнодорожной сети [10, с. 51].

В отличие от первых пореформенных десятилетий железнодорожное строительство теперь опиралось на качественно новую организационно-правовую базу. Постепенно выделялась группа жизнеспособных предприятий, которые не подлежали огосударствлению. По инициативе правительства они были укрупнены за счет поглощения мелких частных дорог и передачи им в аренду отдельных казенных линий. Подобная тенденция наблюдалась и во второй половине 1870-х годов, но наиболее широкий размах она приобрела лишь в 90-х годах XIX в. Слияние железнодорожных обществ сопровождалось концентрацией производства и централизацией капиталов. Политику концентрации на железнодорожном транспорте активно поддерживало правительство. В частности, укрупненным обществам взамен на обязательства построить новые магистрали правительство предоставляло значительные льготы, главной из которых была отсрочка выкупа государством железнодорожных линий, принадлежавших частной компании. Государство выкупало в казну прежде всего железные дороги, примыкающие к западной границе государства (примерно на запад от меридиана, проведенного через Петербург и Одессу), восточная же часть Европейской России была предоставлена в распоряжение частных компаний [2, с. 21].

Строительство новых линий происходило за счет выпуска дополнительных облигационных займов, гарантированных правительством, без увеличения акционерного капитала. Возврат к подобной практике выпуска гарантированных правительством железнодорожных облигационных займов был обусловлен, в первую очередь, позицией по данному вопросу министра финансов С.Ю. Витте. Возглавляемое им в конце XIX в. ведомство фактически держало в своих руках нити управления всем железнодорожным хозяйством России, направляя тем самым экономическую деятельность страны в фарватер общей стратегии национального развития. В частности, Витте был уверен, что даже одновременная выплата всей суммы правительственной гарантии по новым облигационным займам будет несравнимо меньше бюджетных затрат при государственном железнодорожном строительстве.

Энергичное преобразование частных железнодорожных компаний правительством на рубеже 1880–1890-х годов завершилось созданием 6 крупнейших железнодорожных акционерных обществ (Владикавказской железной дороги, Рязанско-Уральской железной дороги, Московско-Казанской железной дороги, Московско-Киево-Воронежской железной дороги, Юго-Восточных железных дорог, Московско-Виндаво-Рыбинской дороги). За последнее десятилетие XIX ст. железнодорожная сеть, находившаяся в эксплуатации обозначенных компаний, увеличилась с 3,6 до 16 тыс. верст, а общая сумма основных капиталов достигла к 1904 году 1,3 млрд. руб. [11, с. 79]. В самом конце XIX в. они превратились в мощные предпринимательские организации, основанные на широком привлечении государственных средств в расширение частной железнодорожной сети.

После выполнения этими шестью акционерными обществами правительственной программы строительства новых железных дорог<sup>2</sup> частное железнодорожное строительство в России с 1904 г. фактически свернулось. Вызвано это было тремя основными причинами. Во-первых, все вышеназванные акционерные общества резко замедлили темпы дальнейшего расширения своих транспортных сетей, так как спрос на железнодорожные перевозки в обслуживаемых ими экономических районах был удовлетворён. Во-вторых, эксплуатация новых рельсовых сетей, особенно в первые годы, отличалась низкой доходностью, что приносило существенные убытки шести акционерным компаниям, которые их строили и эксплуатировали. В-третьих, эксплуатация железнодорожных линий, построенных на негарантированные государством капиталы, первое время не приносила вложившим в них свои средства акционерам ожидаемой прибыли. Кроме того, все акционерные общества испытывали затруднения в выполнении своих обязательств перед правительством: правления этих обществ прекратили выплату процентов по принадлежавшим казне железнодорожным облигациям. В точности повторялась ситуация 1860–1870-х гг., когда государство мирилось с финансовой недисциплинированностью частных компаний и не объявляло железнодорожные общества

<sup>2</sup> Из 15000 верст частных железных дорог, сооружённых за 1893–1903 гг., указанные общества построили 12000 вёрст.

банкротами, опасаясь, что подобная мера закроет путь к привлечению частных инвестиций в железнодорожное строительство в России. Более того, как и в частноконцессионный период постройки железных дорог, правительство предоставляло финансовую помощь оказавшимся в критическом положении железнодорожным обществам.

Важно подчеркнуть, что сам принцип, на котором основывалось формирование структуры основного капитала железнодорожных обществ в конце XIX – начала XX вв. не претерпел кардинальных изменений по сравнению с частноконцессионным периодом постройки железнодорожных дорог в 1860–1870-е гг. Капиталы железнодорожных обществ образовывались, главным образом, путем выпуска акций и гарантированных правительством облигаций. Облигационные капиталы формировались за счет железнодорожных облигационных займов, заключенных преимущественно за границей и входивших в структуру государственного долга. Специфической чертой дореволюционного российского государственного долга следует считать исключительно высокую долю, связанную с обеспечением потребностей железнодорожного транспорта. Если на покрытие общегосударственных потребностей приходилось 65% долга, то на железнодорожные нужды – 35%.

Крупные потери сопровождали размещение железнодорожных капиталов на иностранных фондовых рынках. Весьма значительны были также и суммы, уплачиваемые по займам во время сооружения дороги, так как этого рода платежи входили в капитал сооружения дороги.

Как и прежде, в структуре основного капитала железнодорожных обществ преобладал облигационный капитал. Изменилось только соотношение между акциями и облигациями в пользу последних. Например, в частноконцессионный период 1860–1870-х годов учредитель акционерного общества выпускал акции лишь на 1/3 основного капитала, а остальные 2/3 подлежали реализации в облигациях на иностранных фондовых рынках. Как правило, акции оставались у учредителя, что приводило к образованию фиктивных акционерных обществ. Реальная власть здесь принадлежала одному или группе учредителей, которые от имени «виртуального» общего собрания акционеров определяли всю административную и финансовую стратегию компании. В начале XX в. значение дивидендных бумаг в структуре основного капитала железнодорожных акционерных обществ стало еще более мизерным. С одной стороны, такая ситуация сводила на нет возможность создания и деятельности фиктивных акционерных компаний, а с другой стороны, резко возрастала финансовая зависимость частных железнодорожных обществ от государства, превратившего их в инструмент собственной экономической политики. Так, к 1 января 1914 г. на строительство частных железных дорог было затрачено 1973017 тыс. руб. Из этой суммы только 123360 тыс. руб. или 6,3% составлял акционерный капитал, остальной же капитал был получен путём выпуска облигаций или за счёт ассигнований из госбюджета [12, с. 7].

Государственная политика в области железнодорожного строительства, выработанная С.Ю. Витте в 90-е годы XIX в. и направленная на широкое развитие частного железнодорожного транспорта, была продолжена министром финансов В.Н. Коковцовым<sup>3</sup>. Частному железнодорожному строительству он отводил важное место в своей экономической политике. Однако, как полагает исследователь И.Н. Палтусова, «после русско-японской войны правительство уже не могло ассигновать значительные средства на дальнейшее расширение казенной железнодорожной сети, как в 90-е годы XIX в., и поэтому было вынуждено вновь обращаться к частному капиталу» [12, с. 10]. Подобное утверждение носит далеко небесспорный характер, поскольку еще до русско-японского вооруженного конфликта в правительственных «верхах» вплотную подошли к необходимости снижения размеров государственного финансирования, выделяемого на нужды железнодорожного строительства. Ещё в августе 1903 года на специальном совещании под председательством Николая II состоялось обсу-

<sup>3</sup> В 1904 г. назначен министром финансов, а с 1911 г. одновременно и председателем Совета министров. В 1914 г. уволен Николаем II со всех своих должностей, до февральской революции сохранял звание члена Государственного совета [13]

дение вопроса о дальнейшем строительстве железных дорог за счет средств бюджета. На совещании выяснилось, что продолжение строительства уже начатых железных дорог в 1904 году государством увеличит нагрузку на бюджет на 120 млн. рублей. В предыдущие годы на эти цели выделялись довольно значительные суммы: в 1902 г. – 162 млн. рублей, в 1903 г. – 165 млн. рублей [14, с. 29]. Участники совещания пришли к неутешительному выводу, что продолжать такие ассигнования в дальнейшем нереально. В итоге Николай II потребовал постепенного снижения расходов на эти цели.

Таблица 4

Ассигнования средств государственного казначейства  
на казённое железнодорожное строительство в России

| №             | Годы | Ассигновано по смете чрезвычайных расходов МПС на строительные работы (тысяч рублей) |
|---------------|------|--------------------------------------------------------------------------------------|
| 1             | 1904 | 120437                                                                               |
| 2             | 1905 | 72582                                                                                |
| 3             | 1906 | 42365                                                                                |
| 4             | 1907 | 48355                                                                                |
| 5             | 1908 | 58857                                                                                |
| 6             | 1909 | 59473                                                                                |
| 7             | 1910 | 62237                                                                                |
| 8             | 1911 | 94592                                                                                |
| 9             | 1912 | 109520                                                                               |
| 10            | 1913 | 109859                                                                               |
| <b>Итого:</b> |      | <b>778271</b>                                                                        |

Источник: [14, с. 32].

Из таблицы 4 видно, что снижение размеров государственного финансирования, выделяемого на нужды железнодорожного строительства, носило плавный характер и продолжалось до 1907 года. Затем с 1908 г. суммы ассигнований постепенно возрастали. Однако из-за стремления властей к сбалансированности госбюджета расходы на строительство железных дорог распоряжением правительства даже в период экономического подъема 1909–1913 гг. так и не достигли уровня 1902–1904 гг.

В правительственных сферах становилось очевидным, что сворачивание к 1904 году частного железнодорожного строительства, а также резкое сокращение объемов сооружения железных дорог за счёт бюджетного финансирования затормозит расширение сети железных дорог. Негативные последствия подобной ситуации – замедление темпов экономического развития. Несмотря на интенсивное железнодорожное строительство на протяжении последнего десятилетия XIX века, протяженность усовершенствованных путей сообщения в России была все еще неадекватна потребностям растущей экономики.

В 1903 году на заседаниях «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» улучшение организации хлебной торговли в России тесно увязывалось с необходимостью совершенствования железнодорожного хозяйства. В частности отмечалось, что железнодорожная сеть в России с точки зрения ее оборудования, протяженности и конфигурации не соответствует потребностям промышленности и торговли, которые развиваются значительно быстрее, чем российские железные дороги. Если интенсивность работы железнодорожной сети России составляла 54 млн. пудо-верст грузов на 1 версту, то в Германии и США этот показатель составлял 46 млн., в Австро-Венгрии и Франции – лишь 20 млн. пудо-верст на 1 версту [14, с. 30]. Таким образом, напряженность работы российских железных дорог возрастала гораздо быстрее, чем увеличивалась длина самих дорог. Например, в 1880 г. при длине сети 21 тыс. верст количество перевезенных грузов составляло 454 млрд. пудо-верст, к 1903 г., когда длина сети достигла 51 тыс. верст, то есть возросла в 2,5 раза, объем перевозок по ней увеличился до 2300 млрд. пудо-верст [14, с. 31]. Поэтому Особое совеща-

ние признало, что недостаточное развитие рельсовой сети представляет угрозу для развития как сельского хозяйства, так и промышленности. Среди мер, способных вывести сельское хозяйство и хлебную торговлю из кризиса, предлагалось усилить железнодорожную сеть за счет развития ее провозоспособности, а также благодаря сооружению новых линий. 16 мая 1903 года Николай II утвердил это заключение.

После русско-японской войны правительство взяло курс на сокращение казенного железнодорожного строительства. Вместе с тем, стремясь привлечь частный капитал для финансирования строительства железных дорог, государство с 1905 г. стало на путь прямого покровительства частным обществам, гарантируя платежи процентов по облигационному капиталу и др. [15, с. 578]. Политика, направленная на стимулирование создания частных акционерных обществ, обрела своё реальное юридическое закрепление в специальном законе от 10 июня 1905 г. [16]. В соответствии с этим нормативно-правовым актом, учреждаемым акционерным обществам для успешного железнодорожного строительства, оказывалась финансовая помощь со стороны государства. Правительство гарантировало платежи и погашение по облигациям, в строительный капитал вновь сооружаемых частных железных дорог были включены 3% дохода на акции, выплачиваемые в течение всего периода строительства, устанавливалось пропорциональное деление чистого дохода между акционерным и гарантированным облигационным капиталами, ограничивалась доля участия правительства в прибылях, вновь возникающих частных железнодорожных предприятий, срок их выкупа дорог в казну увеличивался до 25 лет. Предоставляя эти льготы частным железнодорожным обществам, правительство по сути брало на себя значительную долю расходов. Однако только такой ценой можно было быстро привлечь частный капитал в железнодорожное строительство.

Подобная особенность финансового обеспечения частного железнодорожного строительства ещё в концессионный период 1860–1870-х гг. дала основание П.П. Мигулину выдвинуть предположение, согласно которому между частным и казенным железнодорожным строительством в России отсутствовала разница, так как эмиссия облигационных капиталов, гарантированных правительством, – это те же государственные займы [17, с. 47]. Подобное утверждение не корректно, потому что биржевая котировка гарантированных правительством облигаций частных железных дорог не только не совпадала с курсом государственных фондов, но даже котировки облигаций разных обществ отличались в зависимости от успехов или неудач компаний, условий устава и других факторов. С 1904 по 1913 гг. было выпущено железнодорожных облигаций с гарантированным правительством минимальным доходом на сумму в 1 млрд. рублей [14, с. 37], что не оказало негативного воздействия ни на курс российских государственных бумаг, ни на облигации железнодорожных обществ уже котирувавшихся на бирже.

В предвоенный период резко возросла роль банков в создании и становлении частных железнодорожных обществ. Интерес их к частному железнодорожному строительству был вызван прежде всего возможностью получения значительных прибылей при проведении эмиссионно-учредительских операций. Российские и иностранные банки принимали активное участие в финансировании акционерных железнодорожных обществ, в эмиссии и реализации облигационных железнодорожных займов и др. В предвоенные годы более 80% всех частных облигационных железнодорожных займов было реализовано французскими банками. Среди французских банковских структур наибольший интерес к российским железнодорожным ценностям проявляли Banque de Paris et Pays-Bas, Societe Generale, Credit Français. Вместе с тем доля участия французских банков в акционерном капитале русских железнодорожных обществ была невелика и составляла приблизительно 22% [15, с. 578]. Таким образом, контрольные пакеты акций железнодорожных обществ были сосредоточены в руках русских банков. Накануне Первой мировой войны лидерство в осуществлении финансовых операций акционерных железнодорожных обществ принадлежало Русско-Азиатскому и Петербургскому Международному банкам. С Русско-Азиатским банком в учреждении и финансировании ряда железнодорожных обществ сотрудничали Сибирский торговый и Петербургский Частный банки, а с Петербургским Международным – Петербургский Учетный и ссудный.

В период нового экономического подъема 1909–1913 гг. правительство впервые не стало целенаправленно форсировать железнодорожное строительство. Стремление к бюджетному равновесию и созданию денежных и золотовалютных резервов – приоритетное направление в правительственной политике. В связи с этим оно стимулирует дальнейшее развитие железнодорожной сети в форме частного строительства. В итоге возникло до трех десятков новых обществ, которые с 1908 по 1914 г. построили 1460 верст железных дорог. Длина железнодорожной сети на январь 1914 г. составляла 63758 верст (68017 км), не считая 2346 верст Китайско-Восточной дороги и узкоколейных дорог местного значения (частных обществ подъездных путей) общей протяженностью в 2252 версты. Из этих 63758 верст на государственные линии приходилось 44712, на частные – 19046 верст [6, с. 121].

Таким образом, политика государственно-частного железнодорожного строительства могла дать оптимальный результат только при условии неукоснительного и последовательного соблюдения лежащих в её основе принципов, а также при благоприятной макроэкономической ситуации и политической стабильности в стране. К сожалению, ни одно из вышеперечисленных условий в силу причин как субъективного, так и объективного характера не соблюдалось. XX век был ознаменован для России экономическим кризисом и затяжной депрессией, русско-японской войной и общественно-политическим взрывом 1905–1907 гг. Все эти неблагоприятные факторы не позволили добиться максимальной эффективности правительственной политики в сфере государственно-частного железнодорожного строительства в обозначенный период, а значит построить железнодорожную сеть, способную полностью удовлетворить народнохозяйственные нужды страны. Не стоит забывать и о том, что вскоре после отставки С.Ю. Витте с поста министра финансов, железнодорожное строительство постепенно утратило статус ведущего элемента в цепи мероприятий, направленных на форсированную индустриализацию страны. Вызвано это было, по-видимому, еще и тем, что приоритетным направлением в ходе возобновившейся после русско-японской войны и событий революции 1905 года модернизации экономики страны премьер-министр П.А. Столыпин избрал сельское хозяйство. Индустриальный и транспортный сектор народного хозяйства оказались на какое-то время в «периферийной зоне» государственных интересов. По причине того, что аграрные преобразования вышли на первый план в правительственной политике, именно в сельское хозяйство и направлялась львиная доля государственных инвестиций.

### Литература

- 1 Верховский, В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно / В.М. Верховский. – СПб.: Тип. тов-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1899. – 591 с.
- 2 Труды научно-технического комитета народного комиссариата путей сообщения. – Вып. 20. – М.: Транспечать, 1925. – 261 с.
- 3 Статистический сборник Министерства путей сообщения. – Вып. 53. – Сведения о железных дорогах за 1896 г. – СПб.: Типография МПС, 1898.
- 4 Министерство финансов (1802–1902): В 2 ч. – СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. – Ч. 2. – 581 с.
- 5 Чмутов, С.А. Очерк нашего железнодорожного хозяйства / С.А. Чмутов. – СПб.: Типография товарищества «Народная польза», 1907. – 38 с.
- 6 Гиндин, И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте / И.Ф. Гиндин // Вопросы истории. – 2007. – № 1. – С. 100–123.
- 7 Соловьева, А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. / А.М. Соловьева. – М.: Наука, 1975. – 314 с.
- 8 Витте, С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве / С.Ю. Витте. – СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1912. – 568 с.
- 9 Кислинский Н.А., Чегодаев П.В. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: В 4 т. / Н.А. Кислинский, П.В. Чегодаев. – СПб.: Типография Ком-та министров, 1902. – Т. 4. – 419 с.



- 10 Мигулин, П.П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902 гг.): В 2 Ч. / П.П. Мигулин. – Харьков: Типо-литография «Печатное дело», 1903. – Ч. 2. – 348 с.
- 11 Справочная книжка для держателей русских государственных и гарантированных правительством ценных бумаг. – СПб.: Тип. редакции период. изд. М-ва финансов, 1911. – 258 с.
- 12 Палтусова, И.Н. Частные железные дороги России в годы предвоенного промышленного подъема (1909–1913): Автореф. дис. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / И.Н. Палтусова; Моск. гос. ун-т. – Москва, 1986. – 16 с.
- 13 Коковцов, В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания / В.Н. Коковцов – М.: Современник, 1991. – 591 с.
- 14 Краткий очерк развития нашей железнодорожной сети за десятилетие 1904–1913 гг. – СПб.: Тип. редакции период. изд. М-ва финансов, 1914. – 91 с.
- 15 Материалы по истории СССР. – Т. 6 (документы по истории монополистического капитализма в России). – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 709 с.
- 16 О мерах к привлечению частных капиталов к делу железнодорожного строительства в России // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3. – Т. 25. – СПб., 1905. – № 26385.
- 17 Мигулин, П.П. Русский государственный кредит 1769–1899 гг.: В 2 т. / П.П. Мигулин. – Харьков, 1900. – Т. 2. – 578 с.

УДК 94(100) „1918“: 327.5(476:438)

## «Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня»: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г.

А. М. КРОТОВ

В статье рассказывается о возникновении белорусско-польского конфликта в 1918 г. Главной его причиной названы экспансионистские устремления Польши в отношении Беларуси, а также её пренебрежение к национальным интересам белорусского народа.

**Ключевые слова:** Беларусь, Польша, межнациональный конфликт, общественное мнение, оккупация.

The article narrates about the origin of Belarusian-Polish conflict in 1918. Its main reason is named expansion aspirations of Poland in respect of Belarus, as well as its contempt to national interests of Belarusian folk.

**Keywords:** Belarus, Poland, national conflict, public opinion, occupation.

Так уж случилось, что тема белорусско-польского межнационального конфликта растворяется в другой, более широкой теме – польско-советской войны 1919–1920 гг., и выпадает, тем самым, из поля специального интереса исследователей. Между тем, представляется очевидной важность научного изучения этого конфликта, ибо в нём впервые за всю историю белорусско-польских отношений белорусский народ выступил как самостоятельный участник исторического процесса. В его лице поляки столкнулись не с «этнографической массой», подлежащей ассимиляции, не с «тутэйшыми», о которых с покровительственным умилением писали польские авторы, изображая пасторальные картины бытия на белорусско-литовских креслах, а с молодой, пускай ещё и не вполне сложившейся европейской нацией, устами лучших своих представителей заявлявшей о твёрдом намерении создать собственное независимое государство и занять достойное место в послевоенной Европе.

В эпоху развала империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской), когда воплощались вековые чаяния многих народов на обретение или восстановление собственной государственности, и у белорусов появился, казалось бы, реальный шанс создать собственное государство. Но во время польско-советской войны, в которой вновь проявило себя многовековое противостояние России и Польши, хотя и принявшее, по крайней мере, со стороны России новые идеологические формы, этот шанс был утрачен. Вновь столкнувшиеся на белорусском геополитическом поле давние враги, старые хозяева белорусских земель и вершители судьбы белорусского народа, не проявляли склонности к уважению его национально-политических интересов в текущий исторический момент и обошлись без учёта последних при заключении Рижского мирного договора в марте 1921 г.

В то же время, ради справедливости следует отметить, что белорусы в большинстве своём ещё были далеки от решения (и даже понимания) тех задач, которые ставила перед ними история. Мечты о независимом белорусском государстве были мечтами небольшой группы белорусских политиков и деятелей культуры, зарождавшейся национальной элиты, которая, возможно, и оказалась бы способной привнести в жизнь белорусского народа обновленческие тенденции, если бы не стечение неблагоприятных внешних факторов.

Очевидно, что и после провозглашения 9 марта 1918 г. Белорусской Народной Республики, подавляющее число белорусов находилось вне активной борьбы за независимую Беларусь. Это, в конечном счёте, во многом и обусловило политическое поражение БНР. Но российские большевики, поняв, что идея создания белорусского государства, однажды появившись на свет, не будет забыта, решили взять инициативу в свои руки, и попытались подчинить её своим интересам. ЦК РКП (б) принял решение об образовании Белорусской Советской Социалистической Республики, а 1 января 1919 г. она была провозглашена официально. Факт её провозглашения

являлся тактическим маневром российских большевиков – сторонников унитарного коммунистического государства. Очередным таким маневром, предпринятым уже в ходе польско-советской войны, стало провозглашение Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики в феврале 1919 г.

Нельзя не отметить, что, в отличие от советской России, всё-таки затеявшей игру в строительство белорусского государства, Польша от каких-либо проектов, способствующих материализации идеи создания белорусского национального государства, в конечном счёте, отказалась вообще. Присоединения к Польше белорусских (и украинских) земель стали добиваться все её политические силы без исключения и обосновывали его «историческим правом». Это «право», в свою очередь, поляки объясняли следующими аргументами: культурным капиталом, который вкладывался сюда на протяжении столетий; присутствием польского элемента, от которого нельзя было отречься; тем, что Польша пролила за Беларусь много крови и, наконец, заинтересованностью костёла [1]. Правда, между Пилсудским и эндецией существовали противоречия о характере включения этих земель в состав Польского государства. Эндеция во главе с Р. Дмовским в основу определения границ ставила исторический принцип (восстановление с частичными изменениями границ 1772 г.) и стремилась к прямой инкорпорации этих земель [2]. Пилсудский был настроен менее жёстко. Он предлагал планы создания в Восточной Европе широкой федерации государств под гегемонией Польши. В первом – так называемом «большом» – предусматривался антибольшевистский союз всех национальностей бывшей царской империи, с перспективой свободного самоопределения каждой из них по окончании войны. В другом – так называемом «малом» плане – предусматривался раздел спорных территорий между Польшей и Россией на основе плебисцита, проведённого под международным контролем. В «большом» плане Пилсудский давал белорусам шанс на самоопределение, независимо от скептицизма, с которым он относился к их государственным способностям. В «малом» – считал целесообразным поддержку белорусизма, однако только на территории Минщины, как средства предохранения против России. Он говорил: «В так называемой Беларуси будет или польскость, или российскость. Всякая поддержка белорусизма искусственно его создаёт, однако мы не сможем дать ему этим силу. Потому, в целях победы над российскими влияниями, с ним надо маневрировать» [3]. Какое-то время Пилсудский не отдавал предпочтения ни одному из своих планов. А потом он и вовсе от них отказался – в конце 1920 г. у него укоренилось убеждение, что белорусские политики не представляют серьёзного политического партнёра и потому на них можно вообще не обращать внимания [3].

Белорусские «незалежники», чьи политические амбиции сильно пострадали от действий большевиков, попытались поверить в добрые намерения Польши, но очень быстро в них разочаровались. Польские политики сделали всё для того, чтобы превратить деятелей БНР в их отношении к Польше в реалистов. Не последнюю очередь в этом сыграло и поведение поляков на белорусских землях.

Анализируя ситуацию, в которой в массах белорусского населения стал формироваться негативный образ поляка, нельзя забывать, что поляки всегда считали Беларусь частью Польши, и потому притязания белорусов на независимость вызывали во всех кругах польского общества настороженность, быстро перерастающую в национальную неприязнь. Ещё в мае 1916 г. в польской печати высказывалось следующее мнение: «Будет ли белорусская нация ... в отношении к нам, полякам, такой же борющейся, как украинцы и литовцы, – не будем гадать. Мы имеем ... достаточно времени, чтобы найти в этом народе в отношении себя благожелательность через культурное с ним сотрудничество. Движение это следует изучать честно и без предубеждений» [4]. Но уже через полтора года газета «Nowa Reforma», обращаясь к этой теме, констатировала не без тревоги, что возрождающийся к новой жизни белорусский народ, «впервые заявляет, что является... господином и хозяином той земли, которую поляки издавна называли Польшей» [5]. В середине января 1918 г. газета „Godzina Polski” писала о Вильно и о белорусско-литовских кресах: «Отторжение этого польского очага от воскресшего государства стало бы ударом в самое сердце народа. Именно так, а не иначе ощутил бы это весь польский народ. Именно на этом ощущении в дальнейшем строились бы его политические устремления» [6].

Даже слабая поддержка белорусского национального движения внешней силой – командованием германских оккупационных войск – вынуждала поляков проявлять в отношении его серьёзную настороженность и видеть в нём потенциальную угрозу делу восстановления польского господства на креслах. Газета «Naprząd», например, писала: «Издаваемая через Ober-Ost белорусская газета «Гоман» (выходила с 15.02.1916 г. до конца 1918 г. в Вильно на белорусском языке с разрешения германских оккупационных властей и пропагандировала «незалежницкие» идеи – А.К.) проводит острую антипольскую агитацию. «Гоман» убеждает читателей, что независимая Польша – государство «панско-шляхетское», что Временное правительство является «панским правительством», а литовские поляки – это «приблуды и всякого рода самозванцы». Местных (кресовых. – А.К.) поляков «Гоман» характеризует как охваченных бешеным национализмом, а всякие разговоры об объединении Литвы и Польши трактует, как «позор», «бесстыдство», «предательство» [7].

Расчеты поляков на то, что белорусский народ – «тёмный, несознательный, неграмотный, не имеющий понятия, что такое «национальность», «национальная борьба», «национальное сознание», ... который заботится лишь о том, чтобы хорошо жить, потреблять и потому не думает ни о каком ином деле» [8], останется и в текущий исторический момент, как это не раз было в прошлом, в стороне от решения судьбы своего отечества и своей собственной, не оправдались. Насколько не совпадали позиции сторон, свидетельствует заочная полемика «Dziennika Poznańskiego» и «Гомана». Так, например, «Dziennik Poznański» заявил, имея в виду пассивность и малую значимость белорусов в обустройстве кресов, что «в Беларуси имеются условия для жизни, но благодаря иным национальностям, её населяющим» [8]. «Гоман», в свою очередь, заключает: «Польский народ относится к нам не как «сестра» к «брату», а как «волк» к «овце». И если теперь Польша, в значительной мере силами наших людей, добыла свободу..., то вместо благодарности не только ни разу не попыталась нам помочь, но, ещё даже не успев организовать, как следует, хочет прибрать наш край под своё шляхетское владычество. Этим она предала не только этот край, но и шумно воспетый польский демократизм – «за нашу и вашу волю». Неудивительно, что наш демократический народ отвернулся от такой «сестры» [7].

«Гоман» не стремился выдавать желаемое за действительное. Он лишь констатировал те разительные перемены, которые произошли за 1918 г. в отношении белорусов к Польше и полякам, заявил о том, что уже появилась эмоционально-психологическая основа для негативного и даже враждебного восприятия ими поляков и так называемой „польскости”.

Видели это и сами поляки. Газета „Głos Narodu”, например, отмечала: „Отношение белорусского населения к польским хозяевам недоброжелательное, а вернее плохое. Ухудшилось оно ещё и по причине образования польского корпуса на Беларуси и вследствие желания получить компенсации за опустошения, произведенные в польских имениях белорусами” [9]. Газета имела в виду 1-й польский корпус под командованием ген. Довбор-Мусницкого, сформированный в июле 1917 г. на русско-германском фронте с согласия русских военных властей, и который в первой половине 1918 г. действовал на территории Беларуси (в районе Рогачёв – Жлобин – Бобруйск – Минск) против советских войск – сначала самостоятельно, а затем под началом германского командования.

Деятелей БНР очень беспокоило то обстоятельство, что в условиях германской оккупации и при поддержке оккупационного командования (на которую они сами, между прочим, рассчитывали) на территории Беларуси действует польское военное формирование, ставившее перед собой цели и задачи, противоречащие интересам белорусского народа и, прежде всего, осуществлению его национально-освободительных устремлений [10, с. 2].

27 августа 1918 г., после поражения на Западном фронте, Германия подписала дополнение к Брестскому мирному договору, предусматривающее досрочную эвакуацию немецких войск с территории между Днестром и Березиной. Учитывая активность поляков и большевиков, можно было не сомневаться, что они, конкурируя между собой, постараются заполнить образующийся вакуум власти. Ситуация неуклонно развивалась в сторону конфликта.

Газета „Czas” в это время писала: „Новость, что немецкие войска должны оставить восточные поветы Белой Руси, вызвала среди местных крестьян брожение, которое привело к кровавым беспорядкам» [11]. Для подтверждения своих слов она приводит жуткую цитату из

„Kurjera Polskiego”: „На пограничье Минской и Могилевской губерний темная толпа, рекрутированная из местных политизированных крестьян, напала на фольварк, принадлежащий пану Камеровскому, убила хозяина и гостившего там художника Якубантиса. Затем (напавшие – А.К.) отрубили своим жертвам головы, а окровавленные туловища усадили возле стола, поставив перед каждым тарелку с его головой. Никому... не разрешали похоронить мёртвые тела” [11]. Далее, развивая тему, „Czas” сообщает: „Оргия ненависти и уничтожения гораздо шире, чем доносят слухи. Она начинает сотрясать край. Один двор за другим делается жертвой огня. С каждым днём растёт число жертв, принявших мученическую смерть от рук убийц... (называются имена погибших поляков – А.К.)” [11].

Газета „Naprzód” сообщала новые подробности о происходившем в эти дни: „Как только слухи об уходе немцев из Белой Руси дошли до крестьян, тут же начались убийства и грабежи. Крестьяне Борисовского повета (Минская губерния) и Сенненского (Могилёвская губерния) напали на имения Лисичин и Хоминьских, разграбили всё дочиства, постройки сожгли, а хозяев в Лисичине и проводивших там время гостей в количестве 9 человек, надругавшись сначала над женщинами, убили одним и тем же способом – отрубили головы” [12].

Процесс ухудшения белорусско-польских отношений ускорился в первой половине ноября 1918 г. Его катализировали события, буквально окрылившие поляков: революция в Германии, подписание германским командованием акта о капитуляции в Компьене, передача Регентским советом власти Пилсудскому и восстановление независимости Польши.

Мобилизация общественного мнения Польши в защиту польского населения и польских интересов в Беларуси, проводившаяся в предшествующие месяцы, приняла гораздо более активный характер – предстояла борьба за Беларусь с большевистской Россией, в которой интересы самих белорусов не брались в расчёт.

„Kurier Lwowski” вносит новую лепту в возбуждение в польских массах вражды к белорусам: “В Сенненском и Борисовском поветах... все имения разграблены и уничтожены в течение двух дней. Кто из жителей смог, бежал в Минск. Кто не смог убежать, был убит самыми гнусными способами. Так, например, у хозяев имения Дудари вырезали кожу с мясом на зашейке, а рану засыпали солью. Раненых и покалеченных... топили в пруду, добивали ногами или разрывали на куски... (Поляки – А.К.) обратились за помощью к немцам, но те отказали. Только через несколько дней пришли два эскадрона гусар, которые ... сожгли дотла 17 деревень и арестовали крестьян. За три дня суды в Бобрах и Борисове приговорили к смерти свыше 200 крестьян” [13].

В нагнетавшейся в польской прессе антибелорусской истерии утонули трезвые голоса, которые раздавались в ней годом ранее и призывавшие при анализе событий на креслах учитывать, что во внутренних губерниях России подобных злодейств было несравнимо больше. Так, например, „Dziennik Miński”, рассказывая о самовольных вырубках леса белорусскими крестьянами (тема вырубки леса преобладает в большинстве воспоминаний о революционных событиях в Беларуси – А.К.), заключал: „Люди уничтожают лес без всякого плана, среди бела дня, считая, что это совершенно естественно. Это общая болезнь. И надо быть очень довольным, что здесь не происходит того, что в Центральной России, ...где насилия, поджоги, убийства являются обычным делом” [14].

Но поляков, теперь, видимо, совершенно не заботило то, что происходило где-то там, в России. Их интересовало будущее кресов, точнее – своё будущее на креслах. Они внушали себе, что в данный исторический момент именно им, а не кому-то, придётся взять на себя ответственность за судьбу Беларуси и сделать всё возможное, чтобы не допустить её выпадения из сферы польских национальных и государственных интересов. Ну а карательные акции немцев служили своеобразным «мастер-классом» для тех, кому предстояло после их ухода «спасать» Европу от «большевистской заразы».

На фоне эвакуации немецких войск с территории Беларуси меняется и тон польских изданий. Газета „Czas” ответственно заявляет: „Польскость, которую не сумели задушить Новосильцев, Муравьёв, Коханов, Клигенберг и другие преследователи нашего народа, гибнет сегодня от рук диких большевистских орд. В Лепельском и Сенненском поветах, в которых эвакуация (немцев – А.К.) закончилась, ...поляки всех слоёв уничтожаются самыми зверскими

способами: им отрезают уши и носы, сажают на кол, закапывают живьём, а тех, кому даруют жизнь, отвозят в специально созданные для этих целей концентрационные лагеря, в которых несчастных ждёт новая опасность убийств и насилий. Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня. Так гибнут поляки, гибнет национальная собственность» [15].

„Dziennik Poznański” публикует обращение представителей польского кресового совета в Беларуси Леона Лубеньского и Эдмунда Ивашкевича к Регентскому Совету, доживавшему свои последние дни: „В мучительнейших страданиях в умах и сердцах наших рождается вопрос, с которым к тебе, наша Наивысшая Национальная Власть – Наидостойнейший Регентский Совет, обращаем надежды наши! В эту историческую минуту, которая принесла польскому народу удовлетворение всех обид, причинённых Польше тремя её разделами, в момент реституции государственных прав Речи Посполитой Польской – Ты единственная, в силу исторических прав, уполномочена стать в защиту ставших жертвой анархии кресов. К тебе тянутся руки польского кресового населения с уверенностью, что сделаешь всё, что в твоих силах, чтобы защитить кресы от убийств, пожаров и уничтожения. Так как мы уполномочены говорить от имени польского населения восточных кресов, то считаем своим долгом заявить, что мысли и надежды наши в равной мере разделяются широкими массами населения кресов, которые в согласии и порядке, в спокойном и упорном труде видят основы прогресса, культуры и благополучия края» [16].

Данный факт свидетельствует о том, насколько тревожной была атмосфера на кресах. Польский этнический элемент, удельный вес которого был довольно велик, имевший к тому же достаточно высокий социально-экономический статус и развитый уровень национального самосознания, не желал сидеть «сложив руки» и ждать, когда его положение ещё больше ухудшится в результате возвращения на «его кресы» русских, да ещё к тому же и русских-большевиков. Ситуацию, когда власть пришлось бы оспаривать у белорусов, польские кресовые политики всерьёз рассматривать не желали – слишком невероятным это казалось. Хотя факт существования белорусского национального движения, пусть и не такого развитого, например, как украинское, не лишённый раз напоминал им о недопустимости каких бы то ни было проявлений нерешительности или толерантности в отношении его.

Ещё в феврале 1918 г. в Люблине для обороны польских интересов на «кресах восточных» была создана такая общественно-политическая организация, как Стража Кресова (Straż Kresowa, с 21.09.1920 её официальное название – Towarzystwo Strazy Kresowej, TSK). Возникла она в связи с передачей германской военной администрации Украине территории Хелмщины. Тот факт, что первый статут TSK был утверждён в Люблине австрийскими военными властями, сам по себе о многом говорит. На самом деле интересы и сфера деятельности Стражи Кресовой были куда шире: «Защита Хелмщины и Подляшья от угрожающих последствий Брестского трактата, содействие развитию польской культуры и польских влияний на кресах, а также на территориях, находящихся к востоку от границ польского государства, для тесного единения с Польшей территорий, культурно и экономически к ней тяготеющих» [17]. В данной статье не рассматривается дальнейшая эволюция Стражи Кресовой, хотя нельзя не отметить, что основные её тенденции проявились уже в 1918 г., и, прежде всего, превращение TSK в орудие правительственной политики колонизации. Учитывая сложность исторического момента и непростые отношения с местным непольским населением, весьма заметной в деятельности TSK становится военно-патриотическая составляющая – её стараниями создаются отряды «самообороны», ведётся активная пропагандистская работа.

Осенью 1918 г. Литовской комиссией в Варшаве и Польским народным советом белорусских земель (такие советы создавались при содействии TSK – А.К.) был организован Комитет обороны кресов. Действовал он, главным образом, на территории Новогрудчины [18]. Главным результатом его работы стало создание Литовско-Белорусской дивизии, командир которой, ген. Л. Желиговский, в октябре 1920 г. по приказу Пилсудского инсценировал бунт и захватил Виленщину [19, 20, 21].

Тревожные опасения в отношении Польши и её кресовых намерений в конце 1918 г. стали высказывать некоторые белорусские политики и публицисты. Например, Константин Езовитов (деятель Белорусской партии социалистов-федералистов) в изданной им в 1919 г.

книге «Белорусы и поляки» писал: «Уже с первых дней Великой Российской революции, как только стало возможно открыто выступать на митингах и собраниях, красивая скорлупа лживых польских фраз раскололась и обнажила чёрный «орешек» их недвусмысленных намерений. Ораторы всех партий и направлений единодушно закричали о «великой Польше» в границах 1772 г.; о беспросветной темноте белорусов, литовцев и украинцев; о необходимости для них стать под «штандарт» белого орла; о польской народности и интересах на «кресах восточных»... и о присоединении их к Польше. Пресса и широкие общественные круги подхватили этот шовинистический вопль» [22, с. 17].

Автор изданной в 1921 г. в Белостоке брошюры «Наша крыўда», опираясь на последний опыт белорусско-польских отношений (с 1918 г. — исключительно негативный), с болью заявил: «Со стороны Польши идёт один обман, одно предательство, одно злодейство. Еще никто и никому в мире не сделал столько несчастий и обид, сколько причинила белорусскому народу Польша. За всё время нашей соседской и совместной жизни мы видели и видим со стороны Польши одну клевету на наш народ, одно издевательство, одни пытки» [23, с. 4–5].

Итак, 1918 г. стал печальной вехой в белорусско-польских отношениях. За этот год произошло то, чего не могли добиться российские власти за предшествующие полтора века — эти отношения из добрососедских трансформировались в неприязненные и даже враждебные. Главным виновником разгоревшегося конфликта следует признать Польшу, которая в новых исторических условиях попыталась реанимировать Речь Посполитую. Но если Первая Речь Посполитая была добровольным союзом народов, то во Вторую поляки стала сгонять эти народы силой. Белорусские „незалежники” не смогли вовремя распознать истинные намерения Польши и надеялись, что возрождённое польское государство вступит на политическую арену как союзник и защитник белорусов. Но, как оказалось, поляки благородством себя обременять не стали и польстились на «лёгкую добычу». А. Цвикевич писал: «Польша была для нас примером — «распятая на кресте» — была старшим братом в трудной борьбе, придавала сил и веры. Мы имели надежду, что вместе с её свободой придёт также свобода и для нашего народа. И что вышло? Пришла свобода, пришла революция, возродилась Польша и ... начала гулять по телу Беларуси польская нагайка... Хуже всего то, что случилось это так неожиданно» [24, с. 61]. Пока же белорусские политики определялись с мнением и искали более или менее корректную форму его выражения, экстремистские силы начали действовать. И хотя у этой борьбы была, конечно же, своя социальная подоплёка, польская пропаганда сделала всё, чтобы представить её в гораздо более выгодной правящим кругам Польши и понятной польской общественности версии национального противостояния.

### Литература

- 1 Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. — Мінск; Вільня; Берлін: Вываленне, 1921. — 191 с.
- 2 Srebrakowski, A. Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja / A. Srebrakowski. — Wrocław: Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 1993. — 145 s.
- 3 Chojnowski, A. Zasady Białoruskiej polityki Piłsudczyków / A. Chojnowski // Polska — Polacy — mniejszości narodowe. — Wrocław: Ossolineum, 1992. — S. 269–278.
- 4 Sprawa białoruska // Archiwum Akt Nowych (AAN). — Plik 100. — Dział L.B.U. II. Ib. — L. 60/2.
- 5 Bartoszewicz, K. Polskość Białorusi / K. Bartoszewicz // Nowa Reforma. — 1918. — 24 grudnia // AAN. — Plik 100. — Dział L.B.U. II. Ia. — L. 51.
- 6 Wilno (Słowo w sprawie granic Polski) // Godzina Polski. — 1918. — 16 stycznia // AAN. — Plik 100. — Dział L.B.U. II. Ia. — L. 44.
- 7 Antypolska agitacja „Homana” // Wyątek z gazety „Naprzód” — bez daty // AAN. — Plik 100. — Dział L.B.U. II. 2a. — L. 439/2.
- 8 Białoruś, jej prądy i nadzieje // Dziennik Poznański. — 1918. — 4 sierpnia // AAN. — Plik 100. — Dział L.B.U. II. 1c. — L. 382.
- 9 Na Białorusi // Głos Narodu. — 1918. — 24 sierpnia // AAN. — Plik 100. — Dział L.B.U. II. 2b. — L. 484.

- 10 Łuckiewicz, A. Polska okupacja na Białorusi / A. Łuckiewicz. – Wilno: Drukarnia Kooperacyjnego Stowarzyszenia „Druk”, 1920. – 19 s.
- 11 Rzeze na Białoruśi // Czas. – 1918. – 20 sierpnia // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 262.
- 12 Mordy na Białej Rusi // Naprzód. – 1918. – 21 sierpnia // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 266.
- 13 W czadzie krwi // Kurier Lwowski. – 1918. – 3 listopada // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 272.
- 14 Ziemiaństwo a rabunki leśne // Dziennik Miński. – 1917. – 1 listopada // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 249/2.
- 15 Mord i pożoga na Białoruśi // Czas. – 1918. – 28 października // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2/2 – L. 280.
- 16 Odezwa // Dziennik Poznański. – 1918. – 23 października // AAN. – Plik 100. – Dział L.B.U. II. 2h. – L. 282.
- 17 AAN. – Teka 70 (Komitet Wykonawczy Towarzystwa Straży Kresowej. Informacje o ziemiach Wschodnich). – L. 75.
- 18 Ibidem. – L. 77
- 19 Вакол авантуры Жэлігоўскага // Савецкая Беларусь 1920. – 30 кастрычніка. – С. 2.
- 20 Вакол авантуры Жэлігоўскага // Савецкая Беларусь 1920. – 31 кастрычніка. – С. 1.
- 21 Вакол авантуры Жэлігоўскага // Савецкая Беларусь 1920. – 2 лістапада. – С. 2.
- 22 Езовитов, К. Белорусы и поляки / К. Езовитов. – Ковно: Изд-во им. Ф. Скорины, 1919. – 124 с.
- 23 Лесавік, В. Наша крыўда / В. Лесавік. – Беласток: Беларускае выдавецтва, 1921. – 16 с.
- 24 Wróbel, P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej i Polska / P.Wróbel. – Warszawa: Wyd-wo Un-tu Warszawskiego, 1990. – 110 s.



УДК 94(470)“1917/1918”:323.17(470:477)

## Пачатак савецкай нацыянальнай палітыкі: украінскі рубеж

Р. Р. ЛАЗЬКО

Рассматривается политика Советской России в отношении Украины в первые месяцы советской власти. Автор приходит к выводу, что Украина послужила полигоном для выработки методов политики, направленной на фактическое подчинение Россией национальных окраин при их формальной независимости как советских республик.

**Ключевые слова:** Советская Россия, 1917 год, политика, Украинская Народная Республика, Советская Украина.

Soviet Russia policy towards Ukraine during the first months of the Soviet Power is considered in the article. The author comes to the conclusion that Ukraine served as a testing area for working out political methods aimed at the actual subordination of Ukrainian outlying districts being formally independent as Soviet republics to Russia.

**Keywords:** Soviet Russia, politics, the Ukrainian People's Republic, Soviet Ukraine.

Україна была адным з тых раёнаў былой Расійскай імперыі, дзе рэчаіснасць прымусіла большавіцкі ўрад з першых дзён яго існавання перайсці ад лозунгаў да справы ў нацыянальнай палітыцы. Асноўным кампанентам гэтай рэчаіснасці было хуткае фарміраванне тэндэнцыі да страты Расіяй Украіны на аснове рэалізацыі ёю права народаў на самавызначэнне – ідэі, адкрытымі прыхільнікамі якой заўсёды былі большавікі. Даследаванне нацыянальнай палітыкі расійскага большавіцкага ўрада на ўкраінскім геапалітычным полі ў першыя месяцы савецкай ўлады стварае выдатную магчымасць выявіць адпаведнасць гэтай ідэі як прапагандысцкага лозунга рэальным мэтам нацыянальнай палітыкі большавікоў, прасачыць фарміраванне яе механізма і нават заўважыць непасрэдня паралелі з іх палітыкай адносна Беларусі.

Україна – гэта вялізная ва ўсіх адносінах частка Расійскай дзяржавы, дзе знаходзіўся шэраг яе важных эканамічных раёнаў, яе выхад да паўднёвых мораў, стратэгічныя граніцы. Галоднай і халоднай зімой 1917–1918 гг. немагчыма было абыйсціся без украінскага хлеба і вугалю. Кантроль над Украінай меў і вялікае палітычнае значэнне, з’яўляючыся крытэрыем здольнасці большавікоў падпарадкаваць сабе Расію ў цэлым і пашыраць яе ўплывы за этнічна рускія межы, хоць бы і пад сцягам сусветнай рэвалюцыі. Па ўсіх гэтых прычынах большавіцкаму ўраду нельга было страціць Украіну. А сітуацыя вяла якраз у гэтым накірунку. Абвясціўшы 7(20) лістапада Украіну самастойнай народнай рэспублікай (УНР), украінская Цэнтральная Рада паспяхова стварала атрыбуты нацыянальнай дзяржаўнасці. Яна ўжо далёка прайшла па шляху стварэння адной з апор гэтай дзяржаўнасці – нацыянальнага войска<sup>\*</sup>, 16 лістапада прыняла закон аб выбарах ва Украінскі ўстаноўчы сход на аснове ўсеагульнага, роўнага і прамога выбарчага права пры тайным галасаванні [12, с. 223]. Інакш гаворачы, яна поўным ходам рэалізавала лозунг аб нацыянальным самавызначэнні. Пры гэтым украінскія лідары не адмовіліся ад ідэі федэрацыі ўсіх дзяржаўных утварэнняў на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, настойваючы, аднак, на тым, што кіраваць ёю мусіць федэратыўны орган, які будзе абাপірацца на ўсе сацыялістычныя партыі, існаваўшыя на гэтых тэрыторыях. 23 лістапада Генеральны сакратарыят (уряд) УНР звярнуўся да існаваўшых рэгіянальных урадаў і Саўнаркама Расіі з прапановай пачаць у Кіеве перагаворы аб стварэнні на гэтай аснове ўрада федэратыўнай Расійскай рэспублікі [15, с. 136]. Трэба прызнаць, што, з фармальнага пункта гледжання, гэтым зваротам была дапушчана грубая нетактычнасць, бо цэнтральны Расійскі ўрад быў

<sup>\*</sup> Якое, праўда, як паказалі блізкія падзеі, было ненадзейным, бо стваралася, у асноўным, шляхам “укранізацыі” стомленых вайной часцей старой рускай арміі.

пастаўлены на адзін узровень з нядаўна ўзнікшымі рэгіянальнымі ўрадамі. Аднак прапанова не магла быць прынятая ленінскім урадам па іншай, прынцыповай прычыне: большавіцкае кіраўніцтва толькі што адкінула ідэю аб кааліцыі сацыялістычных партый пры фарміраванні савецкага ўрада ў Петраградзе. Прыняць гэту ідэю як палітычную аснову федэрацыі яно не магло, бо гэты крок дэзавуіраваў бы яго палітыку. Не магло яно прыняць яе і таму, што не ўпэўнена было ў сваёй здольнасці кантраляваць федэратыўныя органы. Такім чынам, як прызнаваў Сталін, гэта было пытанне аб уладзе [12, с. 7–8], ды не толькі на Украіне, але і ва ўсёй Расійскай федэрацыі, калі б дайшло да яе стварэння. Так узнік канфлікт, ад вырашэння якога залежаў лёс будучай федэрацыі – не толькі яе форма, але і яе рэальны палітычны змест.

Зразумела, савецка-ўкраінскі канфлікт нельга зводзіць да дзвюх названых найбольш істотных яго прычын. Побач дзейнічалі іншыя, але яны былі малаістотнымі або наогул надуманымі, як, напрыклад, папрокі ў адрас Рады ў дэзарганізацыі фронту з-за адклікання ёю на Украіну украінізаваных часцей. Больш дэзарганізаваць фронт, чым гэта рабілі самі большавікі, было немагчыма. Праўда, аднак, што Саўнаркам некаторы час стрымліваў гэты канфлікт, рабіў нават добразычлівыя жэсты ў адносінах Украіны накшталт рашэння аб вяртанні з Петраграда ў Кіеў украінскіх гістарычных рэліквій. Такая пазіцыя была выклікана ўсведамленнем слабасці ўплываў большавіцкай партыі на Украіне, за выключэннем некалькіх усходніх і паўднёва-ўсходніх раёнаў. Гэта паказалі вынікі выбараў у расійскі Устаноўчы сход, прайшоўшыя 12 лістапада. У цэлым па Украіне РСДРП(б) атрымала на гэтых выбарах толькі 10% галасоў, у той час як мясцовыя сацыялістычныя партыі, якія аб'ядноўваліся Радай, – 75% [15, с. 69]. Рада ў шэрагу раёнаў рэальна ажыццяўляла ўладу, у тым ліку ў Кіеве, і не саступала яе саветам. У такой сітуацыі ЦК РСДРП(б) вырашыў дзейнічаць “ціхай сапай”, імкнучыся “растварыць” арганізацыі Рады ў саветах (выраз запазычаны намі ў І.В. Міхуцінай – гл. [14, с. 81]. Відавочна, гэта тактыка абапіралася на ўдалы вопыт дзейнасці РСДРП(б) у аб'яднаных (з меншавікамі) партыйных арганізацыях і ў саветах вясной – летам 1917 г.). Рашэнне аб прымяненні гэтай тактыкі, відавочна, было прынята ЦК 17 лістапада і знайшло адлюстраванне ў размове Сталіна па прамым провадзе з членам Генеральнага сакратарыята УНР Н.В. Поршам. У ёй удзельнічаў і член Кіеўскага камітэта РСДРП(б) С. Бакінскі. Сталін напамніў, што пазіцыя РСДРП(б) па нацыянальным пытанні была вызначана Красавіцкай партыйнай канферэнцыяй, якая прызнала за нацыямі права на аддзяленне і стварэнне самастойных дзяржаў. А цяпер Саўнаркам быў гатовы пайсці далей і падтрымаць ідэю Расійскай федэратыўнай рэспублікі, калі б за яе выказаўся Украінскі нацыянальны сход. Ен тут жа дадаў, што “ўлада ў краі, як і ў іншых абласцях (па-за Украінай – Р.Л.) павінна быць у руках усёй сумы рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў, уключаючы сюды і арганізацыі Рады” [14, с. 52]. Гэта азначала, што Саўнаркам згадзіўся б на федэрацыю з такой Украінай, у якой прабольшавіцкія саветы былі б дапушчаны да ўлады. Бакінскаму Сталін перадаў даручэнне ЦК РСДРП(б) узяцца за скліканне з'езда “прадстаўнікоў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Украіны... зразумела, сумесна з Радай”. Калі ж Рада адмовілася б, то неабходна было склікаць яго і без Рады [2, с. 537–538]. Як відаць з кантэкста размовы і наступных дзеянняў большавікоў Паўднёва-Заходняга краю (іх абласная арганізацыя з цэнтрам у Кіеве), у гэтым выпадку Саўнаркам быў гатовы разглядаць гэты з'езд як Устаноўчы сход Украіны, з якім належала мець справу. У Петраградзе спадзяваліся, што гэтаму з'езду ўдасца перахапіць уладу ў УНР.

Выконваючы даручэнне ЦК партыі, украінскія большавіцкія арганізацыі разгарнулі падрыхтоўку агульнаўкраінскага з'езда дэпутатаў і прызначылі яго на 4 снежня. Каб мець поўную гарантыю свайго поспеху на з'ездзе, за некалькі дзён да яго адкрыцця кіеўскі камітэт РСДРП(б) па прапанове Л. Пятакова вырашыў выставіць Радзе ультыматум з патрабаваннем саступіць уладу большавіцкаму Ваенна-рэвалюцыйнаму камітэту, а ў выпадку яе адмовы – скінуць Раду ўзброенай сілай. Аднак Рада апырэдзіла большавікоў, правяла арышты іх лідэраў і раззброіла значную частку прыхільных ім рэвалюцыйных войск [15, с. 153]. У наступныя дні Рада не пакінула большавікам ніякіх шансаў пры абранні дэпутатаў з'езда саветаў, зусім не цырымонячыся пры гэтым з працэдурай. Іх прадстаўнікі не былі нават дапушчаны ў прэзідыум з'езда [14, с. 81].

Ленінські Саўнаркам кінуўся дапамагаць сваім украінскім таварышам. 3 снежня, напярэдадні адкрыцця з'езда, ім быў прыняты “Маніфест Савета народных камісараў да ўкраінскага народа з ультыматыўным патрабаваннем да Украінскай Рады”, напісаны Леніным з удзелам Троцкага і Сталіна. У гэтым маніфесце, з аднаго боку, СНК прызнаў “Украінскую Народную Рэспубліку, яе права зусім аддзяліцца ад Расіі або ўступіць у дагавор з Расійскай Рэспублікай аб федэратыўных і да таго падобных узаемаадносінах паміж імі”. Прызнаў менавіта існаваўшую Украінскую Народную Рэспубліку, рэспубліку Цэнтральнай Рады, бо іншай і не існавала [14, с. 59; 11, с. 8; 10, с. 100]. Факт характэрны. Ён сведчыць аб тым, наколькі шырока быў гатовы манеўраваць ленінскі ўрад, каб пакінуць для сябе канал уплыву на Украіну. Прызнанне УНР мусіла давесці ўкраінскім сялянам, інтэлігенцыі, што СНК выступае не супраць самастойнай Украінскай рэспублікі, ён выступае толькі супраць формы ўлады, якая там склалася. І гэта быў другі бок маніфеста. У ім Рада была абвінавачана ў правядзенні “двухсэнсоўнай буржуазнай палітыкі”, якая змусіць Саўнаркам аб'явіць “без усялякіх ваганняў вайну ёй” [8, с. 144], калі яна на працягу 48 гадзін не прыме наступныя патрабаванні: адмовіцца здымаць украінізаваныя часці войск з фронту; перастане прапускаць праз сваю тэрыторыю казацкія часці на Дон, на Урал; будзе садзейнічаць барацьбе з контррэвалюцыяй на Доне; перастане раззбройваць савецкія часці на Украіне [8, с. 145]. 4 снежня ультыматум быў накіраваны Радзе. На наступны дзень Саўнаркам разгледзеў адказ на яго, прызнаў яго нездавальняючым і вырашыў, што Рада знаходзіцца ў стане вайны з Савецкай Расіяй [15, с. 160]. У гэты ж дзень Саўнаркам прызначыў Ул. Антонова-Аўсеенку арганізатарам узброенай барацьбы супраць Рады [4, с. 14].

Аднак з тактычнага гледжання ўзнікшая сітуацыя была не настолькі адназначнай, каб Саўнаркам адважыўся адкрыта ініцыяваць развязванне вайны з Украінскай Народнай Рэспублікай. Яму пагражала небяспека апынуцца ў нявыгаднай для яго ролі душыцеля самавызначэння ўкраінскага народа. Улады УНР, са свайго боку, не жадалі вайны, таму адправіўшы Саўнаркаму цвёрды адказ на яго ультыматум, яны прынялі захады, каб загладзіць канфлікт шляхам перагавораў. Іх даручана было весці Украінскаму рэвалюцыйнаму штабу Петраградскай краёвай вайскавай рады [3, с. 117]. У святле кампраміснай пазіцыі УНР было відавочна, што Расіі не ўдалося пазбегнуць палітычна нявыгаднай для яе сітуацыі. Сталін прызнаваў у друку, што атрымліваў у тыя дні “мноства рэзалюцый і лістоў” ад украінцаў [6, 13 дек.; 12, с. 6], аўтары якіх патрабавалі ад яго тлумачэнняў дзеянняў Савецкай Расіі. На працягу снежня наркаму па справах нацыянальнасцей давялося неаднойчы публічна – у друку і на пасяджэнні УЦВК – ад імя ўрада апраўдвацца перад абвінавачаннямі ў тым, што канфлікт узнік на грунце барацьбы ўкраінскага народа за самавызначэнне. “Гэта няправільна, – казаў Сталін на пасяджэнні УЦВК 14 снежня. – Рада прапануе ўстанавіць у Расіі федэратыўны лад. А Савет Народных камісараў ідзе далей Рады, аж да аддзялення” [12, с. 15–16]. Такім чынам, бальшавіцкі ўрад прадстаўляў сябе ў ролі ўстановы, якая жадае ўкраінскаму народу большай палітычнай свабоды, чым ён сам быў гатовы ўзяць.

На самай жа справе выйсце з гэтай далікатнай сітуацыі да таго часу было ўжо знойдзена. Яно заключалася ў расколе Украіны шляхам стварэння яе савецкага – бальшавіцкага – антыпода і ўзброенага падаўлення радаўскай нацыянальнай Украіны пад сцягам гэтай бальшавіцкай, прарасійскай Украіны.

Відавочна, гэта задача была ўсвядомлена не пазней 4 снежня, калі стала ясна, што ўкраінскім бальшавікам не ўдалося падпарадкаваць сабе агульнаўкраінскі з'езд дэпутатаў рад (саветаў), каб пачаць “растварэнне” арганізацый Рады ў саветах. Бальшавікі пакінулі гэты з'езд і перабраліся на ўсход, у Харкаў, дзе разам з дэлегатамі пралетарскай і адначасова прарасійскай Крыварожска-Данецкай вобласці правялі асобны з'езд, на якім аб'явілі аб пазбаўленні Украінскай Цэнтральнай Рады ўладных правоў і стварэнні новых, савецкіх органаў улады [5, с. 61–64; 2, с. 594]. Харкаўскі і расійскі савецкія ўрады 13–16 снежня абмяняліся прывітаннямі. Заўважым, што фармальнага прызнання Савецкай Украіны з боку ленінскага ўрада не спатрэбілася, на яе было перанесена прызнанне УНР, аформленае ў маніфесце 4 снежня.

Стварэнне ўкраінскага савецкага ўрада дало бальшавіцкаму ўраду Расіі палітычны грунт для ўжо пачатай ім барацьбы за фактычнае падпарадкаванне Украіны ўзброенай сілай.

З Масквы, Петраграда, Беларусі ў накірунку Харкава пачалі сцягвацца падначаленыя Антонову-Аўсеенку сілы. Спачатку яны былі невялікія і па сваёй якасці мала прыгодныя для энергічных наступальных дзеянняў. Антонову-Аўсеенка ў сакрэтных данясеннях Леніну падрабязна дакладваў, як дабіваўся павышэння іх баяздольнасці [1, с. 26–29, 30–32]. Аднак слабасць ваенных сіл не стала галоўнай перашкодай на шляху падпарадкавання Украіны. Галоўная праблема знаходзілася ў палітычнай сферы – менавіта ў тым, каб прадставіць развязаную супраць Украіны вайну ў якасці барацьбы ўкраінскага народа супраць буржуазнай Украінскай Рады. Дзеля гэтага давялося рашыць некалькі задач: па-першае, прыняць ідэю Украіны з тым яе тэрытарыяльным зместам, які адстойвала УЦР, гэта значыць, якая ўключала не толькі 5 губерняў Цэнтральнай Украіны, але і 4 паўднёва-ўсходнія губерні. Ленін быў першым з большавікоў, хто засвоіў гэту ідэю, але ўвесці яе ў свядомасць яго ўкраінскіх таварышаў, асабліва з усходніх губерняў, было нялёгкай справай. “Для большасці членаў нашай партыі, – пісаў пазней М. Скрыпнік, адзін з лідараў ўкраінскіх большавікоў, – Украіна як нацыянальная адзінка не існавала. Была Маларасія, неразрыўная частка адзінай непадзельнай Расіі...” [11, с. 291]. За гэтым прыватным, на першы погляд, пытаннем аб тэрытарыяльным змесце паняцця “Украіна” стаяла праблема карэннага значэння, здольная вызначыць поспех барацьбы за Украіну – задача “укранізацыі” большавіцкіх арганізацый Украіны, набыцця імі здольнасці выступаць у якасці ўкраінскай палітычнай сілы, каб супрацьстаяць у гэтай ролі левым украінскім партыям, аб’яднаным вакол УЦР. Гэта задача ўскладнялася неабходнасцю рашаць яе такім чынам, каб не дапусціць аслаблення кантролю з боку петраградскага (потым маскоўскага) Цэнтра над ўкраінскімі большавікамі. Рашэнне было знойдзена ў тым, каб даць фармальна самастойнай Сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі Украіны правы “мясцовай, абласной – па сутнасці справы” арганізацыі РСДРП(б), падпарадкаванай яе ЦК і Статуту [9, с. 125; гл. таксама 13, с. 223–224]. Гэта многааспектная задача аказалася настолькі няпростай, што да яе практычнага рашэння ўкраінскія большавікі прыступілі толькі вясной 1918 г., калі з’явіўся новы магутны фактар, які пачаў штурхаць іх у адпаведным накірунку – германская акупацыя Украіны. Падпісаўшы ў Брэсце мірны дагавор з Германіяй, Савецкая Расія не магла весці з ёю адкрытую барацьбу, тым больш на Украіне, незалежнасць якой прызнала ў снежні 1917 г. Неабходнасць для Савецкай Расіі палітычнай шырмы, якая б прыкрывала гэту барацьбу, зразумелі нават самыя артадаксальныя большавікі з Паўднёва-Усходняй Украіны. Такой шырмай і стала Савецкая Украіна з фіктыўна самастойнай правячай у ёй ўкраінскай камуністычнай партыяй.

Але да таго часу, як барацьба супраць акупантаў завяршылася ачышчэннем Украіны ад германскіх войск, амаль на працягу года Савецкая Расія вымушана была праводзіць палітыку дзвюх Украін: уступіла ў перагаворы з УЦР, некаторы час супрацоўнічала з ёю на Брэсцкай мірнай канферэнцыі, наладжвала адносіны, але паралельна вяла барацьбу з гэтай жа Украінай пад сцягам і за спіной Савецкай Украіны. Гэта палітыка адносна Украіны выдатна ілюструе беспрынцыпны характар савецкай нацыянальнай палітыкі, падпарадкаванай задачы ўстанавлення (або вяртання) улады ў нацыянальных раёнах і перанясення рэвалюцыі на новыя тэрыторыі. Украіна паслужыла палігонам для выпрацоўкі метадаў гэтай палітыкі і набыцця неабходнага вопыту, які іншы раз аўтаматычна пераносіўся ў рэчаіснасць суседняй Беларусі.

### Літаратура

- 1 Большевикское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. документов. – М.: Росспэн, 1996.
- 2 Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сб. док. и материалов в 3 т. Т. 2: октябрь – декабрь 1917. – Киев: Госполитиздат Украины, 1957.
- 3 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. – Т. 5: Октябрь 1917 – июль 1918. – М.: Изд-во политической литературы, 1974.
- 4 Директивы Главного командования Красной Армии. – М.: Воениздат, 1969.
- 5 Документы внешней политики СССР. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. – Т. 1.

- 6 Известия, 1917.
- 7 Ленин, В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. – М.: Росспэн, 1999.
- 8 Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – Т. 35.
- 9 Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 – февр. 1918). Сб. документов. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957.
- 10 Свердлов, Я.М. Избранные произведения / Я.М. Свердлов. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 2.
- 11 Скрипник, М. Статті й промови / М. Скрипник. – Т. 1: Пролетарська революція на Україні. – Харків: Державне вид-во України, 1930.
- 12 Сталин, И.В. Сочинения / И.В. Сталин. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. – Т. 4.
- 13 Кульчицкий, С.В. СССР в 1917–1922 годах: характер и пределы советской национальной государственности / С.В. Кульчицкий // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М.: Наука, 1999.
- 14 Михутина, И.В. Украинский брестский мир / И.В. Михутина. – М.: Изд-во “Европа”, 2007.
- 15 Політична історія України: XX століття. – У 6 т. – Т. 2: Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920). – Київ: Вид. “Генеза”, 2003.
- 16 Резнт, О.П. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр. / О.П. Резнт, О.С. Рубльов. – К.: Видавничий дім “Альтернативи”, 1999.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 11.01.10

## Влияние международного фактора на политику советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1917–1929 гг.)

А. Д. ЛЕБЕДЕВ

Специфика положения РКЦ в БССР 1917–1929 гг. заключается в наличии руководящего центра за границей (Ватикан), поэтому события, происходившие на международной арене, оказывали непосредственное влияние на положение и на политику советской власти в отношении этой церкви.

**Ключевые слова:** церковь, Ватикан, советская власть, БССР, международные отношения.

The specificity of the Roman Catholic Church position in the BSSR in 1917–1929 was closely related to the activity of the foreign supervising center (Vatican), therefore events occurred on the international scene made their direct impact on the position and the Soviet government's policy concerning this church.

**Keywords:** church, Vatican, the Soviet state, the Belarusian SSR, the international relations.

В начале XX века католичество было третьей по значимости конфессией в Беларуси после православия и иудаизма. Тогда насчитывалось 3 тысячи православных церквей, 704 синагоги и 113 костелов [1, с. 6]. На территории белорусских губерний действовали Виленская и Могилевская архиепархии, а с 1917 г. была восстановлена Минская диоцезия (ликвидирована по решению российских властей в 1869 г.) [2, с. 180]. В рамках Российской империи Римско-католическая церковь (РКЦ) относилась к разряду «терпимой», в то время как лидирующее положение занимало православие.

После Октябрьской революции 1917 г. резко изменилось положение всех церквей, в том числе и католической. Пришедшие к власти большевики приняли новое конфессиональное законодательство, которое носило противоречивый характер. С одной стороны, в соответствии с декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г., уравниваются в правах все религии и церкви, а в соответствии с Конституцией БССР 1919 г., признавалась свобода религиозной пропаганды. Однако, с другой стороны, в соответствии с новыми законами, церковь лишалась статуса юридического лица, производилась национализация её церковного имущества, запрещалось преподавание религиозных предметов в школе и ведение метрических книг, «монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков» лишались избирательных прав и т.д. [3, с. 373, 374; 4, с. 188; 5; 6, с. 12; 7, с. 30; 8, с. 192].

8 апреля 1929 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», в котором слово «*церковь*» даже не упоминалось. Новый закон был направлен преимущественно на регламентацию и контроль деятельности религиозных объединений. В нём в очередной раз повторялись уже существующие нормы и положения, изложенные в предыдущих законодательных актах. Также появляется запрет на проведение благотворительной и культурно-просветительской деятельности религиозных обществ [9, с. 250–261].

Таким образом, советское конфессиональное законодательство было направлено на вытеснение институтов РКЦ из привычных сфер культурной, общественной и экономической жизни, на правовую дискриминацию духовенства, на установление контроля и регламентацию деятельности религиозных объединений.

Специфика существования РКЦ в БССР заключается в том, что, кроме советского законодательства, на её положение значительную роль оказывали события, происходившие на международной арене. Основными субъектами (участниками) этих событий были Ватикан, Советская Россия (с 1922 г. – СССР), Польша, в меньшей степени – Литва, Латвия и другие европейские государства.

Целью данной статьи является анализ изменения положения РКЦ в БССР 1917–1929 гг. под влиянием событий, происходивших на международной арене.

Задачи статьи: а) проследить эволюцию взаимоотношений руководства Ватикана и Советской России; б) выяснить, каким образом эти отношения отразились на политике советской власти в отношении РКЦ.

Отношения Ватикана и руководства Советской России изначально складывались не просто, т.к. для этого имелись определенные предпосылки. Уже в XIX веке сформировались взаимные абсолютно антагонистические взгляды руководства РКЦ и идеологов коммунизма. Так, папа Пий IX в своей энциклике 1846 г. «*Qui pluribus*» («Сколь многих») осудил коммунизм как греховную «отвратительную доктрину», противоречащую естественному праву [10, с. 51; 11, с. 108]. В 1864 г. им же была выпущена энциклика «*Quanta Cura*» («Окружное послание») и приложенный к ней «*Syllabus errorum*» («Перечень заблуждений»), в которых осуждались социализм и коммунизм. Последние были названы «гибельными заблуждениями» и «язвами» [12; 13]. Это неприятие было взаимным. Отношение идеологов марксизма-ленинизма к религии можно охарактеризовать как критическое, местами переходящее в нетерпимое [14, с. 3–5, 9, 12, 17; 15, с. 14–15]. Например, В.И. Ленин в своих публицистических произведениях и переписке неоднократно высказывал негативное отношение как к религии, церкви и духовенству в целом, так и католицизму в частности [16, с. 209; 17, с. 400; 18, с. 226–227].

К Февральской революции Ватикан отнесся положительно – с надеждой на уравнивание прав различных церквей и конфессий. Этому способствовала отмена всех «вероисповедных» ограничений, провозглашенная Временным правительством в «Обращении к гражданам» и в специальном постановлении «Об отмене религиозных и национальных ограничений». Более того, при МВД была создана специальная комиссия, которая должна была пересмотреть действовавшее в Российской империи законодательство в отношении РКЦ. 14 июля 1917 г. Временное правительство издало декрет «О свободе совести», где в очередной раз провозгласило принципы веротерпимости и свободы вероисповедания, но при этом РКЦ по-прежнему сохраняла свое господствующее положение [8, с. 176–177].

Октябрьскую революцию руководство РКЦ приняло неоднозначно. С одной стороны, отмена привилегий по религиозному признаку и окончательное уравнивание в правах всех конфессий, в том числе и православной, вызвало положительную реакцию со стороны РКЦ. Однако, с другой стороны, национализация имущества (храмов, земель, денежных вкладов), а также вытеснение церкви из системы образования, лишение ее статуса юридического лица – все это вызвало протесты руководства РКЦ. Уже 26 июля 1918 г. митрополит Э. Ропп обратился в Ватикан с просьбой «предпринять шаги по защите имущества Римско-католической церкви в России» [8, с. 186, 187, 188–191; 19, с. 31].

12 сентября 1919 г. архиепископ Я. Цепляк в специальном циркуляре заявил, что национализация церковного имущества противоречит учению католической церкви, т.к. церковное имущество является неотчуждаемой собственностью храмов [8, с. 188].

Осенью того же 1919 г. по решению руководства РКЦ в приходы была разослана «Историческая записка об отделении Церкви от государства в большевистской России», автором которой являлся прелат К. Будкевич. Указанный документ был составлен после переговоров с представителем Ватикана в Варшаве А. Ратти (будущим папой Пием XI). В нем содержалась рекомендация оказывать сопротивление осуществлению декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [8, с. 198].

В ответ на эти действия 2 апреля 1920 г. власти арестовали архиепископа Я. Цепляка. Но уже 15 апреля был достигнут определенный компромисс. В этот день епископ написал заявление, в котором обязался «способствовать успокоению умов», и в результате через два дня был освобожден [20].

Очередная эскалация конфликта между Москвой и Ватиканом произошла во время войны между Польшей и Советской Россией 1919–1920 гг. После захвата территорий, подконтрольных ранее советской власти, поляки начали арестовывать местных коммунистов. В ответ на эти действия большевики арестовывали заложников среди католического духовенства.

12 марта 1919 г. папа Бенедикт XV направил советскому правительству телеграмму, в которой выразил опасения по поводу преследования духовенства в Советской России. В ответ было указано следующее: «Ни один служитель не пострадал за свои религиозные убеж-

дения. Что же касается тех из них, которые участвовали в заговоре против советского правительства и против власти рабочих и крестьян, то мы исходили из той точки зрения, что они должны подчиняться тем же законам, что и другие граждане» [8, с. 215; 21, с. 34]. Эти заверения не удовлетворили Ватикан, и в адрес Москвы было выдвинуто требование прекратить гонения на священнослужителей [8, с. 216].

Понятно, что власти не прислушались к этим призывам и поступали так, как считали нужным. Так, уже 29 апреля (по другим данным 19 апреля) 1919 г. был взят под стражу митрополит Э. Ропп [20; 22; 8, с. 212]. В ответ на эти действия папский нунций в Варшаве А. Ратти начал переговоры с советским правительством об обмене Э. Роппа на коммуниста К. Радека. В итоге архиепископ был выпущен на свободу 17 ноября 1919 г. и по предложению А. Ратти приехал в Варшаву [8, с. 213; 23, с. 88–94]. После этих событий Могилевскую архиепархию возглавил архиепископ Я. Цепляк.

В Беларуси в ходе событий польско-советской войны в течение 1919 г. большевиками были арестованы в качестве заложников не менее 10 ксендзов [24, с. 137], преимущественно в центральной и восточной части страны. Причем после ареста минского епископа С. Лозинского в августе 1920 г. государственный секретарь Ватикана кардинал П. Гаспарри направил лично В.И. Ленину телеграмму, в которой выразил обеспокоенность участием прелата и просил о его скорейшем освобождении [23, с. 82]. И все же, как заметил швейцарский исследователь Л. Кёлликер, события первых послереволюционных лет показали, что представители советской власти способны вести диалог и «не всегда остаются глухи к призывам папы» [19, с. 29].

Возможность стабилизации отношений между Ватиканом и Москвой представилась сторонам в 1921 г. 18 марта в Риге между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и УССР, с другой стороны, был заключен мирный договор. В тексте соглашения содержалась ст. 7, которая была посвящена, в том числе и национально-культурным и религиозным правам населения. Обе стороны гарантировали свободное исполнение «религиозных обрядов», обязались «не вмешиваться в дела ... церкви и религиозных обществ», кроме того, «церкви и религиозные общества имеют право, в пределах внутреннего законодательства, пользоваться и приобретать движимое и недвижимое имущество». Последнее положение вступало в противоречие с действующим советским законодательством, в соответствии с которым имущество было уже национализировано, а поскольку церковь не имела прав юридического лица, то и о приобретении имущества не могло быть и речи [25, с. 626–627; 8, с. 204; 20].

Кроме того, по условиям Рижского мира между Польшей и Советской Россией была проведена новая граница, в результате чего территория Беларуси оказалась разделенной между двумя государствами. Это обстоятельство отразилось и на устоявшейся административно-территориальной структуре РКЦ в Беларуси. Схематизм (справочник) Минской диоцезии 1922 г. свидетельствует, что 7 её деканатов оказались в составе БССР, а остальные 9 вошли в состав Польши [26]. Ситуация осложнилась ещё и тем, что епископ С. Лозинский проживал в Новогрудке [27, с. 159]. Это обстоятельство затрудняло эффективное руководство той частью епархии, которая находилась к востоку от границы.

Примером конструктивного взаимодействия между руководством РКЦ и Советской России была помощь Ватикана и ряда благотворительных организаций во время голода 1921–1922 гг. 15 августа 1921 г. папа Бенедикт XV предложил свою помощь советскому правительству, а уже 12 марта 1922 г. было подписано соответствующее соглашение между РСФСР и Ватиканом. Руководителем благотворительной миссии был назначен иезуит Э.А. Уолш. Для борьбы с голодом в 1922 г. новый папа Пий XI пожертвовал 2,5 миллиона лир. В наиболее пострадавших от голода регионах открывались благотворительные миссии, где происходила раздача продовольствия, медикаментов, одежды и т.д. [8, с. 223, 225; 28, с. 128–129, 275–276]. По данным Р. Дзвонковского, папская благотворительная миссия действовала также и на территории Беларуси [28, с. 275].

Однако уже в 1923 г. под давлением советской власти деятельность зарубежных благотворительных организаций, в том числе и Папской миссии помощи, была прекращена [8, с. 226].

Следующим шагом к попытке нормализации отношений между Ватиканом и Москвой могла быть международная конференция в Генуе, состоявшаяся в апреле-мае 1922 г., но диа-



лога не получилось. Советская власть, с одной стороны, почти одновременно с событиями в Генуе провела кампанию по изъятию церковных ценностей, а с другой – Ватикан выдвинул ультиматум с требованием обеспечить неприкосновенность церковной собственности и вернуть конфискованное имущество [28, s. 271–272; 8, с. 228; 21, с. 39]. В результате обе стороны остались на своих позициях, так и не придя к определенному соглашению. Кроме того, проблема двусторонних контактов затруднялась и отсутствием установленных дипломатических отношений. Ни Ватикан, ни РСФСР не признали друг друга и вели переговоры неофициально, нередко через посредников.

Отношения между сторонами еще больше осложнились в марте 1923 г. во время т.н. «процесса Цепляка-Будкевича», когда 14 католических священнослужителей во главе с архиепископом Я. Цепляком были обвинены в создании контрреволюционной организации, сопротивлении изъятию церковных ценностей и противодействию декрету «Об отделении церкви от государства». Архиепископ Я. Цепляк и прелат К. Будкевич были приговорены к смертной казни, остальные на разные сроки, от 3 до 10 лет, лишения свободы. Однако под давлением международной общественности приговор Я. Цепляку был смягчен с высшей меры наказания на 10 лет лишения свободы, а уже 9 апреля 1924 г. он смог выехать в Польшу. Прелат К. Будкевич был расстрелян в ночь с 31 марта на 1 апреля 1923 г. По этому поводу с нотами протеста выступили Ватикан, Великобритания, Польша [8, с. 218–220, 226; 28, s. 139, 142, 276; 11, с. 48–49].

В том же 1923 г. в конфессиональной политике советской власти наметилась определенная либерализация. Официально новый курс был закреплен решениями XIII съезда РКП(б) в 1924 г. Именно с этим потеплением можно связывать и выезд архиепископа Я. Цепляка в Польшу в 1924 г. Другим примером некоторого улучшения отношений может служить и факт отправки в Рим из Полоцка мощей св. А. Боболи в мае 1924 г. [29, с. 76; 30, с. 27].

В том же 1924 г. активизируются обмены политзаключенными между Польшей и СССР. Подобные обмены происходили в течение 1919–1932 гг. [28, s. 321]. Одним из первых и, пожалуй, наиболее известных примеров был, как уже упоминалось выше, обмен митрополита Э. Роппа на немецкого коммуниста К. Радека в 1919 г. Самыми результативными в плане обменов были 1924 и 1925 гг. Только 28 апреля 1924 г. в СССР прибыло 36 коммунистов и выехало в Польшу 117 поляков. Среди них были священнослужители из БССР: гомельский декан Л. Буйновский, минский декан А. Лисовский, настоятель кальварийского костела в Минске кс. М. Томашевский, vikарий костела св. Антония в Витебске кс. С. Трусковский [28, s. 323; 31, с. 67, 256, 400, 406]. Всего, по данным Р. Дзвонковского, в результате подобных обменов из СССР в Польшу выехало около 50 ксендзов [28, s. 323].

Аналогичные обмены проводились и между правительствами Литвы и Латвии с одной стороны и СССР с другой. В 1923 г. в Латвию выехал минский кс. Я. Василевский. Не позднее 1928 г. в Литву выехал настоятель могилевского кафедрального костела кс. И. Бернатович [31, с. 87, 56; 28, s. 325].

В феврале 1925 г. в Берлине состоялись переговоры представителей СССР и Ватикана. Советская сторона предложила установить официальные дипломатические контакты и признать отделение церкви от государства в СССР. Но уже в марте 1925 г. папа Пий XI отклонил все предложения СССР и в ответ выдвинул свои. Он требовал установления свободы вероисповедания, прекращения гонений в отношении духовенства и официального восстановления деятельности РКЦ [8, с. 240, 241].

Не добившись легального разрешения на восстановление структур РКЦ, папа решил сделать это тайными методами. Как правило, эти намерения связывают с деятельностью папского посланника иезуита М. д'Эрбиньи. В течение 1925–1926 гг. он совершил подряд три визита в СССР. Накануне второй поездки, состоявшейся в апреле-мае 1926 г., М. д'Эрбиньи был назначен апостольским легатом России и наделен широкими полномочиями, в частности создавать новые административно-территориальные структуры РКЦ, посвящать епископов и т.д. Для легального въезда в СССР посланник папы был вынужден воспользоваться французским дипломатическим паспортом, поскольку официальных дипломатических отношений между Ватиканом и Москвой установлено не было [11, с. 57–58; 29, с. 82; 8, с. 242]. В ходе

пребывания в СССР М. д'Эрбиньи совершил поездку по стране, побывал в Харькове, Одессе, Киеве, Ленинграде [8, с. 242] и Витебске [29, с. 82].

В результате, М. д'Эрбиньи провел реформу управления РКЦ в СССР. Обширная Могилевская архиепархия оказалась разделена на компактные апостольские администрации с центрами в Ленинграде, Москве, Харькове, Одессе, Житомире, Могилеве. Одновременно были тайно рукоположены епископы, в частности в Могилев апостольским администратором назначен латыш Б. Слосканс [11, с. 62, 64; 28, s. 282–283; 29, с. 84; 8, с. 242–243]. Таким образом, под влиянием обстоятельств извне административно-территориальная структура РКЦ в БССР на протяжении 1920-х гг. в очередной раз претерпела серьезное переустройство.

Тайная деятельность М. д'Эрбиньи явно противоречила советскому законодательству, поэтому ответные действия властей по отношению к РКЦ не заставили себя долго ждать. Например, только в БССР в следующем 1927 г. было арестовано сразу 9 ксендзов [24, с. 141].

Немецкий исследователь Э. Винтер отмечает, что уже тогда «со всеми переговорами [между СССР и Ватиканом – А.Л.] было покончено и обе стороны пришли в резкое столкновение друг с другом». Более того, начало знаменитого молитвенного крестового похода он видит уже в 1927 г. [29, с. 97]. По мнению нидерландского исследователя В. Роода, период во взаимоотношениях Москвы и Ватикана с 1927 г. по 1958 г. – это «период конфронтации» [11, с. 80]. Например, папа Пий XI в 1927 г. сказал государственному секретарю Ватикана кардиналу П. Гаспарри следующее: «Пока в России продолжаются преследования, с русскими нельзя вести переговоры» [11, с. 81]. Одной из причин подобного решения папы, безусловно, стал арест 16 сентября 1927 г. апостольского администратора в Могилеве епископа Б. Слосканса [8, с. 247].

Нетерпимую позицию в 1927 г. занимал и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин. В беседе с американской рабочей делегацией он заявил, что «партия не может быть нейтральной <...> в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс» [32, с. 133].

Также следует отметить, что в 1927 г. противостояние шло не только по традиционной линии Ватикан – Москва. Например, благодаря освещению в газетах, процесс над бобруйским кс. К. Мустейкисом получил определенный международный резонанс. В материалах Польского Бюро ЦК КП(б)Б сохранилось письмо от 3 июня 1927 г., присланное из Баварии, в котором осуждались действия советской власти [33, л. 8].

Еще большие осложнения в отношениях между Ватиканом и СССР начались в 1929 г. в связи с активизацией антирелигиозной политики, что проявилось в массовых закрытиях храмов, репрессиях против духовенства и верующих, усилении атеистической пропаганды. Именно как реакцию на эти действия и следует рассматривать «молитвенный крестовый поход», организованный по инициативе Ватикана в 1930 г., после которого отношения между Москвой и руководством католической церкви надолго зайдут в тупик [11, с. 98, 101–102; 8, с. 278, 280, 281; 29, с. 104, 105; 28, s. 182].

Таким образом, специфика положения РКЦ в БССР 1917–1929 гг. заключается в наличии руководящего центра за границей (Ватикан), поэтому события, происходившие на международной арене, оказывали непосредственное влияние на положение и на политику советской власти в отношении этой церкви. В ходе переустройства государственных границ Польши и Советской России в 1921 г. и реформы управления РКЦ 1926 г., инициированной Ватиканом, произошла ломка административно-территориальных структур католической церкви в Беларуси. В результате обмена политзаключенными на протяжении 1920-х гг. целый ряд ксендзов (в том числе наиболее значимые иерархи Э. Ропп, Я. Цепляк, С. Лозинский) смогли выехать за границу, но с другой стороны, тайная деятельность Ватикана в 1926 г. на территории СССР спровоцировала усиление репрессий в отношении оставшегося в стране духовенства РКЦ.

### Литература

1 Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. – Минск: Беларусь, 1964. – 272 с.

- 2 Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX ст. / У.І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998. С. 155–234.
- 3 Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.
- 4 История советской конституции (в документах). 1917–1956. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 1046 с.
- 5 Конституция (Основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики 1927 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/lawhistory/konst\\_1927.htm](http://www.pravo.by/lawhistory/konst_1927.htm). – Дата доступа: 15.02.2009.
- 6 Ярмусик, Э.С. Католический костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945) / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 240 с.
- 7 Пушкін, І.А. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.) / І.А. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2004. – 168 с.
- 8 Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. – 384 с.
- 9 Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
- 10 Мараш, Я.Н. Католическая церковь в Белоруссии в послереволюционный период / Я.Н. Мараш, Е.С. Прокошина // Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Е.С. Прокошина [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 42–65.
- 11 Роод, В. Рим и Москва. Отношения между Святым Престолом и Россией / Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / В. Роод. – Львів: Монастир Монахів Студійського Уставу, 1995. – 279 с.
- 12 Окружное послание («Quanta Cura») // Библиотека Una Voce Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.unavoce.ru/library/quanta\\_cura.html](http://www.unavoce.ru/library/quanta_cura.html). – Дата доступа: 15.02.2009.
- 13 Перечень заблуждений («Syllabus errorum») // Библиотека Una Voce Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unavoce.ru/library/syllabus.html>. – Дата доступа: 15.02.2009.
- 14 Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. Сборник. – М.: Госполитиздат, 1961. – 112 с.
- 15 О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства / Сост. А.М. Залесский, Т.Г. Купчеля. – Минск: Беларусь, 1983. – 128 с.
- 16 Ленин, В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1980. – Т. 17. – С. 206–213.
- 17 Ленин, В.И. Классовая война в Дублине / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1961. – Т. 23. – С. 400–404.
- 18 Ленин, В.И. А.М. Горькому / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1975. – Т. 48. – С. 226–229.
- 19 Кёлликер, Л. Восприятие России Бенедиктом XV: политические, дипломатические и религиозные аспекты / Л. Кёлликер // Россия и Ватикан. – М.: Наука, 2007. – Вып. 2. – С. 12–46.
- 20 Чаплицкий, Б. История гонений. Католичество в России // Информационно-образовательный проект «Культурно-конфессиональная структура христианской цивилизации: православие, католицизм, протестантизм – социо-культурный аспект влияния» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://christian.rchgi.spb.ru/library/detail.php?ID=3941>. – Дата доступа: 7.06.2009.
- 21 Шейнман, М.М. Ватикан между двумя мировыми войнами / М.М. Шейнман. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 239 с.
- 22 Dzwonkowski, R. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR. 1917–1939. Martyrologium / R. Dzwonkowski // Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kul.lublin.pl/dzwonkowski/martyrologium.html>. – Дата доступа: 8.09.2007.

- 23 Дориа, П. Документы Ватикана об отношениях между Святым Престолом и Россией (1917–1919 годах) / П. Дориа // Россия и Ватикан. – М.: Наука, 2007. – Вып. 2. – С. 46–96.
- 24 Лебедев, А.Д. Репрессии в отношении римско-католического духовенства в БССР (1920-е годы) / А.Д. Лебедев // Проблемы славяноведения : сборник научных статей и материалов. – Брянск, 2008. – Вып. 10. – С. 137–147.
- 25 Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. В 24 т. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 618–658.
- 26 Elenchus ecclesiarum et cleri saecularis ac regularis dioecesis Minscensis pro anno Domini 1922 // Петербургский генеалогический портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.petergen.com/lwk/uprav.shtml>. – Дата доступа: 31.01.2009.
- 27 Мруз, М. Каталіцызм на паграніччы. Адносіны каталіцкай царквы да ўкраінскага і беларускага пытання ў Польшчы ў 1918–1925 г. / М. Мруз; пер. з польск. мовы Я. Зеліньскага. – Мінск: Медысонт, 2008. – 304 с.
- 28 Dzwonkowski, R. SAC. Kościół katolicki w ZSSR. 1917–1939 rr. Zarys historii / R. Dzwonkowski. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 1997. – 477 s.
- 29 Винтер, Э. Политика Ватикана в отношении СССР 1917–1968. Россия и папство. Перевод с немецкого / Э. Винтер. – М.: Прогресс, 1977. – 252 с.
- 30 Ярмусік, Э.С. Баболя Андрэй / Э.С. Ярмусік // Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 27.
- 31 Маракоў, Л. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі (1917–1964) / Л. Маракоў. – Мінск: Смэлтак, 2009. – 776 с.
- 32 Сталин, И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. / И.В. Сталин // Сочинения: в 16 т. – М., 1949. – Т. 10. – С. 92–148.
- 33 НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 3679. Документы о проведении антирелигиозной пропаганды среди католического населения БССР (резолуции, доклад, докладная записка, планы, программа, предложения). 1927 г.

УДК 902. 2(476. 2 – 37 Лоев) «09/10»

## Моховский археологический комплекс под Лоевом X–XI вв.

О. А. МАКУШНИКОВ

В статье рассматривается феномен Моховского поселения X–XI вв. под Лоевом, сыгравшем заметную роль в становлении феодальной восточнославянской государственности. Автор обращает внимание на особый социальный и этнический состав населения Мохова (высокий процент воинства, присутствие выходцев из отдаленных северных и северо-западных районов – кривичей, балтов, финнов и др.). Изучается роль Мохова в контексте присоединения к Киевской Руси земель радимичей и дреговичей.

**Ключевые слова:** археология, курган, могильник, Мохов, обряд, погребение, поселение, раскопки.

Mochov is important settlement in the South-Eastern Buelorus in the X–XI century. Archeological investigations have been carried by the expedition of F. Scorina Gomel State University since 2003. An international military camp was situated in Mochov. It was created by Old Russia to submit radimichi and dregovichichi.

**Keywords:** archeology, barrow, burial ground, Mochov, ceremony, burial, settlement, excavation.

Социально-типологическая картина восточнославянских памятников юго-востока Беларуси периода формирования Руси будет неполной, если оставить вне рассмотрения особую их категорию, представленную в регионе Моховским комплексом. Мохов должен быть отнесен к разряду «открытых торгово-ремесленных поселений» (ОТРП). До недавнего времени вопрос о наличии ОТРП на юго-востоке Беларуси не ставился. Моховские древности расположены к северу от Лоева на правом берегу Днепра. Первые исследования здесь провел в 1890 г. В.З. Завитневич. Он зафиксировал свыше 600 курганов – крупнейший в Беларуси могильник. В 2003–07 гг. изучение памятников Мохова продолжено экспедицией ГГУ им. Ф. Скорины под руководством автора. Зафиксировано свыше 300 насыпей. Характер обряда и инвентаря позволяет датировать памятник концом IX–XI вв., отнеся большинство его комплексов ко второй половине X – первой половине XI вв. Вскрыт 41 курган (26 – В.З. Завитневичем, 25 – автором). Раскопки выявили необычную для региона картину. Исследовано примерно 17 кремаций, 1 неполная кремация. В остальных – ингумации на горизонте и подсыпке, а также в яме (3 погребения). В большинстве случаев костяки ориентированы на запад, в прочих – северо-запад (4), юго-запад (1), восток (1), север (2), юг (1). В одном кургане прослежены остатки захоронения в «сидячем» положении.

Возможно, в случаях северной и южной ориентировки имеют место захоронения выходцев из финских областей [16, с. 172–174, карта 28; 12, с. 220]. Погребения тел в сидячей позе характерны для курганов Северной Руси [10, с. 52–58]. В.В.Седов считал этот обряд финским, а единичные захоронения такого рода в коренных славянских землях объяснял миграцией населения на юг. Основная масса северорусских «сидячих» захоронений датируется XII–XIII вв. Однако этот обряд распространен в более раннее время в Скандинавии. Хронология моховского погребения с сидячим погребением позволяет предполагать его скандинавские истоки. В рядовых могильниках радимичей и дреговичей меридиональные и сидячие захоронения исключительно редки [16, карты 28–29; 2, с. 37; 11; 18]. «Неместные» черты прослеживаются и в иных элементах обрядности Мохова. В 3-х курганах с труположением на горизонте выявлены остатки деревянных наземных гробниц. Одна из них – сооружение размером 3,38х2,83 м и высотой 0,8 м, имевшее признаки крыши. Камерные гробницы как углубленные в материк, так и наземные (т. е. «склепы») признаны элементом «дружинной» культуры Руси X–XI вв.

Раскопки Мохова показывают отсутствие этноопределяющих украшений местного населения. Но всего в 6 км восточнее Мохова в кургане у д. Абакумы открыто дреговичское захоронение XI–XII вв. А набор типично кривичских женских украшений обнаружен в кре-

мации и 3-х ингумациях Мохова. Они имеют прямые аналогии в памятниках кривичского круга севера Беларуси и Смоленщины [20]. «Северный вектор» культуры памятника представлен также остатками накладки-виллайне. Последняя находка связана с латгальско-земгальским кругом древностей. При уничтожении курганов в XX в. в Мохове найдены горшки с костями, перетянутые железными кручеными обручами. Явно разрушены погребения скандинавской традиции. В Мохове найдены оружие (несколько топоров и наконечников копий) и воинские принадлежности. Единичные находки предметов вооружения и воинского круга не являются заметной чертой этнографии радимичей и дреговичей. Их появление на землях Белорусского Поднепровья было связано с социально-политическими «перестройками» и конфликтами в процессе формирования Руси. Нетипичными (для рядовых могильников) находками Мохова выглядят деревянное ведро, коромысло весов, «шишечные» бусы и др. Аналогии «шишечным» бусам дают древнерусские клады [8, с. 130, 141, 144, 146, 147]. Похожие изделия выявлены на широкой территории Европы [24, с. 99–113]. Необычным для Гомельского Поднепровья представляется обнаружение в 3-х моховских курганах монет: денария чешского короля Болеслава II 972/3–999 гг., 2-х обломков сребреников Владимира Святославича, остатков брактеата с ушком (X–XI вв.)

К Моховским курганам примыкает крупное поселение. Расцвет его жизни датирован второй половиной X–XI вв. Оно расположено на «высокой» пойме правого берега Днепра, а также на мысовых площадках коренной террасы (высота 15–20 и более м). Площадь памятника составляла не менее 25 га. Экспедицией ГГУ им. Ф.Скорины вскрыты 2 траншеи и шурф. Объекты X–XI вв. представлены остатками глинобитного гончарного горна и углубленных в материк сооружений. Вещевой материал представлен круговой керамикой, единичными обломками плинфы, шпорой и др. Технологический анализ плинфы, обломков керамики X–XI вв., а также глины из обнажения на окраине Моховского комплекса показал их идентичный состав. В Мохове существовало производство кирпича – «плинфотворение». В дальнейшем должен разъясниться вопрос о том, куда поступала выжженная здесь плинфа: для строительства в ближайшие города или для сооружения местного храма? Часть поселения являлась городищем. На городище может указывать само расположение части памятника на эскарпированных отрогах коренной террасы. Площадь 150х150–200 м. Слой мощностью 0,4–0,5 м содержит преимущественно посуду X–XI вв., встречены обломки керамических сопел и др. С напольной стороны Причелка прослеживаются остатки распаханых оборонительных валов.

Мохов заметно выделяется из массива селищ и могильников радимичско-дреговичского пограничья. Мы имеем дело с крупнейшим и ранним поселением Руси на землях Верхнего Поднепровья. По своим особенностям оно сопоставимо с ОТПП IX–XI вв. Иноэтничный (по отношению к местным дреговичам и радимичам) и разноэтничный состав моховского населения, его социально-обособленный и вооруженный характер, крупные размеры памятника позволяют предполагать, что на Днепре, недалеко от устья Сожа, размещалось обширное поселение, значительную часть жителей которого составляли воины с семьями. Только великие князья могли быть инициаторами создания и гарантами его жизнедеятельности. Мохов активно функционировал как во времена Владимира Святославича, так и в период противостояния братьев Ярослава и Мстислава Владимировичей. В 1020-х гг. Мохов оказался во владениях Ярослава. Однако первые погребения появились здесь намного раньше конфликта сыновей Владимира. Проблему возникновения Моховского лагеря следует искать вне плоскости только внутрирусских межкняжеских проблем.

Мохов находится почти в устье Сожа, на берегу озера, которое могло служить гаванью и местом верфей. Главная причина возникновения здесь крупного военизированного поселения должна лежать в сферах военно-политической и социально-экономической. Если говорить о первой, то таковой могла быть необходимость для Киева подчинения дреговичей и радимичей. Мохов был крупным военным лагерем на днепровском отрезке пути «Большого полюдья», который поэтапно создавался и укреплялся Киевом в X – первой половине XI вв. (возможно, и с конца IX в.), т.е. в период «собирания» и консолидации восточнославянских

земель вокруг Киева. Е.А. Шинаков образно отметил, что к 984 г. земля радимичей «оказалась окруженной как стальными клещами опорными пунктами русов», при покорении радимичей «русские применяли прием стратегического окружения их территории, как обычно поступали и с другими племенными союзами и княжествами». Затем они нападали на противника из нескольких военных лагерей [22, с. 73]. Исследователь обозначил возможные северные, южные и восточные векторы экспансии Киева на радимичей. Материалы Мохова могут указывать и на юго-западное направление нанесения ударов. Понятно присутствие в Мохове воинов-кривичей (с семьями), прочих выходцев из иных территорий. Именно они, не связанные с местной этнической средой (особенно, со здешней аристократией), выступали инструментом подчинения Киеву аборигенного населения. «Северные» воины были основным населением военных лагерей Руси второй половины X – первой половины XI вв. и в Брянском Подесенье (скандинавы, славяне, балты, финны) [23, с. 20].

Родина оказавшихся в Мохове воинов-кривичей – Смоленщина или Полотчина. Если принять второе предположение, то полочане могли быть наняты или выведены («нарублены») Владимиром Святославичем после разгрома княжества Рогволода в начале 980-х гг. Именно в конце X – первых десятилетиях XI вв. в Мохове начинают распространяться кривичские браслетообразные кольца. Впрочем, кривичи присутствовали здесь еще ранее. Обряд захоронения и инвентарь многих погребений Мохова конца X – первой половины XI вв. аналогичны кривичским курганам Заславля-Изяславля под Минском [6, с. 42–53].

Мохов уже в конце IX – первой половине X вв. функционировал в качестве одного из опорных пунктов киевского полудья, организованного Олегом или Игорем и контролировавшегося гарнизоном княжеских дружинников, союзников и наемников. Одной из главных задач Мохова могло быть противостояние радимичам, сохранявшим свою автономию до битвы 984 г. Северо-восточнее Мохова проходит южная граница курганов конца X–XI вв. (вероятно, отражающая и более ранние реалии) с этноопределяющими вещами радимичей. Мохов (вместе с Лоевом) как бы «запирает» главную водную артерию радимичей (Сож). Он мог являться очагом государственной экспансии в северном и северо-восточном направлениях. По мере ликвидации автономии, «окняжения» и христианизации радимичских земель, возрастания роли княжеских городов (Гомия, Речицы и др.) значение Мохова падает. В конце XI–XII вв. он превращается в одно из рядовых селений. Дружинные лагеря Руси (аналоги Мохова) прекращают свое существование в связи с тем, что в начале – первой половине XI вв. они выполнили свою историческую задачу по захвату «племенных» регионов и присоединению их к Киеву.

В советской и постсоветской историографии ОТПП нередко называют «военными» или «дружинными лагерями» [3, с. 139; 22, с. 73–79]. Их изучением занимались И.В. Дубов, В.А. Булкин, Г.С. Лебедев, А.Е. Леонтьев, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, П.П. Толочко, В.П. Коваленко, Е.А. Шинаков и многие другие. «Классическими» примерами ОТПП в историографии представлены Ладога, Гнездово, Шестовица, Тимерево и др. [3; 13; 17, с. 50–59; 7, с. 51–83]. ОТПП, на первый взгляд, как будто занимают историко-типологическую нишу между сельскими поселениями и раннефеодальными городами Древней Руси. Общими признаками ОТПП выступают: 1) расположение на важнейших торговых артериях, в т.ч. на их волоковых участках; 2) значительный процент социально-обособленного военизированного населения; 3) крупные размеры поселений (Ладога – около 18 га, Гнездово – около 16 га, Тимерево – не менее 10 га, Менское – не менее 30 га) и сопутствующих им могильников (Гнездово – около 6000 курганов); 4) высокий уровень развития ремесел, в т.ч. узкоспециализированных; 5) свидетельства развитой международной торговли – наличие кладов и отдельных находок монет, весов, гирек-развесов, предметов ближневосточного, среднеазиатского, европейского импорта и пр.; 6) наличие в топоструктуре многих памятников городищ (Гнездово, Шестовица, Менское и др.); 7) полиэтнический состав населения; 8) общая хронология (возникновение во второй половине VIII–IX вв. и полнокровное функционирование в X – начале (первой половине) XI вв., постепенное затухание активной жизни на протяжении XI в. Можно выделить и иные моменты, связывающие известные ОТПП в единую категорию памятников, но они требуют отдельного рассмотрения.

Социально-экономическую и политическую сущность ОТПП определяют по-разному. Можно попытаться выделить функции данной категории населенных пунктов. К ним следует причислить военную, торговую, ремесленную, аграрную. Можно предполагать и наличие фискально-административной функции. Все эти моменты решительно отмежевывают ОТПП от рядовых сельских поселений и тесно сближают их с городами. Наличие аграрной функции не должно смущать – даже крупные феодальные города Руси носили «полуаграрный» характер [17, с. 79–99]. И.В. Дубов квалифицировал аналогичные поселения Верхнего Поволжья (Тимерево, Петровское и пр.) как «протогородские» [4, с. 70–72]. В.Я. Петрухин и Т.А. Пушкина трактуют такие памятники в качестве опорных пунктов великокняжеской власти [13, с. 109]. В целом, с последним мнением согласны В.П. Коваленко, А.П. Моця и Ю.Н. Сытый, которые рассматривают Шестовицу в качестве военного лагеря киевских князей [7, с. 53].

П.П. Толочко пришел к выводу, что исследователи ОТПП усматривают в них «практически полный набор признаков раннефеодального города», хотя данного рода поселения не являются «стадией в жизни восточнославянского города», а только «одним из путей его образования». Оценка представляется справедливой. Однако ученый сделал заключение, что данный путь развития является «тупиковым», поскольку он был обусловлен преимущественно внешними факторами [17, с. 59]. Почти все исследователи, затрагивавшие вопросы истории ОТПП, косвенно или напрямую связывают эту категорию поселений с городами. Но называть Гнездово, Шестовицу или Тимерево «городами» почти никто не решился. И главная тому причина – раннее угасание жизни на большинстве из них (XI в.). В письменных источниках не встречаются (кроме, может быть, Ладоги, Менска и некоторых иных) упоминания об этих пунктах. Это выглядит странным: молчанием обойдены как раз те самые крупные поселения, которые имеют признаки ранней урбанизации. А ведь именно эти центры должны были сыграть определяющую роль в становлении государства. В летописях есть Смоленск, но нет Гнездова, есть Чернигов, но нет Шестовицы, есть Ярославль, но нет Тимерево или Петровского. В чем же дело? Следует определиться с наименованием рассматриваемой категории поселений. Соглашусь с П.П. Толочко в том, что широко бытующее название этих памятников ОТПП не совсем удачно отражает историческое содержание данной разновидности поселений [17, с. 50–51]. Впрочем, в дальнейшем изложении сохраняю это наименование, отдавая дань традиции. Сомнение вызывает правильность определения ОТПП в качестве «открытых». В Гнездове и Шестовице сохранилось по два городища, Менское поселение стало известным именно благодаря своему городищу. Примеров достаточно, чтобы усомниться в «открытом» характере значительной части памятников. Определение изучаемых поселений в качестве «торгово-ремесленных» не представляется достаточным. Огромное значение торговли и ремесла в жизни ОТПП несомненно. Но если вспомнить о немалом количестве находок сельскохозяйственных орудий труда, то следует признать и значительный удельный вес аграрных занятий. Особенно ярко эта картина проявилась на Менском поселении и в Шестовице [7, с. 61; 5, с. 30–63]. Значит, определять данную категорию поселений только в качестве «торгово-ремесленных» нельзя. И нельзя эти функции ставить на первый план, поскольку никаких реальных подсчетов соотношения торгового, ремесленного, аграрного и прочих элементов в экономике и социальном составе населения ОТПП нет.

Не только экономические параметры деятельности определяли сущность ОТПП. В определении ОТПП не отражена функция политико-административная. Исследователи отмечают высокий процент среди жителей ОТПП военизированного населения. Думается, что именно этот фактор во многом и представляет историческое «лицо» рассматриваемых памятников. Не следует забывать, что в этих поселениях воинский компонент представлен повсеместно. Тому подтверждение – большое количество предметов вооружения и воинского снаряжения. Анализ историко-археологического материала позволяет именовать рассматриваемые поселения «военизированными многофункциональными» (ВМФП). При всех недостатках любого определения предложенное точнее соответствует историческому содержанию данной категории памятников.

Остается дискуссионным вопрос о топографическом и хронологическом соотношении ОТПП–ВМФП с «настоящими» городами. На расстоянии примерно 7–20 км (исключения



есть, но они подтверждают правило) от рассматриваемых памятников обычно находятся остатки городов, известных летописям. Бинарное их расположение давно замечено: Гнездово – Смоленск, Тимерево – Ярославль, Сарский городок – Ростов, Шестовица – Чернигов, Левенка – Стародуб, Менское поселение – Минск на Свислочи. Перечень можно продолжить. Отсутствие в Смоленске разведанных отложений X в. способствовало развитию гипотезы о «переносе городов» [8, с. 70–72; 21, с. 63–72]. Действительно, археологи не нашли выраженных отложений X в. ни в Смоленске, ни, например, в Минске на Свислочи. Однако это не означает, что ранних слоев здесь не было. Раскопки велись не во всех частях исторических зон городов, а многовековыми строительными работами срезаны гектары наслоений. Впрочем, по некоторым косвенным данным, «не-гнездовский» Смоленск в X в. действительно существовал и мог развиваться параллельно с Гнездовом [1, с. 6–8]. В большинстве случаев бинарного расположения собственно города и ОТП–ВМФП мы видим их синхронное (хотя бы на определенном отрезке времени) существование (с постепенным возвышением первого и медленным угасанием второго). Бесспорным представляется параллельная жизнедеятельность Ростова и Сарского городка, Шестовицы и Чернигова [9, с. 22; 7, с. 51–83]. Чем более тщательно исследованы «бинарные» памятники, тем больше оснований говорить об их одновременном существовании. Давно обращено внимание на типологическое родство ОТП Руси и приморских «вигов» Балтийского региона. П.П. Толочко пишет о сосуществовании «вигов» Хайтхабу и города Шлезвига, Бирки и города Адельзо [17, с. 54]. Так в чем же причина параллельного существования ОТП и феодальных городов? И почему практически все ОТП угасают в XI в.? Ответ на первый вопрос сводится обычно к тому, что ОТП выполняли преимущественно торгово-ремесленные функции, а города – административно-политические. Наверное, это так и есть (на стадии их сосуществования). Но остается непонятным, почему эти средоточия ремесла и торговли были в X–XI вв. территориально отнесены от городов (на час-три пешего хода) и почему княжеской власти в XII–XIII вв. (когда ОТП прекратили существование) не мешало размещение в городах ремесленников и купцов. Видимо, дело не в них. Исследователи обнаруживают в составе населения ОТП «военный, дружинный» (по терминологии данной работы – «военизированный») элемент, но лидирующая военная функция таких поселений напрасно «тонет» на фоне ремесленно-торговой, поскольку процент воинских захоронений в могильниках (так или иначе связанных с ОТП) более чем высок.

Анализ историко-археологического материала подводит к выводу о том, что военизированные многофункциональные поселения Руси IX–XI вв. являлись ни чем иным, как топографически обособленными частями городов – своеобразными поселениями-спутниками. ВМФП объективно выполняли (дополняли, отчасти дублировали), вероятно, не все, но значительную часть спектра «городских» функций. Они действительно были отдельными поселениями, но преимущественно в географическом измерении. Превалирующее военное (военно-полицейское) направление жизнедеятельности во многом предопределило их «выносной» (за пределы «основной» части города) характер размещения. И здесь может скрываться часть разгадки этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации парного существования городов и их спутников. Воинские контингенты киевских князей во второй половине IX–X вв. (а потом – ближе к концу X в.) и их вассалов были предназначены для решения внешнеполитических проблем. Вторая, не менее важная, задача – «собрание» местных земель с ликвидацией власти «племенной» аристократии. В условиях становления государства киевские князья объективно не могли создать «общенациональную» регулярную армию и пошли по пути формирования армии из наемников, союзников и данников (при наличии у князей относительно небольших профессиональных дружин). Летописец не раз подчеркивает «полиэтнический» состав войск великих князей IX–X вв. Но уже в летописных статьях, посвященных событиям второй половины XI–XIII вв., на этническую принадлежность великокняжеских и княжеских ратников особенного внимания не обращается. Войско указанного периода формировалось уже не по этническому признаку. Летопись указывает на проблемы, возникавшие при расквартировке наемников. Около 980 г. у Владимира Святославича в Киеве случился острый конфликт с варягами. Выходцы с севера затребовали высокую плату за свой труд, объявив

столицу Руси захваченной. Владимир отметил, что держать наемников в городе – опасно, ибо сотворят зло. В 1015 г. жители Новгорода Великого восстали против произвола размещенных в городе наемников Ярослава и их перебили [14, с. 92, 154]. Князья вынуждены были держать наемное войнство вне городских стен и создавать для них отдельные поселения.

Большая часть ОТПП исчезает к середине XI в. Это было связано с изменением направлений международных торговых путей и активной деятельностью власти по созданию городов. Но были и другие факторы, которые способствовали затуханию жизни ОТПП. В конце IX – первой половине XI вв. идет процесс «огосударствливания» «племенных» территорий. Главным инструментом этой политики были ОТПП–ВМФП. В XI в. они выполнили свои задачи и постепенно сошли с исторической сцены. Во второй половине XI – начале XII вв. на Руси появляется масса феодальных замков, что свидетельствует о процессе оседания дружинного сословия на землю. Широкие экономические возможности окрепшего государства, далеко зашедший процесс феодализации позволил правителям перейти от практики «одаривания» дружины и наемников деньгами, «оружием и портами» («вассалитет без ленов») к практике раздачи в держание или собственность земельных угодий с селами и крестьянами. Энергия разноплеменной массы воинов была направлена в русло обустройства феодальных хозяйств. Л.В. Черепнин показывал, что этот процесс был продолжительным, но применительно ко второй половине XI в. он выступает свершившимся фактом [19, с. 126–251]. Исследователь принял во внимание материалы Смоленщины, которые свидетельствуют о массовом появлении в конце XI – начале XII вв. феодальных замков [15, с. 124]. Именно процесс развития феодальных отношений и оказался главным «могильщиком» ОТПП. Расцвет Ладоги и Гнездова-Смоленска приходится на IX–X вв., «звездный» час Шестовицы – X в., «взлет» Мохова – вторая половина X – первая половина XI вв. Эти даты отражают реальность поэтапной феодализации регионов Руси. Историю Мохова правомерно рассматривать на фоне событий присоединения к Киеву радимичей и дреговичей. Массовая раздача земель в феодальную собственность, формирование сословия бояр-землевладельцев ведет к тому, что Мохов ближе к концу XI в. сходит с исторической сцены как сколь-нибудь заметное явление.

Поселения, типологически родственные Мохову, сыграли огромную роль в становлении феодальных городов. Бинарное расположение Гнездово и Смоленска, Шестовицы и Чернигова, Менского поселения и Минска на Свислочи и т. д. отражает историческую закономерность и не может быть случайностью. Полагаю, что ОТПП–ВМФП были составными частями раннегородской историко-топографической структуры. Их расположение примерно в 7–20 км от «настоящих» феодальных центров не имеет принципиального значения для определения исторической природы первых. Мохов, как показано выше, демонстрирует яркий пример ОТПП–ВМФП. Но рядом с ним как будто нет города, упомянутого в летописи. В свете последних археологических наблюдений, можно утверждать: историческим спутником Мохова был Лоев, в котором имеются остатки городища и обширного укрепленного поселения. Изучение Мохова поднимает вопрос о неравномерности процессов феодализации Руси.

### Литература

- 1 Асташова, Н.И. К вопросу о древнем Смоленске / Н.И. Асташова, В.Я. Петрухин // Культура и история средневековой Руси: тез. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР А.В. Арциховского, Москва, 24–26 декабря 1987 г. / Ин-т археологии АН СССР. – М., 1987. – С. 6–8.
- 2 Богомольников, В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / В.В. Богомольников; под ред. О.А. Макушникова. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 226 с.
- 3 Булкин, В.А. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / В.А. Булкин, И.С. Дубов, Г.С. Лебедев; под ред. А.Н. Кирпичникова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.
- 4 Дубов, И.В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси / И.В. Дубов // Генезис и развитие феодализма в России: проблемы историографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 70–72.
- 5 Загорюльский, Э.М. Возникновение Минска / Э.М. Загорюльский. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 358 с.

- 6 Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц; под ред. Г.В. Штыхова. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.
- 7 Коваленко, В. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. / В. Коваленко, О. Моця, Ю. Сытый // Мат-ли Міжнародн. польового археолгічн. семінару, Чернігів – Шестовиця, 17–20 липня 2003 р. / Ін-т археології НАН України та ін.; редкол.: П.П. Толочко (головн. ред.) [та ін.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 2003 – С. 51–83.
- 8 Корзухина, Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г.Ф. Корзухина. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 159 с.
- 9 Леонтьев, А.В. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII–XI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.В. Леонтьев; ИА АН СССР. – М., 1975. – 22 с.
- 10 Лесман, Ю.М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках / Ю.М. Лесман // КСИА. – 1981. – Вып. 164. – С. 52–58.
- 11 Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко; под ред. В.В. Седова. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.
- 12 Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 450 с.
- 13 Петрухин, В.Я. К предыстории древнерусского города / В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина // История СССР. – 1979. – № 4 – С. 100–112.
- 14 Повесть временных лет / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 406 с.
- 15 Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / В.В. Седов // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 92. – 158 с.
- 16 Седов, В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР / В.В. Седов // М.: Наука, 1982. – 328 с.
- 17 Толочко, П.П. Древнерусский феодальный город / П.П. Толочко; под ред. С.А. Высоцкого. – Киев: Наукова думка, 1989. – 256 с.
- 18 Успенская, А.В. Курганы Южной Белоруссии X–XIII вв. / А.В. Успенская // Тр. ГИМ. – М.: Госкультпросветиздат, 1953. – Вып. 22. – С. 97–124.
- 19 Черепнин, Л.В. Русь: спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX–XIV вв. / Л.В. Черепнин // Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). – М.: Наука, 1972. – С. 126–251.
- 20 Штыхаў, Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў; пад рэд. М.А. Ткачова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
- 21 Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов; под ред. В.П. Даркевича. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
- 22 Шинаков, Е.А. От пращи до скрамасакса: На пути к державе Рюриковичей / Е.А. Шинаков. – Брянск: Изд-во Брянского гос. университета, 1995. – 274 с.
- 23 Шинаков, Е.А. Этапы развития и особенности государственности в Подесенье в древнерусскую эпоху / Е.А. Шинаков // Деснинские древности: сб. мат-лов Межгосударств. научн. конф., посвящ. памяти Ф.М. Заверняева; ред. Е.И. Прокофьев. – Брянск: Брян. обл. типогр., 2002. – Вып. II. – С. 16–22.
- 24 Krasnodebski, D. Mediaval Borderland Inhabitants / D. Krasnodebski // Pipeline of Archaeological Treasures. – Poznan, 2000. – 117 s.

УДК 94 (100) «1920/1931»:329.12:325.2 (470:430)

## Кадеты в эмиграции в Германии: организационная структура и идеология

О. В. МАРЧЕНКО

В статье рассматривается программа политических и экономических преобразований, которые кадеты-эмигранты намеревались осуществить в России после ликвидации Советской власти. Детально освещены тактические формы борьбы и внешнеполитическая ориентация представителей данной партии.

**Ключевые слова:** кадеты, эмиграция, Германия, тактика, Советская Россия, Советская власть.

The programme of political and economic reforms, which cadets-emigrants intended to fulfil in Russia after abolition of Soviet power is considered in the article. Tactical forms of struggle and foreign-policy orientation of the representatives of this party are examined in detail.

**Keywords:** cadets, emigration, Germany, tactics, Soviet Russia, Soviet power.

Среди ряда различных по своей идейной направленности политических центров русской эмиграции, функционировавших в Германии в 1920 – начале 1930-х гг., особое место занимала группа кадетов, возглавляемая В.Д. Набоковым. Вместе с тем, как в советской, так и в российской и отечественной историографии в недостаточной степени изучена деятельность её представителей на территории данной страны. Так, не были детально и обстоятельно проанализированы политическая и экономическая программы построения «новой» России, предлагаемые В.Д. Набоковым и его идейными соратниками, а также арсенал тактических приёмов, применяемых ими в борьбе против Советской власти. В частности, такие исследователи проблемы, как Л.К. Шкаренков [1], В.А. Кувшинов [2], Л.И. Глебова [3], уделяли особое внимание изучению «новой тактики» П.Н. Милюкова, возглавлявшего кадетов во Франции, специфике взаимоотношений между их группировками в зарубежье.

Целью данной статьи является выявление особенностей становления и эволюции идеологической доктрины, тактических форм борьбы с Советской властью группы В.Д. Набокова, действовавшей в Германии в период с 1920 по 1931 гг.

Оказавшись за рубежом, кадеты за достаточно короткий срок сформировали свои политические центры, ставшие функционировать на территории ряда стран Европы. Главенствующее положение среди них занимала группа В.Д. Набокова, отличавшаяся своей организованностью, к которой тяготело большинство находившихся в эмиграции представителей одноимённой партии. Её печатным органом являлась газета «Руль», выходившая в Германии в период с 1920 по ноябрь 1931 гг. [2, с. 130]. Кадеты пытались объединить под своей эгидой все антисоветские эмигрантские группировки, действовавшие в данной стране. Они в силу принципиальных идейных разногласий отвергали сотрудничество с представителями левого крыла русской эмиграции. С беспощадной критикой кадеты обрушились на меньшевиков, признававших в качестве своей главной социальной опоры рабочий класс России. Сторонники В.Д. Набокова заявляли, что он отличается неоднородностью состава и, следовательно, не может считаться надёжным союзником в борьбе с Советской властью. Нападкам кадетов подвергались и эсеры, выражавшие интересы крестьянства. Оно, традиционно проявлявшее невысокую политическую активность, по мнению В.Д. Набокова и его соратников, не сумело бы осуществить главную цель – ликвидировать власть большевиков [4, с. 1]. Для кадетов в Германии был неприемлем и политический союз с русскими монархистами. Они заявляли, что надежды представителей правого эмигрантского лагеря реставрировать в России монархию не имеют под собой никакой основы [5, с. 1].

Кадеты постоянно подчёркивали надклассовый характер своей партии и отрицали взаимодействие с каким-нибудь политическим течением, выражавшим интересы определённого класса. Безусловно, это ослабляло их попытки играть главенствующую роль в объеди-

нении эмигрантских антисоветских сил. Осуществление своих планов кадеты связывали только с Русской армией в изгнании [6, с. 1]. Однако им так и не удалось создать прочного политического союза с русскими военными. Причиной этому послужило убийство В.Д. Набокова в конце марта 1922 г. в здании Берлинской филармонии. Он ценой собственной жизни спас от смерти П.Н. Милюкова, читавшего там свой доклад. Тем самым оказались несбыточны мечты кадетов на восстановление единства партии, вызванное идеологическими разногласиями обоих лидеров. Главными же виновниками смерти В.Д. Набокова являлись правозастремистские элементы из эмигрантской среды, считавшие его одним из главных виновников крушения старой России.

В своей политической программе в вопросе, касающемся утверждения будущей формы государственно-политического устройства России, кадеты стояли перед выбором республики или конституционной монархии [7, с. 2]. Однако при этом их больше всего привлекал последний вариант. Республика же ими признавалась как «мнимое начало» и чуждая русскому народу [8, с. 1]. В.Д. Набоков со своими последователями выступал за воссоздание великой и неделимой России. Их идеалом являлось построение сильного централизованного государства, обеспечивающего поступательный рост экономического потенциала страны, а также защиту границ от нападений извне. Также ими гарантировалось создание условий, способствующих как сохранению, так и развитию национальной культуры малых народов России [9, с. 1–2]. Кадеты в Германии выступали за утверждение на её территории после ликвидации Советской власти буржуазного государственно-правового строя, в рамках которого получили бы своё воплощение различные гражданские свободы [10, с. 1–2].

Их экономическая программа имела ряд существенных недостатков. Многие её положения не имели глубокого концептуального обоснования и отличались своей неопределённостью. В.Д. Набоков и его соратники выступали за восстановление капитализма в России. Согласно их воззрениям, только развитие частной инициативы как неотъемлемого его атрибута способствовало бы возрождению народного хозяйства страны. Кадеты признавали невозможность восстановления дореволюционных аграрных отношений и гарантировали сохранение за русскими крестьянами земли, полученной ими в годы революции [11, с. 3]. Основной же приоритет они отдавали развитию крупного помещичьего хозяйства, функционирующего на рыночной основе [12, с. 2]. При этом в экономической программе кадетов в Германии совершенно не учитывались интересы рабочего класса России, составлявшего значимую часть её населения. Ими также не был предложен комплекс мер как по развитию промышленности, так и торговли. Таким образом, данная экономическая программа отражала интересы незначительной части либеральной интеллигенции и крупных земельных собственников, из которых, в основном, и состояла группа В.Д. Набокова.

Кадеты в Германии являлись непримиримыми противниками Советской власти. Они признавали только насильственные формы борьбы с нею, а главную роль в её свержении отводили Русской армии в изгнании [11, с. 2]. В.Д. Набоковым и его приверженцами возлагались большие надежды и на финансирование военной интервенции иностранными государствами [13, с. 1]. Тактический арсенал кадетов сводился не только к поддержке идеи вооружённой борьбы. В своей речи на Национальном съезде в Париже в 1921 г. В.Д. Набоков заявил о необходимости уделить пристальное внимание развитию антисоветской пропаганды, укреплению сотрудничества между эмигрантскими организациями для проведения провокационных акций против большевиков [11, с. 3].

В 1920-е гг. в Европе набирал силу фашизм, привлекавший русских эмигрантов своим антибольшевизмом. Первоначально идеологи «Руля» восторженно отзывались о нём. Как ими отмечалось, утверждение фашизма в Италии способствовало поднятию международного авторитета страны и улучшению условий жизни её населения [14, с. 2]. Однако вскоре они выступили с резкой и бескомпромиссной критикой набиравшего силу в различных странах Европы данного движения. Для кадетов фашизм был неприемлем за его национализм и стремление установить господство над другими народами [15, с. 1]. Таким образом, идейные соратники В.Д. Набокова отвергали политический союз как с фашистским режимом Б. Муссолини, так и национал-социалистами, стремившимися к власти в Германии.

Введение политики НЭПа советской властью вызвала неоднозначную реакцию в среде русской политической эмиграции в Германии. Кадеты выступили с ожесточённой критикой курса, проводимого правительством В.И. Ленина. Согласно их заявлениям, несмотря на осуществление политики НЭПа, в России так и не были созданы необходимые условия для формирования и развития капитализма. Они утверждали, что одной из неотъемлемых его черт является полная автономия субъектов хозяйствования, которая отсутствовала в условиях советской действительности. Таким образом, дальнейшее развитие капитализма в России сторонники В.Д. Набокова связывали с ликвидацией власти большевистского правительства [16, с. 2].

С введением политики НЭПа позиции советской власти укрепились, и надежды кадетов на её уничтожение с помощью военной интервенции потерпели полный крах. Вследствие этого они были вынуждены изменить свою тактику борьбы с ней. Кадеты в Германии стали призывать правительственные круги европейских стран не поддерживать политические и экономические контакты с Советской Россией. В своих заявлениях они делали акцент на то, что большевики придерживаются идеи мировой революции и тем самым угрожают безопасности всей Западной Европы. Поддержка же России Западом, по мнению кадетов, посредством предоставления ей кредитов, технологий и др. только способствует укреплению внутренних позиций советского строя [17, с. 1]. Бурю негодования у сторонников В.Д. Набокова вызвало подписание в 1922 г. договора в Рапалло между Советской Россией и Германией. Они заявляли, что сотрудничество в его рамках не принесёт немецкой стороне никаких дополнительных дивидендов, так как большевики ради собственной выгоды не будут соблюдать условия заключённого соглашения [18, с. 1]. Кадетами был взят курс на международную изоляцию Советской России государствами Европы [19, с. 1].

Они внимательно изучали внутривнутриполитические процессы, происходившие на территории России. Сторонниками В.Д. Набокова возлагались значимые надежды на борьбу внутри ВКП (б), вследствие которой существенной корректировке подвергся бы политический курс страны [20, с. 1]. Особо уповали кадеты и на раскол в рядах Красной Армии. Они с удовлетворением отмечали, что часть представителей младшего командного состава стали выдвигать политические лозунги, несовместимые с официальной линией советского руководства. Согласно их расчётам, противостояние между армией и партийным аппаратом способствовало бы ослаблению позиций Советской власти [21, с. 1]. Таким образом, под влиянием внутривнутриполитических процессов и лишённая поддержки со стороны Запада, она должна была неминуемо пасть.

Однако планам кадетов не суждено было осуществиться. После смерти В.Д. Набокова его сторонники в Германии оказались в глубоком идейном кризисе, продолжавшемся вплоть до распада их группы. Среди них не нашлось лидера, который сумел бы ей вернуть былой авторитет и популярность. Кадеты объективно не могли претендовать на объединение под своим началом всех антисоветских группировок в Германии. Они не пользовались популярностью среди выходцев из России, особенно у молодёжи, негативно оценивавших их деятельность как в годы революции, так и гражданской войны. К тому же численность группы идейных соратников В.Д. Набокова стала сокращаться. Это было связано с тем, что многие из кадетов, оказавшись в эмиграции, не могли найти для себя подходящую работу и в силу этого были вынуждены прекратить заниматься активной политической деятельностью.

Не способствовали упрочению их позиций в Германии и принципиальные идейные разногласия между В.Д. Набоковым и П.Н. Милюковым [2, с. 129–130]. Одной из существенных причин кризиса деятельности кадетов в данной стране являлось то, что им так и не удалось наладить каналы доставки своей печатной продукции на территорию Советской России. Таким образом, их теоретические разработки не были известны широкой массе её населения, да и к тому же отвергались большинством эмигрантов. При этом политическая и экономическая программы кадетов в Германии базировались на старом идейном багаже и не учитывали характер произошедших перемен в России.

В поисках выхода из кризиса сторонники В.Д. Набокова в 1931 г. заключили соглашение о взаимном сотрудничестве с правыми эсерами из «Крестьянской России», действо-

вавшими в Чехословакии. Однако этот союз оказался недолговечным, и в том же году кадеты прекратили своё существование, как и их газета «Руль» [1, с. 166–167].

Таким образом, В.Д. Набоков и его соратники отдавали предпочтение конституционной монархии как будущей форме государственно-политического устройства России, в рамках которой должен был утвердиться буржуазно-правовой строй. Их экономическая программа, имевшая ряд недостатков, была ориентирована на восстановление капитализма и развитие крупного помещичьего хозяйства, функционирующего на основе рыночных отношений. Тактика борьбы кадетов в Германии с Советской властью не отличалась постоянством. Первоначально они отдавали приоритет военной интервенции, которая должна была осуществиться силами, подчинёнными генералу П.Н. Врангелю. В связи с введением НЭПа ими был взят курс на международную изоляцию Советской России и внутренний раскол в рядах ВКП (б) и Красной армии. Однако отсутствие поддержки у эмигрантских масс, несоответствие программных документов потребностям времени и ряд других факторов не способствовали реализации планов В.Д. Набокова и его идейных соратников.

### Литература

- 1 Шкаренков, Л.К. Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков. – 3-е изд. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.
- 2 Кувшинов, В.А. Кадеты в России и за рубежом / В.А. Кувшинов. – М.: Унив. гуманитар. лицей, 1997. – 160 с.
- 3 Глебова, Л.И. Политическая деятельность кадетов в период эмиграции: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Л.И. Глебова. – М., 1997. – 197 с.
- 4 Ландау, Г. Крушение умеренного социализма / Г. Ландау // Руль. – 1921. – 16 апр. – С. 1–2.
- 5 Напрасные надежды // Руль. – 1921. – 10 июня. – С. 1.
- 6 Руки прочь // Руль. – 1921. – 19 февр. – С. 1.
- 7 Тимашев, Н. Письма о старой и новой России. Что же нам делать? / Н. Тимашев // Руль. – 1923. – 7 март. – С. 1–2.
- 8 Мнимое начало // Дни. – 1923. – 30 окт. – С. 1.
- 9 Федерализм и централизм // Руль. – 1927. – 4 авг. – С. 1–2.
- 10 Ландау, Г. Буржуазный переворот / Г. Ландау // Руль. – 1921. – 1 июня. – С. 1–2.
- 11 Набоков, В. Способы борьбы за освобождение России / В. Набоков // Руль. – 1921. – 11 июня. – С. 2–3.
- 12 Каминка, А.И. Голод и аграрные отношения / А.И. Каминка // Руль. – 1922. – 22 апр. – С. 1–2.
- 13 Наши разногласия // Руль. – 1921. – 30 янв. – С. 1.
- 14 Популярность фашизма // Руль. – 1926. – 29 окт. – С. 1–2.
- 15 Езерский, Н. Предпосылки фашизма / Н. Езерский // Руль. – 1928. – 22 июня. – С. 1–2.
- 16 Тимашев, Н. Письма о старой и новой России. Грядущая Россия и НЭП / Н. Тимашев // Руль. – 1923. – 17 февр. – С. 1–2.
- 17 Метание // Руль. – 1924. – 22 мая. – С. 1.
- 18 Ход кризиса // Руль. – 1922. – 21 апр. – С. 1.
- 19 Первородный грех // Руль. – 1922. – 25 апр. – С. 1.
- 20 Беспроигрышная лотерея // Руль. – 1926. – 17 окт. – С. 1.
- 21 Военная крамола // Руль. – 1924. – 9 февр. – С. 1.

## Этнасацыяльныя асаблівасці грамадскай дыферэнцыяцыі ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

В. А. МІХЕДЗЬКА

В статье рассматривается проблема влияния этноконфессионального фактора на статусные отношения между основными сословными и социальными группами населения белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX в.

**Ключевые слова:** Российская империя, Северо-Западный край, сословные отношения, национальная политика, иерархия, поляки, католики, евреи, русские, белорусы, статус.

The paper addresses the problem of the influence of ethno-confessional factor on the status relationship between the basic class and social groups of Belarusian provinces in the second half of the XIX – beginning of XX centuries.

**Keywords:** The Russian empire, The North-West region, estate relations, the national policy, the hierarchy, Poles, Catholics, Jews, Russian, Belarusians, the status.

Вывучэнне праблем і разнастайных фактараў грамадскага структуравання ў апошні перыяд існавання Расійскай імперыі з’яўляецца адным з найбольш цікавых і прыцягальных накірункаў развіцця сучаснай гістарычнай навукі. Тут відавочныя і значныя дасягненні, якія сталіся вынікам новых метадалагічных падыходаў да разгляду гэтай складанай праблематыкі. У вялікай ступені гэты прагрэс быў забяспечаны заходнімі навукоўцамі, якія найбольшую ўвагу надавалі разгляду нацыянальных аспектаў і рэгіянальных асаблівасцяў палітычнага развіцця Расійскай імперыі. Гэтыя даследаванні непасрэдна закранаюць грамадства Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст., калі яна з’яўлялася часткай так званага “Паўночна-Заходняга краю” Расійскай імперыі. Тут, безумоўна, неабходна асабліва адзначыць работы А. Капэлера [1; 2], С. Беккера [3], Д. Бавуа [4], Д. Слокума [5] і Т. Уікса [6].

У апошнія дзесяцігоддзе актывізаваліся і гісторыкі на постсавецкай прасторы. З’явіліся публікацыі Л. Гарызонтава [7], А. Міллера [8], М. Далбілава [9], Д. Сталюнаса [10], якія непасрэдна звяртаюцца да розных аспектаў урадавай палітыкі датычна польскай, літоўскай, украінскай і беларускай супольнасцяў на тэрыторыях “Заходняга краю”. Вынікам сталася больш уважанае разуменне характара расійскай дзяржаўнай палітыкі, у тым ліку русіфікацыйных мерапрыемстваў, і яе ўплыў на грамадскія працэсы ў гэтым рэгіёне. Трэба адзначыць, што і беларускія даследчыкі пасунуліся ў вывучэнні грамадскай эвалюцыі, што адбывалася ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. [11–14]. У той жа час, шэраг аспектаў грамадскага ўзаемадзеяння, якое складалася тут пад супярэчлівым ўплывам разнастайных – эканамічных, дзяржаўна-палітычных, сааслоўных, этнічных, рэлігійных – фактараў, яшчэ патрабуюць больш ўважлівага разгляду. Сярод іх і тыя статусна-ерархічныя дачыненні, якія існавалі і змяняліся паміж асноўнымі этнаканфесійнымі супольнасцямі, а таксама ўнутры іх. Для лепшага разумення пазначанай праблематыкі варта прыгадаць сітуацыю, адлюстраваную Ф. Багушэвічам у ягоным вершы “Немец”, што пабачыў свет у 1891 г. Выдатна знаёмы з пачуццямі і светапоглядам беларускага селяніна, Багушэвіч апісаў разгубленасць і боязь “тутэйшага” мужыка-католіка, які апынуўся ў вялікім горадзе : “...А паноў як маку ды серад гароду, / Апроч таго, пропасць рознага народу! / Наш брат як увойдзе, – сам сябе баіцца : / Ці ісці без шапкі, ці дзе пакланіцца? / Ды надта ж і стыдна, каб не памыліцца : / Пакланіцца немцу ці якому жыду!” [15, с. 108]. Тут трапіла акрэслена сапраўды складанае становішча, у якім апыналіся сяляне пры сустрэчы з незнаёмымі, але апранутымі як “паны” людзьмі. У ясковай мясцовасці кожны такі чалавек мог стаць “начальствам”, непачцівасць да якога ажно да канца 1904 г. пагражала селяніну колькідзённым арыштам і цялесным пакараннем. Але ж у горадзе распознаць яго сярод процьмы іншых падобных было цяжка і ці бяспечней было б



увогуле “ісці без шапкі”? Такім чынам, з паказанага прыкладу паўстае пытанне: каму і чаму мусіў кланяцца беларускі селянін на мяжы XIX–XX ст.? Калі шырэй – як будаваліся статусныя, ерархічныя адносіны асноўных сацыяльных і канфесійных супольнасцей у беларускім краі на тыя часы?

Безумоўна, адным з найбольш значных фактараў, які вызначаў грамадскую дыферэнцыяцыю ў Беларусі на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст., заставаўся саслоўны, станава падзел. Саслоўная ерархія, асвечаная традыцыяй і замацаваная законам, забяспечвала сацыяльныя і эканамічныя прэферэнцыі “первенствующему сословию” – дваранству. Даследчыкамі ўжо адзначалася моц саслоўнай традыцыі, якая захоўвалася на пачатку XX ст. і будавалася на светапоглядзе традыцыйных груп, перад усім дваранства і яшчэ больш – якраз сялянства [16, с. 153, 162]. Намаганні захаваць гэтую традыцыю выяўлялі ў часы свайго царавання Аляксандр III і Мікалай II. Але і самі “традыцыйныя” саслоўныя схемы сацыяльнага ўзаемадзеяння тут адрозніваліся. Часткай яны былі сфармаваны яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай, часткай былі навязаныя ўжо падрасійскай рэчаіснасцю. Прапанаваныя мясцовай традыцыяй узоры сацыяльнай ідэнтыфікацыі істотна адрозніваліся ад замацаваных у расійскім заканадаўстве нормаў. Трэба да таго ўлічваць і наяўнасць адасобленых этнаканфесійных супольнасцей – яўрэйскай, мусульманскай, старавераў, а таксама і каталіцкай грамады, становішча якіх рэгулявалася як мясцовай сацыяльнай і культурнай традыцыяй, гэтак асобна цэлым комплексам расійскага канфесійнага заканадаўства.

На працягу XIX ст., і асабліва яго другой паловы, ў Паўночна-Заходнім краі ажыццяўляліся ўрадавыя мерапрыемствы “абмежавальнага заканадаўства”. У пераважнай ступені яны былі накіраваны супраць мясцовых палякаў і яўрэяў і мелі на мэце стварыць найбольш спрыяльныя ўмовы для “расійскага” элемента ў краі. Такім чынам, тут перапляталіся не толькі ерархіі, што былі народжаны сацыяльнай традыцыяй і працэсам мадэрнізацыі сацыяльнага і гаспадарчага жыцця, але таксама і народжаныя ўрадавымі мерапрыемствамі.

Беларускія рэаліі другой паловы XIX – пачатку XX ст. дэманструюць уражлівае несупадзенне ўрадавых падыходаў нават у межах традыцыйнай саслоўнай ерархіі. З аднаго боку, расійскае кіраўніцтва на працягу парэформеннага часу клапацілася пра падтрымку дваранскага саслоўя. З другога – ажыццяўленне ў краі абмежавальнай пазямельнай і фінансавай палітыкі мусіла скараціць эканамічную вагу польскага землеўладальніцкага дваранства. Гэта, зразумела, не магло не адбіцца на сацыяльным аўтарытэце шляхты перад усім сярод праваслаўнага беларускага сялянства.

“Абмежавальныя” мерапрыемствы мясцовым польскім дваранствам разглядаліся не толькі і нават не столькі з пункту гледжання нацыянальнага. Гэтыя дзеянні успрымаліся як замах на пракаветныя падмуркі саслоўна-станавага парадку і на асвечаныя законам і традыцыяй адносіны уласнасці. Буйны землеўласнік Э. Вайніловіч са скрухай заўважаў: “Справа сялянская ... перайшла да кампетэнцыі ... людзей, запрошаных з глыбіні Расіі, з мясцовымі варункамі незнаёмых, патыхаючых пераважна нянавісцю да ўсяго, што польскае, што дыхала культурай і даўняй традыцыяй грамадскага парадку” [17, с. 13]. Сярод іх “знаходзіліся і людзі ідэйныя, але ж яны і былі найбольш шкодныя, бо намагаліся прышчапіць сярод насельніцтва заразу нігілізму і сацыялізму, прынесеную з Усходу” [17, с. 38]. З гэтага пункту, гледжання дзеянні адміністрацыі стваралі небяспечны прэцэдэнт, які паказваў дарогу сялянскім патрабаванням памешчыцкай зямлі. Успрыняцце драпежных набыўцоў, дзеячаў мураўёўскай адміністрацыі, як “чырвоных”, а яе мерапрыемстваў – як разбуральнай для ўсяго маёмаснага ладу імперыі, як сацыялістычнай “аграрнай дэмагогіі” аб’ядноўвала польскіх землеўладальнікаў Заходняга краю і расійскую зямельную арыстакратыю ў справе абароны сваіх інтарэсаў перад патрабаваннямі немаёмасных слаёў насельніцтва [18, с. 88, 110]. У той жа час, дыскрымінацыйныя пазямельныя законы прымушалі польскіх памешчыкаў па ўсяму Заходняму краю мацней трымацца за бацькоўскую спадчыну [4, с. 25; 19, с. 117]. “Але – Бог усемагутны – тое, што на згубу нашых землеўладальнікаў было разлічана, пайшло ім на карысць...” – адзначаў у сваіх успамінах Э. Вайніловіч [17, с. 13]. Гадаваўся новы тып землеўладальніка-прадпрыемальніка: “шляхта наша, ад усякага ўдзелу ў жыцці грамадскім і кіраўнічым пасля падзеяў 1863 г. адсунутая, мусіла самнехаць звярнуцца да раллі альбо шукаць хлеба ў самас-

тойных прадпрыемствах і ...выказала ў гэтым накірунку шмат жыццёвых сіл. Паволі...маёнткі пачалі ад запазычаннасці вызваляцца і зямляне пачалі ўваходзіць у дабрабыт. Нават указ 10 снежня 1865 г. ... умацоўваў тых, хто на зямлі сядзеў, бо кожны разумеў, што хто той зямлі пазбавіцца, то ўжо да яе не вернецца. Пазбаўленне зямлі...уважалася за грэх антынацыянальны...” [17, с. 38–39]. Ад 1880-х гадоў руплівае гаспадаранне і ўдалыя аперацыі з каштоўнымі паперамі ўжо ўважаліся мясцовым польскім землеўладальніцкім станам за патрыятычны абавязак [20, с. 7]. У выніку, у канцы XIX і з пачаткам XX в. “капіталізаваны польскі маёнтак на Беларусі зрабіўся прыкладам тэхнічнай высока-пастаўленай гаспадаркі, ператварыўся ў аграрнага культуртрэгера ў тэхнічна-адсталай і беднай капіталамі сялянскай Беларусі” [18, с. 268]. Падобную з’яву адзначыў Д. Бавуа і ў украінскіх тэрыторыях Заходняга краю” [4, с. 155]. Для буйной землеўладальніцкай польскай шляхты абмяжавальны рэжым у зямельнай сферы ствараў значныя перашкоды і нязручнасці, але не стаўся фатальным і нават садзейнічаў капіталістычнай перабудове памешчыцкай гаспадаркі. Дзякуючы сувязям у вышэйшым прыдворным асяроддзі і хабарніцтву расійскіх чыноўнікаў многія абмежаванні і забароны магчыма было абысці [21, с. 52–53].

Зразумела, што гэтая практыка толькі падмацоўвала аўтарытэт мясцовага заможнага “зямлянства” ў вачах сацыяльных нізоў. Як заўважыў Г. Фрыз, як “на ўзроўні закона, так і ў масавай свядомасці, саслоўная структура заставалася дзіўна жывучай, забяспечвала асноўныя спосабы калектыўнай ідэнтыфікацыі і стварала аснову сацыяльнай стратыфікацыі ў апошні перыяд існавання імператарскай Расіі.... спадчыннасць статусу і моцна выяўленая тэндэнцыя да ўнутрыстанавай эндагаміі грунтаваліся не толькі на пастановах закона, але таксама на адносінах уласнасці, на звычаі і меркаваннях прэстыжу” [16, с. 146]. Як раз гэтыя акалічнасці сталіся сюжэтай асновай для “Паўлінкі” Янкі Купалы, які сам паходзіў з дробнай “засцяпковай” шляхты. Бацька галоўнай гераіні – засцяпковы шляхціц – зненавідзеў абранніка сваёй дачкі, бо той быў “з мужыкоў” [22, с. 33]. Сімпатыі бацькі былі на баку іншага прэтэндэнта, прыналежнасць якога да шляхецкага стану выяўлялася ў камічнай “пальшчызне”.

Такім чынам, структура грамадскай ерархіі, якая сфармавалася яшчэ ў часы Рэчы Паспалітай і на версе якой стаяла землеўладальніцкая шляхта, працягвала існаваць і канцы XIX – пачатку XX ст. Разам з тым мацнелі ерархічныя дачыненні, якія былі заснаваны ўжо не на аўтарытэце і магчымасцях, якія давала прыналежнасць да дваранскага стана, але на маёмасных адрозненнях, незалежна ад саслоўя. Прыналежнасць да шляхецкага стану ўсё яшчэ забяспечвала аўтарытэт, эканамічныя і сацыяльныя прэферэнцыі, але насамрэч пераважна для найбольш заможнай і радавітай яе часткі. Для немаёмасных і дробнамаёмасных уласнікаў прыналежнасць да шляхецтва ў другой палове XIX ст. ужо стварала асабліва відавочныя цяжкасці і нараджала пратэстныя настроі. З гэтай прычыны сацыяльны статус дробнай шляхты зніжаўся і захоўваўся пераважна з моцы культурнай традыцыі, пераважна ў асяроддзі каталіцкага насельніцтва. Аднак з вясны 1905 г. абмежаванні для “асобаў польскага паходжання” ў сферы землеўладання былі ў значнай ступені скасаваны. У выніку эканамічная, а разам з гэтым сацыяльная вага польскіх землеўладальнікаў яшчэ больш ўзрасла, а дробная шляхта ўмацавала свой вышэйшы статус у дачыненні да беларускага сялянства.

Адначасова польскія землеўладальнікі, якія належалі да каталіцтва, разам з астатнімі каталіцкімі вернікамі цярпелі істотныя абмежаванні рэлігійнага жыцця, якія на фоне пануючага праваслаўя набывалі выразна дыскрымінацыйнае і нават зняважлівае аблічча. Гэтыя забароны тычыліся такіх важнейшых для функцыянавання касцёла сфераў, як непасрэднай сувязі з Рымам, як рамонт старых і пабудова новых касцёлаў, публічных праяваў рэлігійнага жыцця католікаў, дзейнасці каталіцкіх святароў, у тым ліку і вышэйшых ерархаў. Значная частка каталіцкіх касцёлаў перадаваліся праваслаўнай царкве. Далучалася да гэтых захадаў і забарона польскай адукацыі, якая фактычна мусіла існаваць ва ўмовах падполля [23, с. 86, 91]. Гэта стварала ўражлівы кантраст з сацыяльным і эканамічным дамінаваннем польскіх землеўладальнікаў, асабліва што да праваслаўнага сялянства, ставіла іх у магчымасцях ажыццяўлення сваіх рэлігійных патрэбаў на ніжэйшую прыступку нават у параўнанні з юрэйскім насельніцтвам, чые рэлігійнае жыццё не ведала такіх уражлівых абмежаванняў. Выданне ў красавіку 1905 г. т.зв. “указа аб верацярпімасці”, безумоўна, садзейнічала падвышэнню гра-

мадскага аўтарытэту каталіцкай царквы і яе вернікаў. Сведчаннем гэтага стаўся і пераход пасля 1905 г. у каталіцтва значнай колькасці праваслаўных, збольшага былых уніятаў [24, с. 86–87]. Уплывовымі апекунамі і абаронцамі каталіцкай царквы ў краі і да “ўказа аб верацярпімасці” і пасля яго выдання якраз выступала буйная землеўладальніцкая шляхта, якая выкарыстоўвала ў гэтых мэтах свае саслоўныя сувязі ў асяроддзі вышэйшай пецяярбургскай бюракратыі [25, с. 128–129].

Яшчэ адна буйная этнаканфесійная група – шматлікае яўрэйскае насельніцтва беларускіх губерняў – таксама існавала ў рэжыме абмежавальнага заканадаўства. Расійскае заканадаўства трактавала яўрэяў як “іншародцаў” і пакідала за ім адносна значныя ў параўнанні з ішым неправааслаўным насельніцтвам края магчымасці рэлігійнага жыцця. Затое ў сферы сацыяльнай і эканамічнай яўрэі цяпелі значную дыскрымінацыю, асабліва выразную ў параўнанні з праваслаўным, а ў шэрагу выпадкаў – нават і з каталіцкім насельніцтвам. У 80-х – 90-х гадах XIX ст. яўрэям было забаронена рассяленне па-за гарадамі і мястэчкамі, што прывяло да значнай перанаселенасці, былі істотна абмежаваны магчымасці эканамічнай, прафесійнай, грамадскай дзейнасці, удзел у ўстановах гарадскога самакіравання, атрымання адукацыі. У выніку яўрэйскае насельніцтва края было сканцэнтравана ў сферы гандлёва-рамеснай дзейнасці. Напачатку XX ст. яўрэі складалі каля 60% сярод працоўных, занятых у прамысловасці, гандлю, сферы паслуг [26]. Якраз тут у значнай ступені праяўляліся працэсы фармавання новай сацыяльнай стратыфікацыі, дзе ўсё большую вагу набывалі фактары эканамічнага і прафесійнага стутусаў. Эканамічныя сувязі злучалі яўрэйскую гандлёва-прадпрыемальніцкую групоўку з мясцовымі землеўладальнікамі, што падвышала сацыяльны статус заможнай часткі яўрэйскай грамады. Разам з гэтым мянялася і агульнае ўспрыняцце яўрэйскага насельніцтва з боку сацыяльных нізоў хрысціянскай супольнасці. У хрысціянскім мяшчанскім асяроддзі яны традыцыйна разглядаліся як няздольныя да абароны сваёй годнасці, як аб’ект цікавання і пагарды [27, с. 75, 190]. Але хуткае пашырэнне арганізаванага яўрэйскага рабочага руху, яго актыўнае супрацьстаянне ўладам у першыя гады XX ст. і асабліва падзеі лета – восені 1905 г. садзейнічалі падвышэнню грамадскага аўтарытэту яўрэйскай грамады.

Расійскае панаванне ў краі адбудоўвала тут і ўласцівыя яму ерархічныя сацыяльныя структуры. Яны былі прадстаўлены як ўласна ўладнай ваенна-паліцэйскай і адміністрацыйнай структурамі, гэтак і расійскім землеўладаннем. Адпачатку ўлада імкнулася пашырыць тут рускае землеўладальніцкае дваранства, а таксама пашырыць прысутнасць выхадцаў з унутраных губерняў у складзе мясцовага чыновенства. Аднак пры значным росце колькасці расійскіх землеўладальнікаў на працягу другой паловы XIX – пачатку XX ст. іх вага ў грамадскім і культурным жыцці саступала ўплывам польскім. Яшчэ А. Цвікевічам было адзначана эканамічная і культурная няпэўнасць расійскага землеўладальніцкага стана ў краі, яго залежнасць ад дзяржаўнай апекі [18, с. 304]. Мясцовае чынавенства ў пачатку XX ст. амаль напалову складалася з выхадцаў з унутраных губерняў імперыі [28, с. 333]. Прывелеяванае становішча гэтай групоўкі ў мясцовым грамадстве было забяспечана імперскай уладай. Гэтыя прывілеі, дарэчы, не абавязкова былі матэрыяльнага кшталту. Да 1905 г. задавальненне прыносіла самае ўсведамленне сваёй прыналежнасці да ўлады, да людзей “вышэйшага гатунку”, асабліва ў параўнанні з “іншародцамі”, адчуць сябе “англічанінам у Індыі”. Напрыклад, магчымасць беспакarana штурхнуць і абразіць яўрэя “Жыд, чаго дарогу не саступаеш?”. Па сведчанні сучасніка, вельмі значная частка мясцовага расійскага чынавенства лічыла “яўрэяў і палякаў ворагамі, ...сябе арыстакратамі – белай скурай, а яўрэяў – чорнай” [27, с. 903]. У той жа час, магчымасці культурнай канкурэнцыі з мясцовай польскай грамадой былі ў чыноўніцкім асяроддзі недастатковыя і трымаліся выключна на абмежавальных мерапрыемствах урада [29, с. 122].

Другой часткай “рускай народнасці” беларуска-літоўскага краю былі рускія стараверы. Віленскі генерал-губернатар П.Дз. Святаполк-Мірскі падкрэсліваў значнасць місіі старавераў па ўмацаванні ў краі “рускіх культурных пачаткаў”. Менавіта рускія стараверы, якія захавалі “ў поўнай чысціні рускую мову і рускія звычаі” і ў супрацьвагу беларусам “зусім не паддаліся ўплывам польскай народнасці і каталіцкай царквы”, названы віленскім генерал-губернатарам сапраўдным апірышчам расійскага ўраду ў краі [30, л. 42 об. – 43]. Аднак у спра-

ве набыцця зямельнай уласнасці стараверы былі таксама абмежаваны, як і каталіцкая, і яўрэйская грамада, хаця і ў меншай ступені. Магчымасці старавераў набываць зямлю ў беларускіх губернях абмяжоўваліся і прадстаўнікамі ўлады, і прадстаўнікамі афіцыйнай праваслаўнай царквы [31, с. 178]. На фоне паўсюдзённых публічных праяваў рэлігійнага жыцця іншых плыняў хрысціянства і іудаізма – які ў мястэчках і гарадах быў асабліва заўважны што-тыдзень – стараверам забаранялася сведчыць сваё веравызнанне. Яны да красавіка 1905 г. працягвалі разглядацца заканадаўствам, мясцовай адміністрацыяй, і асабліва – праваслаўнай ерархіяй – як асяроддзе, шкоднае для дзяржавы і ўлады і нават злачыннае. Ва ўмовах канкурэнцыі з яўрэйскім гандлёва-рамесным насельніцтвам такія абмежаванні ўспрымаліся асабліва хваравіта, што спрыяла распаўсюджанню ваяўнічых антысеміцкіх настрояў. У пэўнай ступені стараверы гэтым “кампенсавалі” ўласная крыўды [27, с. 190].

Нарэшце, большасць насельніцтва краю складалі беларусы. У канцы XIX ст. абсалютная большасць беларусаў – да 94% – была занята ў сельскай гаспадарцы. Трэба пагадзіцца з Т. Уіксам у тым, што на пачатку XX ст. расійская адміністрацыя (за невялікімі выключэннямі кшталту П.Дз. Святаполка-Мірскага) не заўважала “беларускага пытання” [6, с. 591]. Фармальна праваслаўная частка беларусаў лічылася “рускімі”, што, на думку А. Капэлера, адкрывала для іх магчымасці кар’ернага росту пры ўмове валодання рускай мовай [2]. Аднак пераважная іх частка належала да сялянскага саслоўя з апаведнымі сацыяльнымі і прававымі абмежаваннямі. З пачаткам XX ст. магчымасці сацыяльнага росту для мясцовага праваслаўнага сялянства і мяшчанства сапраўды павялічыліся. Прадстаўнікоў гэтых саслоўных груп усё больш сярод мясцовай адміністрацыі і паліцыі, службоўцаў прыватных устаноў і чыгункі. Яны, як ужо было заўважана А. Цвікевічам, стварылі сацыяльную аснову для пашырэння “западно-русской” грамадска-палітычнай плыні. “Западно-русы” разлічвалі з дапамогай ураду забяспечыць сябе паважнае месца ў сацыяльнай ерархіі края, але гэтыя намеры засталіся няспраўджанымі [18, с. 300, 306]. На справе скарыстаць з фармальнай прыналежнасці да “рускай народнасці” для прадстаўнікоў беларускага сялянства было вельмі цяжка дзеля захавання сацыяльных перапонаў і канкурэнцыі з боку больш надзейных, у вачах адміністрацыі, уладжэнцаў унутраных расійскіх губерняў. Беларусы жа каталіцкага веравызнання і на пачатку XX ст. цяпілі дыскрымінацыю як у сацыяльна-эканамічнай, гэтак і ў веравызнаўчай сферы. У рэчаіснасці, такім чынам, магчымасці кар’ернага росту былі абумоўлены паспяховасцю пазбаўлення ад спецыфічных рысаў беларускай моўна-культурнай ідэнтычнасці. Пры адсутнасці развітай і шырокай рускамоўнай адукацыйнай і інфармацыйнай прасторы для большасці беларусаў з сялянскіх нізоў цалкам пазбавіцца спецыфічных адзнакаў “сялянскай” ідэнтычнасці было вельмі цяжка, што садзейнічала захаванню нізкага сацыяльнага статусу.

Такім чынам, пастаўленае на пачатку пытанне не мае адназначнага адказу. На мяжы XIX–XX ст. у Беларусі існавала складаная і супярэчлівая сістэма саслоўных і этнаканфесійных абмежаванняў і дазваленняў. Кожная з асноўных саслоўных груп была падзелена па этнаканфесійнаму прызнаку, што нараджала ў межах групы значную статусную дыферэнцыяцыю. У кожным выпадку існавала ўнікальнае спалучэнне фармальных і сапраўдных перавагаў і абмежаванняў, якія, відавочна, не дазвалялі аніводнай саслоўнай і этнаканфесійнай групцы ў складзе мясцовага грамадства заняць выключнае пераважнае месца. Верхнія прыступкі грамадскай ерархіі на мяжы XIX–XX ст. працягвалі займаць буйныя польскія землеўладальнікі, якія здолелі захаваць і эканамічны, і культурны ўплыў, а разам з гэтым і сацыяльнае дамінаванне. На ніжняй прыступцы знаходзілася беларускае сялянства. Аднак павялічвалася роля індывідуальнага статусу кожнай асобы ў залежнасці ад сукупнасці сацыяльных, маёмасных і прафесійных фактараў.

## Літаратура

1 Каппелер, А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М.: Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

2 Каппелер, А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи / А. Каппелер // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 125–144.

- 3 Беккер, С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода имперской России / С. Беккер. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 344 с.
- 4 Бовуа, Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Д. Бовуа. – Київ: Критика, 1998. – 410 с.
- 5 Слокум, Дж. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи / Дж. Слокум // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 502–531.
- 6 Викс, Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Т. Виск // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 589–609.
- 7 Горизонтов, Л.Б. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л.Б. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 272 с.
- 8 Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
- 9 Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
- 10 Сталюнас, Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных окраинах в период Великих реформ / Д. Сталюнас // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 261–292.
- 11 Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 320 с.
- 12 Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Мінск: БГУ, 2004. – 223 с.
- 13 Смалянчук, А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гг. / А.Ф. Смалянчук. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.
- 14 Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі ў 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск, 2002.
- 15 Багушэвіч, Ф. Немец / Францішак Багушэвіч // Творы. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 150 с.
- 16 Фриз, Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России / Грегори Л. Фриз // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2000. – С. 121–163.
- 17 Woyniłłowicz, E. Wspomnienia 1847–1928 / E. Woyniłłowicz. – Wilno, 1931. – 368 s.
- 18 Цвікевіч, А. “Западно-руссизм”: Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX вв. / А. Цвікевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
- 19 Панюціч, В. Нацыянальны аспект пазямельнай палітыкі царызму на Беларусі эпохі капіталізму (1861–1917 гг.) / В. Панюціч // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – № 11. – С. 107–125.
- 20 Korwin-Milewski, H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855–1925) / H. Korwin-Milewski. – Poznań, 1930. – 603 s.
- 21 Панюціч, В. Нацыянальны аспект пазямельнай палітыкі царызму на Беларусі эпохі капіталізму (1861–1917 гг.) / В. Панюціч // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – № 10. – С. 41–55.
- 22 Купала, Я. Паўлінка: камедыя ў 2-х актах / Янка Купала. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 63 с.
- 23 Грыгор’ева, В. Русіфікацыя насельніцтва і канфесіянальная палітыка царызму на Беларусі (1861–1904) / В. Грыгор’ева // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.). – Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 1998. – С. 58–110.
- 24 Яноўская, В.В. Указ 17 красавіка 1905 г. – Аб замацаванні пачаткаў верацярпімасці ў сучаснай гістарычнай традыцыі / В.В. Яноўская // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 85–91.
- 25 Ліст княгіні Марыі Магдаліны Радзівіл да міністра ўнутраных справаў Расійскай імперыі. 1913 г. / Яноўская В. / Узаемаадносіны “царква – дзяржава” ў Расійскай імперыі на пачатку 20 ст. // Гістарычны Альманах. – 2002. – Т. 6. – С. 117–129.
- 26 Біч, М.В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі у канцы XIX – пачатку XX ст. / М.В. Біч // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук. – 1972. – № 4. – С. 34–40.

- 27 Гомельский процесс. Подробный отчет / Сост. Б.А. Кревер. – Спб.: Тип. “Общественная польза”, 1907. – 1204 с.
- 28 Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / АН Беларусі. Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.
- 29 Крыжановский, С.Е. Заметки русского консерватора / С.Е. Крыжановский // Вопросы истории. – 1997. – № 4. – С. 107–126.
- 30 Отчет виленского генерал-губернатора П.Д. Святополка-Мирского от 20 мая 1904 года // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 194. – Д. 136.
- 31 Горбацкий, А.А. Белорусское имение Ветка и его судьба в начале XX в. / А. Горбацкий // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. – М., 2002. – С. 174–179.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 11.01.10

УДК 373(476)(091)+352.075.2(476)(091)

## Деятельность органов городского самоуправления Беларуси по развитию системы средних учебных заведений (1875–1914 гг.)

Н. С. МОТОВА

В статье освещается деятельность органов городского самоуправления, направленная на развитие системы среднего образования в белорусских городах в 1875–1914 гг. Показаны мероприятия городских властей по оказанию помощи гимназиям и реальным училищам, открытию новых учебных заведений. В статье приведены примеры из истории их создания, описана их структура, указано количество учащихся и т.д. Также подсчитаны размеры материальной помощи со стороны органов городского самоуправления этим учебным заведениям.

**Ключевые слова:** органы городского самоуправления, система образования, учебные заведения, гимназии, финансовое обеспечение.

The article highlights activity of municipal government bodies in development of the system of secondary education in Belarusian towns in 1875–1914. It deals with common measures of municipalities aimed at aiding to gymnasiums and non-classical secondary schools, opening new schools. The article is devoted to history of their foundation, the structure, the number of pupils and so on. It highlights scale of municipal financial aid for these schools.

**Keywords:** structures of city self-management, education system, educational institutions, grammar schools, financial maintenance.

После проведения на территории Беларуси городской реформы в 1875 г. в ведение органов самоуправления были переданы обязанности по развитию системы народного образования, которая включала и средние учебные заведения. На протяжении всего исследуемого периода их количество постоянно увеличивалось, чему в значительной степени способствовала и поддержка со стороны городских властей.

В целом, проблемы развития системы среднего образования довольно подробно были рассмотрены в работах по истории педагогики. В этой связи можно отметить «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі» [1], работу «Асвета і педагогічная думка ў Беларусі са старажытных часоў да 1917 г.» [2]. В более широком контексте Российской империи эта проблематика была рассмотрена в исследованиях Ш.И. Ганелина [3], Н.А. Константинова [4]. Из современных белорусских исследователей наибольшее внимание изучению этих проблем уделяет С.В. Снапковская [5]. В перечисленных выше исследованиях основное внимание было уделено описанию сети дореволюционных учебных заведений и анализу особенностей организации учебно-воспитательного процесса. Весьма подробно была проанализирована эволюция правительственной политики в этой сфере, роль общественного движения в проектах реформирования системы среднего образования. В этой связи авторами приводились только отдельные факты, освещавшие участие органов городского самоуправления в развитии системы среднего образования.

Таким образом, до настоящего времени роль органов городского самоуправления в развитии системы среднего образования на территории Беларуси в 1875–1914 гг. остается малоизученной. Историография по этой проблематике носит преимущественно косвенный характер. В этой связи цель данной статьи заключается в освещении основных направлений, форм и методов деятельности городских властей Беларуси по развитию системы среднего образования.

В белорусских городах функционировали различные типы средних учебных заведений: правительственные и частные гимназии и прогимназии (как мужские, так и женские), реальные училища. Все они находились в ведении Министерства народного просвещения (далее – МНП). К началу 80-х гг. XIX в. в белорусских городах эти учебные заведения были представлены в незначительном количестве: 5 мужских гимназий (в Минске, Витебске, Могилеве, Гродно, Слуцке) и 4 прогимназии (в Мозыре, Гомеле, Бресте, Бобруйске), 2 реальных

училища (в Пинске и Минске), ни одного министерского среднего женского учебного заведения. Количество учащихся в них составляло всего 3 410 человек [6, с. 9–74].

В последней четверти XIX в. органы городского самоуправления Беларуси располагали крайне ограниченными возможностями для расширения сети средних учебных заведений. Это было обусловлено двумя объективными факторами. Во-первых, открытие новых средних учебных заведений по инициативе городских властей требовало значительных финансовых средств, поскольку было необходимо обеспечить их содержание, а также предоставить здания для размещения. Для подавляющего большинства белорусских городов с их скромными бюджетами такие затраты были крайне обременительными. В то же время финансовые возможности МНП были ограниченными, а потому оно не могло вкладывать значительные средства в расширение сети средних учебных заведений, стараясь при открытии новых гимназий и прогимназий максимально использовать местные источники финансирования. Во-вторых, в процессе открытия новых учебных заведений на территории Беларуси возникали различные бюрократические ограничения, окончательное решение вопроса в МНП могло затянуться на неопределенный срок.

В этих условиях участие органов городского самоуправления в развитии среднего образования выражалось в предоставлении единовременных или ежегодных пособий учебным заведениям. Эти средства использовались, как правило, на хозяйственные потребности. Так, в 1880 г. Бобруйская городская дума выделила 7 тыс. руб. для строительства нового здания шестиклассной мужской прогимназии, лишившейся собственного помещения из-за пожара [7, л. 112]. Минская дума с 1880 г. выделяла ежегодное пособие в размере 5 330 руб. на содержание реального училища [6, с. 63]. Но в целом средние учебные заведения финансировались за счет средств государства и поступавшей платы за обучение. В середине 1880-х гг. правительство выделило на их содержание 243 183 руб. 20 коп., а городские власти Беларуси – всего 6 830 руб. [подсчитано по: 8].

Со второй половины 1880-х гг. начали появляться первые ходатайства со стороны органов городского самоуправления о преобразовании существовавших в городах прогимназий. Постановления городских властей, как правило, содержали обязательства о предоставлении пособий в случае положительного разрешения вопроса. Например, в 1886 г. Гомельская городская дума возбудила ходатайство о преобразовании мужской прогимназии в восьмиклассную гимназию с 1887 г., пообещав при этом выделить ежегодное пособие в 1,5 тыс. руб. [9, л. 49, 54–54 об.]. Однако соответствующее разрешение со стороны МНП последовало только в 1897 г. [10, с. 330].

В 1887 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов выступил с предложением закрыть все приготовительные классы при гимназиях и прогимназиях, так как они облегчали поступление в средние учебные заведения представителям низших сословий, для которых, по мнению министра, было бы достаточно получить начальное образование [3, с. 91]. Однако эта идея не получила одобрения в Государственном совете. В итоге был принят компромиссный вариант: было решено сохранить приготовительные классы в тех случаях, когда их содержание будет обеспечено за счет местных средств и платы за обучение. Правительство же прекратило выделять средства на эти цели [11, с. 123]. Соответствующие положения были закреплены в законе от 30 мая 1888 г. [12, с. 280]. Чтобы не допустить закрытия приготовительных классов, городские думы Пинска, Минска и других городов решили ежегодно выделять из своих бюджетов дополнительные средства [13, л. 124, 125 об.; 14, л. 1]. Витебская городская дума в 1888 г. возбудила перед правительством ходатайство о сохранении правительственного пособия [15, л. 204, 217]. В ответ последовало положительное решение, причем в законодательном порядке. 3 апреля 1889 г. был утвержден закон, согласно которому с 1890 г. правительственные пособия на содержание приготовительных классов должны были получать 3 гимназии и 2 прогимназии Российской империи. В их число попала и Витебская мужская гимназия [16, с. 129].

В последней четверти XIX в. развитие женского среднего образования существенно отставало от мужского. Первые женские средние учебные заведения на территории Беларуси были открыты Ведомством учреждений императрицы Марии (так называемые мариинские



гимназии): в 1863 г. – в Могилеве, в 1865 г. – в Минске, 1866 г. – в Витебске. Эти гимназии содержались исключительно за счет платы за обучение и полностью подчинялись Ведомству учреждений императрицы Марии [17, с. 28].

Процесс создания женских средних учебных заведений в белорусских городах во многом сдерживался и позицией высших органов государственной власти, которые, опасаясь всплеска общественной инициативы, старались не допустить участия органов городского самоуправления в заведении средних учебных заведениями. В этой связи на территории Беларуси женские гимназии и прогимназии открывались в соответствии с Положением 1869 г. В центральных губерниях Российской империи женские средние учебные заведения функционировали по Положению 1870 г., которое предполагало широкое привлечение общественных средств для их содержания и непосредственное участие в заведении представителей органов самоуправления [18, т. XI, ч. I, с. 230–233, 237].

Несмотря на эти ограничения, городские власти Беларуси уже с 70-х гг. XIX в. возбуждали ходатайства об открытии женских гимназий и прогимназий. Гомельская городская дума первое ходатайство по этому вопросу направила в 1877 г., а женская прогимназия была открыта в 1882 г. [19, л. 1–3 об.; 20, с. 300–301]. По ходатайству Минской думы в городе в 1899 г. была открыта женская гимназия [21, л. 2–2 об.; 22, с. 945–946]. В соответствующих постановлениях органы городского самоуправления принимали на себя обязательства по выделению ежегодных пособий на содержание учебных заведений.

В начале XX в. ситуация стала меняться. Процедура открытия новых учебных заведений (как государственных, так и частных) была упрощена, а МНП стало активно содействовать, прежде всего, материально, развитию среднего образования. Даже небольшие уездные города Беларуси начали ходатайствовать об открытии новых гимназий и прогимназий, причем весьма успешно. Органы городского самоуправления стали в больших объемах выделять пособия, вести строительство новых зданий, учреждать стипендии для наименее состоятельных учащихся.

Практически повсеместно городские власти Беларуси возбуждали ходатайства об открытии женских средних учебных заведений, принимали на счет городских бюджетов часть расходов по их содержанию. При открытии женской гимназии в Полоцке органы местного самоуправления в 1902 г. приняли на себя обязательство выплачивать ежегодное пособие в размере 1 200 руб. Но оно выплачивалось со значительными задержками, а потому к 1912 г. накопилась задолженность в размере 1 684 руб. 37 коп. [23, л. 6]. В Витебске в 1902 г. Городская дума по просьбе попечителя ВУО приняла на себя часть расходов по содержанию женской гимназии, в которую планировалось преобразовать частное училище Р.А. Милинарской [24, л. 412–417]. А в 1903 г. Дума возбудила уже от своего имени ходатайство о преобразовании училища в гимназию, пообещав в случае положительного решения увеличить ежегодное пособие на 1,5 тыс. руб. [25, л. 1016–1017]. На подобных условиях было возбуждено ходатайство об открытии женской гимназии в Минске в 1908 г. [26, л. 35]. В 1908 г. Игуменское собрание уполномоченных при обсуждении вопроса об открытии частной женской четырехклассной прогимназии учительницей З.Н. Козловской решило бесплатно предоставить в течение пяти лет здание для ее размещения, но при условии, что 10% бедных учениц будут освобождены от платы за обучение [27, л. 186–187 об.]. Брестская городская дума участвовала в содержании женской гимназии: в 1912 г. на ее содержание было выделено 300 руб., а для строительства нового здания гимназии был бесплатно предоставлен участок земли [28, л. 52 об. – 53, 157–159 об.].

В начале XX в. органы городского самоуправления представляли в МНП ходатайства об открытии новых мужских средних учебных заведений. Ходатайство об учреждении мужской прогимназии направило в 1908 г. Игуменское собрание уполномоченных [27, л. 206–208], об открытии гимназий – городские думы Минска в 1909–1911 гг. [26, л. 63, 89, 195, 200 об., 201 об. – 202; 29, л. 431] (но безрезультатно [30, с. 43–44]), Полоцка – в 1908–1910 гг. [31, л. 202–202 об.; 32, л. 9–9 об.] (разрешение последовало в 1914 г. [32, л. 10]). Как правило, эти постановления сопровождались обязательствами выделить пособия, предоставить участки земли для строительства собственных зданий, арендовать временные помещения и пр.

Благодаря активному содействию органов городского самоуправления в начале XX в. на территории Беларуси значительно увеличилось количество мужских и женских гимназий и прогимназий. По данным на 1913 г. их насчитывалось 74, а число учащихся составляло 20 320 человек. Но почти 70% этих средних учебных заведений содержалось за счет поступающей платы за обучение. Только 23 гимназии и прогимназии получали материальную помощь со стороны правительства, которая составляла более 370 тыс. руб. В то же время органы городского самоуправления финансировали эти учебные заведения в меньшей степени: с их стороны было выделено менее 20 тыс. руб. [подсчитано по: 10].

В исследуемый период времени на территории Беларуси функционировали и мужские реальные училища. В количественном отношении их было гораздо меньше по сравнению с мужскими гимназиями и прогимназиями. В расширении сети реальных училищ принимали участие органы городского самоуправления. Городские власти обращались с ходатайствами об их открытии, принимая при этом на себя обязательства о выделении денежных пособий на их содержание и о предоставлении зданий для их размещения. Но, как и при учреждении прогимназий и гимназий, процесс открытия этих учебных заведений иногда затягивался из-за различных бюрократических проволочек на годы.

Минская городская дума на протяжении 1877–1879 гг. обсуждала вопрос об открытии реального училища. Так как финансовые возможности города на тот момент были ограничены, городские власти сумели привлечь пожертвования со стороны дворянства. Со своей стороны Городская дума отвела участок земли для строительства здания [33, л. 123, 179]. Но этих средств оказалось недостаточно для открытия училища в полном составе, а потому в 1879/80 учебном году было разрешено открыть только 2 класса реального училища с основным и механико-техническим отделениями [34, л. 190–191 об.]. В Витебске городские власти направили в МНП первое ходатайство об открытии реального училища еще в 1880 г., но оно не принесло результата [35, л. 53–53 об.]. Вновь этот вопрос был поднят в 1907–1911 гг. В соответствующих постановлениях Городская дума предоставила участок земли и выделила средства для строительства здания, выразила готовность арендовать временное помещение [36 л. 606–607 об.; 37, л. 301–301 об.]. В итоге реальное училище все же было открыто в 1911 г. [10, с. 77].

В начале XX в. ходатайство об открытии реального училища возбудила Городская дума Гродно. Городские власти сначала выразили готовность принять на себя 1/3 расходов по строительству здания (примерно 70 тыс. руб.) и арендовать за свой счет временное помещение [38, л. 335–336]. В 1905 г. Гродненская дума согласилась принять на себя сверх указанных выше расходов на строительство еще 25 тыс. руб., которые первоначально планировалось покрыть за счет губернского земского сбора [39, л. 289–290]. Ходатайства об открытии реальных училищ возбуждали и небольшие уездные города, а не только губернские центры. Например, соответствующие постановления были приняты в Полоцке в 1880, в Рогачеве в 1880 г. [35, л. 37–40; 40, л. 9].

На территории Беларуси к 1913 г. функционировало 9 реальных училища, из которых 2 содержались исключительно за счет собственных средств. Финансирование этих учебных заведений осуществлялось за счет поступающей платы за обучение, а также правительственных (более 168 тыс. руб.) и городских средств (более 12 тыс. руб.) средств [подсчитано по: 10].

Органы городского самоуправления выделяли средства для учреждения стипендий во всех типах средних учебных заведений. В честь празднования столетнего юбилея победы в Отечественной войне Витебская городская в 1912 г. постановила учредить специальные стипендии в мужской гимназии, реальном училище, Алексеевской и Мариинской женских гимназиях [41, л. 357–357 об.]. Встречались случаи, когда органы городского самоуправления учреждали стипендии в честь наиболее проявивших себя горожан. Так, Минская городская дума на заседании 8 июня 1910 г. постановила учредить при мужской гимназии с 1911 г. стипендию имени доктора С.К. Свенцицкого в размере 70 руб. [26, л. 180], а на заседании 25 февраля 1913 г., желая почтить память городского санитарного врача А.Ф. Недзведского, постановила учредить в мужской гимназии стипендию его имени для одного из беднейших учеников [42, л. 91].

Благодаря активной поддержке со стороны органов городского самоуправления к концу исследуемого периода были достигнуты достаточно высокие показатели по обеспечению населения средними учебными заведениями. Если в городах Российской империи к 1910 г. на одно учебное заведение в среднем приходилось 12 806 городских жителей, то для белорусских городов этот показатель составлял 10 596 [подсчитано по: 43; 44].

Таким образом, на протяжении последней четверти XIX в. участие органов городского самоуправления Беларуси в развитии среднего образования было довольно скромным. Оно проявлялось в выделении материальной помощи в небольших размерах, предоставлении помещений для учебных заведений и ходатайствах об их дальнейшем преобразовании. В целом, правительство стремилось сдерживать любые инициативы органов городского самоуправления в этой области (в этом заключалась одна из отличительных особенностей функционирования системы самоуправления в белорусских губерниях). Однако в начале 1900-х гг. наметились положительные тенденции. В условиях либерализации законодательной базы и повышения спроса на среднее образование МНП начало содействовать реализации ходатайств как городских властей, так и частных лиц об открытии новых учебных заведений. Со своей стороны органы городского самоуправления не только увеличивали расходы на их содержание, но и направляли ходатайства об дальнейшем преобразовании, за счет собственных средств арендовали или строили помещения для их размещения, учреждали стипендии для учащихся и т.д. Это привело к тому, что на фоне всей Российской империи городское население Беларуси было гораздо лучше обеспечено средними учебными заведениями. Несмотря на эту положительную тенденцию, продолжали сохраняться проблемы по финансовому обеспечению функционирования средних учебных заведений: они содержались преимущественно за счет правительственных средств и платы за обучение. Городские власти не имели возможности осуществлять значительную материальную помощь в связи с ограниченностью бюджетных средств.

### Литература

- 1 Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / рэдкал.: С.А. Умрэйка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Нар. асвета, 1968. – 621 с.
- 2 Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў [і інш.]; пад рэд. М.А. Лазарука [і інш.]. – Мінск: Нар. асвета, 1985. – 464 с.
- 3 Ганелин, Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. / Ш.И. Ганелин. – 2-е изд. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещения, 1954. – 302 с.
- 4 Константинов, Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. / Н.А. Константинов. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва нар. просвещения РСФСР, 1956. – 247 с.
- 5 Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.
- 6 Памятная книжка Виленского учебного округа (далее – ПК ВУО) на 1881/82 учебный год / издание Управления Виленского учебного округа; приложение к № 10 Цирк. по Вилен. учебн. округу. – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1882. – 218 с.
- 7 Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 53. Журналы заседаний Бобруйской городской думы и сметы доходов и расходов г. Бобруйска на 1878 г.
- 8 ПК ВУО на 1884/5 учебный год / издание Управления Виленского учебного округа: в 2 ч. – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1885. – Ч. 1. Приложение к № 2 Цирк. по Вилен. учебн. округу за 1885 г. – 1885. – II, 151 с.
- 9 НИАБ. Фонд 2912. – Оп. 1. – Д. 20. Протоколы заседания Гомельской городской думы.
- 10 ПК ВУО на 1913 год / издание Управления Виленского учебного округа. – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1913. – XV, 406 с.
- 11 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Академия пед. наук СССР, Научно-исследоват. ин-т общ. педагогики; редкол.: А.И. Пискунов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Педагогика, 1976. – 600 с.

12 Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 8: 1888. От № 4933–5685 и дополнения. – 1890. – 1168 с., 9 рис., разд. паг.

13 НИАБ. Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 159. Журналы заседаний Пинской городской думы.

14 НИАБ. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3591. Постановления [Минской городской] думы.

15 НИАБ. Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 39912. Копии постановлений городских дум Витебской губернии.

16 ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 9: 1889. От № 5686–6504 и дополнения. – 1891. – 1484 с., 36 рис., разд. паг.

17 Ступакевич, М. Особенности женского образования в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / М. Ступакевич // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1. – 2003. – № 4 (23). – С. 25–31.

18 Свод Законов Российской империи: полный текст всех 16 т., соглас. с последн. продолж., постановлениями, изд. в порядке ст. 87 Зак. осн., и позднейшими узаконениями: в 5 кн. / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг; под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неоф. – СПб.: Деятель, 1912–[1913]. – Кн. 4, т. 11–12. – [1913]. – X, 1321, XXIX, 519, XIV, XIV с., разд. паг.

19 НИАБ. Фонд 2912. – Оп. 1. – Д. 14. Протоколы заседаний Гомельской городской думы.

20 ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 2: 1882. От № 586–1292 и дополнения. – 1886. – 1129 с., 15 рис., разд. паг.

21 НИАБ. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3602. Журналы заседаний [Минской городской] думы.

22 ПСЗ РИ. Собрание 3. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 19: 1899. Отд-ние 1. От № 16310–17967 и дополнения. – 1902. – 1357 с., разд. паг.

23 НИАБ. Фонд 2523. – Оп. 1. – Д. 10. Дело об уплате арендных денег за помещение женской гимназии.

24 НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 616. Доклады Управы [Витебской] городской думе о составлении инвентаря городских имуществ, о выдаче правительственной ссуды пострадавшим от пожара жителям г. Витебска, об освещении города, о необходимости коммерческого и др. училищ, о сметах городских доходов и расходов за 1900 и 1902 гг., отчет Витебского городского банка за 1901 г.

25 НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 623. Доклады Управы [Витебской] городской думе о благоустройстве города, аренде земель, оценке имущества, постройке и ремонте домов, отчеты Управы о доходах и расходах города за 1899–1902 гг. и сметы на 1903–1904 гг., отчет Городского банка за 1902 г., списки гласных Городской думы и пр.

26 НИАБ. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3639. Постановления [Минской городской] думы.

27 НИАБ. Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 990. Приговоры Собрания уполномоченных г. Игумена.

28 НИАБ в г. Гродно. Фонд 492. – Оп. 1. – Д. 82. Протоколы заседаний [Брестской городской] управы.

29 НИАБ. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3642. Журналы и протоколы заседания [Минской городской] думы.

30 Краткий отчет деятельности Минского городского общественного управления с 1909 по 1913 г. – Минск: Электро-тип. В. и И. Тасьман, 1913. – 52 с., 2 диагр.

31 НИАБ. Фонд 2508. – Оп. 1. – Д. 3775. Постановления Полоцкой городской думы за 1908 г.

32 НИАБ. Фонд 2523. – Оп. 1. – Д. 14. Дело об открытии в г. Полоцке мужской гимназии.

33 НИАБ. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3488. Постановления [Минской городской] думы.

34 НИАБ. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 3584. Постановления [Минской городской] думы.

35 НИАБ. Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36150а. Дело об открытии реального училища в г. Полоцке.

36 НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 4346. Доклады Управы [Витебской] городской думе о ремонте помещения театра, о переоценке имущества и сдаче в аренду городской земли, о состоянии народного образования в г. Витебске, о постройке здания для расквартирования войск, о введении должности архивариуса при архиве Городской управы, о раскладке земельного сбора, о забастовке служащих трамвая (16 ноября – 7 декабря 1905 г.), об отводе зе-

мельных участков под водопроводные сооружения, о расширении улиц, балансе городского банка на 1 ноября 1907 г., списки гласных Городской думы.

37 НИАБ. Фонд 2508. – Оп. 1. – Д. 4841. Книга заседаний Витебской городской думы за 1911 г.

38 НИАБ в г. Гродно. Фонд 17. – Оп. 1. – Д. 520. Копии постановлений Гродненской городской думы за 1904 г.

39 НИАБ в г. Гродно. Фонд 17. – Оп. 1. – Д. 319. Копии постановлений Гродненской городской думы за 1905 г.

40 НИАБ. Фонд 2508. – Оп. 1. – Д. 2586. Постановления Лепельского [собрания городских уполномоченных за 1904 г.].

41 НИАБ. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 185. Доклады [Витебской городской] управы за 1912 г.

42 НИАБ. Фонд 22. – Оп. 1. – Д. 1100. Журналы заседаний Минской городской думы.

43 Города России в 1910 году / Центр. стат. к-т МВД. – СПб.: Тип.-лит. Н.Л. Ныркина, 1914. – III, 1158, XXXII с.; разд. паг.

44 Статистический ежегодник Российской империи, 1913 (Год 10-й) / Центр. стат. к-т Мин-ва внутр. дел. – Петроград: [б/и], 1914. – 661 с.; разд. паг.

Белорусский государственный университет

Поступило 23.08.10

УДК [94(470:438)]:327(061.3)«1922»

## Спробы польска-савецкага збліжэння напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі 1922 г.

М. М. МЯЗГА

В статье выявлено формирование тенденции к улучшению польско-советских отношений накануне Генуэзской конференции и определены причины, по которым эта тенденция не приобрела устойчивый характер.

**Ключевые слова:** Польша, РСФСР, международные отношения, Генуэзская конференция.

In the article the formation of tendencies for improvement of Polish-Soviet connections on the eve of Genoa conference has been discovered and the reasons why this tendency did not obtain stable character have been singled out.

**Keywords:** Poland, Russian Soviet Federative Socialist Republic, international connections, Genoa conference.

Польска-савецкія адносіны ў першыя гады пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора атрымалі параўнальна слабое адлюстраванне ў айчынай і постсавецкай гістарыяграфіі ў цэлым. Работы, якія былі створаны па гэтай праблеме ў савецкі час, даволі аднабаковыя і тэндэнцыйныя. Яны ідэалізуюць знешнюю палітыку Савецкай Расіі і ўсю віну за напружаны стан польска-савецкіх адносін у акрэслены перыяд ускладаюць выключна на правячыя колы ПОЛЬШЧЫ [1]. З другога боку, польскія сучасныя гісторыкі робяць акцэнт на міралюбчым характары палітыкі Польшчы пасля заключэння Рыжскага дагавора, не звяртаючы ўвагу на польскія дзеянні, звязаныя з імкненнем да ўсталявання дамінавання ў рэгіёне Цэнтральна-Усходняй Еўропы, што не магло не выклікаць негатыўнай рэакцыі з боку Савецкай Расіі [2; 3]. У дадзеным артыкуле мы ставім задачу высветліць, якія фактары напярэдадні склікання Генуэзскай міжнароднай канферэнцыі прывялі да пацяплення ў польска-савецкіх адносінах і наколькі дадзеная тэндэнцыя аказалася ўстойлівай.

У самым канцы 1921 – пачатку 1922 г. назіраецца імкненне правячых колаў Польшчы дабіцца перамен да лепшага ў польска-савецкіх адносінах. Гэта было заўважана ў Маскве. 1 студзеня 1922 г. была апублікавана дэкларацыя IX Усерасійскага з’езда саветаў “Аб міжнародным становішчы РСФСР”. У ёй адзначалася ўзмацненне мірных тэндэнцый у польскіх урадавых і дзелавых колах [4, с. 120]. Для такіх заяў меліся падставы. Яшчэ 5 снежня 1921 г. Польшча звярнулася да савецкага ўрада з прапановай пачаць перамовы аб заключэнні гандлёвага дагавора [5, с. 131]. Пазітыўныя змены ў савецка-польскіх адносінах па часе супалі з падрыхтоўкай еўрапейскіх краін да Генуэзскай канферэнцыі.

Прынятае Антантай рашэнне аб скліканні канферэнцыі ў Генуі з удзелам Германіі і Савецкай Расіі выклікала пэўную заклапочанасць у польскіх палітычных колах. У той момант для польскага ўрада найбольш важным было пытанне ўстойлівасці граніц краіны. Не выключалася, што на канферэнцыі можа паўстаць дыскусія па пасляваенных дамовах, а Савецкая Расія ўздыме пытанне аб польска-савецкай мяжы, якая ў той час яшчэ не была прызнана міжнароднай супольнасцю [6, с. 39]. Для такіх апасенняў у палякаў былі падставы. У данясенні польскага пасольства ў Германіі ў Варшаву паведамлялася аб намеры савецкай дэлегацыі ў Генуі выступіць, прычым сумесна з Германіяй, за прыналежнасць Вільні Літве. Узгодненасць інтарэсаў РСФСР і Германіі па гэтаму пытанню тлумачылася іх агульнай зацікаўленасцю ў ажыццяўленні транзіта праз літоўскую тэрыторыю [7, і. 13].

Польскаму ўраду прыходзілася лічыцца і з магчымасцю зваротаў да канферэнцыі прадстаўнікоў нацыянальных рухаў, у якіх ставілася б пад сумненне легітымнасць польскіх межаў. Літаральна напярэдадні канферэнцыі 22 сакавіка 1922 г. бюлетэнь беларускага прэс-бюро ў Коўна паведамляў, што ўраду Галіцыйскай Рэспублікі даслана паведамленне Сакра-

тарыяту Лігі нацый. У ім паведамлялася, што адмысловы камітэт Лігі нацый разглядаў усходнегаліцыйскае пытанне і прыняў рашэнне адстойваць незалежнасць Галіцыйскай рэспублікі. Таксама паведамлялася аб публікацыях у англійскай прэсе, у якіх падвяргалася крытыцы імперыялістычная палітыка Польшчы, якая знайшла адлюстраванне ў захопе велізарнай прасторы на ўсходзе Еўропы [8, арк. 34]. Пытанне аб польскай усходняй мяжы спрабавалі рэгулярна ўздываць і беларускія нацыянальныя арганізацыі. У гэтых умовах польскі ўрад А. Панікоўскага лічыў, што шлях да захавання незалежнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці дзяржавы ляжыць перш за ўсё праз умацаванне саюза з Францыяй. Было прынята рашэнне аб паскарэнні падрыхтоўкі эканамічнай дамовы з ёй, пасля чаго павінна была ўступіць у сілу і саюзная дамова паміж двюма краінамі. Аднак спадзяванні дабіцца ад Францыі гарантый для польска-савецкай граніцы, усталяванай Рыжскім дагаворам, польская дыпламатыя да пачатку Генуэзскай канферэнцыі ажыццявіць не змагла. Візіт К. Скірмунта ў Парыж у пачатку красавіка з пункту гледжання вырашэння гэтага пытання аказаўся безвыніковым.

Польшча імкнулася таксама да ўсталявання саюзных адносін з краінамі Малой Антанты і Балтыі. Саюз з гэтымі дзяржавамі таксама павінен быў, па меркаванні правячых колаў Польшчы, умацаваць яе міжнародныя пазіцыі перад магчымымі пагрозамі. У лютым у Бухарэсце адбылася канферэнцыя краін Малой Антанты і Польшчы. Малая Антанта, перш за ўсё Чэхаславакія, не пайшла на саюз з Варшавай, асцерагаючыся быць уцягнутай у канфлікт з Расіяй [9, с. 29]. Выключэнне сярод краін Малой Антанты складала толькі Румынія, з якой яшчэ ў сакавіку 1921 г. Польшчай быў падпісаны ваенны саюз, закліканы забяспечыць непарушнасць польска-савецкай і румына-савецкай граніц [10, с. 148–149].

Што датычыцца краін Балтыі, то ідэя польска-балтыйскага саюза высоўвалася польскай дыпламатыяй яшчэ на Рыжскай канферэнцыі прадстаўнікоў Польшчы, Фінляндыі, Эстоніі і Латвіі, праходзіўшай летам 1920 г. Аднак ініцыятыва польскага ўрада была стрымана сустрэта прыбалтыйскімі дзяржавамі. Толькі на Варшаўскай канферэнцыі ў сакавіку 1922 г. Польшча змагла дамагчыся пэўнага поспеху ў ажыццяўленні сваіх планаў. 17 сакавіка Польшча, Фінляндыя, Эстонія і Латвія падпісалі тэрмінам на пяць гадоў дагавор, удзельнікі якога абавязаліся ўзаемна прызнаць мірныя дамовы з Савецкай Расіяй і цесна супрацоўнічаць пры правядзенні знешняй палітыкі. Артыкул 7 утрымоўваў замаскіраванае абавязацельства ўзаемадапамогі ўдзельнікаў дагавора ў выпадку агрэсіі супраць аднаго з іх. Удзельнікі дамовы павінны былі ў гэтым выпадку захоўваць у адносінах адзін да другога добразычлівы нейтралітэт і выпрацаваць сумесныя меры, якія неабходна прадпрыняць [11, с. 148]. Артыкул 7 быў накіраваны не толькі супраць Савецкай Расіі, але і супраць Германіі.

Характэрна, што савецкае кіраўніцтва таксама было зацікаўлена ва ўзгадненні пазіцый з прыбалтыйскімі дзяржавамі напярэдадні Генуі. Як бачна з тэлеграмы члена калегіі Наркамата Замежных спраў (НКЗС) РСФСР Я. Ганецкага савецкаму паўпраду ў Варшаве Л. Абаленскаму ад 3 сакавіка 1922 г., НКЗС спрабаваў ініцыяваць скліканне балтыйскай канферэнцыі ў Маскве [12, арк. 30]. Аднак прадстаўнікі прыбалтыйскіх дзяржаў сабраліся ў Варшаве і без удзелу РСФСР. Толькі 15 сакавіка ў Маскве было атрымана запрашэнне на гэтую канферэнцыю, але савецкі прадстаўнік на яе не прыбыў [1, с. 99]. Магчыма, польскі ўрад, пасылаючы запрашэнне Савецкай Расіі прыняць удзел у канферэнцыі ў Варшаве фактычна ўжо ў момант яе адкрыцця, і разлічваў на тое, што яна не дашле свайго прадстаўніка.

Варшаўскае пагадненне выклікала заклапочанасць у Маскве. Савецкая дыпламатыя імкнулася паставіць адносіны Польшчы з прыбалтыйскімі дзяржавамі пад свой кантроль і аслабіць антысавецкую скіраванасць Варшаўскага пагаднення ад 17 сакавіка. Польскі ўрад, са свайго боку, незадоўга да пачатку Генуэзскай канферэнцыі стаў выяўляць зацікаўленасць у паляпшэнні адносін з Расіяй. Польскае прадстаўніцтва ў Маскве атрымала інструкцыю Міністэрства замежных спраў (МЗС), у якой гаварылася аб пажаданасці ўзгадніць з Расіяй пазіцыі па праблемах, якія будуць абмяркоўвацца ў Генуі. Гэтая ініцыятыва знайшла станоўчы водгук савецкага ўрада. Было вырашана прыцягнуць да перамоў і прыбалтыйскія дзяржавы [13, с. 142]. Канферэнцыя адбылася 29–30 сакавіка ў Рызе з удзелам прадстаўнікоў РСФСР, Польшчы, Фінляндыі, Эстоніі і Латвіі.

Пытанні, звязаныя з будучай канферэнцыяй у Генуі, былі ў цэнтры ўвагі ўдзельнікаў нарады ў Рызе. Польшча згаджалася падтрымаць у Генуі савецкія намаганні, накіраваныя на дасягненне раўнапраўнага становішча Савецкай Расіі з іншымі дзяржавамі. Узамен палякі жадалі, каб Масква не падтрымлівала Літву ў яе канфлікце з Польшчай і актыўней выконвала шэраг умоў Рыжскага дагавора [14, с. 159]. Падпісаныя па выніках нарады пратакол прадугледжваў супрацоўніцтва яе ўдзельнікаў у справе эканамічнага ўзнаўлення Еўропы, у рашэнні праблем раззбраення. Была дасягнута таксама дамоўленасць аб узгодненых дзеяннях у Генуі. У пратаколе гаварылася і аб пажаданасці юрыдычнага прызнання РСФСР вядучымі дзяржавамі Захаду [15, с. 146–148]. Падпісанне гэтага пратакола некалькі аслабіла антысавецкую скіраванасць Варшаўскага пагаднення ад 17 сакавіка. Удзельнікі Рыжскай канферэнцыі, падпісаўшы яе пратакол, выказаліся за каардынацыю сваіх дзеянняў у Генуі.

Згода польскага ўрада на сустрэчу ў Рызе сведчыць аб тым, што, рухаючыся ў цэлым у фарватары французскай знешняй палітыкі, ён напярэдадні Генуі гатовы быў пайсці на пэўнае паляпшэнне адносін з РСФСР. Міністр замежных спраў Польшчы на сустрэчы з журналістамі 31 сакавіка заявіў, што Варшаўскі дагавор не носіць антысавецкі характар, і Польшча зробіць усё магчымае, каб захаваць добрасуседскія адносіны з Савецкай Расіяй. Да гэтага яе падштурхоўвалі аб'ектыўныя інтэрасы дзяржавы. Варта адзначыць рост зацікаўленасці польскіх дзелавых колаў у развіцці эканамічнага супрацоўніцтва з Расіяй. Так, 23 лютага да прэм'ер-міністра звярнулася гандлёва-прамысловая палата Львова з заклікам тэрмінова прыступіць да гандлёвых перамоў з РСФСР і Савецкай Украінай. Аналагічны заклік быў накіраваны 8 лютага польскім політэхнічным таварыствам [5, с. 140].

На пазіцыю польскіх прамыслоўцаў, як і польскага ўрада, уплывала і інфармацыя аб праходзіўшых у пачатку 1922 г. савецка-германскіх перамовах. У студзені – лютым у Берліне знаходзіўся асноўны савецкі спецыяліст па Германіі К. Радэк. Падчас перамоў з прадстаўнікамі германскага ўрада ён прапанаваў аднавіць дыпламатычныя адносіны паміж дзвюма краінамі яшчэ да пачатку Генуэзскай канферэнцыі і заняць на ёй узгодненую пазіцыю. Польскі ўрад уважліва сачыў за савецка-германскімі кантактамі. 22 студзеня 1922 г. польскае пасольства ў Берліне паведамляла ў Варшаву, што ў германскай сталіцы адбыліся перамовы паміж прадстаўнікамі Расіі і Германіі, падчас якіх савецкі бок прапанаваў рэарганізаваць германскае часовае прадстаўніцтва ў Маскве ў пасольства. Узамен было абвешчана аб гатовасці савецкага бока даць Германіі кампенсацыю за забойства Мірбаха [16, і. 1]. У канцы снежня 1921 г. у Расію прыбыла група германскіх прамыслоўцаў з мэтай вывучэння магчымасцей эканамічнага супрацоўніцтва паміж дзвюма дзяржавамі, а ў красавіку Маскву наведаў прадстаўнік вышэйшай эканамічнай рады Германіі О. Гуго. У склаўшайся сітуацыі палякі апасаліся, што немцы апырэдзяць іх у справе пранікнення на расійскі рынак.

Некатораму паляпшэнню савецка-польскіх адносін напярэдадні Генуі спрыяла і пэўная агульнасць палітычных інтэрасаў дзвюх краін. Прызнанне вядучымі дзяржавамі Захаду Савецкай Расіі павінна было прывесці і да прызнання імя Рыжскага дагавора, а, такім чынам, і ўсталяванай ім польска-савецкай граніцы. У заяве для друку 5 красавіка К. Скірмунт адзначыў, што Польшча не будзе перашкаджаць юрыдычнаму прызнанню РСФСР, бо гэта будзе спрыяць прызнанню ўсходняй польскай мяжы [17].

Урад РСФСР імкнуўся выкарыстаць зацікаўленасць Польшчы ў супрацоўніцтве з Расіяй у Генуі, каб аслабіць уплыў на яе Францыі. Аб гэтым прама гаварылася ў дакладзе савецкай дэлегацыі па выніках Генуэзскай канферэнцыі, дзе факт падпісання Рыжскага пратакола ад 30 сакавіка названы “пачаткам вызвалення Малой Еўропы з-пад уплыву Францыі” [18, с. 5]. Акрамя таго, дэманструючы збліжэнне з Польшчай, можна было аказаць націск на ГЕРМАНИЮ, якая да пачатку Генуэзскай канферэнцыі не жадала ісці на падпісанне дамовы з РСФСР.

Аднак польскі ўрад ужо праз некалькі дзён пад ціскам Францыі дэзавуіраваў подпіс свайго прадстаўніка пад Рыжскім пратаколам. Гэта было зроблена Панікоўскім у выступленні ў соймавай камісіі па замежных справах 6 красавіка, калі ён заявіў, што польскі прадстаўнік на нарадзе не меў паўнамоцтваў штосьці падпісваць [19, с. 47]. Пазней, выступаючы ў сойме па выніках Генуэзскай канферэнцыі, К. Скірмунт адзначыў, што польскае кіраўніцтва



разглядала Рыжскі пратакол як справаздачу аб абмене меркаваннямі дэлегатаў, і "польскі ўрад не адчуваў сябе звязаным гэтым пратаколам" [5, с. 156].

Нягледзячы на некаторае пацяпленне ў савецка-польскіх адносінах перад пачаткам Генуэзскай канферэнцыі, наўрад ці можна казаць аб тым, што ў Маскве разлічвалі на іх устойлівае паляпшэнне. Напрыклад, савецкае кіраўніцтва доўга не давала адказа на польскую прапанову аб пачатку гандлёвых перамоў. У выніку яны пачаліся толькі 10 сакавіка 1922 г., але вельмі хутка прыйшлі ў тупік. Ужо 4 красавіка савецкае прадстаўніцтва ў Варшаве паведамляла ў Маскву, што перамавы «селі на мель», а глава польскай дэлегацыі Страсбургер ад'язджае на канферэнцыю ў Геную [20, арк. 38]. На савецка-польскія адносіны пастаянна ўплываў германскі фактар. Масква ішла на паляпшэнне адносін з Польшчай, пастаянна аглядаючыся на Германію, апасаючыся, каб збліжэнне з Польшчай не пашкодзіла наладжванню савецка-германскага супрацоўніцтва. Так, згоду пачаць гандлёвыя перамавы з Польшчай савецкі ўрад выявіў толькі пасля таго, як 17 лютага 1922 г. былі безвынікова перарваны савецка-германскія перамавы. І ў той час, калі пачаліся польска-савецкія гандлёвыя перамавы, РСФСР не страчвала надзею дамовіцца з Германіяй. 2 красавіка па дарозе ў Геную ў Берлін прыбыла савецкая дэлегацыя на чале з наркамам замежных спраў Г.В. Чычэрыным. Савецкія кіруючыя колы разлічвалі, што пасля Рыжскай нарады і ва ўмовах пагаршэння ў той час польска-германскіх адносін, немцы стануць больш згаворлівымі і падпішуць праектуемую палітычную дамову. Збліжэнне з Польшчай для Масквы было толькі сродкам ціску на Германію. Польшча са свайго боку рабіла толькі некаторыя чыста тактычныя крокі для дэманстрацыі збліжэння з РСФСР, развіваючы ў першую чаргу саюзныя адносіны з Францыяй, якую Масква разглядала ў той момант як найбольш небяспечнага праціўніка на міжнароднай арэне.

Такім чынам, у сувязі з падрыхтоўкай Генуэзскай канферэнцыі ў пачатку 1922 г. выявілася пэўная агульнасць міжнароднапалітычных інтарэсаў Савецкай Расіі і Польшчы. Яна грунтавалася на тым, што жаданне РСФСР дабіцца міжнароднага прызнання з боку вялікіх дзяржаў Захаду адпавядала ў значнай ступені і інтарэсам Польшчы. Польскі ўрад разлічваў, што такім чынам будзе адкрыты шлях да міжнароднага прызнання польска-савецкай граніцы, усталяванай Рыжскім дагаворам. Другім фактарам, які спрыяў некатораму паляпшэнню польска-савецкіх адносін у той момант, была зацікаўленасць Польшчы ў эканамічным супрацоўніцтве з Савецкай Расіяй. Аднак гэтых фактараў аказалася недастаткова, каб тэндэнцыю да паляпшэння польска-савецкіх адносін напярэдадні Генуі зрабіць устойлівай. Працягвалі дзейнічаць шэраг фактараў, якія падрывалі яе. Да іх ліку трэба аднесці супярэчнасці паміж РСФСР і Польшчай у Прыбалтыцы. Імкненне палякаў усталяваць тут свой уплыў, заключэнне Варшаўскага пагаднення 17 сакавіка 1922 г. выклікала рэзка негатыўную рэакцыю савецкага ўрада. Адмоўна ўплываў на развіццё польска-савецкіх адносін германскі фактар. У тагачаснай міжнароднай сітуацыі Савецкай Расіі даводзілася рабіць выбар паміж добрымі адносінамі з Польшчай і з Германіяй. Гэты выбар быў на карысць Германіі, у якой з Расіяй у значна большай ступені супадалі ў той час міжнароднапалітычныя інтарэсы ва ўмовах Версальскай сістэмы еўрапейскіх адносін. Падпісанне Рапальскага дагавора канчаткова перакрэсліла тэндэнцыю пачатку 1922 г. да савецка-польскага збліжэння і парадзіла ў адносінах паміж Савецкай Расіяй і Польшчай глыбокі крызіс.

### Літаратура

- 1 Ольшанский, П.Н. Рижский договор и развитие польско-советских отношений 1921–1924 / П.Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1974. – 258 с.
- 2 Garlicki, A. Utrzymanie pokoju i status quo – zasada polityki II Rzeczypospolitej / A. Garlicki // Rola i miejsce Polski w Europie 1914–1957. – Warszawa: PAN, 1994. – S. 81–90.
- 3 Tomaszewski, J. Polska w Europie i świecie 1918–1939 / J. Tomaszewski, Z. Landau. – Warszawa: Panst. Inst. Wyd., 2005. – 346 s.
- 4 Советский Союз в борьбе за мир. – М.: Госиздат, 1929. – 376 с.
- 5 Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 14 т. Т. 4. – М.: Наука, 1966. – 559 с.

- 6 Mikulicz, S. Polityczne manewry polskiej dyplomacji przed konferencją w Genui. 1922 / S. Mikulicz // *Studia z najnowszych dziejów powszechnych*. – 1963. – Т. 3. – S. 31–45.
- 7 Depesza Ambasady RP w Berline w Ministerstwo Spraw Zagranicznych. 10.04.1922 // *Archiwum Akt Nowych. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn. 6629*.
- 8 Бюлетэнь Беларускага прес-бюро ў Коўна. 22.03.1922 // *Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь*. – Фонд 325. Воп. 1. Спр. 212.
- 9 Рубинштейн, Н. Внешняя политика советского государства в 1921–1925 годах / Н. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1953. – 92 с.
- 10 Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1938: w 2 t. Т. 1. – Warszawa: Inst. Wyd. Pax., 1989. – 540 s.
- 11 Материалы Генуэзской конференции. – М.: Издат. НКВД, 1922. – 372 с.
- 12 Тэлеграма члена Калегіі НКЗС РСФСР Я. Ганецкага паўпраду ў Варшаве Л. Абаленскаму. 3.03.1922 // *Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі*. – Фонд 04. Воп. 32. П. 211а. Спр. 134.
- 13 Kumaniecki, J. Polski aspekt stosunkow radziecko-niemieckih w 1922 r. / J. Kumaniecki // *Przegląd historyczny*. – 1990. – Т. LXXXI, zeszyt 1–2. – S. 139–150.
- 14 Mikulicz, S. Od Genui do Rapallo / S. Mikulicz. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. – 248 s.
- 15 Документы внешней политики СССР: в 22 т. Т. 5. – М.: Госполитиздат, 1963. – 807 с.
- 16 Depesza Ambasady RP w Berline w Ministerstwo Spraw Zagranicznych. 22.01.1922 // *Archiwum Akt Nowych. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Sygn. 6629*.
- 17 Известия. 9 апреля 1922 г. № 80.
- 18 Иоффе, А.А. От Генуи до Гааги. Сборник статей / А.А. Иоффе. – М.: Госиздат, 1923. – 43 с.
- 19 Почс, К.Я. «Санитарный коридор»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 годы) / К.Я. Почс. – Рига: Изд. Зинатне, 1985. – 176 с.
- 20 Тэлеграма паўпрада РСФСР у Варшаве Л. Абаленскага ў Народны Камісарыят За межных Спраў РСФСР. 4.04.1922 г. // *Архіў Знешняй Палітыкі Расійскай Федэрацыі*. – Фонд 04. Воп. 32. П. 211а. Спр. 133.

УДК [94 ( 470) + 94 (477) + 94 ( 476)]: 323. 1 «1990 /2000»

## Основные направления этнополитики в России, Украине и Беларуси в 1990–2000-е годы

А. А. РУБАН

В статье проанализированы основные экономические процессы в России, Украине и Беларуси в конце XX – начале XXI вв.

**Ключевые слова:** нация, государство, родной язык, договор, граждане.

The main (The basic) ethnical and political processes in Russia, Ukraine and Belarus at the end of XX – the beginning of the XXI century.

**Keywords:** nation, state, native language, treaty, citizens.

Национальный вопрос продолжает привлекать к себе пристальное внимание, что свидетельствует о наличии серьезного комплекса противоречий в этой области. Что касается наций и национальных отношений, их места и роли в мировой истории, то в последние годы издано немало оригинальных работ таких авторов как Сахаров А., Тишков В., Тощенко Г., Абдулатипов Р., Баграмов Э. (Россия); Грицак Я., Кульчицкий С., Слюсаренко А., Даниленко В. (Украина); Костюк М., Бабосов Е., Кизима С., Бобков Б., Яськевич Я. (Беларусь), а также их зарубежных коллег (Хоскинг Д., Смит Э., Хантингтон С., Андерсон Б., Бек У.) и другие, которые с разных сторон освещают эту проблему. Для того, чтобы разобраться в судьбах нации и национализма, взаимодействии национального и интернационального, общечеловеческого, нельзя обойтись без анализа глобализации, играющей все более заметную роль в современном мире. С одной стороны, она ставит под сомнение жизнеспособность таких базовых структур человечества, как нация, этнос, национальное государство, а с другой – в условиях современных экономических, политических и социально-культурных процессов, составляющих содержание глобализации, тем более в условиях экономического кризиса, важно сохранять приверженность национальному государству и национализму, не утратить национальную идентичность. Оба мотива – отрицание противоречивого взаимодействия двух мировых тенденций – к интеграции и унификации, с одной стороны, и национальному самоопределению – с другой. Это со всей очевидностью подтверждает правоту многих западных историков, политологов, социологов, которые еще в первые послевоенные десятилетия прогнозировали выход этнонационализма на передовые рубежи исторического процесса. Положительной стороной отечественной трактовки национализма в исторической, этнополитической, этносоциологической и философской литературе следует считать отказ от однозначного негативного смысла, которым наделяли это понятие в советский период. С этих позиций рассматриваются проблемы этнонационализма в XX в., развал Российской империи и появление на ее территории национальных государств, создание СССР, нарушившие естественные исторические процессы, назревание кризиса национальной системы уже советского многонационального государства [1, с. 6].

Методологические просчеты и идеологическая заангажированность специалистов в области теории нации и национальных отношений выражалась в ошибочной установке по решению национального вопроса в Советском Союзе, что само по себе исключало принципиальный анализ проблем в этой области. Уходят в прошлое идеологизированные рассуждения «о национальном вопросе» как отражении классовых процессов. Не отражая воздействия социальных, классовых характеристик на национальные процессы в России, Украине и Беларуси, современные исследователи на первый план, в соответствии с мировым уровнем исследования проблемы и опираясь на реалии отечественной истории, выдвигают общецивилизационные, общегражданские вопросы, говорят о становлении свободы личности, вызревании гражданского общества, правового государства в их восточноевропейской и европейской эволюции.

В советском общественном сознании и тем более на практике было до крайности бюрократизировано понятие национальности. «Пятый пункт», как именовалось зафиксированное в советском паспорте индивидуума свидетельство о его национальности (введенное в 1932 г.), на практике становился индикатором его социальной и личной судьбы. Бюрократическое использование этнического фактора в национальной политике создавало предпосылки для резкой политизации этничности к концу 1980-х годов. В докладах на съездах и конференциях председатель мандатной комиссии приводил данные о национальном составе соответствующей организации и все были уверены: чем выше доля лиц иных национальностей в коллективе, тем прочнее дело интернационализма. События в Сумгаите и Фергане, Абхазии и Южной Осетии в конце 1980-х – начале 1990-х годов этот количественный подход к национальным проблемам опровергли.

Не выдержал экзамена и пропагандистский постулат о том, что многонациональность из фактора слабости стала фактором могущества Советского государства. Оказалось, что советские национальные проблемы сродни тем проблемам, которые давно уже волновали жителей многих зарубежных стран [2, с. 42–43].

В настоящее время жизнь в России, Украине, Беларуси развивается столь стремительно, что некоторые оценки недалекого прошлого уже сегодня можно квалифицировать как переходные к тем, новым подходам, которые пробивают себе путь в науке. Вместе с тем, многие положения, разработанные в начале 1990-х годов еще на волне подлинной демократии, свободы и реальной гласности в науке, рассекречивание архивных материалов, не только не устарели, но напротив, обрели сегодня определенный вес и значимость при анализе национальных процессов XX века.

В условиях глобализации резко актуализируется проблема идентичности, выбора модели национального развития. В современной России этносом, составляющим большинство населения, являются русские, которые составляют 115,8 млн. человек, или 72,8%. Что касается титульных национальностей, то их численность сильно различается (от 50,5 млн. татар, или 3,82% до ингушей, коми, карел, тувинцев и других, доля каждого из которых составляет лишь 0,3% в составе населения страны). Кроме того, имеются этносы, не имеющие административных образований (кумыки, лезгины и другие коренные малочисленные народы), а также диаспорные группы (в том числе, украинцы – 2943,5 тыс., армяне – 1130,2 тыс., белорусы – 845 тыс.). Все эти народы имеют разный статус и интересы, реализация которых зависит от модели межэтнических отношений, вырабатываемых российским государством и обществом.

Определенным шагом вперед явилась Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.). К сожалению, пока еще рано говорить о том, что федеральные власти вполне осознают важность перелома в сфере национальной политики. Об этом говорят все еще невнятная миграционная политика, рост ксенофобии, недостаточное внимание к национальным отношениям в сфере образования, отсутствие системы подготовки кадров, умеющих работать в многонациональной аудитории, явные издержки в освещении этих вопросов в СМИ. Все это привело к тому, что в условиях глубоких политических и социальных трансформаций, которые происходят на территории бывшего СССР, прежде всего в России, в последние годы этнический фактор стал одним из важнейших параметров в жизни и приобрел манифестные, а во многих случаях конфликтные формы.

Сказать, что рост ксенофобии связан только с политической борьбой, будет неверно, считает академик В. Тишков. Конечно, есть проблемы, которые носят фундаментальный характер. Большую роль играет многоэтничность населения России. Чем больше людей с разными традициями, языками, внешним видом, тем выше риск, что любая бытовая или социальная коллизия перерастет в межэтническую. Хотя сама по себе многоэтничность, особенно в привычном своем облике, когда люди разных национальностей веками живут в одной деревне, не может спровоцировать конфликты. Напряженность возникает тогда, когда происходят какие-то радикальные изменения в привычном окружении – массовые миграции или перемещения внутри страны. Еще один фактор, который объясняет наличие негативной динамики – свобода выражений разных, подчас радикальных, взглядов. Нельзя также сбрасывать со счетов и особенности организации современных средств связи, когда за несколько

часов можно собрать толпу из нескольких тысяч человек, особенно молодежи, так как она уязвима по отношению к упрощенным идеалам и лозунгам, в том числе и ксенофобии.

Если ранжировать ксенофобию в России, то на первом месте стоит именно негативное отношение к кавказцам. По подсчетам специалистов, они вызывают устойчивую неприязнь почти у трети населения. На втором месте – к выходцам из Средней Азии (особенно таджикам, узбекам, киргизам). На третьем месте – к африканской расе. А четвертое занимают антисемиты. Чем объясняется рост ксенофобии? Какой-то ненависти к кабардинцам, черкесам, аварцам, доргинцам или осетинам у русских нет. Все-таки это отголоски чеченской войны. Поэтому по всем опросам именно чеченцы и ингуши стоят на первом месте по негативным эмоциям. Еще один факт – социальное расслоение. Большая подготовленность среди жителей Кавказа к зарабатыванию денег и созданию бизнеса – честным или нечестным путем – привели к тому, что бедных кавказцев в Москве почти нет, а состоятельных достаточно много. И, конечно, продолжающийся терроризм.

Национальная политика должна касаться не только меньшинств, но и доминирующего большинства – русского народа. При этом не обязательно записывать, что русские есть государствообразующий народ, как того требуют националисты. Надо просто уделять внимание территориям, где проживает большинство русских. Давать им денег не меньше, чем сейчас из федерального бюджета выделяется республикам Северного Кавказа [4, с. 10].

10 февраля 2011 года в Уфе под председательством Д. Медведева состоялось заседание Госсовета, посвященное национальной политике, на котором президент заявил, что всего в России проживает 182 этнические общности. Россия – одно из крупнейших полиэтнических государств мира. И забывать об этом нельзя. Драматизировать национальный вопрос не следует, но и пускать его на самотек – тоже не выход. «Мы должны быть во всеоружии», – подчеркнул Д. Медведев. Это «всеоружие» фактически означает набор мер, которые помогут справиться с конфликтами на межнациональной почве и, что самое главное, не допустят их. Президент предложил решать этот вопрос на самом высоком уровне, для чего создать координационный совет (или комиссию), которую возглавит один из вице-премьеров [5, с. 2].

Современная Украина тоже является полиэтнической страной. Здесь наряду с украинцами, которые составляют  $\frac{3}{4}$  всего населения, живут также русские, белорусы, евреи, поляки, чехи, словаки, болгары, молдаване, румыны, греки, венгры, татары, гагаузы и др. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., украинцы составляют 77,8% населения, россияне – 17,3%, евреи – 0,9%, белорусы – 0,8%, молдаване – 0,6%, поляки и болгары – по 0,4%, 0,1% – азербайджанцы, цыгане, грузины, немцы, гагаузы. Следовательно, за годы независимости этническая карта Украины несколько изменилась в сторону увеличения украинцев. Около 80% – это высокий показатель для XXI в., учитывая активные миграционные процессы как в прошлом, так и сейчас [6, с. 5].

В начале 1990-х годов стартовые условия для создания на национальном уровне условий для политического консенсуса наций были весьма непростыми. Здесь сказался начавшийся социально-экономический кризис, который повлиял на процесс формирования гражданской нации, а также целый ряд культурных, идеологических, социально-психологических, политических факторов, возникших как результат сложной и противоречивой истории. Одной из наиболее серьезных проблем был достаточно низкий уровень национального самосознания самих этнических украинцев и, соответственно, их способность к мобилизации под национальными лозунгами. Наиболее объективные аналитики никогда не рассматривали результаты референдума 1991 г. как прямое подтверждение уровня национального самосознания украинцев – голосовали не столько и не только за независимую Украину, сколько против союзного центра. Украинский язык вследствие десятилетий русификации, особенно в 1970–1980-е гг., имел крайне низкий социальный статус, ассоциировался с языком села. В 1989 г. 87,7% этнических украинцев назвали украинский язык родным, остальные предпочли русский.

Украинская культура на момент обретения независимости была сведена или к фольклорным формам, или обличена в одежды «социалистического реализма». Национальная украинская пресса, телевидение, книгоиздание, играющие основную роль в национальной кон-

солидации, пребывали в плачевном состоянии с точки зрения качества и масштабов влияния – в этом они значительно уступали русскоязычным. Система образования, которая во всем мире играет неоспоримую роль в формировании основ науки, в советской Украине работала на создание «новой исторической общности – советского народа». К 1989 г. доля учеников в школах с украинским языком обучения составляла 47,5%. Эти школы в основном находились в селах и маленьких городах.

Фактически перед обществом и государством стояла задача «украинизации» самих украинцев, что предполагало определенные приоритеты в культурной и образовательной политике, которые всегда можно было истолковать как предоставление привилегии «титальной нации». Еще одним фактором, значительно усложнявшим реализацию национального проекта в независимой Украине, было региональное деление страны. Наконец, удержавшаяся у власти номенклатура, используя лозунги национального движения в собственных интересах, не знала, как эти лозунги претворять в жизнь. Украинская национальная интеллигенция также имела весьма смутные представления о пути, который нужно пройти, чтобы превратить население в нацию [7, с. 967–968].

Политико-правовой фундамент в области межэтнических отношений создали Законы Украины «Об образовании», «О языках», «Основы законодательства Украины о культуре». Ряд правовых принципов и процедур, которые защищают интересы меньшинств, предусмотрены в законодательных актах о гражданстве, объединениях и организациях. По оценке международных экспертов, упомянутые законодательные акты Украины отвечают международным стандартам в области прав человека [8, с. 141–142]. Можно сказать, что в 1990-е годы проект создания гражданской украинской нации был сформулирован в самых общих чертах и его реализация только начиналась. Украинизация этнических украинцев была достаточно успешной, о чем свидетельствовали результаты переписи 2001 г., согласно которой доля этнических украинцев в составе населения возросла по сравнению с переписью 1989 г. на 5%. Интеграция национальных меньшинств в политическую нацию оставалась делом будущего.

На территории Республики Беларусь проживает 130 национальностей. По данным переписи 1999 г., белорусы составляют 81,2% от всего населения, русские – 11,4%, поляки – 3,9%, украинцы – 2,4%, евреи – 0,3%, все другие – 0,8% [9, с. 170–182]. Таким образом, можно говорить, что Беларусь – полиэтническое государство. В Конституции Беларуси в качестве государственных закреплены 2 языка – белорусский и русский. Более того, каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык обучения. Закон «Об языках в Республике Беларусь» закрепил положение о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики, провозгласил защиту языков, право на воспитание и получение образования на национальном языке. Характеризуя ситуацию, связанную с положением национальных меньшинств в Беларуси, необходимо отметить ее стабильность и уникальность, что выражается в отсутствии каких-либо столкновений и конфликтов на этнической, расовой, лингвистической и конфессиональной основе. Такое положение объясняется, прежде всего, проводимой государственной национальной и конфессиональной политикой, а также менталитетом граждан страны, историческими традициями мирного межэтнического взаимодействия, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси. Недавно социологи попытались определить современный национальный характер белорусов. Первые позиции в рейтинге качеств по-прежнему занимают гостеприимство, трудолюбие, доброта, терпимость. Вместе с тем, у нового поколения все более отмечаются такие черты, как предприимчивость и креативность. Характер белорусов становится ближе к европейскому [10, с. 51]. В сознании современного белорусского гражданина формируется образ своего Отечества как цивилизационного, суверенного, молодого государства с древними традициями, способного выполнять уникальную историческую миссию, инициатором интеграционных процессов на постсоветском пространстве [11, с. 96].

Между Республикой Беларусь и Российской Федерацией 25 декабря 1998 г. заключен договор о равных правах граждан, закрепивший равноправие белорусов и россиян. Ратифицировано Соглашение между Республикой Беларусь и Украиной об упрощенном порядке

изменения гражданства населения, постоянно проживающего на территории Беларуси и Украины. Перечисленные факты свидетельствуют, что в начале XXI в. в России, Украине и Беларуси идет процесс идентификации по этническим критериям. Этот факт должны учитывать руководители вышеназванных стран для выработки межэтнического согласия и толерантности граждан.

### Литература

- 1 Сахаров, А.Н. «Национальный вопрос» и российская цивилизация // Россия в XX в. Проблемы национальных отношений / А.Н. Сахаров; под общ. ред. чл.-корр. РАН Сахарова А.Н. – М.: Наука, 1999. – 450 с.
- 2 Баграмов, Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов / Э.А. Баграмов // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 34–51.
- 3 Бугай, Н.Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX в. Проблемы национальных отношений / Н.Ф. Бугай; под общ. ред. чл.-корр. РАН Сахарова А.Н. – М.: Наука, 1999. – 450 с.
- 4 Белуза, А. Дружба с народом / А. Белуза // Известия. – 2011. – 9 февраля. – С. 10.
- 5 Фаризова, С. Война за мир / С. Фаризова // Известия. – 2011. – 14 февраля. – С. 2.
- 6 Крупник, Л.О. Історія України: формування етнісів, нації державності / Л.О. Крупник. – К.: Центр учбової літератури, 2009. – 213 с.
- 7 История Украины [под ред. акад. В.А. Смолия]. – М.: Олма Медиа групп, 2008. – 1068 с.
- 8 Алексеев, Ю.М., Кульчицкий, С.В., Слюсаренко, А.Г. Україна на зламі історичних епох / Ю.М. Алексеев [и др.]. – К.: ЕксОб, 2000. – 293 с.
- 9 Яскевич, Я.С. Глобальные взаимодействия культур и религий: вызов современной цивилизации / Я.С. Яскевич // Проблемы управления. – 2008. – № 3. – С. 170–182.
- 10 Бобков, В. Беларусь в геополитическом измерении / В. Бобков // Беларуская думка. – 2010. – № 6. – С. 48–53.
- 11 Яскевич, Я. Неприходящие идеалы и традиционные ценности / Я. Яскевич // Беларуская думка. – 2010. – № 2. – С. 96–101.

УДК 94 (450) + 34 (450)

## Антимафиозная политика и опыт борьбы с мафией в Италии

Н. М. САВЧЕНКО

В статье анализируется антимафиозная политика, проводимая итальянским государством; представлены успешные операции по борьбе с мафией, осуществленные правоохранными органами Италии, рассматриваются громкие процессы в истории страны (дело Дж. Андреотти и других видных политических деятелей); приведены статистические данные об арестованных и конфискованных активах, количестве человек, подпадающих под программу обеспечения безопасности.

**Ключевые слова:** мафия, Коза Ностра, 'Ндрангета, Каморра, Сакра Корона Унита, П. Борселлино, Дж. Фальконе, «пентити», антимафиозное законодательство.

The article deals with anti-mafia policies of the Italian state; the author presents the most successful operations held by police forces as well as famous trials in the country's history (like Giulio Andreotti's case and the cases involving many other politicians); the statistical data concerning seized and confiscated assets, proposals for special protection programme.

**Keywords:** mafia, Cosa Nostra, 'ndrangheta, Camorra, Sacra Corona Unita, P. Borsellino, G. Falcone, "pentiti", anti-mafia laws.

В Италии существуют четыре крупные мафиозные группировки, которые поделили между собой сферы влияния. Действуют они в 4 областях Италии (Сицилия, Кампания, Калабрия и Апулия), которые все еще являются довольно бедными и экономически отсталыми регионами страны. В последние годы авторитет сицилийской «Коза Ностра» среди итальянского преступного сообщества был значительно подорван. В конце XX – начале XXI вв. властям удалось добиться некоторых успехов в борьбе с этой организацией – были арестованы десятки ключевых фигур в её иерархии. На этом фоне всё большую силу приобретают преступные сообщества из континентальной Италии. Это «'Ндрангета» из Калабрии, чьи члены были причастны к массовому убийству в немецком Дуйсбурге в августе 2007 г., и неаполитанская «Каморра», участники которой являются главными виновниками мусорного кризиса в Неаполе. Постепенно набирает вес и апулийская «Сакра Корона Унита». Эта группировка возникла лишь в начале 1980-х гг., однако уже в полной мере сумела заслужить уважение других преступных сообществ. Основная сфера деятельности криминальных группировок в Италии – контрабанда наркотиков, оружия и алкоголя, игорный и строительный бизнес, рэкет, отмывание денег и контроль над проституцией.

Необходимо отметить, что еще в 1950-х – 1960-х гг. итальянское правительство под давлением демократических сил начало официальную борьбу с мафиозной преступностью. Первый ярко выраженный антимафиозный закон (№ 575) был принят 31 мая 1965 г. В своей исходной формулировке он ставил на одну плоскость мафиози, бродягу, мелкого контрабандиста, сутенера, декларируя их в одинаковой степени потенциально социально опасными, что демонстрировало ограниченный уровень знаний истинных возможностей мафии в то время. И только 13 сентября 1982 г. был издан первый закон, согласно которому, наконец, были учтены специфические особенности мафиозной организации. Речь идет о законе № 646, который более известен как закон Роньони – Ла Торре, по имени двух разработавших его депутатов (второй из них был убит мафией в Палермо 30 апреля 1982 г.). Длительное время он безуспешно дискутировался в Парламенте, но был принят через 10 дней после другого громкого преступления, совершенного мафией – убийства генерала карабинеров К.А. Далла Кьеза, который всего лишь за три месяца до этого был назначен префектом, т.е. высшим представителем государства в провинции Палермо с непосредственным заданием ликвидировать мафию. Закон Роньони – Ла Торре добавил фундаментально новую статью (416 «бис») в Уголовный кодекс (УК) Италии и расширил первый антимафиозный закон от 1965 г., включив новые превентивные меры, связанные с вопросами собственности [1]. Про-



курор и начальник полиции района получили полномочия изучить материальное благосостояние, доходы и активы подозреваемых мафиози, их семей и работников, а также налагать арест на активы, полученные незаконным путем, т.е. когда их стоимость не соответствует официальным доходам обвиняемого. Арест может быть наложен на дома, загородные владения, фирмы, акции и т.д. Однако арестованными активами, особенно в виде компаний, нелегко управлять, поскольку, как только они передаются управляющим, назначенным судом, их рыночная стоимость резко падает. Превентивные меры не связаны с судебным процессом, направленным на установление уголовной ответственности. Согласно Конституционному суду и Кассационному суду, даже если подозреваемый мафиозо оправдан, это не означает автоматически, что судебное решение о его угрозе обществу аннулируется.

Статья 416 «бис» предусматривает наказание в виде тюремного заключения сроком от 3 до 6 лет за принадлежность к организации мафиозного типа, или наказание от 4 до 10 лет, если эта организация вооружена (для руководителей такого рода организации от 4 до 9 лет и от 5 до 15 лет соответственно). С принятием статьи 416 «бис» стало возможным привлекать к уголовной ответственности за сам доказанный факт принадлежности к мафии даже в случае, если не удастся доказать из-за недостатка улик факт участия в совершении того или иного преступления. Однако итальянская мафия не прекратила своей деятельности. Были совершены новые убийства прокуроров, судей и представителей других правоохранительных органов, участвовавших в борьбе против мафии.

13 июля 1991 г. был принят Закон № 203 об ужесточении условий жизни для осужденных за мафиозные преступления. Он санкционирует для арестованных мафиози (кроме тех, кто сотрудничает с органами правосудия и порывает связи с мафиозными структурами) принятие ряда мер. В частности, они лишаются таких привилегий, как, например, возможность определенных условий работы за пределами тюрьмы, возможность разрешения на проведение нескольких дней в семье, возможность получения «полусвободы» (под этим понимается проведение половины дня вне тюрьмы для ведения социально полезной деятельности), или возможность отбывания части срока, выполняя общественные работы на свободе [2].

В 1991 г. во Флорентийском университете общественных наук состоялся диспут, посвященный борьбе с организованной преступностью. Он неожиданно стал событием, всколыхнувшим всю Италию. На нем публично были оглашены данные, свидетельствовавшие о тесных связях гангстерских синдикатов с политическими и административными кругами. Мафия давно стала частью экономической, финансовой и политической системы. По словам верховного комиссара по борьбе с мафией Д. Сика, из 124 тыс. представителей местных органов власти на 17 тыс. человек были заведены уголовные дела. Были также распущены 27 муниципальных администраций, потому что раскрылись их связи с мафией [3, р. 90]. Все это стало возможным благодаря принятию ряда законов, которые предусматривают роспуск муниципальных и областных советов и временное отстранение или увольнение мэров или председателей областных советов в случае, если раскрылись связи чиновников с мафией [4, р. 650]. Целью этих законов было противодействие способности мафии проникать в политические, экономические и бюрократические структуры общества. К сожалению, эти меры воздействуют только на политиков, в то время как в отношении государственных служащих, вступивших в сговор с мафией, подобных законов не существует.

Мафия все более пыталась стать политической силой и вступала в открытый конфликт с государственной властью. 23 мая 1992 г. произошло событие, которое навсегда изменило и политическую ситуацию, и взгляд общественности на борьбу государства против мафии. Был убит магистрат Дж. Фальконе, а 19 июля погиб его коллега П. Борселлино. Сегодня аэропорт Палермо носит их имена. Еще в 1980 г. Дж. Фальконе объявил, что начинает борьбу с «проклятием Сицилии». Он впервые добился того, что арестованный преступник нарушил закон «омерта» (взаимное укрывательство, круговая порука, молчание), делающий мафию неуязвимой, и дал показания против других мафиози. Отступление от «омерты» по законам преступного мира карается смертью. И Дж. Фальконе убедил государство в том, что людей, которые дают показания против мафии, и их семьи необходимо охранять. Этим он несколько развеял страх перед местью могущественных кланов Сицилии. Только в ходе од-

ного из многочисленных процессов против мафии Дж. Фальконе отправил за решетку 342 преступника на общий срок 2 665 лет.

Смерть Дж. Фальконе и П. Борселлино вызвало волну возмущения. Негодование итальянцев из-за неспособности государства разобраться с преступностью на Юге нарастало. В ответ на это летом 1992 г. правительство Дж. Амато предприняло более жесткие меры против мафии и других преступных организаций, в основном, каморра и 'ндрангета. Были вынесены обвинительные приговоры главе мафии в Катании Н. Сантапаола, лидеру каморры К. Альфьери и руководителю 'ндрангеты А. Имерти [5, с. 151]. Активы мафии на сумму более 2,5 млрд. долларов были изъяты [3, с. 90]. Также Законом № 356 от 7 августа 1992 г. в УК Италии была включена другая статья – 416 «тер», с помощью которой намеревалось нанести удар по наиболее губительным для общества методам, часто используемым мафией, а именно использование своего влияния на результаты голосования во время выборов. Однако проблема заключается в чрезвычайной трудности доказательства того, что в обмен на обещание голосов избирателей мафии обеспечивается доступ к денежным средствам, т.к. обычно это компенсируется не денежными средствами, а просто обещанием со стороны кандидата в случае его избрания предоставлять мафии услуги, выгодные сделки и льготы различного порядка.

Также благодаря Закону 356/1992 в УК Италии появилась ст. 41 «бис» о тюремном порядке. В ней предусматривается целый ряд ограничений в контактах осужденных мафиози с другими заключенными, в свиданиях с родственниками, в принятии мер, чтобы руководители мафии, находясь в тюрьме, не имели возможности давать указания по осуществлению криминальной деятельности, включая совершение убийств (что ранее они осуществляли беспрепятственно), своим подчиненным, находящимся на свободе [2].

С целью преодоления препятствия секретности мафиозной организации были приняты законодательные меры, направленные на усиление методов расследования. Они включают, прежде всего, более широкие полномочия судебному ведомству в предоставлении полиции разрешения на установку устройств для перехвата и прослушивания телефонных разговоров. Это позволило собрать огромное количество доказательств. Причем необходимо отметить, что итальянцев гораздо меньше возмущают подобные действия правоохранительных органов, чем, например, жителей Германии и Великобритании. Также эффективными оказались законодательные положения, которые дали возможность полиции внедрить собственных агентов под прикрытие мафиозной организации.

В течение нескольких лет сразу после убийства судьи Дж. Фальконе вместо полицейских сил в самых опасных городах были задействованы военные, чтобы обеспечить защиту судьям и другим возможным жертвам. Несмотря на некоторую критику в первые месяцы подобной практики, армия вскоре получила общественную поддержку. Помимо первоочередных задач ее присутствие вызвало сокращение обычных правонарушений.

Хотя внезапный успех государства был результатом новой тактики, такой как предложение для арестованных мафиози сотрудничать с правосудием и наличие компетентных судей, реальным отличием было общественное мнение. Председатель Антимафиозной комиссии Л. Виоланте обратил внимание, что государство не может поддержать свои усилия, полагаясь только на полицию и судей. Оно нуждается в сильном общественном мнении, чтобы перевесить те силы, которые поощряют соучастие политиков в преступлении. Необходимо отметить, что три видных политика Христианско-демократической партии (ХДП) из Неаполя (бывший министр внутренних дел А. Гава, бывший министр финансов П.Ч. Помичино и депутат А. Вито) оказались под следствием из-за своих отношений с каморрой [6, с. 172]. Еще одним подтверждением связей между ХДП и мафией было убийство 12 марта 1992 г. С. Лима, видного сицилийского христианского демократа, члена Европарламента. Из откровений «пентити» (так в Италии называют мафиози, изъявивших желание сотрудничать со следственными органами) стало очевидно, что он был посредником между мафией и римскими лидерами ХДП и предоставил 250 тыс. голосов мафии ХДП на выборах в Европарламент в 1989 г. [7, с. 211]. Его убили, потому что он не смог добиться оправдательного приговора мафиози, обвиненных в серьезных преступлениях конца 1980-х гг. [8, с. 6].

В течение 1993 г. война с мафией продолжалась. В январе был арестован ее глава Тото Риина. Поскольку государство фактически признавало роль мафии в послевоенном устройстве, многие мафиози долгое время оставались на свободе. И поэтому его арест стал переломным моментом. Л. Виоланте согласился, что кампания против мафии шла хорошо, потому что «институты и гражданское общество теперь стали осознавать» ее угрозу. Затем активные действия в январе 1994 г. привели к аресту 62 членов 'ндрангеты, которые работали в Ломбардии [5, с. 151]. 24 июня 1995 г. был арестован Леолука Багарелла, чья сестра была замужем за Тото Рииной. Этот жестокий мафиози клана Корлеоне совершил около 300 убийств и был приговорен к пожизненному сроку.

20 мая 1996 г. был арестован Джованни Бруска. Он участвовал в убийстве Дж. Фальконе, а также совершил около 200 других убийств, хотя и не мог вспомнить их точное количество. О жестокости этого мафиози свидетельствует похищение и убийство 11-летнего мальчика, сына Санто Ди Матео, также принимавшем участие в убийстве Дж. Фальконе, а затем ставшем «пентити». Дж. Бруска похитил ребенка в ноябре 1993 г., в течение 26 месяцев его пытали и посылали фотографии его отцу, чтобы заставить его изменить показания. В конце концов, мальчик был задушен по приказу Дж. Бруска. Чтобы избавиться от улики, тело поместили в бочку с кислотой. В период между арестом Тото Риины и своим собственным Дж. Бруска был одним из самых влиятельных боссов мафии. После ареста он стал сотрудничать с правоохранительными органами. Земля, принадлежащая семье Дж. Бруска, была конфискована в 2000 г. и передана «Консорциуму надежды». Это специальный проект, по которому земли и виллы, конфискованные у главарей мафии, передаются общественным и государственным организациям, которые занимаются социальной поддержкой малоимущих слоев населения.

Необходимо отметить, что возможность использования некоторых видов конфискованного имущества для социальных целей является еще одним важным законодательным новшеством. Этот норматив был введен Законом № 109 от 7 марта 1996 г., который был утвержден Парламентом после активного лоббирования со стороны «Либера», консорциума, в который на данный момент входят более 1500 городских и антимافیозных ассоциаций и групп, рассредоточенных по всей Италии. По этому поводу «Либера» собрал более 1 миллиона подписей итальянских граждан в петиции, призывающей выступить в поддержку этого закона, и это мощное народное давление стало решающим фактором, повлиявшим на положительное решение парламента. Важность этого закона выражается, прежде всего, в его высокой символической ценности. Использование конфискованного имущества на социальные цели фактически означает возврат обществу того, что было у него отобрано преступностью. Это является осязаемым доказательством ослабления могущества мафии и мощным толчком к дальнейшей борьбе с ней (Таблица 1) [9].

Таблица 1. Стоимость арестованных и изъятых активов в 1992–2009 гг. (в евро)

| Организация        | Арестованные активы (согласно ст. 321 УК Италии) | Арестованные активы (согласно закону 575/1965) | Конфискованные активы (согласно закону 575/1965) |
|--------------------|--------------------------------------------------|------------------------------------------------|--------------------------------------------------|
| Коза Ностра        | 1 669 544 080                                    | 2 034 264 000                                  | 797 594 114                                      |
| Каморра            | 1 773 286 000                                    | 1 411 885 823                                  | 615 399 000                                      |
| Ндрангета          | 197 978 998                                      | 438 819 254                                    | 124 558 000                                      |
| Сакра Корона Унита | 68 297 795                                       | 79 629 000                                     | 66 078 698                                       |
| Другие             | 584 519 000                                      | 173 747 000                                    | 84 438 000                                       |
| Всего              | 4 293 625 873                                    | 4 138 345 077                                  | 1 688 067 812                                    |

Закон 109/1996 определяет, что конфискованная недвижимость, принадлежащая членам мафии, должна быть передана государству и находиться либо в его распоряжении, либо распределяться между муниципалитетами. Муниципалитеты, в свою очередь, могут лично распоряжаться недвижимостью или передать ее общественным организациям (включая тера-

певтические центры и наркологические клиники) [4, р. 658]. Однако существует серьезная проблема: от момента ареста до конфискации проходит в среднем 13 месяцев. На окончательное решение о конфискации уходит еще 3 года, и наконец, на передачу имущества – 6 лет. И конечно, стоимость активов либо сильно уменьшается, либо вообще исчезает. В 2001 г. количество конфискованных товаров составило 7 337 (1 850 в Палермо, 1 019 в Неаполе, 639 в Бари, 528 в Реджо-ди-Калабрии). Недвижимость составляла 3 396, количество фирм – 343, из них в южной Италии – 2 914 и 252 соответственно. Только 1 108 недвижимых активов отошли по решению суда социальным службам, и из них всего 584 фактически попали тем, кому они были предназначены [4, р. 668]. Таким образом, политика арестов и конфискации имущества мафии является эффективной, но все-таки ее следует реформировать. Также не совсем удачной является идея продажи имущества на аукционах, поскольку существует серьезный риск, что мафия перекупит его через подставных лиц.

Возвращаясь к вопросу о проникновении мафии в политику, необходимо отметить и дело Дж. Андреотти, фракция которого получала значительную поддержку из Сицилии. Пентити утверждали, что Дж. Андреотти встречался с Т. Риной и настоял на убийстве журналиста Мино Пекорелли в 1979 г. и антимафиозного префекта, генерала К.А. Далла Кьеза в 1982 г., т.к. они владели важной информацией относительно похищения и убийства в 1978 г. тогдашнего секретаря ХДП А. Моро. В мае 1993 г. парламент проголосовал о лишении Дж. Андреотти неприкосновенности от судебного преследования. В марте 1995 г. ему были предъявлены сразу два обвинения – в соучастии в убийстве и в сотрудничестве с мафией. Судебный процесс по обвинению Дж. Андреотти в связи с мафией начался 28 сентября 1995 г. Суд над ним называли «процессом века», т.к. на скамье подсудимых оказался не просто бывший премьер-министр, а сам политический режим последних 50 лет, поскольку он являлся воплощением послевоенной политики. В октябре 1999 г. суд города Перуджия оправдал Дж. Андреотти. Однако в 2002 г. апелляционный суд приговорил его к 24 годам тюремного заключения. Это вызвало осуждение в высших кругах Италии. Тогдашний президент страны К.А. Чампи выразил глубокую обеспокоенность приговором, а С. Берлускони сказал, что Дж. Андреотти пал жертвой безумия судебной системы. Дж. Андреотти по-прежнему отрицал все обвинения и подал апелляцию против приговора, вынесенного ему. В итоге вердиктом суда высшей инстанции он был отменен.

Политика поощрения сотрудничества мафиози с правоохранительными органами, о чем упоминалось выше, оказалась очень эффективной. Сначала был принят Закон 82/1991, а затем нормы сотрудничества были пересмотрены Актом 45/2001 [2]. Однако нельзя не учитывать тот факт, что среди многих раскаявшихся мафиози были и те, которые в действительности притворялись в том, что они сотрудничают, скрывая за своими фальшивыми заявлениями намерения продолжать преступную деятельность или необоснованно обвинить своих личных врагов, а также с целью направить следствие по ложному пути. Поэтому были учтены следующие моменты: человек, согласившийся сотрудничать, должен указать те активы, которые получены незаконно; его заявления должны быть подвергнуты перекрестному допросу во время судебного заседания; ему гарантируется минимальный срок заключения; он и члены его семьи подпадают под программу обеспечения безопасности (Таблица 2) [4, р. 669]; ему не следует общаться с другими «раскаявшимися» или заинтересованными лицами. Более того, наложен запрет на т.н. «заявления в рассрочку», учитывая, что часто некоторые «пентити» спустя год или более обвиняли людей, о которых они не упоминали в своих ранних заявлениях. Поэтому сейчас введено шестимесячное ограничение на то, чтобы «раскаявшийся» указал все известные ему факты. Ужесточение критериев для «пентити» привели к сокращению их количества.

Другие нормативные документы, включая Декрет 143/1991, статьи 648 «бис» и 648 «тер» УК Италии, измененные в 1993 г. в ответ на принятие Советом Европы в 1990 г. конвенции против отмыwania денежных средств и дополняющей ее директивы ЕЭС 308/1991, и законодательный декрет 153/1997 занимаются проблемой подозрительных финансовых транзакций и «отмыванием» денежных средств. Здесь достигнуты наиболее впечатляющие результаты.

Таблица 2. Количество предложений о специальной программе по защите

| Год                       | Количество |
|---------------------------|------------|
| 2-я половина 2000         | 67         |
| 1-я половина 2000         | 139        |
| 1999                      | 236        |
| 1998                      | 222        |
| 1997                      | 188        |
| 1996                      | 217        |
| 1995                      | 322        |
| С 1.01.1991 по 31.12.1994 | 1068       |

Среди «громких» побед правосудия над преступностью можно также отметить аресты: главарей сицилийской мафии Пьетро Альери в 1997 г., Бенедетто Спера и Винченцо Вирга в 2001 г., Антонио Жюфре в 2002 г., Сальваторе Ринелла в 2003 г., Бернандо Провенцано в 2006 г., Сальваторе Ло Пикколо в 2007 г., Доменико Раккулья и Гаэтано Фиданцати в 2009 г., Джузеппе Фальзоне и Джерландино Мессина в 2010 г.; боссов каморры Марии Личчарди в 2001 г. и ее брата Винченцо в 2008 г., а также Паоло Ди Лауро в 2005 г., Эдоардо Контини в 2007 г., Патрицио Бости и Адриано Грациано в 2008 г., Рафаэле Диана, братьев Сальваторе и Паскуале Руссо, Луиджи Эспозито в 2009 г., Паскуале Джованни Варгас, Никола Панаро и Антонио Йовине в 2010 г.; боссов 'ндрангеты Джузеппе Морабито и Антонио Росмини в 2004 г., Грегорио Беллокко в 2005 г. и его двоюродного брата Джузеппе Беллокко в 2007 г., Паоло Розарио Де Стефано, Кармело Барбаро и Антонио Пелле в 2009 г. (скончался несколько месяцев спустя), Джованни Тегано и Доменико Оппедизано в 2010 г.; главарей «Сакра корона унита» Франческо Прудентино в 2000 г., Вито Ди Эмидио в 2001 г., Филиппо Черфеда в 2003 г. Арестованы также сотни членов преступных группировок. Согласно статистической информации Департамента по управлению исправительными учреждениями (DAP) по состоянию на 31 декабря 2002 г., 5 295 преступников находились в тюрьмах по статье 416 «бис» УК Италии (для сравнения, в 1992 г. – 2 130, в 1993 г. – 3 340, в 1994 г. – 3 997) [4, р. 661]. Тем не менее, в списке самых опасных преступников, скрывающихся от правосудия, все еще значится 15 человек (Таблица 3) [10].

Таблица 3. Самые опасные преступники, скрывающиеся от правосудия (по состоянию на 1 февраля 2011 г.)

| Фамилия, Имя          | Разыскивается с | Организация        |
|-----------------------|-----------------|--------------------|
| Скотти Паскуале       | 1985 г.         | каморра            |
| Арена Джованни        | 1993 г.         | Коза Ностра        |
| Конделло Доменико     | 1993 г.         | 'ндрангета         |
| Мессина Денаро Маттео | 1993 г.         | Коза Ностра        |
| Пеле Себастьяно       | 1995 г.         | 'ндрангета         |
| Бадаламенти Вито      | 1995 г.         | Коза Ностра        |
| Дзагария Микеле       | 1995 г.         | каморра            |
| Джорджи Джузеппе      | 1995 г.         | 'ндрангета         |
| Кубедду Аттилио       | 1997 г.         | –                  |
| Мотизи Джованни       | 1998 г.         | Коза Ностра        |
| Варано Микеле Антонио | 2000 г.         | 'ндрангета         |
| Катерино Марио        | 2005 г.         | каморра            |
| Ди Лауро Марко        | 2005 г.         | каморра            |
| Матроне Франческо     | 2007 г.         | каморра            |
| Пачилли Джузеппе      | 2009 г.         | Сакра корона унита |

Борьбой с мафией в Италии занимается Дирекция по проведению антимafiaозных расследований (DIA). Она является межведомственной организацией, в которую входят

представители всех наземных силовых структур, нескольких видов полицейских сил, карабинеров и корпуса финансовой гвардии. Дирекция была создана в декабре 1991 г. Закон 410/1991 определяет ее функции и отношения с полицией [11]. Она состоит из 3 отделов: отдел превентивных расследований (занимается разведкой, сбором и анализом информации), отдел уголовных расследований (планирование расследований и координирование полицейских операций) и отдел международных расследований (отношения с зарубежными коллегами и двусторонние и многосторонние отношения).

В 2003 г. был создан координационный комитет за надзором над основными общественными работами. Его членами являются представители Министерства внутренних дел, Министерства инфраструктур и транспорта, DIA, отдела по надзору за общественными работами и центрального директората уголовной полиции. Его задача – предотвратить проникновение мафиозных организаций в основные инфраструктуры.

Как было изложено выше, с каждым годом совершенствуется законодательство, которое предоставляет всё больше инструментов, позволяющих улучшать расследования в борьбе с мафией. «Мы добились чрезвычайного успеха в борьбе с мафией и каморрой. Мы не остановимся и будем продолжать двигаться в этом направлении, потому что мы хотим победить в войне против всех форм организованной преступности», – заявил министр внутренних дел Италии Р. Марони [12]. Премьер-министр Италии С. Берлускони также пообещал уничтожить организованную преступность в стране к 2013 г. «Ни одно правительство в истории республики не действовало так решительно и эффективно в борьбе с преступными организациями», – отметил премьер. Действительно, с момента вступления С. Берлускони в должность в мае 2008 г. были арестованы активы, стоимость которых превысила 15 млрд. евро. Кроме того, были задержаны 5,8 тыс. человек, подозреваемых в связях с мафией.

Итальянское правительство приступило и к осуществлению комплекса мер по борьбе с организованной преступностью, одобренных на выездном заседании Совета министров в городе Реджо-ди-Калабрия, прошедшем под председательством премьера С. Берлускони. Чрезвычайный план, утвержденный правительством после заслушивания докладов главы МВД Р. Марони и министра юстиции А. Альфано, получил название «Кодекс антимафии». В нем должны быть собраны все законодательные нормы, касающиеся преступлений, связанных с мафией. Решено создать национальную «карту» деятельности организованной преступности в стране, общую информационную базу кланов и мафиозных группировок. План предусматривает, среди прочего, учреждение Национального агентства по управлению конфискованным у преступников имуществом со штаб-квартирой в Реджо-ди-Калабрия. Принимаются также меры по противодействию мафии в области охраны окружающей среды (борьба с «экомафией»). Намечены инициативы на международном уровне по пресечению зарубежных связей мафии [13].

Таким образом, наметилось коренное улучшение в направлении борьбы с мафией в Италии. В результате, благодаря новому законодательству и лучшей координации, органами правосудия были арестованы несколько сот преступников и конфисковано их имущество. Наказания и жизненные условия в местах заключения для лиц, обвиненных в мафиозных преступлениях, ужесточились. Не вызывает сомнений тот факт, что инструменты антимафиозной политики, проводимой итальянским государством, будут совершенствоваться и дальше.

### Литература

1 Rognoni – La Torre: Legge, 13 settembre 1982, n. 646 // Ministero dell'Interno [Electronic resource]. – Roma, 2000–2010. – Mode of access: [http://www1.interno.it/dip\\_ps/dia/normative/1.646-1982.pdf](http://www1.interno.it/dip_ps/dia/normative/1.646-1982.pdf). – Date of access: 15.01.2011.

2 Ло Дато, Э. Итальянское антимафиозное законодательство: новшества и результаты / Э. Ло Дато // Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции [Электронный ресурс]. – 2004–2010. – Режим доступа: [http://sartraccc.ru/i.php?oper=read\\_file&filename=Pub/enzolodato\(8-06-05\).htm](http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/enzolodato(8-06-05).htm). – Дата доступа: 29.01.2011.

- 3 Mignone, M.B. Italy today: at the crossroads of the new millennium / M.B. Mignone. – N.Y.: Lang, 1998. – 464 p.
- 4 La Spina, A. The paradox of effectiveness: growth, institutionalization and evaluation of anti-mafia policies in Italy // Organised crime in Europe: concepts, patterns and control policies in the European Union and Beyond / ed. by C. Fijnaut, L. Paoli. – Dordrecht: Springer, 2004. – P. 641–670.
- 5 McCarthy, P. The crisis of the Italian state: from the origins of the Cold War to the fall of Berlusconi / P. McCarthy. – N.Y.: St. Martin's press, 1995. – 230 p.
- 6 Waters, S. "Tangentopoli" and the emergence of a new political order in Italy / S. Waters // West Europ. politics. – 1994. – Vol. 17, № 1. – P. 169–182.
- 7 Bull, M.J. Italian politics and the 1992 elections: from "stable instability" to instability and change / M.J. Bull, J.L. Newell // Parliament. affairs. – 1993. – Vol. 46, № 2. – P. 203–227.
- 8 Gundle, S. Introduction: the new Italian Republic / S. Gundle, S. Parker // The new Italian Republic: from the fall of the Berlin Wall to Berlusconi; ed. by S. Gundle. – L.: Routledge. – 1996. – P. 1–15.
- 9 Rilevazioni Statistiche // Direzione Investigativa Antimafia [Electronic resource]. – Mode of access: [http://www1.interno.it/dip\\_ps/dia/pagine/rilevazioni\\_stat.htm](http://www1.interno.it/dip_ps/dia/pagine/rilevazioni_stat.htm). – Date of access: 27.01.2011.
- 10 Elenco dei latitanti di massima pericolosità facenti parte del “Programma speciale di ricerca” selezionati dal Gruppo Integrato Interforze (G.I.I.R.L.) // Ministero dell'Interno [Electronic resource]. – Roma, 2000–2010. – Mode of access: [http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/sezioni/ministero/dipartimenti/dip\\_pubblica\\_sicurezza/direzione\\_centrale\\_della\\_polizia\\_criminale/scheda\\_16056.html](http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/sezioni/ministero/dipartimenti/dip_pubblica_sicurezza/direzione_centrale_della_polizia_criminale/scheda_16056.html). – Date of access: 1.02.2011.
- 11 Il coordinamento delle attività informative e investigative nella lotta contro la criminalità: Legge, 30 dicembre 1991, n. 410 // Leggi e Diritto [Electronic resource]. – 2000–2010. – Mode of access: <http://guide.supereva.it/diritto/interventi/2001/11/80010.shtml>. – Date of access: 05.02.2008.
- 12 Каморра обезглавлена. На юге Италии арестованы боссы мафии // Newsru.com. Новости в мире [Электронный ресурс]. – 2000–2010. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/01nov2009/maf.html>. – Дата доступа: 10.09.2010.
- 13 Italy launches new anti-mafia plan // Italian News [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://www.nowitaly.com/giornale/78840.htm>. – Date of access: 15.09.2010.

## Генезис палестинской проблемы в советской историографии

М. М. Сидоренко

В статье рассматриваются отличительные черты советской историографии, посвященной генезису палестинской проблемы. Анализируются позиции советских исследователей по ключевым моментам истории зарождения арабо-еврейского конфликта. Отмечается, что общей тенденцией в историографии вопроса были классовый подход и антиссионистская направленность исследований.

**Ключевые слова:** советская историография, марксистско-ленинская идеология, палестинская проблема, британский мандат в Палестине, сионизм, арабо-еврейский конфликт.

Some distinctive features of Soviet historiography on the genesis of the Palestine problem are considered. Soviet researchers' positions on the crucial events that determined the genesis of Arab-Jews conflict are analyzed. It is noted that the common features of the historiography of the question were the class and anti-Zionist approaches to the problem.

**Keywords:** Soviet historiography, Marxist-Leninist ideology, the Palestine problem, the British Mandate in Palestine, Zionism, the Arab-Jewish conflict.

Палестинская проблема – основная составляющая часть арабо-еврейского конфликта, которая насчитывает, как минимум, более полувека. Сохраняющаяся острота конфликта оставляет логичными и актуальными вопросы о его истоках, причинах и условиях возникновения.

Поскольку палестинская проблема возникла не одномоментно, а в результате процесса, начавшегося в конце 19 в., и к середине 20 в. приобретшего отчетливую форму конфликта арабского и еврейского национализмов, под генезисом палестинской проблемы следует понимать совокупность тех событий и явлений, которые происходили в указанный отрезок времени в Палестине и способствовали зарождению арабо-еврейского конфликта.

Несмотря на то, что интерес к теме об исторических корнях и условиях возникновения палестинской проблемы во многом удовлетворен, ответы на поставленные вопросы часто неоднозначны и тенденциозны, что можно объяснить как сложностью и многогранностью самой проблемы, так и субъективностью оценок и характеристик, определяемых учеными разных стран, национальностей и эпох.

В данной статье делается попытка отразить взгляды советских исследователей на поставленную проблему, выявить существовавшие в советской историографии тенденции и подходы к объяснению причин и условий возникновения палестинской проблемы.

Прежде всего, отметим, что в советской историографии нет специально посвященных генезису палестинской проблемы публикаций. Тем не менее, практически все советские ученые-ближневосточники в той или иной степени касались этого вопроса. В большей мере это справедливо в отношении послевоенной советской историографии, особенно 70–80-х гг. В указанное время активно разрабатывались различные аспекты палестинской проблемы, в том числе касающиеся её генезиса и эволюции. Вышли в свет публикации таких признанных экспертов в области ближневосточного конфликта, как Е. Дмитриев [6; 7], Е.М. Примаков [21], В.И. Киселев [11], В.П. Ладейкин [13], И.Д. Звягельская [9] и др. Но и в довоенные и первые послевоенные годы палестинской проблеме были посвящены публикации отдельных советских историков, таких как М. Рафес [23], В.А. Гурко-Кряжин [5], И.А. Генин [4], В.Б. Луцкий [14; 15], П. Осипова [20].

Отличительной чертой советских исследований по указанной тематике была их проарабская и антиссионистская направленность, что объясняется как господством в то время марксистско-ленинской идеологии, так и антиизраильской внешней политикой СССР. Реалии того времени, необходимость следовать партийно-идеологическим установкам, обусловили единство взглядов, преемственность позиций, однозначную интерпретацию советскими историками фактов, определявших генезис палестинской проблемы.



Так, все советские авторы отмечали миролюбивый, добрососедский характер отношений между арабами и проживающим на территории Палестины еврейским населением до начала 20 в. Отрицались наличие какого бы то ни было враждебного отношения арабов к евреям и их несовместимость [6, с. 6–8; 7, с. 18–19; 10, с. 24; 11, с. 30; 16, с. 110; 20, с. 74].

Вину за разжигание арабо-еврейской розни советские историки возлагали на «империализм», в частности, политику англичан, поощрявшую массовую иммиграцию евреев в страну в первой половине 20 в. и захватническую тактику сионистов, поставивших своей целью сделать Палестину еврейской страной и изгнать оттуда арабов [4, с. 4–9; 7, с. 18–19, 29; 11, с. 30; 16, с. 109–110; 18, с. 169].

Вопрос о точном времени зарождения палестинской проблемы в советской историографии не определен. Историки лишь констатировали, что эта проблема возникла в результате сионизации Палестины в первой половине 20 в., результатом которой стало создание на арабской территории еврейского государства Израиль.

Некоторые исследователи писали о том, что цель создать еврейское государство в Палестине была поставлена сионистами на их первом всемирном конгрессе в 1897 г. [1, с. 110; 25, с. 7]. Но если обратиться непосредственно к принятой в результате этого конгресса Базельской программе, можно обнаружить, что слово государство в нем не фигурирует, а высказывается стремление к созданию «очага в Палестине для еврейского народа» [3]. Тем не менее, мнение о том, что сионисты с самого начала планировали создать еврейское государство на территории не только Палестины, но и других соседних с ней арабских стран, было характерно для советской историографии, в частности, его высказывал Е.М. Примаков [21, с. 49].

Нараставшую конфликтность между арабским и еврейским населением в Палестине советские исследователи объясняли не столько массовой иммиграцией евреев, сколько господствующим положением, которое те стали занимать благодаря поддержке со стороны сионистов – богатых еврейских предпринимателей и политике колониальных властей [6, с. 12–14; 7, с. 29; 11, с. 31–32; 18, с. 169; 21, с. 10].

Определению сущности сионизма, «разоблачению» его целей и задач, посвящено, пожалуй, наибольшее количество публикаций. Сионизм в советское время определялся как буржуазно-националистическая идеология. Широко распространенным был тезис о том, что сионизация Палестины осуществлялась в интересах капитала, богатой еврейской буржуазии, т.е. имела классовый характер [7, с. 20–22; 11, с. 24; 23, с. 12; 24, с. 7].

Так, В.И. Киселев утверждал, что заселение Палестины евреями было выгодно лишь сионистам, богатым евреям, которым в своем государстве не нужно будет прятать накопления, а можно будет открыто пользоваться богатством. Что касается трудящихся еврейских масс, то они, писал В.И. Киселев, никогда не стремились жить в Палестине как на своей родине [11, с. 24].

Учитывая классовый подход к проблеме, советские историки акцентировали внимание на том, что понятия «сионисты» и «евреи» по смыслу различаются.

Е.С. Евсеев, Е. Дмитриев и В.П. Ладейкин писали о том, что еврейской нации не существует, евреи – это собирательное название для людей, у которых общей является религия и некоторые традиции. А еврейский национализм в форме сионизма был создан искусственно капитализмом в Израиле и не находил поддержки у еврейских масс [7, с. 20–21; 8, с. 19, 34].

Обращалось внимание на то, что евреи, в отличие от сионистов, называли своей родиной ту страну, в которой родились и выросли, и считали абсурдным переезжать в Палестину, где социально-экономические условия слишком отличались от тех условий, в которых они жили [7, с. 24–26; 11, с. 20; 12, с. 23–25; 13, с. 34; 17, с. 17–18].

Часто в исследованиях советских авторов встречаются обвинения сионизма в агрессивно настроенном антисоветском и антикоммунистическом характере [4, с. 4; 10, с. 26–27]. Так, в изданном в 1971 г. сборнике статей «Антикоммунизм и антисоветизм – профессия сионистов» доказывалось, что «сионизм является опасным орудием империалистической реакции в ее борьбе против СССР и других стран социализма» [2, с. 2].

В советской историографии палестинской проблемы довольно часто встречается тезис о схожести сионизма и фашизма, и о сотрудничестве сионистов с нацистами в 30-е гг. Почти все советские авторы указывали на то, что политика антисемитизма была выгодна сиони-

стам, поскольку, во-первых, доказывала тезис о существовании особой еврейской нации, а во-вторых, позволяла им реализовать намерения относительно Палестины [8, с. 15–16, 19; 12, с. 22, 25–27; 13, с. 58–61]. Авторы доказывали, что в годы второй мировой войны сионисты всячески способствовали геноциду евреев Европы фашистами и даже спонсировали их. «Американские сионисты переводили деньги в рейхсбанк так, – писал В.П. Ладейкин, имея в виду перевод денег преследуемым евреям, – как будто они не знали, что творится в Германии» [9, с. 27; 13, с. 59–60].

Антисионистски и проарабски настроенные советские исследователи с целью доказать неправомочность претензий сионистов на Палестину в большей или меньшей степени подробно останавливались на древней истории этой страны.

Прежде всего, доказывалось, что евреи не являлись коренным населением страны, поскольку их государственность была создана в 11 в. до н.э. в результате завоевания и разрушения ими Ханаанского царства – первого государства на территории Палестины [7, с. 23; 13, с. 24–26; 25, с. 47–48].

Опровергая обоснованность сионистских претензий на Палестину, советские исследователи, в то же время, доказывали арабский характер этой страны, который она приобрела в результате завоевания арабов в 7 в. [6, с. 5, 6; 7, с. 24; 11, с. 12]. Так, Е. Дмитриев и В.П. Ладейкин писали, что Палестина является родиной для «испокон веков населявших её арабов и незначительной горсточкой палестинских евреев» [7, с. 24].

В первой половине 20 в., евреи в Палестине из национального меньшинства превратились в господствующее большинство, что, как отмечалось выше, советские авторы объясняли результатом взаимовыгодного сотрудничества лидеров сионизма и западных стран [6, с. 8–9; 9, с. 9; 11, с. 19–25; 14, с. 4; 19, с. 42].

«Сионистский призыв «Евреи к Сиону!» – писал В.И. Киселев – совпадал с намерениями европейских государств использовать еврейских поселенцев в качестве опоры своего влияния в Палестине» [11, с. 19].

Декларацию Бальфура 1917 г., в которой английское правительство впервые официально заявило о готовности способствовать созданию в Палестине «национального очага для еврейского народа», советские историки определяли как тонкий дипломатический ход, маневр английской дипломатии, который обеспечил Англии установление власти над Палестиной [4, с. 5; 5, с. 43–44; 6, с. 10; 14, с. 10; 20, с. 71–72; 17, с. 25–27; 23, с. 14–15].

Так, В.Б. Луцкий заметил, что декларация Бальфура «была не без умысла сформулирована в довольно туманной форме, которая впоследствии давала возможность английским политикам толковать её в желательном для них смысле» [14, с. 10]. Г.С. Никитина и Е. Дмитриев связывали Декларацию Бальфура с военными целями английской политики, называя её ценой за предоставленную Англии финансовую помощь от еврейских банкиров США и вступление в войну США на стороне Антанты [6, с. 10; 18, с. 25].

Другими словами, советские историки сходились во мнении относительно того, что политика англичан не была ни проеврейской, ни проарабской, она была колонизаторской, преследующей интересы собственно Англии.

Период английского мандата над Палестиной продолжался 28 лет, официально он начался в апреле 1920 г., а закончился выводом английских войск с территории Палестины в мае 1948 г. Советские историки отмечали, что до 1939 г. Англия проводила просионистскую политику в Палестине, затем ситуация изменилась. На вопрос о том, с чем связан отход Англии от просионистского курса, советские авторы также отвечали единогласно – набиравшее силу арабское национально-освободительное движение, стремление Англии в этих условиях сохранить мандат на управление Палестиной, вынудили её пересмотреть свою политику [6, с. 17–18; 7, с. 32–33; 11, с. 35–36; 14, с. 17–19; 15, с. 82–83; 22, с. 17].

Произошедшую в это время переориентацию сионистов в сторону нового и более выгодного союзника – США, новый американо-сионистский альянс советские исследователи также как и предыдущий объясняли взаимовыгодным сотрудничеством. Сионисты видели в США влиятельного покровителя, способного помочь им создать еврейское государство в

Палестине, а США при помощи сионистов получали возможность играть ту роль в Палестине, которую раньше играла Англия [7, с. 33; 11, с. 37–39; 22, с. 18; 24, с. 9–10].

Советские историки обращали внимание на то, что США всегда были заинтересованы в установлении своего влияния в Палестине и с самого начала поддерживали сионистов, но делали это тайно, поскольку не могли испортить отношений с арабскими странами, в которых вели выгодный нефтяной бизнес. Открытую просионистскую политику США начали занимать только после окончания второй мировой войны, прихода к власти Г. Трумэна и открытого стремления США установить свое мировое господство [6, с. 19–20; 10, с. 26; 13, с. 63–64; 14, с. 20–21; 17, с. 29–30].

Время после второй мировой войны было отмечено присутствием в Палестине одновременно и США и Англии. В связи с этим, советские историки отмечали, что до передачи вопроса о Палестине в ООН в 1947 г. отношения между Англией и США отличались одновременно и соперничеством, и сотрудничеством. Необходимость англо-американского сотрудничества исследователи объясняли стремлением обеих стран сохранить колониальный или полуколониальный статус Палестины, поскольку ни одна из них не была заинтересована в создании на её территории в полной мере самостоятельных государств [4, с. 13; 20, с. 68–70; 22, с. 17–18].

Англо-американское сотрудничество заключалось в работе в 1946 г. специальных англо-американских комиссий, которые пытались, но неудачно, решить палестинскую проблему. Предложенные ими планы не устраивали ни друг друга, ни тем более арабскую и еврейскую стороны. В итоге, Англия, убедившись в неспособности более контролировать ситуацию в Палестине, передала вопрос о её будущем в ООН. Палестинская проблема, таким образом, получила официальное признание.

Анализ советской историографии генезиса палестинской проблемы позволяет прийти к следующим выводам. Несмотря на то, что данный вопрос не был объектом специального исследования в советской историографии, он достаточно хорошо представлен в контексте общего состояния арабо-израильского конфликта. Классовый подход вкупе с антиссионистскими настроениями советских исследователей обусловили одностороннюю трактовку ими условий и причин возникновения палестинской проблемы.

### Литература

- 1 Алестин, Ф. Палестина в петле сионизма. Преступники. Жертвы. Свидетели. Судьи / Ф. Алестин. – М.: Юридическая литература, 1988. – 304 с.
- 2 Антикоммунизм и антисоветизм – профессия сионистов: сб. – М.: Политиздат, 1971. – 128 с.
- 3 Базельская программа ВСО, август 1897 г. // Колобов, О.А. Документальная история арабо-израильского конфликта: Хрестоматия / О.А. Колобов, А.А. Корнилов, А.А. Сергунин. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1991. – С. 12.
- 4 Генин, И.А. Палестинская проблема: Стенограмма публичной лекции / И.А. Генин. – Всесоюзн. о-во по распротр. полит. и науч. зн. – М.: Правда, 1948. – 28 с.
- 5 Гурко-Кряжин, В.А. Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке. Ч. 1: Сирия и Палестина, Киликия, Месопотамия и Египет / В.А. Гурко-Княжин. – М.: Всерос. научн. ассоциация востоковед. при Народн. Комисс-те по делам нац-тей, 1923. – 152 с.
- 6 Дмитриев, Е. Палестинская трагедия / Е. Дмитриев. – М.: Международные отношения, 1986. – 156 с.
- 7 Дмитриев, Е. Путь к миру на Ближнем Востоке / Е. Дмитриев, В. Ладейкин. – М.: Международные отношения, 1974. – 247 с.
- 8 Евсеев, Е.С. Фашизм под голубой звездой. Правда о современном сионизме: его идеологии, практике, системе организаций крупной еврейской буржуазии / Е.С. Евсеев. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 159 с.
- 9 Звягельская, И.Д. Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израйля / И.Д. Звягельская. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
- 10 Иванов, К.П. Государство Израиль, его положение и политика / К.П. Иванов, З.С. Шейнис. – М.: Госполитиздат, 1959. – 190 с.

- 11 Киселев, В.И. Палестинская проблема и ближневосточный кризис / В.И. Киселев. – Киев: Политиздат Украины, 1983. – 215 с.
- 12 Куров, А. Обыкновенный сионизм // Антикоммунизм и антисоветизм – профессия сионистов: сб. – М.: Политиздат, 1971. – С. 21–35.
- 13 Ладейкин, В.П. Источник опасного кризиса (роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке) / В.П. Ладейкин. – М.: Политиздат, 1973. – 296 с.
- 14 Луцкий, В.Б. Палестинская проблема: Стенограмма публичной лекции / В.Б. Луцкий / Всес. лекц. бюро при Мин-ве высш. образования СССР. – М.: Правда, тип. им. Сталина 1946. – 32 с.
- 15 Луцкий, В.Б. Арабские страны / В.Б. Луцкий. – М.: Воен. изд., тип. им. Ворошилова в Лгр, 1947. – 436 с.
- 16 Мирский, Г.И. Арабские народы продолжают борьбу / Г.И. Мирский. – М.: Международные отношения, 1965. – 136 с.
- 17 Никитина, Г.С. Государство Израиль (Особенности экономического и политического развития) / Г.С. Никитина. – М.: Наука, ГРВЛ, 1968. – 413 с.
- 18 Никитина, Г.С. Палестина после второй мировой войны. Образование государства Израиль и его внешняя политика в 1948–1951 гг. Г.С. Никитина // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после второй мировой войны (40-е – 50-е годы): сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 168–199.
- 19 Носенко, В.И. Деятельность сионистов в Палестине и арабское национально-освободительное движение между двумя мировыми войнами / В.И. Носенко // Международный сионизм: история и политика: сб. ст. – М., 1977. – С. 41–59.
- 20 Осипова, П. Из истории английского управления Палестиной (1919–1930) / П. Осипова // Вопросы истории. – 1948. – № 12. – С. 67–88.
- 21 Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта / Е.М. Примаков. – М.: Мысль, 1978. – 374 с.
- 22 Прокофьев, Д. Рождение кризиса. Статья первая / Д. Прокофьев // Азия и Африка сегодня. – М., 1988. – № 1. – С. 16–20.
- 23 Рафес, М. Палестинский погром и палестинская идея / М. Рафес. – М.: Госиздат, 1920. – 30 с.
- 24 Сергеев, С.М. Израиль в системе международного сионизма / С.М. Сергеев // Государство Израиль. Экономика и политика: сб. ст. – М.: Наука, 1982. – С. 6–61.
- 25 Хазанов, М.Е. К истории палестинской проблемы / М.Е. Хазанов // Вопросы истории. – 1978. – № 9. – С. 46–61.

УДК 947.608.43:323.3:364.6 – 053.2 (043.3)

## Деятельность общественных организаций по оказанию помощи несовершеннолетним в БССР в 1920-е гг.

А. П. Соловьянов

В статье исследуется деятельность отечественных и зарубежных общественных организаций по оказанию помощи несовершеннолетним и детским учреждениям Беларуси в 1920-е гг. Можно сказать с определенностью, что различные общественные организации оказали большую помощь в снабжении средствами, продуктами питания, одежды детским домам, в особенности в первой половине 1920-х гг. Довольно значительная помощь с их стороны оказывалась во время голода в Поволжье.

**Ключевые слова:** общественные организации, помощь, несовершеннолетние, беспризорность, детские учреждения.

In article activity of domestic and foreign public organizations after rendering assistance by the minor is investigated and child care centers of Belarus in 1920th. Can tell with definiteness that various public organizations have rendered the big help in supply by means, foodstuff, in particular in first half 1920th considerable aid from their party is Enough children's homes clothes it appeared during hunger in the Volga region.

**Keywords:** public organizations, the help, minors, homelessness, children's establishments.

Общественные организации, наряду с государством, оказывали в 1920-е гг. значительную помощь беспризорным, детским домам, голодающим детям из Поволжья и нуждающимся несовершеннолетним. Порой, выделяемые ими средства были довольно внушительных размеров и позволяли содержать большое количество детских домов на территории Беларуси.

Острая нехватка средств, голод в Поволжье вынудили государство принять помощь иностранных организаций и обществ. 20.08.1921 г. Советское государство заключило «Рижское соглашение» с Американской администрацией помощи (АРА) – одной из крупнейших благотворительных организаций США. Организация бралась оказать помощь голодающим и нуждающимся. С 1922 г. АРА начала операции в БССР. В течение 1922 – 1923 гг. американская помощь превысила 14 тыс. тонн продовольствия, медикаментов, оборудования, одежды стоимостью примерно в 2 млн. 730 тыс. долларов. С октября 1922 г. по июнь 1923 г. Минское отделение АРА кормило 5000 детей в 113 детских учреждениях, обеспечивая 74% их рациона [1, с. 17, 21, 172]. Однако, используя благотворительные цели, АРА занималась и оперативно-разведывательной деятельностью [2, с. 21].

Нельзя не сказать о «Джойнте» – Комитете по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны. За 1921–1924 гг. данная организация оказала помощь (в основном еврейскому населению СССР) на сумму в 24 млн. 550 тыс. долларов. В БССР на эти средства было организовано питание нескольких детских домов. В Гомельской губернии только в апреле 1923 г. помощь получало 41 детское учреждение (1542 ребенка). Кроме того, значительные средства шли на финансирование детских садов, различных учебных учреждений, больниц, амбулаторий и т. д. [3, с. 3–6; 4, с. 3; 415, с. 91; 5, с. 157]. Выделяла данная общественная организация средства и ЦК Помдет [6, л. 56].

Следует упомянуть Евобщестком – Еврейский общественный комитет помощи пострадавшим от войны, погромов и массовых стихийных бедствий. Комитет распределял поступающую из-за границы помощь жертвам погромов, поддерживал наиболее нуждающихся жителей республики, в том числе и детские учреждения. Функционировал он с 1920 по 1924 гг. [3, с. 15]. ЦК Помдет в 1924 г. закупила в Евобщесткоме достаточно большое количество детской одежды и обуви с целью распределения по детским домам [6, л. 22]. До ноября

1922 г. на территории Беларуси действовала американская христианская община квакеров [3, с. 17]. От них поступала детская одежда и различные вещи для детских учреждений [7, л. 151–152]. Деятельность данной организации положительно оценивалась органами власти, и отношение к ней было намного лучше, чем к АРА. Помощь белорусскому населению оказывали также Красный Крест и миссия Нансена.

В 1923 г. была прекращена работа АРА и значительно сокращена деятельность «Джойнта» и Евобщесткома в связи с ликвидацией голода в Поволжье. Руководители и персонал детских домов стали искать дополнительные средства, обращаться за помощью к шефам, хозяйственным организациям и предприятиям. Но в условиях нэпа предприятия и хозяйственные органы стремились к сокращению своих накладных расходов. Для разрешения создавшейся ситуации в государственных масштабах стали создаваться общества с привлечением местного населения. Первые общества «Друг детей» возникли в конце 1923 г. в Москве. Сообщения о создании новой организации появились в центральных газетах, и после этого такие общества стали зарождаться по всей стране, в том числе и в Беларуси, фактически по инициативе государства. Целью этих организаций было предупреждение детской беспризорности и борьбы с ней [8, с. 80].

Руководство работой обществ «Друг детей» в республике осуществлялось ЦК Помдет и его деткомиссиями. В сущности, общество стало одной из структур деткомиссии [9, л. 15, 46 об.]. До 1924 г. вела свою деятельность «Лига помощи германским работницам и их детям». Но в 1924 г. Советская власть приняла решение в первую очередь оказывать помощь своим детям. Лига прекратила свое существование и издала постановление о вступлении всех своих бывших членов в ряды общества «Друг детей» [10, с. 10].

Бюджет обществ «Друг детей» и деткомиссий складывался из следующих параметров:

1) вступительных и членских взносов; 2) средств, полученных в результате проведения недель и месячников помощи беспризорным, различных коммерческих мероприятий, пожертвований и т. д.; 3) средств, полученных в ходе концертов, спектаклей, кинопоказов; 4) доходов от проведения лотерей, игорных мероприятий; сборов с продажи пива, вина и водки. Помогали обществу, хоть и не в большом объеме, «Джойнт» и православная церковь [11, л. 40].

Общества «Друг детей» делали все возможное, чтобы оказать беспризорным и безнадзорным детям, а также детям беднейших слоев населения помощь. В основном она выражалась в организации бесплатных яслей, детских консультаций, столовых, в выдаче одежды, обуви, денежных пособий беспризорникам и матерям-одиночкам, в содержании приемников, распределительных пунктов, детских домов, коммун, колоний, мастерских, общежитий и ночлежек для беспризорных детей. Также общество устраивало беспризорных подростков на работу, разыскивало родителей потерявшихся детей, реэвакуировало ребят на родину, оказывало денежную помощь отделам народного образования и здравоохранения для питания и приобретения одежды детям подведомственных им учреждений и т. д. [9, л. 22]. Например, Витебское общество в 1926 г. содержало приемник, детскую консультацию, ясли, столовую, швейную мастерскую, школу-коммуну им. Н.К. Крупской [12, л. 20].

Нужно заметить, что по причине острой нехватки средств и помещений ряд детских учреждений содержался обществами не на должном уровне. Не оправдали себя денежные пособия, выдававшиеся беспризорникам некоторыми обществами. По существу, они развращали подростков. Не всегда эффективной в деятельности обществ была и проводимая ими реэвакуация детей. Так и не смогли «добраться» общества до сельских сирот и беднейших семей. Оказываемая им помощь была явно недостаточной. Функции общества и деткомиссий переплетались.

И все же, несмотря на отдельные изъяны, работа обществ положительно сказалась на социальной защите детей республики. В 1929 г. общества выделили 10% всех средств для борьбы с детской беспризорностью, что в условиях ограниченного финансирования было весьма ощутимым [13, с. 13]. Эти 10% спасли сотни маленьких граждан республики от голодной смерти, дали им приют, образование, профессию, а главное – надежду на будущее.

Привлекались к делу борьбы с беспризорностью и профессиональные союзы. Они брали под свое покровительство детские дома. Помощь, оказываемая ими, не была велика, но проф-

союзы в те годы старались дать ребятам самое необходимое. Однако со стороны профессиональных организаций не уделялось должного внимания работе и значению общества «Друг детей». Профсоюзные правления, боясь или не желая нагромождения при месткомах и фабкомах разных ячеек, встречали письменные обращения общества с просьбой о содействии молчанием [9, л. 22]. И все же центральные органы профсоюзов вменяли в обязанность своим подразделениям на местах активнее привлекать в общества рабочих и в особенности членов профсоюзов [14, с. 2].

В борьбе с беспризорностью государство возлагало большие надежды на комсомол. Отчасти они оправдались. Например, в период голода комсомольцы активно собирали для беспризорных детей вещи и продукты. Комсомольцы были задействованы в обследовании детей, выявлении беспризорников, наблюдении за ребятами, отданными на патронат, работавшими по найму и на предприятиях. Члены коммунистического союза молодежи работали в столовых, детдомах, приемных пунктах, в деткомиссиях, детской социальной инспекции, собирали пожертвования. Комсомол принимал участие в «Неделях ребенка», проводил санитарно-просветительскую работу во время эпидемий, обследовал детские дома, собирал вещи для их воспитанников, участвовал в создании столовых для беспризорных детей [15, л. 21–105].

Так, летом 1924 г. 19 студентов обследовали 18 районов Бобруйского округа и выявили 200 беспризорных. Некоторые студенты работали летом в детских домах. Подобных примеров было много. Комсомол собирал довольно большие средства. В октябре 1927 г. проводился Всесоюзный комсомольский субботник, средства от которого наряду с другими задачами выделялись и на борьбу с беспризорностью. В Лепеле во время субботника, в котором принимали участие комсомольцы и 12 беспризорных, было заработано 70 руб. Откликнулись комсомольцы и из других регионов республики.

Многие молодые коммунисты участвовали в создании детских учреждений, работали пионервожатыми в пионерских отрядах детских домов, организовывали досуг детей. Коммунистическая молодежь вступала в ряды обществ «Друг детей». Например, комсомольцы Оршанского педагогического техникума образовали свою ячейку общества, разработали план, организовали сбор средств. Комсомол активно помогал внедрить всеобщее обучение детей, что, несомненно, содействовало профилактике беспризорности, оказывал материальную помощь детям бедноты [16, с. 46].

Весной 1925 г. ЦК ЛКСМБ обратился к пионерам республики с призывом оказать помощь в ликвидации детской беспризорности. Пионеры активно участвовали в работе общества «Друг детей». Им разрешалось вступать в организацию звеньями и отрядами. Хорошо организованные юные ленинцы собирали денежные средства у населения, без труда разыскивали беспризорников, оказывали на них воспитательное воздействие, способствовали в устройстве в детские дома и т. д. Пионеры г. Борисова в 1926 г. собрали для беспризорных 250 руб. Подобные примеры были многочисленными.

Профсоюзы, комсомол, женотделы при местных советах вовлекали население в общество «Друг детей», участвовали в проведении таких мероприятий, как дни, недели и месячники беспризорного ребенка, оказывая детям всевозможную помощь. И все же деткомиссии указывали на недостаточное участие данных организаций в борьбе с детской беспризорностью.

Призваны были вести борьбу с беспризорностью и крестьянские общества взаимопомощи. В их обязанности также входило оказание помощи сиротам, вдовам, инвалидам, беднейшим жителям деревни и др. и защита их интересов, содействие государственным органам в оборудовании, поддержании и снабжении находящихся в районе действия общества детских домов, очагов, яслей, бесплатных или дешевых столовых и т. д. Однако комитеты взаимопомощи все же недостаточно обращали внимания на беспризорность, не проявляли должной инициативы, в особенности по оказанию помощи беднейшему населению. Это было связано с материальными трудностями комитетов. Тем не менее, на средства крестьянских обществ было построено большое количество детских садов и яслей, закупались учебники, одежда и обувь для детей бедноты, оказывалась помощь беднейшему крестьянству. С 1925 г. начали организовываться городские общества взаимопомощи, также призванные оказывать содействие нуждающимся.

## Литература

- 1 Лукашук, А. Прыгоды АРА ў Беларусі / А. Лукашук. – [Б. м.]: Радые Свабод. Эўропа, 2005. – 500 с.
- 2 Гладыш, С.Д. Дети большой беды / С.Д. Гладыш. – М.: Звонница-МГ, 2004. – 432 с.
- 3 Иоффе, Э.Г. Джойнт в Беларуси / Э.Г. Иоффе, Б.А. Мельцер. – Минск: Мэджик Бук, 1999. – 94 с.
- 4 Иоффе, Э.Г. Организация «Джойнт» в СССР и Беларуси / Э.Г. Иоффе // Нар. газ. – 1996. – 27 авг. – С. 3.
- 5 Григорьев, А.Д. Социальная работа на Беларуси: история, опыт, проблемы / А.Д. Григорьев. – Минск: Дизайн ПРО, 2000. – 240 с.
- 6 НАРБ. – Фонд 6. – Оп. 1. – Д. 420. Переписка Центральной Комиссии Помощи Детям по улучшению жизни детей, о ликвидации беспризорности и проч. Протоколы съезда уездных уполномоченных Центральной Комиссии по улучшению жизни детей при ЦИК БССР, заседаний этой комиссии, доклад о ее работе за 1924 г. (январь 1924 г. – декабрь 1924 г.).
- 7 ГАМО. – Фонд 322. – Оп. 1. – Д. 88. Циркуляры, распоряжения, протоколы заседаний коллегии Наркомпроса о постановке и организации народного просвещения в городе, список детей прибывших из Поволжья в детдома гор. Минска (февраль 1922 г. – январь 1923 г.).
- 8 Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад; редкол.: М.М. Безруких [и др.]. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 528 с.
- 9 ГАМО. – Фонд 1193. – Оп. 1. – Д. 14. Протоколы и отчеты Минокрпомдета (1926–1927 гг.).
- 10 Общественная помощь детям: сб. ст. / под ред. А.Ю. Таубе, М.М. Закина; Витеб. об-во «Друзья Детей». – Витебск, 1925. – 64 с.
- 11 ГАВО. – Фонд 933. – Оп. 1. – Д. 3. Положение о комиссии по улучшению жизни детей при ЦИК БССР, утвержденное президиумом ЦИК БССР 2 ноября 1923 г., протоколы, выписки из протоколов заседаний президиумов Центральной комиссии по улучшению жизни детей при ЦИК БССР (Деткомиссии), окрисполкома (сентябрь 1924 г. – декабрь 1925 г.).
- 12 ГАВО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 271. Протоколы заседаний педагогических советов школ-коммун; планы работ и схемы инспекторского осмотра детских учреждений на 1928 г., отчеты о работе школ-коммун и детских домов по районам округа (март 1928 г. – сентябрь 1928 г.).
- 13 Барацьба з дзіцячай бяспрытульнасцю ў БССР: зб. / Цэнтр. дзіцячая каміс. пры Цэнтр. выкан. кам. БССР. – Мінск, 1929. – 52 с.
- 14 Пастанова па дакладу аб дзейнасці цэнтральнай камісіі дапамогі дзецям // Савецкая Беларусь. – 1929. – 7 сак. – С. 2.
- 15 НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 157. Протоколы заседаний и отчеты о работе ЦК КСМБ (июнь 1920 г. – апрель 1921 г.).
- 16 Новицкий, В.И. Участие Ленинского комсомола Белоруссии в борьбе за подъем народного образования (1920 – июнь 1941 гг.) / В.И. Новицкий, Е.К. Новик. – Минск: Наука и техника, 1979. – 272 с.



УДК: [94 + 342. 542] (476 + 470 + 477) “1930“

## Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-годов (социокультурный аспект)

М. И. СТАРОВОЙТОВ

В статье на основе новых архивных данных впервые в белорусской историографии дана сравнительная социокультурная характеристика кустарей и крестьян-единоличников, показаны их абсолютная численность и доля в составе занятого населения белорусско-российско-украинского пограничья в конце 1930-х годов. Выявлена белорусская специфика в социальной структуре и уровне грамотности этих групп населения.

**Ключевые слова:** кустари, единоличники, грамотность, социокультурный облик.

In this article on the basis of the new archive database for the first time in Byelorussian historiography the sociocultural characteristics of handicraftsmen and self-employed farmers was given, their absolute number and fraction in the composition of byelorussian-russian-ukraine frontier was shown in the end of 1930. The Byelorussian specificity in social structure and literacy level of these groups of people was revealed.

**Keywords:** handicraftsmen, self-employed, literacy, sociocultural.

На протяжении XX в. крестьянский социум претерпел коренные изменения в результате аграрных реформ (от столыпинской до горбачевской). Не дала ожидаемых результатов и «нижегородская модель» радикальной аграрной реформы в постсоветской России. Объясняя причины спада сельскохозяйственного производства после ее осуществления в России в начале 1990-х годов на 30–40% (намного больше, чем при сталинской коллективизации), М.Л. Вылцан выделил, на наш взгляд, основной момент. Создается впечатление, что «“радикальных реформаторов” для сохранения “лица” вполне устроил бы не рынок сельскохозяйственных товаров..., а рынок земли» [20, с. 345]. Тогда же, обсуждая менталитет крестьян и аграрное развитие России XIX–XX вв., известный историк-аграрник Л.В. Милов сказал: «Мы – и украинцы, и русские, и белорусы, и народы Поволжья, и целый ряд других народов, на мой взгляд, составляем единый тип цивилизации. В этом едином типе цивилизации существуют одни и те же, с точки зрения общности, механизмы ментальности. Это вопрос очень важный, его можно раскрыть только в сравнительно-историческом плане, и, я думаю, что в будущем мы сможем выйти на эти проблемы» [20, с. 437].

Однако компаративистских исследований не только по аграрным и другим проблемам советского общества рассматриваемого периода в отечественной и зарубежной историографии пока не появилось, хотя белорусские, российские и украинские историки в последние годы стали проявлять определенный интерес к проблемам белорусско-российско-украинского пограничья (далее БРУП) [26]. Небольшой анализа развития кустарных промыслов в Могилевской и Черниговской губерниях в начале XX в. недавно был дан автором в небольшой публикации. Сравнительное исследование предложенной нами темы на основе архивных материалов переписи 1939 г. позволит дать более достоверную и адекватную социокультурную характеристику этим группам населения региона и, прежде всего, его белорусской составляющей (таблицы составлены и % подсчитаны автором).

Таблица 1. Занятые крестьяне и кустари в составе самостоятельного населения (%)

| Занятие и отрасль        | БССР  |       | Западный район РСФСР |       | Полесский под-район УССР |       |
|--------------------------|-------|-------|----------------------|-------|--------------------------|-------|
|                          | Муж.  | Жен.  | Муж.                 | Жен.  | Муж.                     | Жен.  |
| Сельское хозяйство       | 81,93 | 93,06 | 84,37                | 93,57 | 85,16                    | 94,45 |
| Кустарная промышленность | 3,14  | 0,81  | 2,17                 | 0,49  | 3,49                     | 0,83  |

Форсированная индустриализация, сплошная и принудительная для большинства населения коллективизация коренным образом изменили к концу 1930-х годов социальную структуру в стране, республиках и регионах. Чтобы представить масштабы изменений, обратимся к материалам переписи 1926 г. По ее данным абсолютное большинство самостоятельного населения БРУП было занято в сельском хозяйстве. Это хорошо видно из таблицы 1 [7, с. 3; 8, с. 2; 9, с. 154], данные которой указывают на отсутствие существенных различий в показателях.

Так, доля хозяев с наемными работниками от всех занятых в сельском хозяйстве белорусской составляющей БРУП равнялась 0,8%. Столько же было батраков и батрачек. На сельхозпредприятиях работало 0,4% рабочих. Служащие составили 0,2%. Самостоятельно занимались сельским хозяйством (одиночки) 0,6%. Хозяева с членами семьи и членами артелей составили 26,7%. Абсолютное большинство дали члены семьи, помогающие в сельском хозяйстве – 70,5% [8, с. 2]. Определенная часть населения была занята в кустарном производстве. Если в кустарном производстве женщин было в 4 раза меньше мужчин, то среди помогающих членов семьи в сельском хозяйстве они примерно в два раза превышали численность мужчин. О традиционном укладе ведения сельского хозяйства свидетельствует и оставшаяся высокой доля детского труда. Наши расчеты показали, что в 1926 г. из всего самостоятельного (имеющего занятия) населения и в БССР, и в Полесском подрайоне УССР работало 2,2% детей от 7 до 10 лет и более 25% детей в возрасте 10–17 лет. От общего числа детей последней возрастной группы трудилось около 80%. Несколько меньше эти показатели были в Западном районе РСФСР: 1,2%, 22% и 75% соответственно. Примерно 95–96% это были дети сельского населения БРУП, и на 90–91% они представляли титульные этносы пограничья [8, с. 3, 16–17]. Уровень грамотности хозяев-земледельцев, работавших с членами семьи, у мужчин достиг 57,1%, тогда как у женщин он оставался очень низким – 12,4%. Среди членов семьи, помогающих в сельском хозяйстве, он был выше и составил соответственно – 79,3% и 28,5%. Более высоким оставался уровень грамотности кустарей и ремесленников в связи с тем, что здесь была значительной доля еврейского населения. Так, в БССР в 1926 г. среди всех 63 299 кустарей и ремесленников евреи составляли 65,7%, а из тех, кто использовал наемный труд, на них приходилось 78,8%. Среди хозяев-кустарей мужчин (помогающих членов семьи) грамотных было 93%, а среди женщин – 78,7%. У кустарей-хозяев, работающих с членами семьи, – соответственно 83,5% и 70% [8, с. 56–59].

Слабое развитие промышленности и преобладание в экономике сельского хозяйства являлось главной причиной хозяйственной отсталости БССР и соседних регионов БРУП. В союзных республиках искали выход из создавшегося положения. Например, при разработке первого пятилетнего плана Госплан БССР учитывал, что перенаселенная деревня со значительным количеством и низкой доходностью маломощных крестьянских хозяйств, невысоким качеством почв, обилием неудобных земель, ввозом хлеба для потребления, медленной оборачиваемостью и накоплением капиталов в сельском хозяйстве не позволяли рассчитывать на быстрое повышение его доходности. Повышение производительности и товарности сельского хозяйства в условиях БССР намечалось достигнуть путем рационального использования земельной площади, индустриализации, землеустройства и мелиорации, развития технических культур и животноводства, организации сети предприятий по первичной обработке сельскохозяйственной продукции, кооперирования деревенской бедноты. Как и в целом по стране, устанавливался курс на индустриализацию и повышение производительности аграрного сектора, усиление обобществления во всем народном хозяйстве [19, с. XV].

Форсированная индустриализация коренным образом изменила и положение кустарей, многие из которых разорились или пошли работать на заводы и фабрики, часть ушла в кооперацию, часть продолжали заниматься частнопредпринимательской деятельностью. Полностью эта социальная группа не исчезла. По данным переписи 1939 г., среди всего занятого населения СССР, БССР и УССР доля кооперированных кустарей составляла соответственно 2,1%, 1,8% и 1,9%, а некооперированных – 0,7%, 0,6% и 0,5% [10, с. 93; 4, л. 5, 9; 33, л. 5, 9]. Существенной разницы в этих показателях не было и в областях БРУП (см. таблицу 2). Тенденция к уменьшению некооперированных кустарей наблюдалась до середины 1930-х годов.

Так, если в 1926 г. кустарей-одиночек было 29 702 чел. [т. 27, с. 2], то на 1 марта 1935 г. не-кооперированных кустарей в республике насчитывалось 6,3 тыс. [34, с. 123 ], а в 1939 г. их было 17,6 тыс. [4, л. 5], т.е. почти в 3 раза больше.

Таблица 2. Состав населения областей БРУП, имеющего занятия в 1939 г. (%)

| Население            | Распределение населения по классам и социальным группам |           |             |                  |                    |                         | Всего |
|----------------------|---------------------------------------------------------|-----------|-------------|------------------|--------------------|-------------------------|-------|
|                      | Рабочие                                                 | Служа-щие | Колхоз-ники | Кустари          |                    | Крестьяне-единолич-ники |       |
|                      |                                                         |           |             | Коопери-рованные | Некоопе-рированные |                         |       |
| БССР                 |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 51,98                                                   | 33,39     | 7,24        | 5,61             | 1,13               | 0,65                    | 100   |
| Сельское             | 12,85                                                   | 6,92      | 71,24       | 0,64             | 0,50               | 7,85                    | 100   |
| Всего                | 21,89                                                   | 13,04     | 56,44       | 1,79             | 0,65               | 6,19                    | 100   |
| Витебская область    |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 56,86                                                   | 30,30     | 5,89        | 5,56             | 1,09               | 0,30                    | 100   |
| Сельское             | 14,53                                                   | 7,45      | 72,36       | 0,62             | 0,54               | 4,50                    | 100   |
| Всего                | 25,40                                                   | 13,32     | 55,29       | 1,89             | 0,68               | 3,42                    | 100   |
| Гомельская область   |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 53,75                                                   | 33,32     | 6,26        | 5,10             | 0,94               | 0,63                    | 100   |
| Сельское             | 14,49                                                   | 6,84      | 65,99       | 0,57             | 0,51               | 11,60                   | 100   |
| Всего                | 24,67                                                   | 13,70     | 50,52       | 1,75             | 0,62               | 8,74                    | 100   |
| Могилевская область  |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 52,24                                                   | 30,86     | 8,09        | 6,64             | 1,43               | 0,74                    | 100   |
| Сельское             | 11,25                                                   | 6,36      | 73,21       | 0,45             | 0,55               | 8,18                    | 100   |
| Всего                | 19,76                                                   | 11,45     | 59,68       | 1,74             | 0,74               | 6,63                    | 100   |
| Полесская область    |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 37,32                                                   | 35,89     | 14,40       | 8,01             | 2,05               | 2,33                    | 100   |
| Сельское             | 11,20                                                   | 6,70      | 70,66       | 0,66             | 0,48               | 10,30                   | 100   |
| Всего                | 13,65                                                   | 9,44      | 65,38       | 1,35             | 0,63               | 9,55                    | 100   |
| Орловская область    |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 56,49                                                   | 32,96     | 4,84        | 4,47             | 0,91               | 0,33                    | 100   |
| Сельское             | 12,18                                                   | 6,08      | 76,95       | 0,72             | 0,53               | 3,54                    | 100   |
| Всего                | 20,57                                                   | 11,17     | 63,30       | 1,43             | 0,60               | 2,93                    | 100   |
| Смоленская область   |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 53,95                                                   | 35,19     | 4,59        | 5,13             | 0,77               | 0,37                    | 100   |
| Сельское             | 13,18                                                   | 6,75      | 75,85       | 0,49             | 0,61               | 3,12                    | 100   |
| Всего                | 19,64                                                   | 11,25     | 64,57       | 1,23             | 0,63               | 2,68                    | 100   |
| Житомирская область  |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 51,37                                                   | 31,59     | 9,92        | 5,42             | 1,39               | 0,31                    | 100   |
| Сельское             | 15,33                                                   | 7,25      | 75,54       | 0,57             | 0,34               | 0,97                    | 100   |
| Всего                | 21,84                                                   | 11,65     | 63,69       | 1,44             | 0,53               | 0,85                    | 100   |
| Киевская область     |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 52,15                                                   | 37,10     | 4,74        | 5,04             | 0,75               | 0,22                    | 100   |
| Сельское             | 15,04                                                   | 6,75      | 75,18       | 0,90             | 0,38               | 1,75                    | 100   |
| Всего                | 27,78                                                   | 17,17     | 51,00       | 2,32             | 0,50               | 1,23                    | 100   |
| Черниговская область |                                                         |           |             |                  |                    |                         |       |
| Городское            | 43,82                                                   | 30,13     | 15,91       | 8,17             | 1,35               | 0,62                    | 100   |
| Сельское             | 10,87                                                   | 5,52      | 78,92       | 0,88             | 0,68               | 3,13                    | 100   |
| Всего                | 15,49                                                   | 8,97      | 70,08       | 1,91             | 0,77               | 2,78                    | 100   |

Конституция 1936 г. давала право на существование частных хозяйств. В ст. 9 было записано: «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей

системой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда» [14, с. 730]. Это нашло отражение в Конституции БССР 1937 г. и др. республик. Этим правом воспользовалась определенная часть населения, и численность некооперированных кустарей увеличилась. Не было значительного увеличения кооперированных кустарей по сравнению с 1926 г. В 1939 г. в артелях и кооперативах трудилось 48,6 тыс. чел. Около половины из них работало в Витебской и Могилевской областях. Из таблицы 2 видно, что доля кустарей среди занятого городского населения БРУП в разы превышала аналогичный показатель среди сельского населения. Нами установлено, что абсолютное большинство кооперированных кустарей было занято в кожевенно-обувной, легкой и деревообрабатывающей отрасли промышленности. С машиностроением и металлообработкой было связано 5–16%. Заметная отличительная особенность выявлена среди некооперированных кустарей белорусских областей БРУП. Около половины из них была занята на транспорте и в связи (гужевые перевозки, погрузочно-упаковочные работы – 26,5%), строительстве – 17,1% и остальные в жилищно-коммунальном хозяйстве (парикмахерские, бани, прачечные) и др. В российских и украинских областях 58,0–68,0% некооперированных кустарей трудилось в неметаллообрабатывающих отраслях промышленности.

Произошли некоторые изменения в национальном составе кустарей. Среди кооперированных кустарей белорусских областей БРУП титульный этнос составил в 1939 г. 51,7%, а среди некооперированных – 60,7%. Более высокой была доля титульного этноса в составе кустарей в российских (соответственно 82–89% и 88–89%) и украинских (54–87% и 67–89%) областях [3; 5; 12; 16; 23; 28; 32]. На наш взгляд, роль и значение кустарной и местной промышленности не следует преувеличивать в производстве продукции и обеспечении товарами населения из-за низкого уровня квалификации кадров. Тогда становится понятным усиление внимания к кустарно-промышленной кооперации в стране и республиках в конце 1930-х годов со стороны высших партийно-советских органов. В целом в СССР и союзных республиках промкооперация была объединена с государственным сектором в начале 1960-х годов.

Принятая XVII съездом ВКП (б) установка на «ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирование всех кустарей, частной собственности на средства производства...» [1, с. 668–669] оказалась явным «забеганием вперед». В начале второй пятилетки стало очевидным, что единоличник вышел из подчинения партийно-хозяйственных руководителей на местах, которые посчитали, что процесс завершения коллективизации пойдет «самотеком». К лету 1934 г. четко проявилась дифференциация единоличников, наиболее активная часть которых демонстрировала свое преимущество перед колхозами. В первую группу (не менее 40–50%) были отнесены хозяева с усадьбой, полевым посевом и те, кто приобретал сложный сельхозинвентарь. Они выполняли сельхозналог. Вторую группу представляли единоличники без полевой земли, а приусадебные посевы использовали для потребительских нужд. Их представители занимались извозом, подсобными промыслами, отходничеством. Единоличники третьей группы практически не вели сельское хозяйство, а занимались приработками, спекуляцией и другой деятельностью [30, с. 129–130, 138]. На совещании 2 июля 1934 г. И.В. Сталин предложил не душить индивидуалов, а «в порядке экономических и финансовых мероприятий воспитывать, перевоспитывать... дать понять..., что им выгоднее быть в колхозе... или выгоднее совсем уйти в город на работу, чем заниматься индивидуальным хозяйством» [30, с. 191]. Речь шла о дифференцированном подходе к единоличникам. Во второй половине 1930-х годов из деревни «ушли» те единоличники, кто не «мог» или не хотел заниматься сельским хозяйством.

Новый примерный устав сельхозартелей, новая Конституция, меры по нормированию количества земли и скота в личном пользовании колхозников и единоличников, постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 8 сентября 1938 г. «О льготах престарелым колхозникам и единоличникам» существенно повлияли на половозрастной состав единоличников. Так, по нашим расчетам доля лиц в возрасте старше 55 лет женщины и старше 60 лет мужчины в со-

стае единоличников составляла в 1939 г. от 29,0–34,0% в белорусских и украинских областях, до 34,0–40,0% – в российских.

Однако экономические, финансовые, административные и репрессивные меры по отношению к единоличникам, сселение с хуторов ускорили процесс уменьшения их численности на Брянщине, Смоленщине, в украинских областях пограничья, где еще недавно их удельный вес был большим. Так, по данным декабря 1938 г. на Житомирщине было запланировано переселить в колхозцентры 13 806 хуторов, на Киевщине – 5 100, на Черниговщине – 1 384 хутора [15, с. 200].

Всесоюзная перепись 1939 г. показала, что крестьяне-единоличники, кооперированные и некооперированные кустари в социальной структуре общества занимали еще определенную долю в составе занятого населения. Это хорошо видно из таблицы 2 [4; 6; 11; 13; 17; 22; 24; 25; 27; 31]. Представленные в таблице расчеты позволили установить следующее. Показатели доли кустарей в составе населения белорусских, российских и украинских областей существенно не отличались. Сравнение численности крестьян-единоличников показало белорусскую специфику. В белорусской составляющей БРУП их доля среди занятого населения была в 2 раза выше, чем в российских и Черниговской областях и более чем в 3 раза превышала общесоюзный показатель, в 6 раз – общеукраинский, в 5 раз – по Киевской и в 7 раз – по Житомирской областям. Это вызвано значительной разницей в абсолютных показателях. Так, в белорусских областях пограничья общая численность единоличников была примерно такой же, как в российских и украинских областях вместе взятых. От 84,5% в Житомирской области до 99,5% в Орловской единоличниками являлись титульные этносы. Большая доля колхозников и кооперированных кустарей в городах Полесской и Черниговской областей свидетельствует о низком уровне развития здесь промышленности.

Во второй половине 1930-х годов принимались меры по вовлечению крестьян-единоличников в колхозы. Особенно это касалось БССР, где процент коллективизации и доля колхозников в составе занятого населения оставались еще ниже общесоюзных показателей. Для исправления создавшегося положения в 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли специальное постановление «О льготах для единоличников Белорусской ССР, которые вступают в колхозы». Предусмотренные льготы, недостаток пригодной земли для сельскохозяйственной деятельности (в 1939 г. 3 млн. га, или 24% общей территории, занимали болота) [2, с. 122], более медленное переселение крестьян с хуторов в колхозцентры по сравнению, например, с украинскими пограничными областями явились, на наш взгляд, сдерживающими факторами сокращения численности единоличников в белорусских областях пограничья. Их доля в составе всего занятого населения БРУП оставалась самой высокой, что хорошо видно из таблицы 2.

Основная цель – вовлечение абсолютного большинства единоличников в колхозы – была достигнута. В 1939 г. единоличники в абсолютном большинстве занимались сельским хозяйством, а не отходничеством, частным извозом, приработками и др. По нашим подсчетам, только 1,6–3,5% единоличников БРУП работало в промышленности, лесном хозяйстве, строительстве, на транспорте и в связи. В основном они выполняли транспортные и погрузочно-разгрузочные работы.

Несмотря на трудности становления и развития советской школы, ликвидации неграмотности у взрослого населения, большинство населения получили элементарную грамотность. По рассматриваемым группам эти данные сведены в таблицу 3 [6; 10; 11; 13; 17; 22; 24; 25; 27; 31]. Традиционный уклад жизни восточнославянского населения, которое в абсолютном большинстве проживало в сельской местности, разрушался медленно. Более урбанизированные этносы (евреи и др.) в рассматриваемый период еще более ускорили рост грамотности, повышение уровня образования и общей культуры. Созданная нами таблица/модель может считаться репрезентативной по отношению к национальной традиции. Ее данные указывают на специфику национальной ментальности, что, на наш взгляд, отражает сложившиеся стереотипы отношения разных этносов к грамотности и образованию, которые начали ломаться в конце 1930-х годов.

Таблица 3. Грамотность, кустарей, крестьян-единоличников и занятого населения (%)

| Имеющие занятие      | Мужчины |             | Женщины |             |             |
|----------------------|---------|-------------|---------|-------------|-------------|
|                      | Всего   | % грамотных | Всего   | % грамотных | % в занятии |
| Витебская область    |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 7367    | 94,2        | 4619    | 90,4        | 38,5        |
| Некооперированные    | 3478    | 78,8        | 847     | 70,2        | 19,6        |
| Единоличники         | 8993    | 66,8        | 12 706  | 40,1        | 58,6        |
| Всего занятых        | 347 775 | 89,1        | 285 615 | 66,8        | 45,1        |
| Гомельская область   |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 5120    | 95,6        | 2528    | 91,4        | 33,1        |
| Некооперированные    | 2100    | 78,7        | 615     | 61,6        | 22,7        |
| Единоличники         | 16005   | 70,3        | 22342   | 37,9        | 58,3        |
| Всего занятых        | 241777  | 90,9        | 196281  | 64,7        | 44,8        |
| Могилевская область  |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 7 916   | 93,8        | 3 851   | 90,1        | 32,8        |
| Некооперированные    | 4 225   | 76,8        | 749     | 67,3        | 15,6        |
| Единоличники         | 18 541  | 66,9        | 26 347  | 32,6        | 58,8        |
| Всего занятых        | 363 981 | 88,7        | 312 836 | 58,0        | 46,2        |
| Полесская область    |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 3 295   | 93,4        | 1 328   | 87,4        | 28,7        |
| Некооперированные    | 1 751   | 73,0        | 400     | 73,0        | 18,6        |
| Единоличники         | 14 104  | 61,8        | 18 621  | 29,0        | 56,9        |
| Всего занятых        | 181 180 | 86,9        | 161 381 | 57,4        | 47,1        |
| Орловская область    |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 11 839  | 94,0        | 10 980  | 74,8        | 48,1        |
| Некооперированные    | 7 601   | 80,2        | 2 019   | 61,4        | 21,0        |
| Единоличники         | 16 808  | 72,6        | 29 856  | 36,0        | 64,0        |
| Всего занятых        | 811 847 | 91,1        | 780 701 | 63,5        | 49,0        |
| Смоленская область   |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 9638    | 94,3        | 6267    | 89,6        | 39,4        |
| Некооперированные    | 6702    | 78,2        | 1511    | 62,2        | 18,4        |
| Единоличники         | 12650   | 68,9        | 22075   | 30,7        | 63,6        |
| Всего занятых        | 633453  | 90,6        | 661007  | 62,0        | 51,1        |
| Житомирская область  |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 8 607   | 91,4        | 3 078   | 86,5        | 26,3        |
| Некооперированные    | 3 230   | 73,5        | 1 039   | 68,0        | 24,3        |
| Единоличники         | 2 276   | 63,4        | 4 609   | 34,4        | 66,9        |
| Всего занятых        | 425 669 | 91,3        | 383 043 | 70,1        | 47,4        |
| Киевская область     |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 27 984  | 95,3        | 12 816  | 90,1        | 31,4        |
| Некооперированные    | 6 906   | 83,8        | 2 020   | 75,3        | 22,6        |
| Единоличники         | 7 137   | 69,3        | 14 496  | 33,9        | 67,0        |
| Всего занятых        | 929 418 | 95,3        | 830 932 | 77,4        | 47,2        |
| Черниговская область |         |             |         |             |             |
| Кооперированные      | 11 184  | 96,2        | 5 835   | 89,3        | 34,3        |
| Некооперированные    | 5 369   | 86,0        | 1 523   | 68,7        | 22,7        |
| Единоличники         | 9 325   | 82,4        | 15 468  | 49,2        | 62,4        |
| Всего занятых        | 451 341 | 94,2        | 441 308 | 73,7        | 49,4        |

Примечание: грамотность населения в возрасте 9 лет и старше.

Низкий уровень грамотности не Kooperированных кустарей и крестьян-единоличников (особенно женщин) значительно снизил этот показатель среди всего трудоспособного занятого населения БРУП.

Кооперированные кустари в абсолютном большинстве (90% из 48,5 тысяч) работали в промышленности. Несколько иной была сфера деятельности у не Kooperированных кустарей. Меньшая часть их была занята в строительстве и на транспорте. К работникам транспорта относились лица, занимавшиеся перевозкой грузов и частным извозом. Перепись 1939 г. установила, что 8 601 чел. (менее 50%) не Kooperированных кустарей БССР работало в промышленности, в строительстве – 3 347, на транспорте (перевозкой грузов и частным извозом) – 4 666 и жилищно-коммунальном хозяйстве – 623 человека [4, л. 13].

Из таблицы 3 видно, что в рассматриваемых областях среди кооперированных кустарей женщины составляли примерно 33–39%. Среди не Kooperированных кустарей их удельный вес был значительно ниже – в пределах 16–23%. Среди крестьян-единоличников в белорусских областях женщины составляли примерно 58%, что на 4–5% меньше, чем в Смоленской и Черниговской областях. Среди всего занятого населения в Гомельской и Могилевской областях женщин было 45–46%, а в соседних Смоленской и Черниговской – 49–51%. Женщины уступали по уровню грамотности мужчинам, и это заметно по крестьянкам-единоличницам. Более высокий уровень грамотности был у женщин Могилевской и Гомельской областей среди кооперированных кустарей. Значительно меньший удельный вес женщин среди не Kooperированных кустарей связан с тем, что здесь преобладали традиционно мужские профессии (фотографы, стекольщики, точильщики, каменщики, плотники, печники, жестянщики и др.).

Среди всех занятых (оба пола) удельный вес кустарей в Гомельской, Могилевской и Черниговской областях находился в пределах 2,4–2,7%, а в Смоленской области он составил 1,9%. Самый высокий удельный вес крестьян-единоличников характерен для Гомельской области – 8,8% и Могилевской – 6,6%. Этот показатель в 3–4 раза был ниже в Смоленской и Черниговской областях, он составлял здесь примерно 2,7%.

Сопоставление данных переписей позволило выявить в десятки раз превышение численности мужчин среди самостоятельных хозяев-земледельцев в 1926 г. В 1939 г. уже наоборот в 1,4–2 раза было больше женщин среди крестьян-единоличников. Это объясняется следующими факторами: большая доля женщин в составе всего сельского населения и, особенно, старших возрастов; более категоричная настроенность женщин против колхозов; массовый уход мужчин на промыслы, на учебу в города, на стройки и предприятия, где они пополняли ряды рабочих служащих (часть из них записывало хозяйство на жен), на службу в армию и др.

Важным фактором отношения власти к кустарям и единоличникам является оценка положения в обществе не только их, но и их детей. Да, имелись экономические ограничения, но к концу 1930-х годов они не были столь существенными и больше касались взрослого населения, а не детей. Для оценки благосостояния населения ООН использует так называемый индекс человеческого развития. Одним из трех показателей, имеющих равное значение для этого индекса, является образованность (грамотность взрослого населения и доля детей, обучающихся в школе) [21, с. XL]. Если родители-единоличники, прежде всего женщины, имели низкую грамотность по своей вине (Советская власть ликвидировала неграмотность даже принудительно), то дети единоличников и кустарей были охвачены школьным обучением выше, чем дети рабочих, служащих, колхозников, что особенно заметно в белорусских областях по таблице 4 [4; 6; 11; 13; 17; 22; 24; 25; 27; 31]. Более высокий охват детей школьным обучением той или иной категории населения связан с количеством детей в семьях. Так, доля детей 8–14 лет (наиболее массовый школьный возраст) в семьях колхозников, кустарей и единоличников была на 5–8% выше, чем у рабочих и служащих.

Важным достижением Советской власти следует признать факт практически полной ликвидации детского труда в возрасте 8–14 лет. По нашим примерным расчетам в БРУП в этом возрасте трудилось (учебой они не были охвачены) 0,1–0,5% детей рабочих, служащих, кооперированных и не Kooperированных кустарей, 1,0–1,5% колхозников и 1,8–2,2% детей единоличников.

Таблица 4. Количество школьников на 1000 населения по общественным группам (1939 г.)

| Области      | Все население | Рабочие | Служащие | Колхозники | Кооп. кустари | Некооп. кустари | Единоличники |
|--------------|---------------|---------|----------|------------|---------------|-----------------|--------------|
| Витебская    | 186           | 153     | 144      | 210        | 207           | 228             | 211          |
| Гомельская   | 192           | 173     | 175      | 202        | 220           | 212             | 211          |
| Могилевская  | 199           | 158     | 167      | 203        | 212           | 221             | 228          |
| Полесская    | 181           | 158     | 154      | 167        | 227           | 212             | 193          |
| Орловская    | 209           | 192     | 198      | 218        | 204           | 218             | 199          |
| Смоленская   | 214           | 191     | 192      | 226        | 215           | 190             | 204          |
| Житомирская  | 179           | 153     | 150      | 197        | 225           | 217             | 183          |
| Киевская     | 162           | 147     | 149      | 181        | 188           | 185             | 167          |
| Черниговская | 173           | 167     | 176      | 180        | 200           | 191             | 187          |

По уровню грамотности крестьяне-единоличники и некооперированные кустари значительно (особенно женщины) уступали другим категориям населения. Разницы большой по этим показателям в БРУП не было. В белорусских, российских и украинских областях численность женщин-единоличниц была высокой. Это объясняется оттоком мужского населения в города и преобладанием женского населения в сельской местности. Самое большое количество единоличников в БССР находилось в Гомельской и Полесской областях, где болотистая и лесистая местность давала преимущество в ведении такого хозяйства.

Крестьяне-единоличники, игравшие определенную роль в экономической жизни страны, республик, региона, постепенно вытеснялись из своей сферы деятельности и переходили в колхозы или выбывали в другие отрасли хозяйства. Следует согласиться со справедливым замечанием в современной российской историографии о том, что единоличник был обложен государственными налогами, хлебозаготовками, «трудгужповинностью» и иными поборами как «медведь в берлоге». Для него все более очевидными становились преимущества колхозников, хотя они и становились все менее существенными [29, с. 126]. Большевистские лидеры, осуществив рецепцию марксизма к советской действительности, отводили крестьянству второстепенную роль в построении светлого будущего. Российский исследователь В.В. Кондрашин в подтверждение того, что в грандиозных планах большевиков даже колхозному крестьянству отводилась второстепенная роль, пишет следующее: «Один из самых близких соратников И.В. Сталина В.М. Молотов, полностью разделявший его политические взгляды, говоря о коммунизме как конечной цели социалистического строительства, не признавал равных условий при этом “самом справедливом строе” для города и деревни» [18, с. 228].

Существовавшая долгое время в советской историографии стратификация населения со второй половины 1930-х годов на два дружественных класса и трудовую интеллигенцию носила идеологизированный и политизированный характер и не отражала всю полноту социального облика населения. Он был намного богаче и разнообразнее. Утвердилось мнение о том, что крестьяне-единоличники и кустари представляли незначительную часть населения. Социальная структура конца 1930-х годов – это созданная большевиками и Советской властью социальная реальность, состоящая из рабочего класса, колхозного крестьянства и прослойки интеллигенции (по классификации того времени). Как считалось, они составляли основу/опору общества, а другие элементы социальной структуры (кустари и единоличники) практически не брались в расчет. Такой подход, на наш взгляд, не отражал полностью/целостность социального образования/реальности. Вместе с семьями кустарей и единоличников в БССР было около 0,5 млн. Однако преувеличивать их роль и значение в социально-экономической и культурной жизни общества, на наш взгляд, не следует.

Коллективистская психология большинства крестьян, еще недавних общинников, тянула их в колхозы. Престижность городской жизни и оплачиваемого труда на производстве тянули молодежь в города. Не следует забывать и об экономическом факторе: рабочие и крестьяне создавали материальные ценности, преумножали благо страны и свое, а некооперированные кустари и единоличники работали, главным образом, на себя. В результате исследо-



вания социальных трансформаций выделенных категорий населения можно сделать вывод о том, что начался процесс старения единоличников, которые имели и самый низкий уровень грамотности. Такая «эволюция» единоличников вряд ли делала их труд престижным. Грамотная молодежь пополняла ряды рабочих, служащих, интеллигенции.

Есть основание считать, что белорусская модель экономического развития, составной частью которой является и современная модернизация сельского хозяйства, впервые начала давать реальные результаты. Преобладание государственного сегмента над частным в аграрном секторе, научно-обоснованная его модернизация, создание нормальных производственных и бытовых условий труженикам села, современных условий для обучения их детей впервые делает тяжелый сельский труд престижным.

В рассматриваемый период целью государственной экономической политики стали интенсификация и повышение качества труда. Это, прежде всего, касалось крестьянского труда, который для них являлся нормой жизни, но был лишен духовного содержания и осознавался как вынужденный и подневольный. Именно при Советской власти труд в официальной идеологии превратился в высшую ценность. Утверждение ценностного значения труда стало первой и едва ли не главной проблемой. Это осознано решалось большевиками в 1930-е годы. В этот период советское государство они стали именовать государством трудящихся. На наш взгляд, единоличник (а это большинство женщин с низким уровнем грамотности) с его рутинным экономическим мышлением, слабой предпринимательской инициативой не мог перестроить жизнь деревни в молодежную среду, в которую уже необратимо стали проникать идеалы городской культуры. В конце 1930-х годов Советская власть начала осуществлять сближение между городом и деревней через колхозы и совхозы.

Предметом самостоятельного исследования должно стать сравнение социокультурного уровня всех категорий трудящихся, что даст более полное представление об облике населения БССР, всего пограничья и СССР в межвоенный период. Необходим скрупулезный анализ социальных практик и стоящих за ними их социокультурных, ценностных и духовных мотиваций. Это позволит вникнуть в реальные исторические события исследуемого периода, вглубь исследуемого материала (отношение различных половозрастных групп города и села к экономическим, социальным и культурным событиям), т.е. социальных образований, в которых протекала жизнедеятельность населения.

Даже такой краткий анализ социокультурного уровня кустарей и крестьян-единоличников свидетельствует о том, что они по-прежнему занимали определенную социальную нишу в БРУП и вносили свой вклад в экономику и культуру региона. В конце 1930-х годов в белорусской составляющей БРУП доля крестьян-единоличников в составе занятого населения была сомой высокой не только в пограничье, но и в целом по СССР, т.к. абсолютная их численность оставалась значительной. Это объясняется, на наш взгляд, естественно-природными условиями и тем, что до 1939 г. в БССР переселение единоличников с хуторов было не столь форсированным. По уровню грамотности крестьяне-единоличники и неорганизованные кустари значительно (особенно женщины) уступали другим категориям населения, особенно в белорусском и украинском Полесье и на Смоленщине. Выявленные и введенные в научный оборот данные позволяют более адекватно видеть многогранность социокультурной ситуации в составе населения БССР и БРУП в конце 1930-х годов, когда складывались новые стереотипы отношения к труду, грамотности, образованию, общей и профессиональной и культуре.

### Литература

1 XVII съезд ВКП (б). 26 янв. – 10 февр. 1934 г. // Стенограф. отчет. – М.: Партиздат, 1934. – 716 с.

2 XVIII съезд ВКП (б). 10–21 марта 1939 г. // Стенограф. отчет. – Л.: Госполитиздат, 1939. – 743 с.

3 БССР. Всесоюзная перепись населения 1939 года // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 912.

- 4 БССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 429.
- 5 Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 913.
- 6 Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
- 7 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XIX. – М: ЦСУ СССР, 1929. – 657 с.
- 8 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVII. – М: ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
- 9 Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVIII. – М: Планхозгиз, 1928. – 304 с.
- 10 Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
- 11 Гомельская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
- 12 Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 914.
- 13 Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
- 14 История Советской Конституции (в документах) 1917–1956 гг. / сост. А.А. Липатов [и др.]. – М.: Юридическая литература, 1957. – 1046 с.
- 15 Історія українського селянства. Нариси в 2 т. Т. 2. – К.: Наукова думка, 2006. – 654 с.
- 16 Киевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 914.
- 17 Киевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 533.
- 18 Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 519 с.
- 19 Материалы к пятилетнему перспективному плану народного хозяйства БССР на 1927–28–1931–32 гг. – Минск, 1927. – 403 с.
- 20 Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
- 21 Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX): в 2 т. – Т. 1. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – XL, 548 с.
- 22 Могилевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
- 23 Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 908.
- 24 Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 489.
- 25 Полесская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
- 26 Российско-белорусско-украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы Международной науч.-практич. конф. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – 295 с.
- 27 Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 497.
- 28 Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 908.
- 29 Сорокин, А.Н. Испытание будущим и уроки прошлого. Белорусская деревня: от Декрета до Кодекса о земле (1917–1990-е годы) / А.Н. Сорокин. – Минск: Право и экономика, 2008. – 428 с.
- 30 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док. и мат. Т. 4. 1934–1936. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1056 с.
- 31 Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 545.
- 32 Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 916.
- 33 УССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 428.
- 34 Эканамічная геаграфія БССР. – Мінск: БАН, 1936. – 310 с.

УДК 94(476) «1941/1945»

## Ход и итоги эвакуации населения БССР летом 1941 года: проблемные аспекты

Л. А. СУГАКО

В статье рассматривается важнейшая составляющая эвакуационного процесса в Беларуси в начале Великой Отечественной войны – исход на восток значительной части населения республики. Ход эвакуации граждан освещается сквозь призму соответствующих решений и действий партийно-государственных органов БССР. Утверждается, что под воздействием трагически складывавшейся военной обстановки власти республики перешли от политики сдерживания самостоятельного исхода людей в тыл к его поощрению. Делается вывод о постепенном усилении организованного начала в проведении эвакуации жителей Беларуси. В дискуссионном ключе анализируется один из основных аспектов данной проблемы – количественные итоги процесса эвакуации белорусского населения летом 1941 г.

**Ключевые слова:** эвакуация, население, военная обстановка, Великая Отечественная война, оккупация.

The process of evacuation of the population in Belarusian Soviet Socialist Republic at the beginning of the Great Patriotic War is being discussed in the article. The author affirmed that the decisions and actions of the Party and the State organs of the BSSR determined the special details of evacuation. The process of evacuation of people became more organized and more gradually scaled. Quantity results of evacuation of the population are being researched as point at issue of this problem. On the basis of archival sources new figures and facts characterizing the evacuation process have been put into scientific circulation.

**Keywords:** evacuation, population, military conditions, the Great Patriotic War, occupation.

### Введение

По своему размаху и трагизму Великая Отечественная война занимает особое место в истории нашей страны. Степень её воздействия на народное сознание такова, что и сегодня, когда употребляются выражения «до войны», «во время войны», «после войны», априори подразумевается именно Великая Отечественная, хотя на протяжении многих десятилетий после её окончания уроженцы Беларуси принимали участие и в других войнах и военных конфликтах. Масштаб темы таков, что задача дальнейшего исследования событий и процессов, имевших место в военные годы на территории нашей страны, продолжает оставаться актуальной.

В постсоветский период внимание исследователей привлекают те проблемы истории Великой Отечественной войны в Беларуси, которые ранее в силу политических и идеологических причин не получили достаточного освещения в историографии. К таковым относятся некоторые аспекты функционирования гитлеровского оккупационного режима, коллаборация, взаимоотношения партизан и местного населения, роль православной и католической церкви в жизни народа в военные годы, трагедия еврейского населения, участие уроженцев Беларуси в движении Сопротивления в различных европейских странах, деятельность польской Армии Крайовой на территории республики, судьба советских и немецких военнопленных, вывоз населения на принудительные работы в Германию и оккупированные нацистами страны и т.д. [1, с. 117].

По нашему мнению, перспективным полем научного поиска являются и различные аспекты эвакуационного процесса, развивавшегося летом 1941 года в БССР, в частности, исход на восток значительной части населения республики. Отметим, что те или иные стороны такого явления, как эвакуация населения Беларуси, нашли определённое отражение в коллективных обобщающих трудах по истории войны, историко-документальных хрониках «Памяць» городов и районов страны, мемуарной литературе, рассматривались в работах А.Г. Андреевой, Г.Д. Кнатько, А.П. Купреевой, П.П. Липило, Г.И. Олехнович, Ю.Б. Туронка,

Н.В. Токарева и др. Вместе с тем, данная проблема продолжает сохранять значительный исследовательский потенциал.

В предлагаемой статье предметом анализа стал ход эвакуации населения Беларуси летом 1941 г. в контексте наиболее проблемных сторон рассматриваемого вопроса, каковыми, по нашему мнению, являются соотношение стихийного и организованного начал в процессе исхода на восток жителей республики и количественные характеристики его итогов. Основой для анализа обозначенных проблем послужили как уже известные сведения, так и новые данные, полученные автором в результате архивных изысканий и впервые вводимые в научный оборот.

### Основная часть

Сегодня в распоряжении историков имеется достаточное количество фактов и аргументов, позволяющих утверждать, что Советский Союз вступил в Великую Отечественную войну, не имея планов эвакуации населения, материальных и иных ресурсов и ценностей. Справедливости ради следует отметить, что перед войной определённая работа в этом направлении велась, но была свёрнута по указанию И.В. Сталина, посчитавшего нецелесообразным разработку эвакуационной программы [2, с. 9–11; 3, с. 10–11]. Объяснение такому итогу следует, вероятно, искать в содержании советской военной доктрины того времени, ориентировавшей Красную Армию на наступательные операции и быстрый перенос боевых действий на территорию противника [4, с. 78]. Однако трагедия, постигшая советские войска в первые дни боевых действий, поставила задачу организации эвакуации из прифронтовых регионов СССР, в том числе и Беларуси, в разряд самых неотложных. Угроза захвата территории республики диктовала необходимость в кратчайшие сроки обеспечить отправку на восток населения и важнейших материальных и иных ресурсов, чтобы в дальнейшем использовать их в интересах советских оборонных усилий.

Но 22 июня 1941 г. на заседании срочно собранного утром Бюро ЦК КП(б)Б «эвакуационные» вопросы в повестке дня отсутствовали, если не считать таковым директиву Брестскому и Белостокскому обкомам партии об отправке в Минск учётных документов районных парторганизаций. Более того, на совещании собравшихся в этот же день минских партийных работников речь шла о том, чтобы «коммунисты, партийный актив боролись с проявлением фактов бегства, эвакуации семей, так как это внесёт деморализацию и будет использовано паникёрами» [5, с. 9–10, 286]. Однако вечером 22 июня всё же последовало первое распоряжение, касавшееся эвакуации населения республики: ЦК КП(б)Б дал указание Наркомату просвещения вывезти «детские учреждения из мест, подвергнутых бомбардировке» [5, с. 32].

Между тем в первый же день войны начался стихийный исход на восток части населения западных областей БССР. Первую волну устремившихся в советский тыл составляли преимущественно семьи военнослужащих, партийные и советские функционеры и их семьи, работники железных дорог, учреждений связи и их семьи, дети из детских учреждений в сопровождении педперсонала [3, с. 17–18].

В ночь на 23 июня последовало новое распоряжение, касавшееся эвакуации людского потенциала Беларуси. Тюремное управление НКВД БССР отправило телефонограммы с приказом об отправке заключённых в тыл в тюрьмы Вилейской, Пинской и части Барановичской областей. С остальными тюрьмами западной части республики связаться уже не удалось [6, с. 49]. Утром того же дня, когда представление о крайне тяжёлом положении на фронте стало более ясным и в Минск стали прибывать первые беженцы с запада, руководство республики попыталось придать начавшемуся процессу эвакуации населения организованный характер. ЦК КП(б)Б обязал СНК БССР, Наркомпрос, ЦК ЛКСМБ и Минский горисполком в двухдневный срок вывезти детей из детских домов, садов, летних лагерей Минска и городов, подвергавшихся бомбардировке в полосе военных действий. Также было решено «в целях оказания помощи и эшелонирования семей начсостава и населения, следующего с территории, занятой противником», создать «транспортные пункты» в Минске, Орше, Бобруйске, Слуцке, Борисове, Заславле, Смолевичах, Пуховичах и Жлобине. На транспортные пункты возлагались организация питания, посадка в вагоны, медицинское обслуживание. Начальни-

ки железных дорог обязывались «представлять необходимое количество вагонов, в первую очередь, для членов семей начсостава» [5, с. 11–13].

Вместе с тем руководство республики, опасаясь, видимо, большого скопления беженцев в столице, предписало органам НКВД создать заслоны «для рассредоточения людских потоков, прекратив пропуск в г. Минск». Категорически запрещалось использование государственного и кооперативного автотранспорта «в целях личной эвакуации». Более того, от областных и районных властей требовалось «приостановить» дальнейшее движение на восток «неорганизованных» эвакуированных и «немедленно устроить их на работу в колхозах, совхозах и на предприятиях» [5, с. 13–15]. Подобные решения свидетельствуют, во-первых, о преимущественно стихийном характере начавшейся эвакуации населения, во-вторых, о неверной оценке высшим руководством БССР сложившейся на второй день войны обстановки на фронте, в-третьих, о стремлении этого руководства избежать распространения переносимых беженцами «панических» настроений в глубокий советский тыл.

24–25 июня 1941 г. резко ухудшилась обстановка на белорусском театре военных действий. Войска Западного фронта не смогли задержать противника в приграничной полосе и ликвидировать его глубокие прорывы, попав к тому же под угрозу окружения. Направление Вильнюс – Минск, по которому устремились главные силы 3-ей германской танковой группы, оказалось почти неприкрытым. В эти же дни вражеская авиация подвергла ожесточённым налётам столицу Беларуси. По указанию Военного совета Западного фронта в ночь с 24 на 25 июня ЦК КП(б)Б и СНК БССР переехали в Могилёв. Уже в Могилёве 25 июня была образована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем СНК И.С. Былинским [7, с. 21, 646; 5, с. 33].

Стремительное и неблагоприятное развитие военных событий крайне осложнило перевод процесса эвакуации населения в упорядоченное русло и сорвало многие соответствующие мероприятия. Предназначавшиеся для отправки населения в тыл транспортные (эвакуационные) пункты так и не были созданы. Большинство детских учреждений западной части республики эвакуировать не удалось. Благополучная отправка детей в тыл стала возможной там, где персонал детских учреждений не стал дожидаться директив сверху, а действовал соответственно обстановке. Так, уже 22 июня, ещё до получения санкции на эвакуацию, заведующая находившимся на загородной даче минским детсадом № 58 Е.Е. Харевская распорядилась собрать детей в дорогу. При активном участии воспитательниц Б.А. Померанец, Я.И. Рымдейко, Н.П. Карачун, Э.И. Розиной более 100 малышей на двух автомашинах доставили в Минск, где их быстро посадили в отправлявшийся на восток поезд. Своевременно была проведена эвакуация детей с пригородных дач минских детсадов №№ 7, 15, 26, 38, 65 и Ратомского, Дзержинского, Самохваловичского и минского № 1 детдомов. Работники детских яслей-изолятора № 43 г. Минска под руководством главврача П.В. Дыло, несмотря на бомбёжки и массовые пожары, вывезли из города в безопасный тыл 60 больных малышей в возрасте от 1 до 4 лет [8, с. 453–454]. Эвакуация детей из охваченного огнём Минска – образец выполнения служебного и нравственного долга персоналом детских учреждений в экстремальных условиях войны.

Руководству только 8 тюрем западной и центральной части республики – из Молодечно, Вилейки, Пинска, Столина, Дрогичина, Столбцов, Глубокого, Червеня – удалось отправить своих заключённых (около 3 тысяч человек) на восток. Контингент остальных 18 тюрем (более 16 тысяч человек) не был эвакуирован. Часть заключённых была оставлена в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками, часть разбежалась в пути во время налётов авиации противника, часть была расстреляна конвоем [6, с. 7, 51]. В ходе варварских бомбардировок германской авиацией Минска 24–26 июня, в условиях утраты властями контроля над положением в городе начался массовый исход на восток жителей белорусской столицы. Часть горожан отправилась в тыл на поездах, более десятка которых ещё сумело вырваться из Минска 24–25 июня. Часть воспользовалась автомобильным и гужевым транспортом. Большинство же уходило пешком по шоссе и просёлочным дорогам, подвергаясь в пути частым налётам гитлеровской авиации [5, с. 66, 112, 296; 7, с. 345]. В конце июня – начале июля в города восточной части Беларуси «ежедневно прибывали беженцы, разутые

и раздетые, с голодными детишками» [9, л. 10]. Эвакуация населения по-прежнему носила в основном стихийный характер.

К началу июля 1941 г. западные и центральные регионы БССР были захвачены германскими войсками. Их танковые и механизированные соединения устремились к Днепру и Западной Двине. Угроза оккупации нависла над восточными областями Беларуси – Витебской, Могилёвской, Гомельской, Полесской. Ещё 25 июня 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко, выступая в Могилёве перед местным партийно-хозяйственным активом, потребовал «иметь в виду и быть готовыми к возможной эвакуации промышленности и населения города» [10, с. 129]. Почти сразу же на востоке республики стали осуществляться отдельные подобные мероприятия. Например, 26 июня на Могилёвском авиамоторном заводе № 459 уже велись работы по демонтажу станков и оборудования, их упаковке и подвозу к погрузочной площадке на железной дороге [11, с. 84]. С 26 июня под руководством заместителя председателя СНК БССР В.Б. Гайсина велась разработка плана эвакуации населения восточных областей Беларуси [5, с. 67]. Однако относительно масштабное и планомерное перебазирование в тыл страны людских и материальных ресурсов восточной части БССР началось только после 30 июня, когда соответствующие предложения ЦК КП(б)Б были наконец санкционированы И.В. Сталиным [12, с. 35].

При организации эвакуации населения партийные и государственные органы восточных областей Беларуси столкнулись с рядом требовавших оперативного решения проблем. Следовало оказать срочную помощь беженцам из западных и центральных областей, наводнивших к началу июля восточные регионы республики [3, с. 17]. Прибывшим с запада партийным, советским и хозяйственным функционерам, особенно нуждавшимся в деньгах, одежде и обуви, оказывалась материальная поддержка по линии соответствующих структур. Так, в период с 27 июня по 2 июля 1941 г. только Гомельский обком КП(б)Б оказал денежную помощь 18 работникам партийно-государственного аппарата западных областей в сумме 1425 рублей (в размере от 50 до 200 рублей на человека) [13, л. 321–322, 325–330, 335–336, 366–373; 14, л. 2–3, 16–19, 45].

Кроме того, наплыв беженцев с запада, большая часть которых шла пешком, а также необходимость организовать отправку в тыл населения восточной части БССР заставили вернуться к вопросу о создании эвакуационных пунктов, в конце июня – начале июля уже действовавших в Витебске, Полоцке, Лепеле (Витебская область); Осиповичах, Могилёве, Костюковичах (Могилёвская область); Гомеле, Новобелице, Добруше, Лоеве, Светиловичах (Гомельская область); Наровле (Полесская область) [15, с. 20]. Эвакопункты развёртывались на основных железнодорожных, шоссейных и речных коммуникациях, в их задачи входило «оказание помощи эвакуированному населению в средствах передвижения, выдача денежной помощи, обеспечение продуктами питания, одеждой, дача совета о выборе маршрутов эвакуированным, оказание помощи по розыску потерявшихся членов семей и родственников» [5, с. 69]. Помимо упомянутых, эвакопункты выполняли ещё одну, довольно специфическую, функцию. Поскольку существовало опасение, что противник попытается использовать потоки беженцев для внедрения в советский тыл своей агентуры, считалось необходимым организовать фильтрацию прибывавших с запада. В эвакопункты для проверки и удостоверения личностей и сбора развединформации путём опроса эвакуируемых направлялись сотрудники органов внутренних дел и госбезопасности. По утверждению И.Н. Макарова, занимавшего в начале войны должность первого секретаря Могилёвского обкома партии, неоднократно имели место факты разоблачения вражеских лазутчиков и диверсантов, маскировавшихся под эвакуирующихся советских граждан [16, с. 11, 28–29]. Характерно, что председатель СНК БССР И.С. Былинский в докладной записке на имя заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина именует эвакопункты «контрольно-пропускными пунктами», отмечая, впрочем, что население «...исключительно хорошо» встретило их создание, так как беженцы получали «...отдых и медицинскую помощь», а в ряде случаев удалось «...установить связь потерявшимся семьям» [5, с. 238].

В конце июня – первой декаде июля 1941 г. немецкие войска захватили ряд городов, в которых размещались эвакопункты (Осиповичи, Витебск, Полоцк, Лепель). 11 июля, находясь уже в Рославле (Смоленская область), ЦК КП(б)Б обязал СНК БССР развернуть 14 но-

вых эвакуационных пунктов. 9 из них должны были дислоцироваться на территории Беларуси (Езерище, Сураж, Орша – Витебская область; Кричев, Климовичи – Могилёвская область; Чечерск, Тереховка – Гомельская область; Калинковичи, Брагин – Полесская область), 5 – на прилегающей территории РСФСР (Невель, Велиж, Рославль, Унеча, Новозыбков). Для помощи в организации эвакуационных пунктов правительство Беларуси командировало 19 своих работников. Правда, из справки СНК БССР «О деятельности правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г.» следует, что из 14 новых эвакуационных пунктов фактически действовали только 10 (к сожалению, не указано, какие именно). Всего, по официальным данным, через эвакуационные пункты в тыл страны было направлено около 230 тыс. жителей Беларуси, многим из которых была оказана помощь продуктами питания, деньгами, одеждой, обувью, на что было потрачено до 1,5 млн. рублей [5, с. 19–20, 69].

Как и на западе республики, в её восточных областях принимались меры по вывозу в безопасные районы детей и детских учреждений. Организованно была проведена эвакуация Гомельского и Могилёвского детдомов, пригородной дачи Могилёвского труболитейного завода, Гомельской детской больницы, Полоцкого дома ребёнка, детских садов Краснополья и т.д. [5, с. 224; 8, с. 455]. Однако экстремальные условия войны не позволили и на востоке Беларуси эвакуировать все детские учреждения. Воспитанники Полоцкого детдома, к примеру, были переправлены в советский тыл с партизанских аэродромов уже в 1942–1943 гг. [8, с. 455]. Согласно официальным данным, из БССР летом 1941 г. было эвакуировано 110 детских домов (около 10 тыс. детей), 50 детских садов (более 2 тыс. детей), 28 пионерских лагерей (1525 детей), 3 спецшколы (155 детей), 3 детских санатория (310 детей) [8, с. 456; 15, с. 20].

Кроме эвакуации собственно детских учреждений, прилагались усилия по отправке в тыл матерей с детьми. Для этого на некоторых железнодорожных станциях формировались специальные эшелоны. Из Могилёва до 10 июля 1941 г., пока сохранялась железнодорожное сообщение с советским тылом, поездами было вывезено несколько тысяч человек, в основном женщин и детей [12, с. 104]. Среди них и семьи сотрудников могилёвской милиции, которые, однако, организованным порядком были доставлены только до Рославля, видимо, считавшимся в начале июля безопасным местом [17, л. 421]. Из Гомеля только в период с 3 по 7 августа 1941 г. на восток были отправлены 4 эшелона с женщинами, детьми и лицами преклонного возраста (7932 человека). Для посадки в поезда эвакуируемым выдавались специальные талоны, нуждающиеся обеспечивались денежными средствами в сумме от 100 до 200 рублей. В составе каждого эшелона имелись вагон-ларёк с продуктами питания и вагон с медперсоналом. Вместе с тем посадка проводилась неорганизованно, некоторые вагоны оказались переполненными и матерям пришлось держать на руках детей во время сна [5, с. 250–251].

Важнейшее значение придавалось эвакуации квалифицированных кадров – рабочих, инженерно-технических работников, служащих, специалистов сельского хозяйства, медработников, преподавателей вузов, техникумов, школ, функционеров партийно-государственного аппарата. Немалая часть данной категории населения была перебросена в тыл вместе с оборудованием своих промышленных предприятий, имуществом колхозов, совхозов, МТС, учреждений здравоохранения, образования и культуры. Особенно широко подобный способ эвакуации практиковался в Гомеле. К примеру, только до 24 июля 1941 г. вместе с оборудованием и материалами завода «Гомсельмаш» к новому месту его дислокации (г. Курган) направились 2 тыс. человек; паровозовагоноремонтного завода (г. Уфа) – 1473 человека; станкостроительного завода им. С. Кирова (г. Свердловск) – 425 человек; завода «Двигатель революции» (г. Аткарск Саратовской области) – 700 человек; швейной фабрики «Коминтерн» (г. Барыш Куйбышевской области) – 475 человек и т.д. [18, л. 7–8]. Всего из Гомеля таким образом было отправлено на восток более 80 тыс. человек, с учётом членов семей работников [19, с. 24]. Подобный метод эвакуации, сочетавший перебазирование людей вместе с материальными ресурсами, являлся наиболее организованным и позволял предприятиям быстро развернуться в назначенном пункте и начать выпуск необходимой фронту и тылу продукции. К тому же работники на период передислокации обеспечивались не только зарплатами, но и подъёмными, пособиями и другими видами материальной поддержки, что помогало их семьям обустроиться на новом месте. По эвакуированным предприятиям и учреждениям Могилёвской области расходы по данным статьям составили 1 258 700 рублей, Гомельской области – 2 677 773 рубля [20, л. 35; 21, л. 1].

В материальной поддержке нуждались и люди, самостоятельно уходившие в советский тыл. Эвакопункты не могли в полном объёме обеспечить эту помощь, тем более что города, в которых они находились, один за другим захватывались противником. Поэтому 23 июля 1941 г. СНК БССР принял постановление, намечавшее дополнительные меры по оказанию материальной помощи населению, «неорганизованно» направлявшемуся на восток. СНК обязал облисполкомы и райисполкомы (к этому времени свободными от вражеских войск оставались большинство районов Полесской и Гомельской областей и юго-восток Могилёвской) выделить из местных бюджетов средства для субсидирования людей, вынужденных оставлять свои дома. На эти же цели из республиканского бюджета выделялось 3 млн. рублей [15, с. 20]. Таким образом, под влиянием тяжёлой военной обстановки власти отказались от политики сдерживания «стихийной» эвакуации, проводившейся в первые дни войны и стали содействовать населению в его стремлении покинуть районы, которым угрожала оккупация. Об этом же свидетельствует стремление, кроме горожан, «привлечь сельское население к эвакуации», о чём шла речь на заседании Бюро ЦК КП(б)Б 18 июля 1941 г. [5, с. 28]. Следует, однако, указать, что многие беженцы продолжали двигаться на восток пешком и так и не смогли добраться до советского тыла, так как пути их отхода были блокированы наступавшими немецкими войсками. Несколько таких случаев произошло с беженцами из Могилёвской области, которые были перехвачены немцами уже на территории Смоленской и Брянской областей. Люди были вынуждены возвращаться в родные места либо оседать на новых. Имелись случаи, когда немцы направляли беженцев в лагеря для военнопленных [17, л. 323; 22, л. 167, 374].

В восточной части республики заключённые всех 6 имевшихся здесь тюрем были успешно эвакуированы (более 6 тыс. человек). Гораздо хуже обстояли дела с эвакуацией отбывавших наказание в исправительно-трудовых колониях, которая, согласно приказу № 001669 НКВД СССР от 07.12.1941 г., «проведена была крайне неорганизованно». Только в 2 из 18 ИТК восточных областей провели передислокацию «удовлетворительно». Администрация остальных растеряла при эвакуации «большую часть личного состава и заключённых, не вывезла и не уничтожила личные дела заключённых, документы, имущество и ценности» [6, с. 6, 12–13, 54–56].

В тяжелейших условиях войны руководившие эвакуацией органы не смогли помочь тем, кто не мог самостоятельно уехать – контингенту домов престарелых и инвалидов, пациентам психиатрических и тяжелобольным обычных клиник. Оставшись на оккупированной территории, многие из этих людей стали жертвами нацистского геноцида либо погибли без надлежащего ухода [20, л. 77–78; 23, с. 68].

Ключевым аспектом исследуемой проблемы является установление точного количества населения, эвакуировавшегося из Беларуси летом 1941 г. Однозначного ответа на данный вопрос в нашей историографии пока нет. В монографии «Трудящиеся Белоруссии – фронту» (1972) известный белорусский исследователь Г.И. Олехнович, ссылаясь на документы Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, определяет количество эвакуированных из БССР формулировкой «...по неполным данным, более 1 млн. человек» [19, с. 25]. На страницах 4-го тома «Гісторыі Беларускай ССР» (1972–1975) число эвакуированных оценивается в 1,5 млн. человек [24, с. 137]. Эта же цифра фигурирует в 1-ом томе обобщающего коллективного исследования «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» (1983–1985), сопровождаемая, впрочем, пояснением «...не считая рабочих и служащих, выезжавших со своими предприятиями и учреждениями» [25, с. 59]. То есть число эвакуированных, логично предположить, должно быть ещё большим. Энциклопедия «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945» (1990) отмечает, что летом 1941 г. эвакуировалось в тыл страны «каля 1,5 млн. працоўных Беларусі» [7, с. 646]. Данное издание также не претендует на точность в определении общего количества покинувшего республику населения, так как в категорию «трудящихся», надо думать, не включались эвакуированные дети, лица преклонного возраста и нетрудоспособные граждане. 5-ый том 6-томной «Гісторыі Беларусі» (2000–2007) противоречит сам себе: на стр. 482 количество эвакуировавшихся жителей БССР оценивается в 1,5



млн. человек, на стр. 551 авторы ограничились осторожным указанием «...звыш 1 млн. чалавек» [26, с. 482, 551]. С помощью последней формулировки определяют количество эвакуировавшихся граждан и авторы издания «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» (2005) [27, с. 398].

Таким образом, даже в имеющих официальный характер фундаментальных коллективных трудах оценка общего количества эвакуировавшегося населения республики колеблется в диапазоне от 1 млн. до 1,5 млн. человек. Такой разброс не удивителен, так как установление точного числа покинувших летом 1941 г. родные места жителей Беларуси представляется весьма сложной задачей. Прежде всего потому, что, как уже отмечалось, исход населения на восток носил в значительной степени стихийный характер и потоки людей двигались в тыл, находясь вне контроля и учёта со стороны структур, отвечавших за эвакуацию. На заседании Бюро ЦК КП(б)Б 18 июля 1941 г. работа Центральной эвакуационной комиссии при СНК БССР была подвергнута острой критике как раз за «отсутствие точных данных об эвакуации» [5, с. 27–28]. Показательно, что в обобщающих ход и результаты эвакуации в Беларуси докладных записках председателя СНК БССР И.С. Былинского и первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, направленных в Москву соответственно 20 июля и 17 августа 1941 г., отсутствуют сведения о количестве эвакуированного населения [5, с. 235–238, 252–254]. Очевидно, что летом 1941 г. руководство БССР не имело ясного представления о масштабах исхода на восток жителей республики. Только в справке «О работе правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г.», подготовленной в мае 1942 г., сообщается, что партийно-государственными органами БССР была «оказана помощь в эвакуации ...до 1500,0 тыс. чел. населения» [5, с. 74]. Эта цифра и стала, как уже отмечалось, фигурировать в ряде изданий. Позволим себе усомниться в достоверности данной цифры. Вновь укажем, что летом 1941 г. в условиях преимущественно стихийного характера эвакуации граждан так и не был осуществлён количественный учёт всего покинувшего Беларусь населения. Осенью 1941 г. в некоторые тыловые регионы СССР были направлены уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР с задачей организовать во взаимодействии с местными властями регистрацию, размещение и трудоустройство эвакуированных из республики [5, с. 80–82]. Работа по регистрации продвигалась медленно и принесла следующие результаты: на август 1942 г. учтено 108,7 тыс. эвакуировавшихся из Беларуси граждан; на октябрь 1942 г. – 127 тыс.; на июль 1943 г. – 185,8 тыс. Довольно скромные итоги регистрации объясняются малочисленностью занимавшихся ею работников и неполным охватом тыловых регионов страны (учёт белорусского населения был проведён в 28 регионах РСФСР, Казахской, Узбекской и Туркменской ССР) [28, л. 6, 57; 29, л. 72]. Кроме того, часть эвакуированных уже могла быть призванной в армию. Но даже вкуче с этими обстоятельствами озвученная в мае 1942 г. цифра в 1,5 млн. эвакуированных из БССР представляется не просто завышенной, а вызывающей явное недоумение. Получается, что на просторах страны бесследно «растворилось» более миллиона «неучтённых» жителей одной из оккупированных советских республик. Характерно, что уже в августе 1942 г. в СНК республики серьёзно скорректировали майскую цифру, оценив количество эвакуированного населения в 700 тыс. человек, подстраховавшись, правда, оговоркой «...по неполным данным» [28, л. 5]. В октябре 1942 г. в проекте постановления ГКО СССР «О создании Белорусской армии», направленном П.К. Пономаренко И.В. Сталину (к слову, так и не принятом), численность покинувших БССР людей «ориентировочно» оценивалась в 780 тыс. человек [28, л. 57]. Возможно, в последней цифре учтено и население, ушедшее с территории Беларуси уже в условиях гитлеровской оккупации (например, через «Витебские ворота»).

Цифра в 700–800 тыс. эвакуировавшихся из Беларуси представляется нам вполне реальной, хотя она и не лишена определённой умозрительности. Ведь если подсчитать население республики, охваченное учётом в процессе эвакуации, то, по известным нам документам и публикациям, его численность составит около 386 тыс. человек. В это число вошли: дети, организованно эвакуированные в составе детских учреждений (около 14 тыс. человек) [8, с. 456; 15, с. 20]; лица, в том числе из западных областей БССР, эвакуированные через Гомельскую областную эвакуационную комиссию в период с 24 июня по 18 июля 1941 г. (18,8 тыс. человек) [5, с. 254]; матери с детьми и лица преклонного возраста, вывезенные из Гомеля в

период с 3 по 7 августа 1941 г. (7932 человека) [5, 250–251]; работники и их семьи, эвакуированные из Гомеля вместе с предприятиями и учреждениями (около 80 тыс. человек) [19, с. 24]; работники и их семьи, отправленные в тыл из Витебска вместе с предприятиями и учреждениями (3417 человек, данные по 12 предприятиям из 23 эвакуированных) [30, л. 2–6]; работники и их семьи, отправленные в тыл из Могилёва вместе с предприятиями и учреждениями (более 1 тыс. человек, данные по 3 предприятиям из 12 перебазированных) [30, л. 9–10]; участники перегона из Беларуси на восток общественного скота и тракторов, вышедшие в советский тыл (21668 человек) [5, с. 74]; эвакуированные заключённые белорусских тюрем (более 9 тыс. человек) [6, с. 6, 12–13]; жители республики, направленные в тыл через эвакуационные пункты БССР и западных областей РСФСР (230 тыс. человек) [5, с. 69]. Последняя цифра недостаточно надёжна, так как не исключено, что одни и те же люди по пути в тыл могли проследовать через несколько эвакуационных пунктов, а значит, и несколько раз могли быть учтены.

Таким образом, установление точного количества эвакуированного летом 1941 г. белорусского населения остаётся актуальной задачей. Для её решения весьма полезными могут оказаться материалы переписи граждан, прибывших в начале войны в тыл из угрожаемой зоны Советского Союза. По указанию ГКО СССР эта работа проводилась с 1 февраля 1942 г. Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации во всех регионах советского тыла, причём, очевидно, не пересекаясь с близкой по содержанию деятельностью малочисленных уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР. Материалы этой трудоёмкой переписи, составляющие, по словам известного советского и российского историка Г.А. Куманёва, несколько сотен объёмистых папок и долгие годы хранившиеся в секретном архивном фонде, позволяют точнее определить численность эвакуированных в первые месяцы войны (в том числе и из БССР), их возрастной и национальный состав, основные профессии, прежние и новые адреса и т.д. [2, с. 24]. Данные документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и представляют несомненный интерес для белорусских исследователей.

### Заключение

Анализ хода и итогов эвакуации населения Беларуси в начале Великой Отечественной войны даёт возможность выявить её особенности и позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Процесс перемещения в советский тыл белорусского населения летом 1941 г. включает, на наш взгляд, 2 этапа. На первом (22 июня – начало июля) исход граждан на восток приобрёл в основном стихийный характер, что было обусловлено рядом факторов, среди которых следует отметить: неподготовленность республики и страны в целом к массовому перебазированию в случае войны населения и материальных ресурсов в глубинные районы СССР; необходимость для партийно-государственных органов БССР параллельно решать другие важнейшие задачи в условиях крайнего дефицита времени, перебоев связи и стремительно ухудшавшегося положения на фронте; неверная оценка руководством республики обстановки в первые дни войны, приведшая даже к попыткам сдерживать самостоятельную эвакуацию граждан. Поэтому в западных и центральных регионах Беларуси характер организованных и целенаправленных действий приобрели лишь меры по спасению детей ряда детдомов, детсадов, пригородных дач, пионерских лагерей, санаториев и т.д., а также по отправке в тыл контингента некоторых учреждений пенитенциарной системы (при этом часть заключённых была расстреляна).

2. На втором этапе (июль – август 1941 г.), когда западные и центральные области БССР были уже оккупированы, а её восточные районы один за другим захватывались врагом, властями республики были предприняты значительные усилия с целью придать процессу эвакуации населения массовый, планомерный и упорядоченный характер. Прежде всего заслуживают внимания такие меры, как организация эвакуационных пунктов, отправка в тыл оборудования и имущества предприятий и учреждений вместе с работниками и их семьями, формирование специальных поездов для эвакуации матерей с детьми и лиц преклонного возраста. На этом этапе, в отличие от первых дней войны, власти БССР поощряли самостоятельную эвакуацию граждан и оказывали им материальную помощь. Вместе с тем в процессе пере-

мещения населения на восток сохранялись черты стихийности, многие люди по-прежнему шли пешком и часть из них так и не смогла добраться до советского тыла, так как была перехвачена наступавшим противником.

3. В результате эвакуации сотни тысяч жителей Беларуси (определение точного количества эвакуированных остаётся актуальной задачей) были спасены от ужасов нацистской оккупации. Оказавшись вдали от родных мест и несмотря на бытовые тяготы и лишения, наши земляки сыграли достойную роль в укреплении военно-экономического потенциала советского тыла, работая в заводских цехах и на колхозных полях, участвуя в строительстве военных и народнохозяйственных объектов и управляя железнодорожными составами. Эвакуация сохранила возможности для творчества белорусским учёным, писателям, художникам, музыкантам, артистам. Часть оказавшихся в тылу граждан из БССР впоследствии пополнила ряды Советских Вооружённых Сил и приняла участие в боевых действиях [19, с. 119, 165–166; 31, с. 112–119].

С ноября 1943 г. начинается возвращение на родную землю эвакуированных из Беларуси работников промышленности, транспорта, сельского хозяйства, науки и культуры, принимавших активное участие в возрождении республики после изгнания захватчиков [19, с. 7].

### Литература

1 Сташкевич, Н.С. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии / Н.С. Сташкевич // Романовские чтения: сб. трудов Междунар. науч. конф., Могилёв, 21 окт. 2004 г. / Могилёвский гос. ун-т; редкол.: М.И. Вишневский [и др.]. – Могилёв, 2005. – С. 109–122.

2 Куманёв, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманёв // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

3 Сугако, Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны / Л.А. Сугако // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2008. – № 2. – С. 10–21.

4 Пономаренко, П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 / П.К. Пономаренко. – М.: Наука, 1986. – 438 с.

5 Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): док. и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 458 с.

6 Приказано приступить. Эвакуация заключённых из Беларуси в 1941 году: сб. документов / Нац. архив Респ. Беларусь; сост.: А.И. Кокурин [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 72 с.

7 Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 / Энцыклапедыя; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1990. – 680 с.

8 Андрэева, А.Г. Эвакуацыя дзяцей і дзіцячых устаноў у савецкі тыл / Г.А. Андрэева // Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945): зб. артыкулаў: Бел. НДІ адукацыі / Народная асвета; рэдкал.: Г.Р. Сянькевіч [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 452–456.

9 Воспоминания первого секретаря Могилёвского обкома партии Макарова И.Н. // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМГО). – Фонд 6115. – Оп. 1. – Д. 159.

10 Сугако, Л.А. Об особенностях эвакуации в восточных областях БССР (июль – август 1941 г.) / Л.А. Сугако // Оборонительные бои на территории Беларуси: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию обороны г. Могилёва от немецко-фашистских захватчиков, Могилёв, 29–30 июня 2006 г. / Могилёв. гос. ун-т; редкол.: Н.М. Пурышева [и др.]. – Могилёв, 2006. – С. 127–133.

11 Шапиро, В.Л. Завод, который умеет делать всё / В.Л. Шапиро. – Минск: ИнтерДайджест, 1997. – 384 с.

12 Чернышёв, П.С. Враг был обезврежен / П.С. Чернышёв // Солдатами были все: сб. мемуаров / Беларусь; редкол.: В.А. Греков [и др.]. – 2-ое изд. – Минск, 1972. – С. 103–108.

13 Денежные документы Гомельского обкома (июнь 1941 г.) // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 1а. – Д. 153.

- 14 Денежные документы Гомельского обкома (июль – август 1941 г.) // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 1а. – Д. 154.
- 15 Липило, П.П. КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П.П. Липило. – Минск: Госиздат БССР, 1959. – 259 с.
- 16 Макаров, И.Н. Живая земля / И.Н. Макаров. – Минск: Беларусь, 1985. – 208 с.
- 17 Протоколы заседаний бюро Могилёвского обкома КП(б)Б (июль – декабрь 1945 г.) // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 76.
- 18 Справка Гомельского обкома КП(б)Б об эвакуированных предприятиях Гомельской области на 24 июля 1941 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 24. – Д. 1.
- 19 Олехнович, Г.И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г.И. Олехнович. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.
- 20 Материалы Могилёвской областной комиссии по учёту ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками (1945 г.) // Государственный архив Могилёвской области (ГАМГО). – Фонд 306. – Оп. 1. – Д. 7.
- 21 Обобщённые сведения об ущербе, причинённом оккупантами промышленным предприятиям и учреждениям Гомельской области, торговой сети, социальному обеспечению, земельным и советским органам, коммунальному хозяйству, дорожному хозяйству и т.д. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд р-1345/с-42. – Оп. 2. – Д. 3.
- 22 Протоколы заседаний бюро Могилёвского обкома КП(б)Б (январь – июнь 1945 г.) // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 75.
- 23 Костеров, А.П. Проведение эвакуационных мероприятий на Могилёвщине летом 1941 г. / А.П. Костеров // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац Міжнар. навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г. / Упр. культуры Магілёў. гарвыканкама; уклад.: І.А.Пушкін [і інш.]. – Ч. 2. – Магілёў, 2003. – С. 64–69.
- 24 Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / І.С. Краўчанка [і інш.]. – 1975. – 640 с.
- 25 Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск, Беларусь, 1983–1985 – Т. 1: 1941–1942 / Л.В. Аржаева [и др.]. – 1983. – 591 с.
- 26 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 616 с.
- 27 Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
- 28 Материалы по вопросу создания Белорусской армии // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33. – Д. 225.
- 29 Материалы к справке Белорусского штаба партизанского движения по результатам боевых действий партизан за период с 22 июня 1941 г. по 22 июня 1943 г., о злодеяниях фашистских оккупантов // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 302.
- 30 Справка об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материалов и ценностей из Белорусской ССР // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 102. – Оп. 3. – Д. 2.
- 31 Токарев, Н.В. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Н.В. Токарев. – Минск: Наука и техника, 1988. – 181 с.

УДК 341.43«1939 »(438)(476)

## Формирование органов государственного управления в Западной Беларуси осенью 1939 г.

Д. М. Толочко

В статье рассматривается формирование органов государственного управления в Западной Беларуси осенью 1939 г. Автор приходит к выводу, что Деятельность Временных управлений и крестьянских комитетов носила переходный характер. Они функционировали в период между завершением работы польской администрации и окончательным установлением в регионе советской власти.

**Ключевые слова:** государственное управление, кадровая политика, временные управления, крестьянские комитеты.

Author is considered comes to conclusion, that activity of Temporary managements and country committees had transitive character. They function during between completion of work of the Polish administration and a final establishment in region of the Soviet authority.

**Keywords:** public administration, personnel policies, time management, peasant committees.

В сентябре 1939 г. произошло одно из наиболее значимых событий в истории белорусского народа – его воссоединение в едином государстве. Одним из актуальных вопросов в рамках данной темы является проблема создания и функционирования первых органов власти в западном регионе республики (т.е. Временных управлений и крестьянских комитетов) на протяжении сентября – ноября 1939 г.

По мере продвижения войск Красной Армии в воеводствах и во всех поветовых центрах Западной Беларуси вместо органов старой польской власти были образованы новые – Временные управления, в сельской местности – крестьянские комитеты. В этой связи необходимо подчеркнуть, что инициатором их создания явилось высшее партийное руководство страны. Подтверждением тому служит директива НКВД СССР народным комиссариатам внутренних дел УССР и БССР «Об организации работы в освобожденных районах западных областей Украины и Белоруссии», датированная 15 сентября 1939 г. Здесь, в частности, указывалось следующее: «По продвижении наших войск и занятии тех или иных городов будут создаваться временные управления (временный орган власти)» [1, с. 79]. Более полные инструкции относительно будущих органов власти в регионе содержались в постановлении Военного Совета Белорусского фронта № 01 от 16 сентября 1939 г. В документе в этой связи отмечалось: «Первое дело – с приходом наших войск и захватом тех или иных городов – создание «Временных управлений» таких-то городов, не ревкома, а именно «Временного управления» такого-то города... Четвертое дело – создать по гминам крестьянские комитеты из представителей бедноты и середняков» [2, с. 50–51]. Основные положения этого постановления, касающиеся создания органов власти в регионе, были продублированы 19 сентября 1939 г. в приказе командующего войсками Белорусского фронта М.П. Ковалева. Разумеется, что в той ситуации ни НКВД СССР, ни тем более Военный Совет Белорусского фронта, не могли инициировать подобные директивы. Это было в компетенции только Политбюро ЦК ВКП(б). Каких-либо распоряжений на этот счет со стороны непосредственно Политбюро нами найдено не было. Вместе с тем не исключено, что они отдавались в устной форме и не были запротоколированы.

Большая часть Временных управлений была образована непосредственно после вступления в города Западной Беларуси передовых частей Красной Армии. Однако, отмечались случаи, когда организация временных органов власти начиналась только спустя несколько дней. Это объяснялось тем, что передовые части РККА продвигались настолько быстро, что партийные работники, направленные в западный регион для создания Временных управле-

ний, просто-напросто не поспевали за ними. Так, подвижная группа под командованием А.И. Еременко прибыла в Новогрудок вечером 17 сентября 1939 г. и вплоть до 18 сентября руководство городом осуществляли представители польской администрации. В этой связи командование воинских частей настоятельно просило руководство страны максимально ускорить «продвижение этих людей и организацию власти на местах» [3, с. 84].

В городах Западной Беларуси фиксировались отдельные попытки со стороны местных жителей, чаще всего инициаторами выступали бывшие члены КПЗБ, КПЗУ, наряду с Временными управлениями создать и органы местной «революционной власти». Однако такого рода действия немедленно пресекались представителями Красной Армии или самих Временных управлений [4, л. 207]. Вместе с тем любопытно отметить следующий факт. В отечественной историографии бесспорным является тезис, что Временные управления создавались «по инициативе и под руководством представителей Красной Армии». Однако имели место и исключения. В городе Сымятичи Полесской области Временное управление было создано по инициативе местного населения. Причем его возглавили крупные земельные собственники. Более того, оно функционировало в этом составе вплоть до выборов в Народное собрание Западной Беларуси [5, л. 6]. Всего к 20 сентября 1939 г. на территории Западной Беларуси было создано 57 Временных управлений.

Схема работы аппаратов Временных управлений разрабатывалась непосредственно ЦК КП(б)Б [6, л. 13]. Эти органы включали в себя следующие отделы: административный, продовольственно-торговый, финансово-коммунальный, культурно-просветительский, народного образования и др. На протяжении своей работы отделы преобразовывались, появлялись новые. При этом инициатива по реорганизации принадлежала непосредственно местным органам власти в лице Временных управлений и диктовалось необходимостью сделать работу их более эффективной. Например, 9 октября 1939 г. на заседании Временного управления города Кобрин был введен отдел охраны здоровья, а 13 декабря 1939 г. для руководства всей работой по народнохозяйственному планированию был утвержден плановый отдел. Позднее из двух отделов – коммунально-строительного и дорожного – был создан один – коммунальный и дорожно-строительный. Создавались также новые конторы: заготовки зерна, сена и другие [7, с. 32].

В состав президиумов Временных управлений входили: политический офицер РККА (в качестве председателя), работник НКВД, представитель местной интеллигенции и рабочий. Ключевые посты во Временных управлениях занимали командированные из БССР и других союзных республик. Вместе с тем в аппараты Временных управлений входило также значительное число представителей местного населения. Например, Временное управление города Кобрин в течение октября – ноября 1939 г. было буквально завалено заявлениями от лиц, знающих русский язык, о приеме на работу. Наибольшее количество местных жителей было в финансовых, коммунальных, земельных отделах.

Все принимаемые на работу во Временные управления проверялись органами НКВД. Несмотря на это, отмечались отдельные случаи, когда сюда устраивались бывшие польские служащие, крупные собственники и др. Например, во Временное управление города Новогрудка сумел устроиться некий Яновский, который служил добровольцем в чине подпоручика в польской армии [8, л. 71]. Однако такие факты были явлением исключительным.

Эти органы налаживали снабжение городов продуктами питания, медицинское обслуживание населения, следили за организацией торговли, вели борьбу со спекуляцией и саботажем, проводили национализацию предприятий, жилого фонда, руководили деятельностью крестьянских комитетов по распределению помещичьих земель, занимались проблемами трудоустройства и размещения беженцев. Например, Временное управление города Бреста за время своего существования проделало значительный объем работ. Было засыпано 98 воронок от бомб и рвов на улицах города, отремонтирован мост через реку Муховец и городской водопровод, восстановлена канализация, телефонная и телеграфная сеть, кроме того, восстановлено 30 зданий и хозяйственных построек, начато строительство театра. Кроме того, Временное управление провело распределение в области помещичьих земель и инвентаря

среди крестьян, начало осуществлять национализацию промышленных и торговых предприятий города [9, л. 98–99].

Необходимо отметить, что деятельность Временных управлений сопровождалась значительными трудностями. Нередко не хватало самого необходимого: помещений, транспорта и др. Однако в первую очередь ощущался дефицит квалифицированных кадров. Так, согласно материалам органов НКВД БССР, к 20 ноября 1939 г. во Временном управлении Постаковского уезда Вилейской области по этой причине не были укомплектованы земельный, торговый отделы, отдел здравоохранения. На заседаниях партийного актива Молодеченского уезда, города Клецка неоднократно ставился вопрос о замене отдельных работников земельного отдела, отдела образования и др. в связи с их низкой квалификацией. Неудивительно в этой связи, что отмечались отдельные случаи неудовлетворительной работы со стороны представителей Временных управлений. Например, председатель Временного управления города Молодечно и Молодеченского уезда Переченский ошибочно дал указание об изъятии имущества у бедняков и середняков отдельных деревень уезда. Между тем следует отметить, что подобные случаи были исключением. В целом, Временные управления справились с возложенной на них задачей по созданию основы для скорейшей советизации западного региона Беларуси.

Для охраны общественного порядка, помощи войскам Красной Армии в борьбе с бандитизмом, согласно приказу М.П. Ковалева от 21 сентября 1939 г., в городах и местечках Западной Беларуси создавались отряды Рабочей гвардии [10, с. 16–17]. В сельской местности аналогичные функции выполняла крестьянская милиция. Следует отметить, что еще до опубликования приказа рабочие и крестьяне активно помогали частям Красной Армии осуществлять охрану предприятий, железнодорожных станций, мостов и других стратегически важных объектов. «В некоторых местах население берет на себя инициативу по организации общественного порядка и организует встречу Красной Армии. В городе Несвиже освобожденным политзаключенным Яворским, просидевшим в тюрьме 13 лет, до прихода частей РККА была организована для охраны общественного порядка народная милиция, которой было выявлено и арестовано 37 человек», – указывалось в докладной записке «О мероприятиях органов НКВД по Западной Белоруссии и Западной Украине», адресованной 21 сентября 1939 г. на имя высшего партийного руководства страны. Пономаренко, который в сентябре 1939 г. вместе с передовыми частями Красной Армии прибыл в Западную Беларусь, в этой связи вспоминал следующее: «Сейчас же всюду, где проходили наши войска, образовывалась рабочая гвардия. Сейчас же красную повязку, какое-нибудь оружие, потом мы дали им настоящее, и сразу становились на охрану тех мест, которые они считали важными [10, с. 33].

Отряды Рабочей гвардии в крупных городах организовывались на собраниях рабочих предприятий, в меньших – на общегородских собраниях рабочих. Прием в ряды Рабочей гвардии осуществлялся на добровольных началах. Кандидатура вступающего обсуждалась. В Белостоке, например, от кандидата, кроме заявления о вступлении в Рабочую гвардию, требовалась письменная рекомендация от коллектива предприятия или активного участника революционного движения [11, с. 9]. Рабочую гвардию возглавляли, как правило, бывшие члены КПЗБ, профсоюзные и комсомольские активисты. Например, в Ляховичах Рабочую гвардию возглавил бывший член Ляховичского райкома КПЗБ С.А. Проневич. «Командиры рабочей гвардии – это люди опытные для этого дела, которых мы хорошо знаем», – подчеркнул в этой связи П.К. Пономаренко на заседании Минского городского партийного актива, проходившего 12 октября 1939 г. [10, л. 24]. Численность Рабочей гвардии варьировалась от 300–400 человек в крупных городах региона и до 30 в более мелких [9, л. 96].

К сожалению, имели место случаи, когда несознательные элементы – члены Рабочей гвардии, получив оружие, участвовали в различного рода противоправных действиях. Например, в Лебедевской волости Молодеченского уезда члены Рабочей гвардии проводили незаконные реквизиции имущества. В протоколах Несвижской парторганизации отмечались отдельные случаи неудовлетворительной работы со стороны Рабочей гвардии, в частности, халатное отношение к хранению оружия. Однако, документы, фиксирующие подобные факты, встречаются крайне редко. В этой связи следует не согласиться с такими польскими истори-

ками, как Е. Новак, К. Краевский. Последние в своих исследованиях, посвященных политике советской власти в Западной Беларуси утверждают, что в состав Рабочей гвардии входили антисоциальные элементы, которые в своей деятельности регулярно допускали различные правонарушения [12, с. 55–56].

Наряду с Временными управлениями городов и уездов в деревнях и местечках были образованы крестьянские комитеты. В их состав входили пролетарские и полупролетарские слои населения: бедняки, батраки, частично – середняки. Они решали широкий круг вопросов: брали на учет земли помещиков и военных осадников, их собственность и сельскохозяйственный инвентарь, отпускали на строительство крестьянских усадеб, школ, других общественных построек лес с бывших помещичьих имений, передавали скот и орудия труда. Однако необходимо подчеркнуть, что крестьянские комитеты, в отличие от Временных управлений, создавались, прежде всего, как инициатива «снизу» [13, с. 9]. В качестве подтверждения этому можно привести слова из выступления П.К. Пономаренко на заседании ЦК КП(б)Б от 12 ноября 1939 г.: «Как вы помните, об уезде, области вопрос не стоял. Вопрос был о том, чтобы в городах создать организационные формы».

Крестьянские комитеты возникали в деревнях нередко до вступления туда регулярных частей Красной Армии или же непосредственно в первые дни после их прихода. Эти органы имели разные названия: «крестьянские комитеты», «крестьянско-земельные комитеты» и др. Они избирались из бедняков или середняков на общих собраниях сел открытым голосованием. Собрания по выборам комитетов проводились чаще всего при непосредственном участии уполномоченных от Временных управлений уездов. Комитеты волостей избирались на собраниях крестьян волости. Количество членов комитета определялось величиной населенного пункта. В большинстве своем их число варьировалось от 4 до 18 человек. Все избранные комитеты подлежали регистрации во Временных управлениях поватов.

Если Временные управления возникали под непосредственным контролем со стороны центральных партийных органов республики, то крестьянские комитеты нередко образовывались стихийно. Поэтому неудивительно, что здесь отмечаются многочисленные факты, когда на руководящие должности в них избирались осадники, кулаки. Так, 7 октября в местечке Тростяны Тростянской гмины Белостокского уезда толпа крестьян, спровоцированная контрреволюционным элементом, разогнала крестьянский комитет и избрала новый. В его состав вошли спекулянты, кулаки, бывшие служащие [14, л. 98–99]. В подобных случаях Временные управления немедленно распускали комитеты и производили перевыборы [14, л. 97]. Порой имело место проявление незаконных действий со стороны представителей крестьянских комитетов. Например, в деревне Шибрино бывшего Пинского воеводства членами местного комитета подверглись аресту четверо жителей этой деревни, затем трое из них без судебного разбирательства были расстреляны и один ранен [14, л. 77].

Такого рода факты объяснялись тем, что представители отдельных Временных управлений крайне редко бывали в деревнях и не могли эффективно контролировать деятельность крестьянских комитетов. «Большая половина населенных пунктов... не видела представителей уезда. Крестьяне сами собирают собрания, сами решают ряд важнейших вопросов...», – говорилось в докладной на имя секретаря ЦК КП(б)Б М.В. Кулагина от некоего Прокоповича, побывавшего с инспекционной поездкой в Пружанском уезде Брестской области. Кроме того, отмечались случаи, когда прибывшие в волости представители Временных управлений, вместо своей непосредственной работы, пьянствовали, проводили незаконные обыски и др.

Деятельность Временных управлений и крестьянских комитетов носила переходный характер. Они функционировали в период между завершением работы польской администрации и окончательным установлением в регионе советской власти, т.е. в течение сентября–ноября 1939 г. Руководство страны сознательно отказалось от организации в регионе официального правительства, заменив его временными органами власти. Это было связано, во-первых, с желанием новой власти обеспечить себе легитимность в глазах местного населения, во-вторых, создать опору среди лояльных слоев населения.



**Литература**

- 1 Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. – М.: А/О «Книга и бизнес», 1995. – Т. I. Кн. 1: Ноябрь 1939 – декабрь 1940. – 451 с.
- 2 Беларуская нацыя: ўз’яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г.: зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт. – уклад. У.Ф. Ладысеў. – Мінск: Бел. дзярж. ун-т, 2004. – 199 с.
- 3 Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. – М.: Международный фонд «Демократия», 1997. – 608 с.
- 4 Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1521. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД.
- 5 Там же. – Оп. 5. – Д. 2113. Информации о важнейших фактах в жизни местных парторганизаций.
- 6 Там же. – Оп. 21. – Д. 1509. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.
- 7 Галімава, Н.П. Стварэнне сістэмы кіравання ў Заходняй Беларусі пасля ўз’яднання з БССР (1939–1941 гг.) (на прыкладзе Кобрынскага раена) / Н.П. Галімава, У.І. Нікіценкаў // Праблемы ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верасня 1999 г. / Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – С. 176–181.
- 8 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1683. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД.
- 9 Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 22. – Д. 251. Материалы по Брестскому уезду.
- 10 Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі. Дакументы і матэрыялы / склад. У.І. Адамука і інш. – Мінск: Беларус. навука. – Кн. 1 (верасень 1939 г. – 1941 г.). – 340 с.
- 11 Ладысеў, У. Ваенныя падзеі ў лесе беларускага народа / У. Ладысеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – С. 3–11.
- 12 Krajewski, K. Na ziemi Nowogródzkiej. NOW – Nowogródzki okręg AK / K. Krajewski. – Warszawa: Institut wydawniczy Pax, 1997. – 814 s.
- 13 Ладысеў, У. Аб’яднанне беларускай нацыі (да 65-годдзя ўз’яднання Заходняй Беларусі з БССР) / У. Ладысеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 9. – С. 3–13.
- 14 НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1683. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД.

УДК 913(476.2) (091)+94(476.2)

## Гомельская зямля ў першыя гады пасля вяртання ў склад ВКЛ (1535–1560 гг.)

В. М. ЦЕМУШАЎ

В этой статье рассматривается история Гомеля после возвращения его в структуру Великого княжества Литовского. Автор сделал выводы, что интеграция Гомельской земли в состав Великого княжества представляла сложный процесс. Действия короля по упрощению налоговой нагрузки, защита от произвола на местах, с соблюдением прав собственности и, конечно же, обеспечение военной защиты населения способствовали постепенному укреплению власти Великого княжества Литовского в Гомельской земле.

**Ключевые слова:** история Гомеля, Великое княжество Литовское, интеграция, центральная власть.

In this article is considered the history of Gomel after returning it into Grand duchy's of Lithuanian structure. The author has made conclusions that integration of the Gomel earth into Grand duchy's structure represented difficult process which has been burdened by negative activity of representatives of the central power – deputies-derzhavtsev and dangers of boundary position. Actions of the king on simplification of tax burden, protection against an derzhavtsev's arbitrariness, to observance of the property rights and, certainly, maintenance of military protection of the population promoted gradual strengthening of the power of Grand duchy of Lithuanian in the Gomel earth.

**Keywords:** the history of Gomel, Grand duchy of Lithuanian, integration, central power.

Гомель быў адваяваны войскамі ВКЛ на чале з гетманам Юрыем Мікалаевічам Радзівілам 16 ліпеня 1535 г. пад час так званай Старадубскай вайны (1534–1537 гг.) [7, с. 225; 8, с. 68; 19, с. 131; 23, с. 143]. Вяртанне горада з усімі валасцямі ў склад ВКЛ было афіцыйна сцверджана маскоўска-літоўскім дагаворам аб пяцігадовым перамір'і 18 лютага 1537 г. [26, № 164, р. 210–213]. Умовы дагавора аб перамір'і мелі часовы характар, і пытанне пра прыналежнасць Гомеля падымалася яшчэ неаднаразова да сярэдзіны XVI ст. у працэсе маскоўска-літоўскіх перамоваў [16, № 9, с. 155–158; № 18, с. 278–279, 283–284]. Таксама і ўнутраная сітуацыя, якая склалася ў Гомельскай зямле, пакідала сумненні ў трываласці яе трымання ўладамі ВКЛ.

Інтэграцыя Гомельскай зямлі ў склад ВКЛ уяўляла сабой складаны працэс, які быў абцяжараны негатывай дзейнасцю прадстаўнікоў цэнтральнай улады – намеснікаў-дзяржаўцаў, і небяспекай памежнага становішча. Даследаванне гэтага перыяду гісторыі паўднёва-ўсходняй ускраіны Беларусі набывае значны інтарэс.

Да нашага часу толькі ў некаторых працах, якія прысвечаны гісторыі Гомеля, звернута ўвага на ягоні стан пасля вяртання ў склад ВКЛ [4, с. 13–15; 10, с. 96–100; 19, с. 140–151]. У іх раскрыта дзейнасць першых гомельскіх намеснікаў-дзяржаўцаў і вызначаны тэрытарыяльны склад утворанага ў 1535 г. Гомельскага староства (тэрмін “староства” больш характэрны для XVII ст.). У якасці асобнай праблемы сітуацыя ў Гомельскай воласці, якая склалася пасля 1535 г., не разглядалася. У некаторай ступені гэта звязана з абмежаванасцю крыніцазнаўчай базы (матэрыялы Метрыкі ВКЛ і пасольскія кнігі). Тым не менш, новыя публікацыі кніг Метрыкі ВКЛ і знойдзеныя ў архівах дакументы дазваляюць значна шырэй зірнуць на пазначаную праблематыку.

Захаванае памежнае становішча Гомельскай зямлі, да таго ж зазнаўшай даволі значны перыяд маскоўскага кіравання (на працягу якога вырасла новае пакаленне людзей), патрабавала ад цэнтральных уладаў ВКЛ вельмі асцярожных адносінаў да вернутых тэрыторый. Шэраг мерапрыемстваў, сапраўды, сведчыць пра адпаведнае імкненне. Умоўна іх можна падзяліць на некалькі груп. 1. Захады ўладаў ВКЛ па падтрымцы лаяльнасці насельніцтва. 2. Кантроль над дзейнасцю намеснікаў-дзяржаўцаў. 3. Умацаванне ў памежнай зоне шляхецкага землеўладання і, з большага, ваенна-служылага саслоўя – падмурка велікакняжацкай улады на месцах. На ўсходняй ускраіне дзяржавы не ўтварыліся асяродкі буйнага землеўладання

(выключэнне – Стрэшынская воласць – уласнасць Віленскай капітулы), і амаль увесь масіў Падняпроўскіх і Падзвінскіх валасцей уяўляў сабой гаспадарскія ўладанні, у якіх функцыі кіравання ўскладваліся на намеснікаў-дзяржаўцаў. Гэтыя прадстаўнікі велікакняжацкай улады забяспечвалі функцыянаванне адміністрацыйнай і судовай сістэм, выкананне рознага кшталту павіннасцей і збор падаткаў [9, с. 300–301]. Намеснікі-дзяржаўцы былі абавязаны клапаціцца аб захаванні правоў і абароне насельніцтва, але ў той жа час прымушаць яго да выканання павіннасцей, памятуя пры гэтым, напрыклад, у адносінах да Гомеля, “иж тот замок на украине есть, а к людемъ украиннымъ треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чомъ обтяжения чинити” [6, с. 36; 15, л. 188]. Аднак рэальнае кіраванне ўсходнімі землямі ВКЛ на месцах было далёкім ад ідэала.

Ужо 21 верасня 1535 г., неўзабаве пасля вызвалення (16 ліпеня), Гомель “до воли господарской” атрымаў князь Аляксандр Андрэевіч Сангушка-Кашырскі [14, арк. 69–69 адв.; 26, № 13, р. 66]. Як адзначана ў самім прывілее, дадзенаму падараванню садзейнічаў найвышэйшы гетман ВКЛ пан Юрый Мікалаевіч Радзівіл. Цікава, што пасля ўзяцця Гомеля, гетман разлічваў на перадачу горада ў трыманне сыну Мікалаю, і нават звярнуўся да віленскага ваяводы, канцлера пана Ольбрахта Марцінавіча Гаштольда, каб той перадаў ягоную просьбу каралю [17, № 80, с. 174]. Гаштольд сапраўды “о том господарю его милости мовил”, але кароль вырашыў не спешыць, а потым, калі сам будзе ў Літве, разам з панам віленскім (гэта значыць Ю.М. Радзівілам), калі на тое будзе ягонае жаданне, разгледзець дадзеную просьбу [17, № 80, с. 174]. Аднак, як бачым, неўзабаве сам Ю.М. Радзівіл ад сваёй ідэі адмовіўся. Прычына таму, як падаецца, хаваецца ў тым, што Гомель заставаўся ўскраінным замкам, на небяспечнай маскоўскай граніцы і ў разбуранай вайной мясцовасці. Безумоўна, такі ўрад (пасаду) цяжка жадаць сыну.

Па словах Л.А. Вінаградава, праз месяц пасля захопу Гомеля, кароль даручыў гетману Ю.М. Радзівілу па яго разуменню вызначыць для воласці мыта і даніны [4, с. 13]. Відавочна, Гомельскай зямлёй спачатку распараджалася ваенная адміністрацыя, якая ўжо ў верасні 1535 г. была зменена цывільным кіраваннем у асобе дзяржаўцы. З даходаў апошняга выключаліся даніны грашовая, мядовая, бабровая і кунічная, г. зн. тое, што звычайна і з іншых гаспадарскіх валасцей ішло ў велікакняжацкі скарб [14, арк. 69–60 адв.; 26, № 13, р. 66].

Нягледзячы на пратэкцыю адной з найбольш уплывовых асоб дзяржавы, князь А.А. Кашырскі распараджаўся Гомелем толькі кароткі час. 27 мая 1536 г. “замок наш Гомей со всимъ” кароль Жыгімонт Стары падараваў ужо “до живота” ў трыманне князю Васілю Юр’евічу Талачынскаму [14, арк. 195–196; 26, № 149 (147), р. 158]. Рашэнне аб перадачы Гомеля князю было прынята дзякуючы яго вернай службе і па жаданню паноў рад. В.Ю. Талачынскі атрымаў даходы ад Гомеля і ўсяго, што да яго адносілася, у тым жа памеры, які меў князь Сямён Іванавіч Мажайскі пры каралі Казіміры (гаворка не ішла пра правы ўдзельнага ўладара). Праўда, і ў дадзеным выпадку грашовая, мядовая, бабровая і кунічная даніны павінны былі заставацца гаспадару, і, наогул, адпаведна з фармулярам граматы, не заўважаючы значных адрозненняў ва ўмовах распараджэння Гомелем ад тых, якія атрымаў А.А. Кашырскі. Цікава, што ў выпадку з князем Васілём да аналагічнай фразы абодвух грамат (“мает ... тотъ замок нашъ Гомей держати и на немъ ся рядити и справовати з добрымъ а пожиточнымъ нашимъ г(о)с(по)д(а)рьскимъ”) прыпісана: “и без обтяженья подданных наших тамошних” [14, арк. 69 адв., 195 адв.; 26, № 13, р. 66, № 149 (147), р. 158]. Ці не гэта з’явілася прычынай “адстаўкі” папярэдняга намесніка-дзяржаўцы?

Акрамя таго, калі звярнуць ўвагу на тэкст першага прывілея, можна заўважыць, што гомельскія падданыя не былі пазбаўлены пасля пераходу пад уладу ВКЛ ад унясення традыцыйных платаў гаспадару. А ў 1536 г. выявілася, што “тыи платы и пожитки” яны пачнуць даваць толькі пасля таго, як мінуюць некаторыя гады, на якія іх “вызволили”. Пры гэтым дзяржаўца мог браць усе “доходы и пожитки”, што яму належалі “подле давного обычаю” [14, арк. 195; 26, № 149 (147), р. 158]. Магчыма, пасля заняцця Гомеля эканамічны стан горада і воласці быў асэнсаваны не адразу. Да таго ж сваю ролю адыгралі злоўжыванні першага намесніка. У сувязі з гэтым на нейкі час (на 10 гадоў) гаспадар ахвяраваў сваімі інтарэсамі на карысць аднаўлення края і захавання лаяльнасці яго насельніцтва.

Аднак дзейнасць новага намесніка не магла садзейнічаць эканамічнаму росту і фарміраванню станоўчых адносінаў насельніцтва да ўлады ВКЛ. З ліста караля Жыгімонта Старога віленскаму ваяводзе, канцлеру пану Ольбрахту Марцінавічу Гаштольд, ад 18 чэрвеня 1537 г. даведваемся аб шырокамаштабных злоўжываннях князя В.Б. Талачынскага, якія той паспеў зрабіць за год з нейкім свайго кіравання ў Гомеле [6, с. 33–37; 10, с. 196–199; 15, арк. 186 адв. – 189; 18, с. 50–52].

Назіраючы за дзеяннямі князя Талачынскага, можна заўважыць, што ён успрымаў сваю пасаду як крыніцу асабістага ўзбагачэння і зусім не задумваўся аб неабходнасці беражлівых адносінаў да тэрыторыі, толькі што аднятай у Масквы. Урэшце, паводзіны князя можна зразумець. У той час яшчэ ішла вайна, вынік якой быў невядомы. У папярэдніх маскоўска-літоўскіх войнах ВКЛ у асноўным толькі страчвала сваі тэрыторыі. Натуральным імкненнем новаўвучанага намесніка было атрымаць найвялікшую выгаду з воласці, якая, цалкам верагодна, зноў вернецца пад маскоўскую ўладу. У падуладных землях князь Васіль не затрымліваўся, а выязджаў “з Гомя до именей своих” [15, арк. 187 адв.], што, адпаведна з абавязкамі дзяржаўцы, ні ў якім выпадку не павінен быў рабіць.

Перш за ўсё новы дзяржаўца, магчыма, адразу пасля прыезда ў Гомель адабраў у сустрэўшых яго мяшчан граматы, якія вызвалілі жыхароў воласці ад грашовай, мядовай, бабровай і кунічнай данін, падвод, серабшчызны і іншых платаў і павіннасцяў на 10 год (прызначаных гаспадару), а таксама ад працы на замак (акрамя дробных) на 1 год [15, арк. 186 адв.]. Магчыма, у намер Талачынскага ўваходзіла збіраць, карыстацца і прысвойваць тыя платы і павіннасці, якія павінны былі ісці ў даход вялікага князя! У той жа год дзяржаўца стаў патрабаваць выканання рознага кшталту прац, на некаторыя з якіх мяшчане вымушаны былі наймаць людзей. Так, наладжванне езу (перагарода частаколам рэчышча ракі) каштавала ім 30 коп грошаў, будаўніцтва грыдні і стайні – адпаведна 5 рублёў і 4 копы грошаў [15, арк. 186 адв. – 187]. Князь прысвоіў бабровыя берагі і азёры, а таксама 100 бітых баброў, адняў “отчизный” бортныя землі, з-за чаго іх уладальнікі “проч оттол пошли” [15, арк. 187]. А калі князь Васіль “в объезде ездил и дан(ь) и тивуновыщину з них брал” (гэта значыць збіраў па воласці традыцыйныя паборы), было аднята 12 коп грошаў і мёда прэснага на 10 коп грошаў, з-за чаго “семь сел людей от того для великого обьтяжения прочь пошло” [15, арк. 187]. Нечуванай навінай было патрабаванне паставак сена, якога “тамошние” людзі накілі 500 вазоў “и незначную тяжесть в том приняли” [15, арк. 187]. Цяжкія ўмовы былі створаны для прыезжых у Гомель з зернем (“збожем”) і “з ыншыми речми” гандляроў (гасцей). Для іх былі ўведзены высокія гандлёвыя пошліны (“мыта великие”), і ў выніку яны папросту спынілі паездкі ў Гомель, жыхары якога сталі адчуваць недахоп у “живностях” [15, арк. 187].

І тады да караля і вялікага князя было накіравана некалькі чалавек са скаргай на дзяржаўцу. Але па дарозе іх перанялі, пабілі, абрабавалі і пасадзілі ў вежу, адняўшы 16 коп грошаў і 20 баброў (якія, відавочна, былі ўзяты з сабою) і палажыўшы віну на 200 коп грошаў [15, арк. 187]. Даведаўшыся пра гэта ад іншых чалабітчыкаў, але не жадаючы прымаць паспешнага рашэння, Жыгімонт адправіў у Гомель двараніна Івана Рыгоровіча, мэтамі паездкі якога быў збор звестак аб “кривдах и тяжкостях и грабежах” дзяржаўцы, садзейнічанне вяртання аднятых грошаў і рэчаў і, галоўнае, – “вызваленых” грамат [15, арк. 187 – 187 адв.]. Апошняя сваёй мэтай каралеўскі дваранін не дасягнуў і нават яшчэ больш накіліў сітуацыю, таму што князь Васіль не толькі нічога не вярнуў, але яшчэ схапіў жонку і дзяцей зняволеных чалабітчыкаў і патрабаваў з іх дадаткова 120 коп грошаў. У той жа час да двару вярнуўся Іван Рыгоравіч са спісам (“реистром”) спраў дзяржаўцы, а таксама паспела і другое пасольства ад мяшчан і валасных людзей [15, арк. 187 адв.].

Кароль спачатку меў намер “тот замок н(а)шъ зъ рукъ его (князя Васіля – В.Ц.) взяти и иньшого державцу хто бы ся нам на то годный бы видел там послати”, аднак, адпаведна з жаданнем паноў рад і меркаваннем віленскага ваяводы, вырашыў пакуль пакінуць ранейшага дзяржаўцу. Пры гэтым Жыгімонт звярнуў увагу на тое, што “тот замокъ за великимъ накладом къ рукамъ н(а)шимъ пришил”, а дзяржаўца няўважліва аднёсся да гаспадарскай маёмасці (“на реч н(а)шу г(оспо)д(а)рскую и земскую бачности не масть”), пачаў даводзіць да галечы людзей, адбіраць іх землі і граматы, прыцягваць да замкавай работы, хаця мог бы пачакаць

год, і гомельскія людзі павінны былі гэтыя работы выконваць “водле слушног(о) обычаю”. Пры гэтым сам кароль, які клапаціўся аб насельніцтве памежнай зоны, каб яно аправілася і папоўнілася новымі прышлымі людзьмі, на 10 год адмовіўся ад усіх платаў на сваю карысць (“мы сами им фолкгуючи вси платы н(а)шы до десяти год отпустили”) [15, арк. 187 адв. – 188]. Безумоўна, пад кіраваннем князя Васіля людзі, якіх даволі шмат засталася ў воласці пасля ваенных дзеянняў, не толькі не аправіліся, але і сышлі прэч. З вустаў караля і вялікага князя Жыгімонта Старога прагучала павучэнне, прызначанае дзяржаўцы: “Сам он могъ бы тому розумети, иж тот замок на украине есть, а к людемъ украиннымъ треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чомъ обтяжения чинити. Нижли коли бы ся они запомогли и добре там укринтовали, мог бы тымъ намъ г(оспо)д(а)ру пожиток привлащити и собе теж знаючи по часу пожитокъ з них мети” [15, арк. 188].

Каб змяніць сітуацыю, якая склалася у Гомельскай воласці, туды быў накіраваны дваранін каралевы Боны Марцін Пацаткоўскі. Таксама віленскі ваявода был абавязаны “даці навуку” князю Васілю, які павінен быў уперад быць больш прадбачлівым, адмовіцца ад злоўжыванняў (“уперод лепшую бачность на нас г(оспо)д(а)ря и на реч земскую мель, ослушне а радне на томъ справовал и такового обтяжения людем тамошнимъ украиннымъ не делал”), аддаць граматы “на вызволене даней и платовъ”, адабранае вярнуць, за пабудаваныя “хоромы” заплаціць і больш іх не рабіць, жонак з парук вызваліць і “вин” з іх не браць, землі і азёры вернуць. Па ўсіх гэтых справах дзяржаўца даваў справаздачу двараніну каралевы Боны [15, арк. 188 адв.]. Фактычна дзейнасць князя Васіля была пастаўлена пад прамы кантроль з боку каралеўскага прадстаўніка.

Але, акрамя таго, яшчэ два дзеянні абмежаванага ў сваіх магчымасцях караля Жыгімонта маглі ў значнай ступені стрымаць самавольства гомельскага намесніка-дзяржаўцы.

У якасці асаблівай прывілегіі Гомельскай воласці для яе насельніцтва было захавана права самастойна выбіраць старца – кіраўніка абшчыннай арганізацыі [5, с. 98]. (“А што ся дотычеть старца, хто бы мел старчество у той волости заведати, ино которого ч(е)л(о)в(е)ка волост на старченьство выбереть, тот нехай старцомъ у них будетъ” [15, арк. 188 адв.]). Такім чынам, з рук дзяржаўцы быў адабраны кантроль (праз свайго стаўленіка) за жыццядзейнасцю абшчыны.

Пакінуўшы на месцы няздольнага да кіравання воласцю ўраднака, кароль забяспечыў сваеасабліваю гарантыю ад далейшых ягоных злоўжыванняў. За магчымых “шкоды” Гомелю, якія мог прычыніць князь Васіль, павінны быў адказваць віленскі ваявода Ольбрахт Гаштольд. (“И того б(о)же не дай, если збытъки а неслушною справою его мел оный замок н(а)шъ, который за немалым накладомъ нам ся достал ку якой шкоде прийти, мы того всего хочемъ на твоей м(и)л(о)сти смотрети”) [15, арк. 188 адв. – 189].

Які час заставаўся князь В.Ю. Талачынскі гомельскім дзяржаўцай, казаць цяжка, аднак 13 лютага 1538 г. ён нібыта атрымаў іншы ўрад – аршанскага (рошскага) дзяржаўцы. На той момант папярэдні дзяржаўца князь Фёдар Іванавіч Жаслаўскі моцна хварэў і не мог выконваць свае абавязкі. Ён паведаміў пра свой стан князю Васілю, каб той хадатайнічаў аб атрыманні ягонай пасады. Паны рада і самі бачылі, што ўскраінны замак Орша (Рша) патрабуе “державцы чуинога и справьного”, а даведаўшыся, што Талачынскі гатовы заняць гэтую пасаду, сталі прасіць аб ёй караля [27, № 94, р. 156]. Так, нягледзячы на папярэдняю дзейнасць, князь Васіль атрымаў у кіраванне яшчэ і Оршу. У ёй ён быў абавязаны “верне а справедливе нам (каралю – В.Ц.) служыти, и к подданым нашимъ тамошнимъ без ихъ обтяжливости заховати” [27, № 94, р. 156]. Князь меў тыя ж функцыі, правы і даходы, што і папярэдні дзяржаўца.

Што тычыцца Гомеля, то кароль разлічваў “его по тому в держанье дати, кому будь воля наша г(о)с(по)д(а)рьская” [27, № 94, р. 157]. Відавочна, горад Васіль Талачынскі павінен быў пакінуць. Аднак яшчэ ў жніўні 1538 г., гэта значыць праз больш чым паўгода, ён паранейшаму ўспрымаўся як гомельскі дзяржаўца.

20 жніўня 1538 г. кароль і вялікі князь Жыгімонт I Стары адправіў Васілю Юр’евічу Талачынскаму грамату, у якой заявіў пра чарговыя правіннасці князя і нават пра наспяванне сярод гомельскіх пушкароў змовы, якая пагражала вяртаннем замка пад маскоўскую ўладу

[21, арк. 37]. Як стала вядома каралю ад пана віленскага, найвышэйшага гетмана Юрыя Мікалаевіча Радзівіла, князь Васіль атрымаў грошы, каб наняць роту ў сто коней, але таго не зрабіў і пры гэтым стаў жыць у войску, “пробачивши тот замок наш украинны, который завжды того потребуе, абы державцы нигде с него не з(ъ)ежал” [21, арк. 37]. У той жа час з-за “непильности” дзяржаўцы некаторыя гомельскія пушкары задумалі “здрату”, сталі збірацца і радзіцца са старадубцамі і, перш за ўсё, з нейкім старадубскім папом. У сувязі з усім гэтым кароль “под великою немилостью” загадваў, каб князь В.Ю. Талачынскі грошы пану віленскаму “з рук своих здал”, а сам “днем и ночью на тот замок н(а)ш(о) ехал”, разабраўся са змоўшчыкамі і пакараў іх. У Гомель павінны былі быць набраны іншыя пушкары. Жыгімонт настойваў, каб далей князь “с того замка н(а)ш(о)го николи не зъежчал а обещны на нем мешкал и послуг г(оспо)д(а)рских там пилен был” [21, арк. 37].

Такім чынам, становіцца зразумелым, што ў той час іншага трымання князь Васіль Талачынскі не меў, да і не мог мець, таму што павінен быў пастаянна знаходзіцца ў адным месцы. Але ўсё ж такі зімой-вясной 1538/39 г. было прынята канчатковае рашэнне аб пераводзе князя ў Оршу.

Вясной 1539 г. В.Ю. Талачынскі знаходзіўся ў Оршы. Пры гэтым, адпаведна з каралеўскім прывілеем ад 30 красавіка 1539 г. на трыманне замка Оршы “да живата”, князь не выслаў каралю адпаведную грамату на замак Гомельскі, гэта значыць, па сутнасці, меў намер па-ранейшаму ім кіраваць. Сваім новым распараджэннем кароль ануліраваў прывілей Талачынскага на Гомель, а таксама пазначыў некаторыя новыя ўмовы кіравання князя ў Оршы. Дзяржаўца быў абавязаны “своимъ накладомъ и людьми своими” аднавіць і забяспечыць замак (“добре заработать и его справити такъ, яко того есть потреба”). У адваротным выпадку князь пазбаўляўся пасады [27, № 182, р. 254]. Здаецца, Талачынскі выканаў загад караля, бо заставаўся аршанскім дзяржаўцай да 1546 г., калі і памёр [22, s. 350].

Пасля Васіля Талачынскага гомельскім дзяржаўцай стал пан Ян Дарашкевіч. Упершыню на гэтай пасадзе ён быў узгаданы ў пачатку 1541 г. [2, № 208, с. 373], але, відавочна, Гомель не заставаўся без кіравання на працягу амаль двух гадоў. Да вясны 1538 г. быў або прызначаны які-небудзь іншы, пакуль невядомы, дзяржаўца, або ім ужо тады стал Ян Дарашкевіч. Апошні трымаў Гомель да сваёй смерці (у грамаце 1549 г., прызначанай яго пераемніку, узгаданы як “небожчик”). У крыніцах паміж летам 1543 – пачаткам вясны 1549 г. называўся ўжо іншы гомельскі дзяржаўца – пан Ян Хршчоनावіч (Храшчоनावіч) [3, № 9, с. 21; 12, № 105, с. 176, № 176–177, с. 243; 16, № 14, с. 216, 219; 22, s. 30]. У храналогію яго згадванняў укліньваецца зазначэнне шэрагу даследчыкаў на з’яўленне ў Гомелі ў 1547 г. (нават з дакладнай датай – 6 верасня) новага дзяржаўцы – Анікея Гарнастая [4, с. 14; 10, с. 99; 20, с. 175; 22, s. 87]. Апошні “добраахвотна” памяняўся месцамі з Янам Хршчоनावічам пасля канфлікта з чаркаскімі баярамі і мяшчанамі [20, с. 175]. Аднак у грамаце ад 15 сакавіка 1549 г. кароль Жыгімонт Аўгуст звяртаўся яшчэ да “державцу Гомейскому пану Яну Хршчоновичу” [3, № 9, с. 21]. Да снежня 1550 г. таго зноў змяніў Анікей Гарнастай [16, № 21, с. 346]. Ян Хршчоनावіч паслядоўна называўся старастай чаркаскім і канеўскім ў 1551 г. [11, № 113, с. 152, № 114, с. 154, № 116, с. 156, № 118, с. 159]. Ці адбылася ў сапраўднасці чахарда заняцця пасады гомельскага дзяржаўцы, або ў наяўнасці храналагічная недакладнасць адной з крыніц – казаць цяжка. Нарэшце, у 1550 г. – часе складання “Рээстра рэвізіі замка, месца і воласці староства Гомейскага”, Гомель знаходзіўся ў кіраванні пана Каленіка (назваў сабе Каленіцкім) Васілевіча Тышкевіча [10, с. 100; 13, № 91, с. 105; 22, s. 359].

Пра сутыкненні інтарэсаў гомельскіх мяшчан і жыхароў воласці з імкненнямі дзяржаўцаў пасля князя Васіля Талачынскага пакуль звестак не выяўлена, аднак пры Яне Дарашкевічы і Яне Хршчоनावічы адбываўся канфлікт са свяшчэннікамі – уладальнікамі зямель у Гомельскай воласці. Так, Ян Дарашкевіч не дапускаў свяшчэннікаў царквы св. Міколы ў Гомелі за данінай у іх бортныя землі, падараваныя яшчэ князем Сямёнам Мажайскім, і адабраў 10 пудоў мёду з той даніны [2, № 208, с. 373]. Акрамя таго, як высвятляецца з граматы, накіраванай ужо іншаму дзяржаўцы – Яну Хршчоначу, “небожчик” Ян Дарашкевіч беззаконна распараджаўся землямі той жа царквы Севасцыянаўшчынай і Багданаўшчынай, атрыманымі ад таго ж князя Сямёна Мажайскага [3, № 9, с. 21]. Таксама і Ян Хршчоनावіч свяшчэннікам царквы св. Міколы забараняў уязджаць у свае землі, а “пожитки” з іх браў на сабе

[3, № 9, с. 21]. Гаспадар выступіў у абарону правоў мясцовых землеўладальнікаў і сваімі распараджэннямі абгарадзіў царкоўную ўласнасць ад памкненняў намеснікаў.

Адным з накірункаў палітыкі каралей польскіх і вялікіх князёў літоўскіх у памежнай Гомельскай воласці (які, аднак, актыўна праявіўся ўжо ў XVII ст.) стала заахвочванне і развіццё шляхецкага землеўладання.

Так, неўзабаве пасля вызвалення Гомеля былі вернуты ўладанні дваранам Халецкім. Адпаведна з лістом караля і вялікага князя Жыгімонта I Старога ад 10 верасня 1537 г., сяло “отчизное на имя Халчо и з иншими селы к нему прислухающими со всимъ, яко ся оно здавна в собе мело” павінна было быць перададзена гомельскім намеснікам князем Васілём Юр’евічам Талачынскім (а ён не жадаў яго ўступаць) дваранам Есіфу і Астафею Халецкім, сынам оўручскага намесніка Міхала Міхайлавіча Халецкага [15, арк. 232 адв.; 22, s. 19; 27, p. 91]. Згодна з інфармацыяй, якая адбілася ў новагародскіх гродскіх кнігах, “іншымі” сёламі, што атрымалі ў 1537 г. браты Есіф і Астафей, былі Навасёлкі і Юркавічы [24, s. 19]. Аднак у 1560 г. пазначаныя два пункты адносіліся да гаспадарскай Гомельскай воласці і Халецкім не належалі [1, № 100, с. 372–373]. У тых жа братоў у раёне Гомеля акрамя Хальча былі пералічаны: Сідны (?), Кузмічы, Глыбаў, Чарны (Чорны), Пененжовічы (Пырэвічы?), а таксама ў Кіеўскім ваяводстве Ржышчаў [20, с. 185; 24, s. 19]. Кампактнага ўладання ўсе сёлы не стваралі. Каля Хальча вышэй па р. Сож ляжалі Навасёлкі і Юркавічы. Глыбаў і Чорны знаходзіліся побач, але па розных баках р. Дняпро, паміж Горвалем і Рэчыцай. Кузмічы размяшчаліся далёка за Сожам ва ўсходняй частцы Гомельскай воласці (на момант складання “Рэестра” 1560 г. гэта, безумоўна, гаспадарскае сяло).

Да 1560 г. у раёне Горваля і Рэчыцы, за межамі гістарычнай Гомельскай воласці, склаўся комплекс уладанняў Халецкіх. Васілю і Андрэю належалі “в одном обрубе сел чотыри”: Чабатовічы, Засоўе, Кальскевічы і Чорныя [1, № 100, с. 376]. Вытрымкі з новагародскіх кніг далучаюць да гэтага масіву сумежнае сяло Глыбаў (гл. вышэй), а таксама ўзгадваюць у Андрэя, Дзмітрыя і Яна Халецкіх маёнткі Ржышчаў (у Кіеўскім ваяводстве), Хальч, Чорныя, Чабатовічы, Чэрнікаў (?), Пененжэвічы (Пырэвічы?), Котры Келбасіны (?) [24, s. 19]. У 1581 г. паміж Андрэем і Янам Халецкімі быў здзейснены абмен Чорным, Чабатовічамі і Целешавым на Хальч і Глыбаў [24, s. 19]. Такім чынам, па меншай меры, яшчэ адно сяло (Целешы – Целешэвічы) далучылася да комплексу ўладанняў Халецкіх. А вакол Хальча, відавочна, не так шмат земляў належала ягоным старым уладальнікам. Грамата невядомаму Юрыю Багданавічу Халецкаму 1514 г., у якой ён нібыта быў пажалаваны каралём Жыгімонтам Аўгустам Старым Сялом (каля Хальча), ёсць яўная падробка, хоць С.М. Кучыньскі і прывёў магчымыя варыянты яе з’яўлення [24, s. 20–22].

Умацаванне ў Гомельскай зямлі землеўладання Халецкіх, безумоўна, спрыяла больш моцнай яе інтэграцыі з астатнімі тэрыторыямі ВКЛ. Аднак у адміністрацыйным плане землі Халецкіх былі выведзены са складу Гомельскай воласці.

У клопатах за свае ўладанні, Халецкія, безумоўна, маглі садзейнічаць умацаванню абароназдольнасці Гомельскай зямлі. Аднак асноўная роля ў ваеннай арганізацыі Гомеля ўскладвалася на дзяржаўцу. Ад яго залежалі стан замка, камплектацыя і забеспячэнне войска, пагранічная служба. У выпадку з Гомелем свае асноўныя абавязкі дзяржаўцы выконвалі нядбайна, наогул пакідалі горад на волю лёсу і сваёй бестурботнасцю садзейнічалі наспяванню змовы. Урэшце, калі глядзець на матэрыялы маскоўска-літоўскіх пасольскіх кніг, сітуацыя на памежжы была адносна спакойнай. Ні адзін, ні другі бок не распачыналі маштабных дзеянняў, якія былі здольны парушыць склаўшуюся раўнавагу мірнага часу.

Маскоўска-літоўская граніца, з трох бакоў атачыўшая Гомельскую зямлю, выдзялялася сваім асаблівым “глухім” характарам. Лясы, балоты, амаль паўсюдная адсутнасць дарог абцяжарвалі назіранне і кантроль за лініяй граніцы (якая наўрад ці наогул была дакладна вызначана), стваралі магчымасці для пастаяннага пранікнення на чужую тэрыторыю, спусташэнняў, уводаў у палон і г.д. Асноўная частка памежных “обид” была звязана з захопам і грабязом лясных промыслаў і блізкіх пасяленняў. Небяспечнай Гомельшчына была для гандляроў і ўсіх, хто крочыў па яе лясных дарогах. Свае, гомельскія злачынцы хаваліся ў памежных маскоўскіх землях і адтуль працягвалі непакоець тэрыторыю Гомельскай воласці. На-

рэшце, на памежжы з абодвух бакоў пастаянна адбываліся “кривды, зачепки и шкоды”, за якімі стаяла паўсядзённае жыццё грамадства таго часу.

Да 12 ліпеня 1543 г. “человек гомейский” Палазовіч (Полазаў), “шкоды и убытки починивши” у Гомельскай воласці, збег за мяжу і адтуль працягваў тварыць злачынствы [16, № 14, с. 216, 219]. У той жа час казакі (магчыма, з Чарнігаўскага ўезда) вывелі 3 сям’і і выгналі 100 галоў “быдла рогатого” з гомельскага с. Слабада (Слабодка) [16, № 14, с. 216, 219]. У верасні 1544 г. з маскоўскага боку прыйшла скарга, што “из Гомья приходят розбоем” ускраінныя людзі. Яны паграбілі людзей на Чарнігаўскай дарозе і некаторых забілі [16, № 15, с. 224, 230, № 17, с. 259]. У адказ паслы ВКЛ заяўлялі пра грабязь гандляроў і іншых людзей, пра тое, што з маскоўскага боку ўступаюцца ў сёлы, людзей, землі і воды на гомельскай тэрыторыі [16, № 15, с. 230]. У 1550 г. паўтарылася агульная заява аб “кривдах и обидах” ад маскоўскіх “украинных” людзей [16, № 20, с. 336], а маскоўскім бокам быў складзены падрабязны “Список обидных дел” [16, № 21, с. 345–347]. У асноўным гаворка ішла пра грабязь і захопы лясных угоддзяў (пчаліных борцей і бабровых гонаў), але сустракаліся выпадкі, калі, напрыклад, у Горьску (сяле Старадубскага ўезда) гомельскія людзі знялі з царквы зvon, унеслі дзве кнігі і 5 вялікіх свечак, увелі ў папа Нячая 4 мерыны. Крадзеж коней таксама быў распаўсюджаны. Найбольш значнай падзеяй стаў прыход людзей дзяржаўцы Анікея Гарнастая (Ржэўскага з сябрамі) у старадубскае сяло Мікулічы і рабаванне на 1200 рублёў [16, № 21, с. 346–347]. У 1552 г. старасты Гомеля і іншых памежных гарадоў ВКЛ паведамлялі каралю Жыгімонту Аўгусту пра тое, што ў перамірныя гады ад маскоўскіх гарадоў “великие кривды, зачепки и шкоды стали”, а іх намеснікі “управы некоторые... в тех делах обидных людем нашим не чинят” [16, № 23, с. 357]. Аднак, на самой справе, прыныцп, закладзены ва ўмовах перамірных грамат ( князі, намеснікі і валасцелі “обиднымъ деломъ у всимъ управу вчинят на обе стороне” [25, № 164, р. 212]), працаваў. Памежныя спрэчкі вырашаліся, нарабаванае вярталася, вінаватыя караліся. З большага, значныя канфлікты на маскоўска-літоўскай граніцы адбываліся рэдка. Мірнае жыццё наладжвалася.

Такім чынам, стан Гомельскай зямлі пасля далучэння да ВКЛ характарызаваўся вельмі складанай унутранай сітуацыяй, якая была звязана, перш за ўсё, з негатывнай дзейнасцю намеснікаў-дзяржаўцаў і ўплывам памежнага становішча. Тым не менш, захады цэнтральных уладаў (прад усімі караля і вялікага князя) па палягчэнню падатковага ціску, абароне ад самавольства дзяржаўцаў, захаванню правоў уласнасці і, зразумела, забеспячэнню ваеннай аховы насельніцтва садзейнічалі паступоваму згладжванню супярэчнасцяў. Самае галоўнае – Гомельская зямля не вярнулася пад маскоўскую ўладу, чаму існавала рэальная пагроза. Пытанне аб вяртанні Гомеля пастаянна падымалася маскоўскім бокам пад час перамоваў 40-х гг. XVI ст. [16, № 9, с. 155–158, № 18, с. 278–279, 283–284], але безвынікова. Менавіта тады Гомельшчына становіцца неад’емнай часткай ВКЛ, канчаткова адпадае ад такога гістарычна-геаграфічнага рэгіёна, як Северская зямля (у які ўваходзіла са старажытнарускіх часоў), уключаецца ў працэс этнагенэза беларусаў і ў выніку далучаецца да дзяржаўнай тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

### Літаратура

- 1 Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: в 39 т. – Вильна, 1865–1915. – Т. XIII. – 1886.
- 2 Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1846–1853. – Т. II: 1506–1544. – 1848.
- 3 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1846–1853. – Т. III: 1544–1587. – 1848.
- 4 Виноградов, Л.А. Гомель. Его прошлое и настоящее / Л.А. Виноградов. – М., 1900. – 48 с.
- 5 Голубеў, В.Ф. Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. / В.Ф. Голубеў. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 407 с.



- 6 Довнар-Запольский, М.В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1905. – VI, 307, 167 с.
- 7 Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М.М. Кром. – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 320 с.
- 8 Кром, М.М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений / М.М. Кром. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2008. – 140 с.
- 9 Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута / М.К. Любавский. – М.: Университетская типография, 1892. – 884 с.
- 10 Макушников, О.А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII в. Историко-краеведческий очерк / О.А. Макушников. – Гомель: РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. – 244 с.
- 11 Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. – Кніга 28 (1522–1552 гг.). – Кніга запісаў 28 / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – Мінск: Athenaeum, 2000. – 312 с.
- 12 Метрыка Вялікага княства Літоўскага. – Кніга 30 (1480–1546 гг.). – Кніга запісаў 30 (копія канца XVI ст.) / Падрыхт. В.С. Мянжынскі. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 386 с.
- 13 Метрыка Вялікага княства Літоўскага. – Кніга 44. – Кніга запісаў 44 (1559–1566) / Падрыхтаваў А.І. Груша. – Мінск: Арты-Фэкс, 2001. – 229 с.
- 14 Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – КМФ-18 (Ф. 389). – Воп. 1. – Спр. 19.
- 15 Национальный исторический архив Беларуси. – КМФ-18 (Ф. 389). – Воп. 1. – Спр. 21.
- 16 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. – Т. II / под. ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского Исторического общества: в 148 т. – Санкт-Петербург, 1866–1916. – Т. 59. – 1887. – XV, 629 с., 98 стб.
- 17 Памятники истории Восточной Европы. Monumenta historica res gestas Europae orientalis illustrantia: источники XV–XVII вв. / Федеральная архивная служба России и др.; редколлегия: И. Граля и др. – Москва: Древлехранилище, 2002. – Т. 6: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / сост. М.М. Кром. – 267 с.
- 18 Памяць: Гістарычна-дакументальная хроніка Веткаўскага раёна / уклад. У.Я. Райскі. – У 2 кн. – Кн. 1. – Мінск: Белта, 1997. – 376 с.
- 19 Темушев, В.Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: территориальные трансформации в пограничном регионе / В.Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2009. – 189, [2] с.
- 20 Яковенко, Н.М. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. / Н.М. Яковенко. – Київ: Критика, 2008. – 272 с.
- 21 Лист от короля Жигимонта I державце гомейскому кн. Вас. Юр. Толочинскому // Archiwum Główny Aktów Dawnych. – Archiwum Potockich z Radzyna. – Sign. 295. – S. 37.
- 22 Boniecki, A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku / A. Boniecki. – Warszawa, 1887. – XV, 425, XLIX s.
- 23 Kolankowski, L. Zygmunt August, Wielki Książę Litwy do roku 1548 / L. Kolankowski. – Lwow: Towarzystwo dla Popierania Nauki Polskiej, 1913. – 414 s.
- 24 Kuczyński, S.M. Rodowód Michała Chaleckiego / S.M. Kuczyński // Miesięcznik heraldyczny. – 1934. – № 2. – S. 17–23.
- 25 Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. – Кн. 15 (1528–1538) / Parengė A. Dubonis. – Vilnius: Žara, 2002. – 442 p.
- 26 Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. – Кн. 19 (1535–1537) / Parengė D. Vilimas. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2009. – 362 p.
- 27 Lietuvos Metrika – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика. – Кн. 20 (1536–1539) / Parengė R. Ragauskienė, D. Antanavičius. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. – 442 p.

## Пінскае паўстанне 1648 года

С. А. ЧАРОПКА

У прадстаўленым артыкуле даследуюцца некаторыя аспекты паўстання мяшчан Пінска ў 1648 г., звязаныя з разгортваннем антыфеадальнага руху і міжканфесійнай і міжэтнічнай барацьбой падчас казацка-сялянскай вайны на Беларусі.

**Ключавыя словы:** казацка-сялянская вайна, Пінск, паўстанне, казакі, шляхта, мяшчане, А.С. Радзівіл, войска ВКЛ, бітва, рэлігійная барацьба.

In the present article explores some aspects of the uprising burghers of Pinsk in 1648 associated with the deployment of anti-feudal movement and inter-faith and inter-ethnic fighting during the Cossack-Peasant War in Belarus.

**Keywords:** Cossack-Peasant war, Pinsk, uprising, cossacks, szlachta, commoners, Janusz Radziwill, army of Grand Duchy of Lithuania, the battle, inter-faith fighting.

Казацка-сялянская вайна 1648–1651 гг. з’яўляецца адной з найбольш значных падзей у айчынай гісторыі перыяду феадалізму, яна ўяўляе сабой самы яскравы прыклад адкрытай сацыяльнай барацьбы на беларускіх землях. Вайна ахапіла значныя тэрыторыі, прыцягнула да ўдзелу велізарныя масы насельніцтва, якія рэпрэзентавалі розныя сацыяльныя групы і праследавалі розныя мэты. Казацка-сялянская вайна 1648–1651 гг. стала ўвасабленнем глыбокага цывілізацыйнага крызісу, велізарнай нацыянальнай катастрофы, якая адбылася ў беларускім грамадстве ў XVII ст. Менавіта казацка-сялянская вайна распачала ў беларускай гісторыі перыяд, які ва ўкраінскай гістарыяграфіі атрымаў слушную назву “Руіна”, а ў польскай гістарычнай літаратуры – “Патоп”. Нягледзячы на тое, што сэнс гэтых тэрмінаў ва ўкраінскай і польскай навуковай літаратуры не тое, для беларускіх зямель ВКЛ ён фактычна аднолькавы, таму што Беларусь перажыла ў сярэдзіне XVII ст. і ўварванне вялізных замежных армій, і, як наступства, сур’ёзна пацярпела ад войн 1648–1651 гг. і 1654–1667 гг. Маштабнасць падзей казацка-сялянскай вайны, яе значэнне для далейшага лёсу беларускага народа робіць даследаванне вайны і асобных яе фрагментаў дастаткова актуальным. Адным з найбольш яскравых эпізодаў казацка-сялянскай вайны з’яўляецца паўстанне жыхароў Пінска супраць існуючага ў ВКЛ ладу.

Казацка-сялянская вайна на Беларусі 1648–1651 гг. пачалася пад непасрэдным уплывам падзей у Запарожжы і на Левабярэжнай Украіне. Перамогі Б. Хмяльніцкага пад Корсунем і Жоўтымі Водамі спрыялі разгортванню на Украіне сялянскай вайны, якая з’яўлялася арганічнай часткай вызваленчай вайны ўкраінскага народа. Падыход асноўных сіл казацкага войска Хмяльніцкага напрыканцы мая 1648 г. да Белай Царквы і з’яўленне казацкіх атрадаў у Рэчыцкім і Мазырскіх паветах спрыялі разгортванню летам 1648 г. сялянскіх і мяшчанскіх паўстанняў у Паўднёва-Усходняй Беларусі. З’яўленне ўкраінскіх казацкіх атрадаў на тэрыторыі ВКЛ фактычна распачало неабвешчаную вайну двух палітычных суб’ектаў – ВКЛ і Запарожскай Сечы, ад імя кіраўніка якой дзейнічалі казакі. Сінтэз гэтых дзвюх войнаў прывёў да пачатку казацка-сялянскай вайны на Беларусі, якая з’яўлялася адначасова і ўнутрыпалітычнай, і знешняй з’явай. Блізасць вялікага казацкага войска ўпэўнівала беларускае сялянства і мяшчанства, частку праваслаўнай шляхты ў поспеху барацьбы супраць існуючага палітычнага ладу і рабіла барацьбу перспектыўнай справай.

Гарнізоны ВКЛ аказаліся непадрыхтаваны да барацьбы з казакамі, таму што галоўная ўвага надавалася небяспецы верагоднай вайны з Расійскай дзяржавай [1, с. 217]. Смерць караля польскага і вялікага князя літоўскага Уладзіслава IV Вазы 20 мая 1648 г. у спалучэнні з казацкім паўстаннем на Украіне стварыла надзвычай спрыяльныя ўмовы для магчымай агрэсіі з боку Расійскай дзяржавы. Гэта відавочна праявілася падчас рэйда казацкага палкоўніка

П. Галавацкага ў Старадубскі павет. У першай палове ліпеня 1648 г. пры дапамозе мясцовага сялянства і гомельскіх мяшчан казацкі загон авалодаў горадам. Разгром кароннага войска на Украіне, поўная непадрыхтаванасць войска ВКЛ да падобнага роду небяспекі і актыўная падтрымка з боку часткі беларускага насельніцтва дазволілі казакам у ліпені 1648 г. амаль бесперашкодна распаўсюдзіцца ў беларускім Палессі і Падняпроўі.

У другой палове ліпеня з Украіны на Беларусь былі накіраваны казацкія загоны пад кіраўніцтвам Антона Нябабы, Крывашапкі, Мікуліцкага, Філона Гаркушы, Яна Сакалоўскага, Грыцко Бута, Напальчыча, якія імкліва распаўсюдзіліся па Палессі, заклікаючы сялян і мяшчан далучыцца да іх [2, с. 101]. Заклікі казацкіх правадыроў знайшлі падрыхтаваную глебу на Беларусі, што садзейнічала актыўнаму далучэнню часткі беларускага насельніцтва да паўстання. Як сведчаць крыніцы, жыхары Брагіна, Лоева, Гомеля самі адчынілі брамы і ўпусцілі казакоў у гарады. Гэтыя загоны былі накіраваны для замацавання ў Палессі і Падняпроўі, прыкрыўшы такім чынам правы фланг асноўнага войска Багдана Хмяльніцкага. Стратэгічнай мэтай гэтых загонаў з'яўлялася пашырэнне паўстання ў беларускіх паветах ВКЛ [3, с. 118].

У верасні 1648 г. войска Б. Хмяльніцкага падыйшло да Пілявіцаў, што паўплывала на пашырэнне зоны дзеяння казацка-сялянскіх атрадаў на Беларусі за кошт іх паралельнага прасоўвання ў Пінскі і Берасцейскі паветы. У Берасцейскі павет у жніўні-верасні 1648 г. рушыў казацкі загон пад кіраўніцтвам палкоўніка Максіма Гладкага [4, арк. 1–2]. Разгром кароннага войска пад Пілявіцамі 23 верасня садзейнічаў умацаванню ідэй паўстання сярод беларускага сялянства і адпаведна ўмацаванню пазіцый казакоў на Беларусі.

Напрыканцы верасня пад Кобрынам паўстанцамі быў разбіты полк драгунаў пад кіраўніцтвам стольніка літоўскага В. Гасеўскага, горад быў заняты казакамі [5, с. 124]. Улічваючы, што ў гэтым рэгіёне дзейнічаў загон М. Гладкага, правамерна выказаць меркаванне аб яго дачыненні да гэтай бітвы [6, с. 117].

Поспех украінскіх паўстанцаў пад Пілявіцамі і падыход Хмяльніцкага да Замосця ў лістападзе 1648 г. прывялі да ўмацавання ў свядомасці беларускага сялянства меркавання аб моцы казакоў і парадзілі надзею ў перспектыве насць саюза з казацкай Украінай. Гэтая акалічнасць найбольш яскрава праявілася ў выглядзе паўстання мяшчан у Пінску, якое ўяўляе сабой найбольш красамоўны прыклад сацыяльнай барацьбы на Беларусі на першым этапе казацка-сялянскай вайны.

Яшчэ ў канцы жніўня пінскі маршалак Лукаш Ельскі ў сваім лісце на сойм у Слонім адзначаў, што “халопства” спачувае казакам, “робіць вялікія шкоды па мястэчках і дамах шляхецкіх” і блізкае да паўстання [7]. Са спасылкай на “Гістарычны помнік аб Пінску” большасцю даследчыкаў храналагічныя рамкі паўстання вызначаюцца канцом верасня – першай паловай кастрычніка 1648 г. [2, с. 106; 8, с. 191]. Аднак уважлівае даследаванне комплекса крыніц прадстаўляе іншую храналогію Пінскага паўстання. Маніфест гвардыяна французскага Станіслава Машчынскага паведамляе, што 25 кастрычніка ў горадзе склалася небяспечная для каталіцкага насельніцтва сітуацыя, але Пінск яшчэ не знаходзіўся ў руках паўстанцаў [9, с. 37]. У пратэсце рэктара калегіі езуітаў Пінска Станіслава Тамашэўскага паведамляецца, што пінскія мяшчане ўпусцілі казакоў у горад 26 кастрычніка [10, с. 383]. Генерал Пінскага павета Андрэй Сачкоўскі ў сваім пратаколе адзначаў, што першыя спробы падавіць паўстанне адносяцца да 5 лістапада [11, с. 36]. Альбрэхт Станіслаў Радзівіл у сваіх успамінах паведамляе, што пінскі пасол на сойме “рэляцыю ўчыніў, як Пінск праз здраду мяшчан узятый быў ад казакоў” і прасіў аб дапамозе ў падаўленні паўстання толькі 9 лістапада, значна пазней падзей пад Брэстам, якія адбыліся ў кастрычніку [12, с. 339]. Каралеўскі сакратар Ян Рудаўскі ўзгадвае, што звесткі аб тым, што “літвіны каля горада рускага Пінска ... разграмілі 20 тыс. казакоў”, прыйшлі на элекцыйны сойм толькі ў другой палове лістапада [13, с. 57]. Комплексны аналіз некалькіх крыніц дае магчымасць выказаць меркаванне аб тым, што ў першай частцы “Гістарычнага помніку аб Пінску”, на які спасылаліся раней даследчыкі, памылкова пазначаны месяц, калі праходзілі падзеі ў Пінску [14, с. 32–33]. Гэтая акалічнасць можа быць звязана з тым, што гэты помнік неаднаразова перапісваўся і даціроўка магла быць перададзена няверна. Звесткі аб тым, што паўстанне трэба адносіць да больш позняга перыяду, падаюцца ў другой частцы тэкста гэтага ж “Гістарычнага помніку” [14, с.

35]. Такім чынам, у “Гістарычным помніку аб Пінску” замест кастрычніка трэба разумець лістапад, у выніку чаго вымалёўваецца наступная карціна.

25 кастрычніка ў Пінску склалася небяспечная для шляхты і каталіцкага духавенства сітуацыя, пачалося бегства каталіцкага насельніцтва з горада [9, с. 37]. Наступным днём, 26 кастрычніка, у горадзе распачалося паўстанне мяшчан, якое ўзначалілі прадстаўнікі гарадскога магістрата. Гвардыян Станіслаў Машчынскі абвінавачвае лентвойта Івана Сулкоўскага, бурмістраў Багдана Стаяновіча і Якава Суліча, а таксама 6 ратманаў, 5 лаўнікаў, 4 цэхмістраў і “іншых” у тым, што яны, “прыняўшы казакоў за паноў сваіх”, прынялі актыўны ўдзел у паўстанні [9, с. 37]. Паўстаўшыя пінчукі ўпусцілі казакоў у горад і нават планавалі стварыць мяшчанскі атрад колькасцю 7 тыс. чалавек [14, с. 33].

У выніку авалодання казакамі Пінскам у горадзе пачаўся грандыёзны пагром, ад якога пацярпела перш за ўсё каталіцкае і яўрэйскае насельніцтва павятовага цэнтра. Паводле яўрэйскіх хронік, менавіта ў Берасці і Пінску налічваецца найбольшая колькасць ахвяр з ліку яўрэяў, што ўчынілі казакі. Як адзначыў яўрэйскі летапісец Меер, пасля ўваходу казакаў у Пінск яны злітаваліся “толькі над праваслаўнымі, а мноства бедных жабракоў-яўрэяў, якія не здолелі з прычыны недахопу сродкаў уцячы, былі знішчаны самымі пакутніцкімі спосабамі” [15, с. 165]. Паўстанцы і казакі сумесна “касцёлы Божыя рабавалі, нападзілі ... на дамы шляхецкія” [14, с. 34]. Рэктар Пінскага езуіцкага калегіума ксёндз Станіслаў Тамашэўскі абвінавачваў казакаў і жыхароў Пінска ў тым, што яны “стан шляхецкі і духоўны забівалі, мардавалі, целы са склепаў выцягвалі і ў касцёле айцоў езуітаў вялікія гвалты зрабілі, абразы пасеклі, вокны разбілі, касцёл у пыл пераўтварылі, целы са склепаў, з трунаў вынімаючы, выкідалі”. Казакі, разам з мяшчанамі, разрабавалі ўсе залатыя і сярэбраныя ўпрыгажэнні з касцёла, а таксама з фальваркаў, якія належалі касцёлу і калегіуму каля Пінска [10, с. 383–384]. Быў забіты і закатаваны манах-францысканец Халеўскі.

Напрыканцы кастрычніка войска ВКЛ пад кіраўніцтвам Рыгора Мірскага пачало рыхтавацца да падаўлення паўстання ў Пінску, і да пачатку лістапада яно ўвайшло ў в. Хомск у 70 км на паўночны захад ад Пінска. Адначасова з гэтым сабралася павятовая харугва шляхты пад кіраўніцтвам Л. Ельскага. 5 лістапада Ельскі папрасіў падмацавання ў Р. Мірскага, але, не чакаючы яго, на чале пінскай шляхты і адной харугвы В. Гасеўскага ён паспрабаваў авалодаць горадам. Не сустракаючы супраціўлення, шляхецкі атрад увайшоў у горад, дзе трапіў у загалі падрыхтаваныя паўстанцамі пасткі. Паміж паўстанцамі і шляхціцамі ў горадзе распачаўся ўпарты бой, паўстанцы бараніліся “як маглі, хто са стрэльбаў, хто косамі, хто палкамі, іншыя кідаючы камянямі, паленамі, і чым хто мог” [14, с. 32].

У выніку боя шляхецкі атрад вымушаны быў адысці на поўнач да вёскі Ставок. Пінскія паўстанцы, узрадаваны перамогай, умацавалі саюз з казакамі заключэннем дагавора, паводле якога казацкі атрад павінен быў не адыходзіць з Пінску да Раства, кожны казак атрымоўваў грашовае і пайковае забеспячэнне, а самому атраду гарантавалася выплата 10 тыс. злотых [14, с. 33].

7 лістапада кавалерыя шляхецкага войска пад кіраўніцтвам Мірскага з Хомска перасунулася ў в. Ахова, дзе да 8 лістапада стражнік ВКЛ чакаў падыходу пяхоты і артылерыі. 9 лістапада злучаныя сілы Мірскага і пінскай шляхты пад кіраўніцтвам Ельскага падыйшлі да горада і абстралялі яго з 8 гармат. Пінскі войт накіраваў у горад ультыматум з патрабаваннем здачы горада, даючы на роздум гадзіну. У сувязі з адмовай мяшчан і казакоў шляхецкае войска пайшло на штурм горада, які працягваўся “з палудня гэтага панядзелка да палудзеннага часу наступнага дня, усю ноч і дзень” [14, с. 34].

З боку Северскай брамы на горад ударылі 120 драгунаў Гасеўскага і 200 пешых жаўнераў Пятра Падлеўскага. Дзве харугвы Ельскага атакавалі Ляшчынскую браму. Пры дапамозе харугваў Паўловіча і рэйтараў Шварцоха шляхецкія сілы здолелі ўварвацца ў горад, але тут яны сустрэлі адчайнае супраціўленне з боку паўстаўшых мяшчан і казакоў. “(Шляхціцы – С.Ч.) павінны былі амаль кожны дом штурмаваць, таму што непрыяцель (паўстанцы – С.Ч.), адкінуты ад агароджы і рагатак, моцна абараняўся ў зачыненых дамах” [14, с. 34]. Спробы казакоў увечары 9 лістапада вырвацца з горада аказаліся беспаспяховымі, магчымыя шляхі адыходу кантраляваліся шляхецкімі атрадамі.

У выніку штурма да 10 лістапада горад быў узяты, паўстанне жорстка падаўлена. Тут жа, у “Гістарычным помніку”, паведамляецца аб страшнай камеце, якая “паказалася 9 чысла лістапада ... над самым горадам Пінскім”, у выглядзе крывавага мяча ляззём уніз, а таксама 10 лістапада, “калі ўжо святой справядлівасці рука панавала над горадам” [14, с. 34]. Гэтае паведамленне супярэчыць ранейшым звесткам гэтай жа крыніцы аб тым, што падзеі быццам бы разгортваліся ў кастрычніку, і яшчэ раз пацвярджае гіпотэзу аб неабходнасці прывязкі падзей да лістапада 1648 г. 25 лістапада А.С. Радзівіл паведамляе: “Войска наша літоўскае сілай адабрала ў казакоў Пінск пасля 14 дзён”, г. зн. паўстанне доўжылася 2 тыдні, што дакладна супадае з прыведзенай вышэй храналагіяй падзей [12, с. 350]. Такім чынам, храналагічныя рамкі Пінскага паўстання знаходзяцца ў межах з 26 кастрычніка да 10 лістапада 1648 г.

Вынікам паўстання і яго падаўлення сталі сур’ёзныя дэмаграфічныя страты і гаспадарчае разбурэнне ў рэгіёне. Аб гэтым сведчаць соймавыя канстытуцыі 1649, 1651 і 1653 гг. Паводле канстытуцыі 1649 г., для ўсіх павеатаў ВКЛ быў ухвалены надзвычайны падатак, але з прычыны моцных разбурэнняў Брэсцкі, Пінскі і Мсціслаўскі павеаты абавязаны былі заплаціць на 30% менш.

Значна скарацілася насельніцтва горада. Паводле звестак Г. Кунакова: “Пінск разарыў стражнік літоўскі Р. Мірскі і мяшчан забіў больш за 3 000 чалавек і жонак іх, і дзяцей загадаў пабіць без літасці” [1, с. 297]. Канцлер ВКЛ А.С. Радзівіл ацэньвае дэмаграфічныя страты ў Пінску ў 14 тыс. чалавек “малых і старых” [12, с. 351]. Прычым жорсткасць у Пінску не была выпадковай, а наўмыснай і мэтанакіраванай, што адзначалі ўжо сучаснікі. “Паколькі гэты горад быў адным з галоўных казацкіх прыстанішчаў, палякі для запалохвання іншых абрабавалі яго і пераўтварылі ў попел”, – адзначае французскі вандроўнік П. Шэвалье [16, с. 99]. Пакаранне Пінска стала прыкладам для іншых паўстаўшых гарадоў.

Разам з тым, паўстанне ў сукупнасці з іншымі падзеямі казацка-сялянскай вайны прымусіла пануючыя колы пайсці на некаторыя саступкі. 12 студзеня 1650 г. кароль Ян Казімір на сойме пацвярдзіў ранейшыя прывілеі Уладзіслава IV, якія значна пашыралі правы праваслаўнага насельніцтва ў вызнанні сваёй канфесіі. Паводле каралеўскага прывілея, дазвалялася, дзе “цэрквы пагарэлі і разрабаваны так у Пінску, у Мазыры і ў іншых гарадах, на тых жа месцах старых будаваць з дрэва і з камення вольнасць даем” [17, с. 252-253]. Пацвярджаліся правы праваслаўнага духавенства. “Прэсвітары, таксама папы рускія, якія не знаходзяцца ва ўніі, каб пры вольнасцях стану духоўнага заставаліся і ніякімі павіннасцямі ... падаткамі ... стаяцямі жаўнерскімі і работамі нідзе не былі заняты ... і ні да каго з свецкіх, толькі да старых сваіх належалі духоўных” [17, с. 254].

Імкнучыся прыцягнуць на свой бок праваслаўную шляхту і мяшчанства, Ян Казімір у 1650 г. яшчэ раз пацвярдзіў правы гэтых сацыяльных груп. “Да ўрадаў належыць народ рускі, каб на роўных прыманых былі і ніякага прыціску не мелі”. Каралеўская ўлада зрабіла крок насустрач паўстаўшым мяшчанам: “Мяшчан Кіеўскіх, Чарнігаўскіх, Вінніцкіх, Мазырскіх, Рэчыцкіх, Старадубскіх, Пінскіх і іншых, куды бы вайна ні дайшла, пры старых правах і вольнасцях захоўваем” [17, с. 254]. Пінскае паўстанне з’яўляецца найбольш яскравым з серыі гарадскіх паўстанняў у беларускім Палессі ў XVII ст.

### Літаратура

1 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. – СПб.: в тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3. – С. 604, 134, 22.

2 Абецедарский, Л.С. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века / Л.С. Абецедарский // Воссоединение Украины с Россией: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 440 с.

3 Документы об Освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. – К.: Наукова думка, 1965. – 825 с.

4 Львоўская навуковая бібліятэка Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны імя В.С. Стэфаніка (ЛНБ). – Ф. Сапегаў. – Спр. 1495. – Арк 1–2. – Ліст Яна Паўла Сапегі.

- 5 Донесения Папского Нунция, Иоанна Торреса, архиепископа Адрианопольского, о событиях в Польше во время восстания Богдана Хмельницкого. – К.: типо-литография М.Т. Мейнандера, 1914. – 181 с.
- 6 Podhorodecki, L. Zarys dziejów Ukrainy / L. Podhorodecki. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1976. – Т 1. – 311 s.
- 7 ЛНБ. – Ф. Асалинских. – Спр. 225/II. – Арк. 137 адв. – Копія ліста Л. Ельскага (1648 г.).
- 8 Абецедарский, Л.С. Борьба белорусского народа за воссоединение Белоруссии с Россией в середине XVII века / Л.С. Абецедарский // Воссоединение Украины с Россией: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 440 с.
- 9 Манифест ксендзов францисканцев пинских // О бунте города Пинска и усмирении онаго. – М.: в университетской тип., 1847. – С. 37–38.
- 10 Протест Пинского иезуитского монастыря на мящан пинских // Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. – Минск: в губернской типографии, 1848. – С. 383–384.
- 11 Протокол Пинского гродского суда освидетельствования и представления частей тела кс. Доминика Холевского проповедника // О бунте города Пинска и усмирении онаго. – М.: в университетской тип., 1847. – С. 35–36.
- 12 Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza W. Litowskiego. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. – Т. II. – W Poznaniu, 1889. – U braci Scherków. – 490 s.
- 13 Rudawski, W. J. Historia Polski od śmierci Władysława IV aż do pokoju Oliwskiego, czyli dzieje panowania Jana Kazimierza od 1648 do 1660 r. / W. Rudawski. – Petersburg, Mohilew: Wolff, 1855. – Т. I. – 188 s.
- 14 Исторический памятник о Пинске // О бунте города Пинска и усмирении онаго. – М.: в университетской тип., 1847. – С. 31–35.
- 15 Тяготы времён. Хроника Мейера из Щебржешина // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха "хмельничины"). – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – С. 153–180.
- 16 Шевальє, П. Історія війни козаків проти Польщі. З розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар / П. Шевальє; пер. з франц. вид. 1663 р. – Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1966. – 199 с.
- 17 Actum in Curia Regia Varsauien // Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. – Минск: в губернской типографии, 1848. – С. 250–255.

УДК 947.808.4

## Основные направления деятельности партийно-государственных структур по отношению к Православной церкви в Беларуси (1917–1941 гг.)

И. И. ЯНУШЕВИЧ

В статье проводится исследование основных направлений антирелигиозной работы партийно-государственных структур по отношению к Русской православной церкви до начала Великой Отечественной войны. Анализируется содержание антицерковных мероприятий и их соответствие задачам советского строительства.

**Ключевые слова:** государственные структуры, Православная церковь, большевики, антирелигиозная деятельность, атеистическое движение.

The research of the main anti-religious policy of the party and governmental bodies with respect to Russian Orthodox Church (ROCh) during the period of 1917–1941-ies is viewed upon in the article. The content of anti-church activities and their conformity with the targets of soviet formation is analyzed.

**Keywords:** state structures, Orthodox church, bolsheviks, antireligious activity, atheistic movement.

Рационализм государственно-церковных отношений в нашей стране столетиями давал положительный для общества результат. В Беларуси исторически проживали православные, католики, иудеи, мусульмане, реформаты и др. Главная же роль в религиозной жизни принадлежит Православной церкви. Народ черпал в православии силы для преодоления всех бурь и несчастий, проносившихся над Отечеством. Церковь осуществляла свое служение во всех сферах семейной, общественной и государственной жизни народа. Государственно-церковная идеология была основополагающим элементом развития общества, его единства и способности противостоять радикальным политическим и религиозным учениям. Коренные изменения характера государственно-церковных отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в рамках общих изменений в стране остро требуют своего осмысления и изучения и с научно-теоретической, и с практической точки зрения. Безусловно, исследование данного процесса не может быть ограничено временными рамками. Невозможна полноценная разработка вопроса без обращения к историческому опыту. Проблемы духовно-нравственного состояния современного общества самым тесным образом связаны с атеистическим экспериментом большевиков.

Следует отметить, что эволюция политики Советского государства по отношению к РПЦ в Беларуси не стала еще в полной мере объектом научного анализа. Представляется важным комплексное изучение процесса уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а также разрушения ее административно-управленческой структуры как основополагающих направлений антирелигиозной политики большевиков. С начала 1990-х гг. интерес к исследованию государственно-церковных отношений усиливается. Выходит в свет целый ряд работ. Наибольший фактический материал отражен в трудах Д. Поспеловского [1], А. Нежного [2] и новых работах М. Одинцова [3]. В. Алексеев свой труд посвятил проблеме антирелигиозной деятельности комсомольцев, их месту и значению на общегосударственном атеистическом фронте [4]. В белорусской историографии по схожей проблематике имеется целый ряд работ. В. Новицкий исследовал развитие конфессиональной ситуации в целом и, в частности, более подробно разработал проблему раскола православной церкви и возникновение так называемого «обновленчества» [5]. Священник Феодор Кривонос провел, скорее всего, максимально полное исследование проблем репрессий священников Минской епархии [6]. Т. Процько подвергла тщательному анализу процесс ограничения свободы вероисповедания в условиях формирования административно-командной системы [7]. В 1990 г. В Беларуси был переиздан труд А. Мартоса [8].

Первое десятилетие XX века было отмечено значительными изменениями в общественно-политической жизни. На фоне внешне стабильной ситуации отчетливо проявлялись негативные тенденции, на которые должны были отреагировать и царь, и правительство, и РПЦ. Церковь в условиях синодально-консисторской системы, по сути, была порабощена государством, окутавшим ее своими бюрократическими путами. Царь и правительство не видели необходимости изменения не отвечающей запросам времени системы государственно-церковных отношений. Провозглашенные религиозные свободы поставили Православную церковь в неравное положение по сравнению с другими религиозными течениями. Церковь, принужденная правительством исполнять роль идеологического надсмотрщика за населением в условиях сложившейся социально-политической ситуации, по сути, сама отторгала от себя приверженцев, в то время как иные культы во многом были свободны в организации своей деятельности и в возможности выдвижения лозунгов и идей более насущных и востребованных населением. На поле религиозной жизни поднималось превеликое множество организаций и лидеров, в том числе не совсем адекватных, деструктивных, оккультно-мистических, имевших «точные», «исчерпывающие» ответы на все интересующие вопросы и имевшие готовые и быстрые рецепты решения всех проблем. Наряду с политической радикализацией это могло, должно было и привело к событиям 1917 г. И к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России.

Большевики, захватив власть в Петрограде, получили возможность начать на практике осуществление своих программных установок по уничтожению религиозных верований и церковных организаций без учета российской действительности, без необходимости поправок и адаптации. В руководстве партии не было какого-то конкретного плана церковной политики. Не было его и у лиц и структур, ответственных за реализацию поставленной задачи. Антицерковные указания зависели от конъюнктурных идеологических указаний. Следует отметить, что эволюция политики Советского государства по отношению к РПЦ в Беларуси не стала еще в полной мере объектом научного анализа.

Лидеры большевиков внешне стремились более к перерождению человечества, чем к проведению внутригосударственных реформ. Для реализации грандиозных планов требовался новый тип человека, с абсолютно свободно управляемым мышлением и запрограммированным мировоззрением, поэтому для нововведений необходимо было расчистить «строительную площадку». Анализ антирелигиозной деятельности большевиков показал, что в период до Великой Отечественной войны в агитационно-пропагандистской области она сводилась к следующему: максимальное ограничение пропагандистских возможностей религиозных организаций; создание партийно-государственных антирелигиозных структур и обеспечение их деятельности; формирование идеологических установок в антирелигиозной сфере и распространение атеизма.

Новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы религиозных организаций. Запрещалось преподавание вероучений во всех учебных заведениях. Вводились ограничения в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Вместо веры в Бога усиленно пропагандируется атеизм и вера в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов». С установлением советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Вместо икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения – распевание революционных песен. Все религиозные действия ограничивались исключительно стенами богослужебных помещений.

В годы гражданской войны и интервенции главным методом антирелигиозной деятельности было истребление священнослужителей, членов их семей и работников Церкви. Некоторые лидеры большевиков предполагали путем полной ликвидации клириков на протяжении одного-двух лет покончить с религиозностью населения. Насадить социализм штурмовыми методами не удалось. «Богоборство» и «попоедство» оказались неэффективны. В решениях X–XII съездов партии просматривается поворот от прямой конфронтации с религиозными орга-



низациями и духовенством в плоскость усиления разъяснительных мероприятий. Основным оружием антирелигиозников должна была стать пропаганда материализма, проникнутая идеями воинствующего атеизма. В программы обучения, в том числе при стажировках ответственных работников, в обязательном порядке вводились курсы естествознания с антирелигиозным подтекстом. Атеистическому воспитанию должны были служить регулярные лекции, доклады, диспуты в школах, на фабриках и заводах, в учреждениях. К середине 1920-х гг. подобная деятельность не привела к значительным результатам. Работа по распространению атеизма тормозилась по причине чрезвычайно малого количества ответственных антирелигиозников, недостатка квалифицированных лекторов и докладчиков, ограниченности средств на издание соответствующей литературы. На местах основное внимание руководства уделялось решению социально-экономических проблем. Даже среди членов компартии, комсомола и в Красной Армии наблюдался высокий процент религиозности.

К середине 1920-х гг. борьба за выполнение плановых показателей охватила весь аппарат. Бюрократическая отчетность во многом стала выше здравого смысла и необходимости решения насущных задач социалистического строительства. В отчетные показатели вбивались данные о количестве проведенных мероприятий, открытых избах-читальнях и т.д. Для объединения всех атеистически настроенных сил создавался Союз безбожников (СБ), в котором должна была сконцентрироваться вся антирелигиозная работа. Наладить работу СБ оказалось чрезвычайно сложно. Даже партийные органы не спешили выполнять установки ЦК ВКП(б) в данной области. Реальной, систематической поддержки «безбожникам» на местах практически не оказывали. Антирелигиозная деятельность у ответственных работников популярностью не пользовалась. Численность СБ в БССР к апрелю 1927 г. составляла только 4506. Итоги десятилетия антицерковной деятельности стали достаточно неожиданными. По мере того, как духовенство освобождалось от всего того, что составляло его внешнее благополучие, могущество церкви прирастало духовно в сердцах и умах. Откровенные гонения на церковь в глазах недовольного политикой руководства страны населения только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. Революция породила достаточно сильное атеистическое движение, не с лучшей стороны повлиявшей на духовно-нравственное состояние общества. В стране широко распространились всякого рода псевдорелигиозные учения.

К концу 1920-х гг. практически закончилась внутривнутрипартийная борьба за верховную власть. Споры о формах дальнейшего развития общества, в том числе и о методах продолжения антирелигиозной борьбы стали неуместны, а невыполнение установок ЦК партии могло привести к плачевным последствиям для руководителя любого уровня. С 1928 г. В структуре парторганов вводится оплачиваемая ставка антирелигиозника. Партийные, комсомольские, организации и иные органы обязывались оказывать СБ организационную и материальную помощь. В условиях наряженной внутривнутриполитической ситуации начала 1930-х гг. антирелигиозная деятельность по отчетным показателям значительно усилилась. Численность Союза воинствующих безбожников (СВБ) выросла до 217 тыс. членов [5, с. 175]. Провозглашенная в 1932 г. «безбожная пятилетка», однако, не привела к появлению в республике «религиозной пустыни». К 1937 г. СВБ находился на грани развала. Не лучшим образом обстояло дело и с религиозностью. Согласно переписи населения 1937 г., 57% граждан старше 16 лет отнесли себя к верующим. Несмотря на внешне не столь уж радужную ситуацию на антирелигиозном фронте, необходимо констатировать, что безбожием было поражено около половины населения страны. Сколько среди них атеистов-материалистов мы, скорее всего, никогда не узнаем.

Первые лица большевистской партии, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, придавали, как потом покажет время, слишком большое значение уничтожению материальных ресурсов РПЦ. Религия и церковь в их представлении были какими-то аморфными явлениями, «идеологической надстройкой», не имеющей под собой необходимого запаса прочности. В.И. Ленин, возможно по аналогии ситуации с политическими партиями, полагал, что церковь, в частности, Православная, рухнет, как только отнять у нее экономический базис. Давление в экономической сфере сводилось к следующим основным направлениям: отъем собственности; законодательное ограничение хозяйственной деятельности, создание неблаго-

приятных условий для функционирования церковно-приходских советов; ущемление священнослужителей в семейно-бытовой сфере.

Декретом «О земле» 26 октября 1917 г. Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [9, с. 13]. Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» вводил максимальное ограничение деятельности церкви и религиозных общин. Пункт 12 Декрета гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», а пункт 13: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [10, с. 30]. Конфискации подлежали ценные вещи непосредственно не предназначенные для богослужения. Были закрыты банковские счета религиозных ассоциаций. Следующими этапами отъема материальных ценностей было установление советской власти летом 1920-го г. И во время грабежа Церкви в период голода в Поволжье, когда смерть грозила третьей части населения государства. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. Было проведено практически полное ограбление храмов. Проводимая согласно Инструкции ВЦИК от 10 августа 1922 г. «О регистрации религиозных общин» перерегистрация отчетливо показала тотальную бедность белорусских приходов [11, л. 70]. Инструкцией запрещались членские взносы. Мог производиться разовый сбор средств для определенных целей – отопление, охрана, поддержание чистоты и т. Д. Религиозная община могла открывать счета в банках, занося средства на имя отдельных граждан, т.к. церковные организации были лишены прав юридического лица. Запрещались принудительные сборы на храмы. Приравнивание религиозных общин к частным, уплата ими налогов по тем же ставкам, что и предпринимателей, а также обложение промысловым налогом торговли культовыми предметами делали эти предметы дорогостоящими.

Духовенство постоянно подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера. Их дети не могли получить образование выше начального, а за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. Жилищные условия духовенства были чрезвычайно плохи. Даже митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек – глава Православной Церкви в Белоруссии – проживал в комнатке 3 кв. сажени [11, л. 1]. Материальное положение православного духовенства было критическим. Даже митрополит Мелхиседек не платил налоги в связи с тем, что его доход был ниже минимальной налогооблагаемой планки. В графе «имущество» при его высылке в Сибирь было записано: «Отсутствует». Практически таким же было положение у всех городских священников. Они не могли быть даже членами потребительских обществ. В 1927 г. Госстрахом резко увеличивается страховой взнос, особенно это касалось богослужебных зданий [12, л. 113]. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Увеличивалась рента земли, налог с ремонта, с содержания имущества, с продаж предметов культа, возросло число косвенных налогов. Размер налогообложения не должен был превышать 0,5% от рыночной стоимости богослужебного здания, причем оценивались только голые стены без украшений и художественной росписи. Реально за храмы платили примерно по 32 руб. вместо положенных 2 руб. 30 коп.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» церковь практически полностью лишалась возможности организовывать свою хозяйственную деятельность [13, с. 83–97]. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Религиозные организации не имели права организовывать центральные кассы для сбора добровольных пожертвований, устанавливать обязательные сборы и заключать контрактные соглашения. Запрещалась всякая благотворительная деятельность, даже по отношению к священнослужителям и их семьям. Договоры по ремонту могли заключать только выборные общин как частные лица, а поэтому подобные сделки как коммерческие облагались непомерными налогами. Начавшаяся в 1929 г. Борьба с частными предприятиями, к которым были отнесе-

ны священнослужители и приходы как «доходные места», привела к непомерному росту различного рода налогов и займов. Довершало процесс грабежа Церкви изъятие колоколов.

Разрушение административно-управленческой структуры РПЦ главным образом сводилось к следующему: уничтожение духовенства и активных прихожан; разрушение системы управления Церковью; создание невыносимых условий функционирования религиозных общин.

Белорусские клирики все же до 1921 г. Находились в более безопасном, в плане выживания, положении, чем в РСФСР и Восточной Украине. Наличие близкой границы и нестабильность ситуации не позволяли большевикам применять крайние формы, проводить массовые показательные расстрелы священнослужителей и их семей. Трагическими стали для клира 1921–1922 гг. Страшнейший голод в Поволжье явился поводом для полного изъятия церковных ценностей и репрессий против духовенства и верующих.

Ликвидация духовенства до 1922 г. Проводилось хаотично, систематизировать работу должно было Постановление ВЦИК от 6 февраля 1922 г., которым ВЧК ликвидировалась, на ее месте создавалось Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. 1 марта 1922 г. Было образовано ГПУ при ЦИК БССР. «Политотделам, а также их уполномоченным предоставлялось право производства обысков, выемок и арестов... без специального постановления ГПУ и ПО» [14, л. 12]. Этим же постановлением органам ГПУ предоставлялось право административной высылки до 3-х лет в отношении лиц, подозреваемых в причастности к контрреволюционным выступлениям. Именно аресты и высылки наиболее авторитетных и перспективных священников, руководителей всех уровней, насаждение «своих» иерархов стало основной мерой воздействия на духовенство в 1920-е гг. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящиеся к разного рода нововведениям и решению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. Точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенству выносилось на 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря [6, с. 24–81].

С 1929 г. Ситуация коренным образом изменяется. Перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. Было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [7, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929–1933 гг., 1935 г. И 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. В БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [7, с. 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [5, с. 179].

Задача введения полной монополии на любую общественно-политическую деятельность требовала установления контроля над действующими обществами, союзами и объединениями. 10 августа 1922 г. Увидела свет Инструкция ВЦИК «О регистрации религиозных общин». Согласно Инструкции для регистрации религиозной общины уставом, списками верующих, членов приходского совета и т.д. необходимо было составить опись имущества и заключить договор об аренде. Договор подразделялся на три основные направления – экономическое, политическое и пути ликвидации общины. Члены пятерки обязывались беречь переданное им «народное достояние» и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества, в случае доказанности органами НКВД хищения, выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же это проходило без злого умысла, а по небрежности, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб [11, л. 12].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» РПЦ практически полностью лишалась возможности организовывать свою административно-хозяйственную деятельность. Священник не мог выступать от имени прихода. Он становился наемным работником. Управленческая функция ограничивалась увещанием верующих. С лета 1927 г. Под различными благовидными предложениями регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 г. Действовало 1013 православных храма.

За 1930 г. Было закрыто 573 церкви, в 1936 г. Осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [5, с.173].

Еще одним направлением деятельности советского государства по развалу РПЦ были действия по разрушению единства Церкви, поддержка и инспирирование всякого рода расколов. В результате внешнего вмешательства во внутрицерковную жизнь в противовес патриарху Тихону в 1922 г. Появилось так называемое обновленческое движение, а после подписания патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием так называемой декларации «лояльности» было объявлено о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. Теперь в республике действовало три почти равных по количеству приходов течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и автокефалисты [12, л. 11]. Во внутрицерковной жизни наблюдался серьезнейший беспорядок. Противостояния различных групп подрывали авторитет Православной церкви. С начала 1930-х гг. политика «разделяй и властвуй» для большевиков уже перестала быть актуальной. К 1934 г. Прекратило существовать обновленчество, к 1937 г. – автокефалия.

Задача ликвидации организационно-управленческой структуры РПЦ в БССР к началу Великой Отечественной войны была практически выполнена. Духовенство в основном оказалось уничтожено. Большевикам удалось расчленить РПЦ на несколько, в определенный момент ожесточенно враждующих частей. Обновленчество компрометировало саму идею православия и работало исключительно на разрушение Церкви, уничтожение основ православной веры. Оно не было однородным. Имело место и заблуждение, и попытки возрождения первохристианских идеалов, но деятельность и итог были плачевны. В общем атеистическом угаре отсутствие единства Церкви, постоянные склоки и разбирательства играли на руку антирелигиозникам. По мере укрепления большевицкой власти ужесточалось антицерковное законодательство.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что к 1941 г. в деле ликвидации религии и церкви удалось добиться ощутимых результатов. Была подготовлена почва для дальнейшего решительного и, возможно, победоносного наступления. Мировоззрение половины граждан страны было антирелигиозным. Церковь как организация была практически полностью разрушена, зримая система управления ликвидирована. Храмы закрыты, имущество полностью отнято. Оставшиеся в живых священники были малочисленны и поставлены в невыносимые условия. По сути, не воцерковленные верующие подвергались опасности отхода от основ православия, потому что только в лоне Единой Соборной Апостольской Церкви возможна жизнь православного христианина. Между тем духовно-нравственный, державный, патриотический потенциал православия остался громадным. Это понимало руководство партии и особенно И.В. Сталин, разумно использовавший его для спасения Отчества во время военного лихолетья.

### Литература

- 1 Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
- 2 Нежный, А. Комиссар дьявола / А. Нежный. – М.: Протестант, 1993. – 243 с.
- 3 Одинцов, М.И. Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 325 с.; Одинцов, М.И. Власть и религия в годы войны / М.И. Одинцов. – М., 2005. – 540 с.
- 4 Алексеев, В.А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
- 5 Навіцкі, У.І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
- 6 Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.
- 7 Протько, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протько. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.

- 8 Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 237 с.
- 9 Первые Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979. – 80 с.
- 10 Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – 311 с.
- 11 Государственный архив Минской области. – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 40.
- 12 Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 339.
- 13 Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 335 с.
- 14 Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 559.

Белорусский государственный университет

Поступило 30.03.10

УДК 94(476)+391(476.4-21)“19”

## Мир вещей в культуре городского населения Могилевской губернии в начале XX века

О. Г. ЯЩЕНКО

Статья посвящена описанию комплекса предметов, которые использовались жителями городов Могилевской губернии в повседневной жизни в начале XX века. Автор характеризует широко распространенные вещи бытового назначения, а также показывает проникновение новаций в сферу городского быта.

**Ключевые слова:** Могилевская губерния, начало XX века, комплекс предметов, инновации, городской образ жизни, культура.

The article is devoted to description of complex of the things, which were used by urban citizens of Mogilev's Region in their everyday life at the beginning of the 20th century. The author characterizes the widely diffused things for everyday purposes and also shows penetration of innovations into the sphere of urban mode of life.

**Keywords:** Mogilev's Region, the beginning of the 20th century, complex of the things, the innovations, the urban mode of life, culture.

Городская культура белорусских губерний Российской империи начала 20 века может быть представлена в разных проекциях. Это и характеристика культурных традиций представителей определенных социальных, этноконфессиональных групп населения, культура здоровья, культура досуга и пр. Основополагающим компонентом при этом остается этнографическая характеристика материальной культуры. Она формировалась из множества разнообразных предметов личного и коллективного пользования. Эти данные ранее не рассматривались на материалах отдельных губерний, в том числе Могилевской. Актуальность темы повышается в связи с тем, что на начало 20 века приходится заметное обновление мира вещей, внедрение ряда новаций в культуру горожан. Традиционные формы уклада жизни горожан переплетаются с новыми, поэтому важно определить степень распространенности новых явлений, выявить среды, более устойчивые к дополнению другими элементами и более подверженные трансформациям. В предыдущие десятилетия в исторических исследованиях акцент делался на социально-экономической проблематике, хозяйственном развитии городов. Последние годы историки все чаще обращаются к постановке человека в центр научных изысканий, провозглашается, а во многих случаях и реализуется, антропологический подход к изучению истории и культуры. С этих позиций тема также имеет несомненную значимость, поскольку позволяет показать воздействие вещественной составляющей на мир человека конкретной исторической эпохи.

«Мир вещей» в данном случае понимается как совокупность предметов, использовавшихся городскими жителями в домашней жизни либо включенных в городское пространство и формировавших культурно-бытовую среду с целью улучшения бытового комфорта горожан. Это материальные объекты, включенные в интерьер жилища, костюм, продукты питания, это вещи личного пользования, а также предметы для проведения досуга и развлечений и пр. С другой стороны, в данном перечне правомерно упомянуть транспортные средства, оборудование улиц и парков, оснащение магазинов и вокзалов, рекламные вывески, афиши и многое другое, предназначенное для удобства ориентации, передвижения и нахождения горожан в открытом пространстве вне дома и службы. Поскольку материальная культура охватывает не только объекты в сфере производства и потребления, но и связанные с ними формы человеческой деятельности, – известный этнограф С.А. Токарев отмечал, что «вещи интересуют этнографа не сами по себе, а в их отношении к человеку» [1, с. 6] – то в определенной мере при характеристике мира вещей, окружавшего горожанина столетие назад, имеет значение рассмотрение способов использования предметов в бытовой практике.

Хронологические рамки темы объясняются сочетанием в городской среде устоявшихся традиций вещественного окружения горожан различных этноконфессиональных и социокультурных срезов, значительным проникновением в указанный отрезок времени новых элементов, усилением тенденции к унификации городского быта в европейском масштабе. Верхняя хронологическая граница – начало Первой мировой и впоследствии гражданской войны – обусловлена тем, что в эти годы произошли коренные изменения в материальном окружении жителей в первую очередь городов, они были вызваны переустройством общественных и экономических отношений, но вместе с тем привели к переменам в домашнем быту и преобразованию городской среды.

Целью данного исследования является этнографическая характеристика материальной культуры городского населения Могилевской губернии в начале XX века. Для достижения данной цели решались следующие задачи: выявить сохранившиеся данные о материальной культуре горожан и проанализировать ряд аспектов о предметном окружении жителей губернского и провинциальных городов как в домашнем быту, так и во внешнем по отношению к их жилью городском пространстве. При этом центральное место отводится рассмотрению новых явлений в сфере материальной культуры города. Объектом изучения выступают губернский и уездные города Могилевской губернии в начале 20 века, а предмет исследования можно определить как материальная культура горожан.

Новизна данной темы состоит в сочетании в рамках одной работы анализа микро- и макромира городского быта, а ранее приоритет отдавался последнему, в сочетании же они, как правило, вообще не фигурировали. Новый аспект заключается и в детализированном показе образа жизни горожанина через призму предметов повседневного личного пользования. Следует отметить введение в научный оборот новых источников.

Историографический пласт наполнен изданиями о материальной культуре Российской империи в целом, в основном этот блок формируется за счет изданий, подготовленных советскими и современными российскими исследователями, а также из комплекса научных изданий, подготовленных белорусскими этнографами. К числу наиболее важных для понимания процессов развития материальной культуры в Российской империи следует отнести труды Л.А. Анохиной, О.Р. Будиной, М.Н. Шмелевой [2; 3], которые воссоздали историю предметного окружения горожан начала 20 в. по материалам среднерусской полосы. Не менее значимыми стали исследования столичного быта, в том числе содержащие сведения об интересующих нас аспектах повседневности. Это и описания образа жизни петербуржцев и жителей других городов Европейской России изучаемого периода. Пожалуй, самый яркий пример – воспоминания Д. Засосова и В. Пызина о Петербурге и его обитателях [4], а также современные интерпретации культурно-бытовых процессов в столичных городах, основанные на оригинальных источниках [5], и альбомы с документальными фотографиями, запечатлевшими страницы городской повседневности [6; 7]. Повседневность русских горожан занимает центральное место в работах Л.В. Беловинского. Автором уделяется колоссальное внимание описанию деталей быта, истории отдельных вещей и их применению в быту на обширных фактических материалах [8]. Учитывая, что зачастую одни и те же вещи использовались горожанами различных регионов Российской империи, указанные исследования весьма ценны для изучения предметной среды на материалах белорусских губерний.

Отечественная историография в советский период пополнилась рядом фундаментальных работ по истории городского быта на Беларуси, их публикация продолжилась и в последние десятилетия. Для понимания эпохи в целом и содержания культурно-бытовых процессов в городах имеет коллективная монография «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [9]. При характеристике надлежащее место занимает показ домашнего досуга, в том числе вскользь затрагиваются сюжеты об атрибутах, задействованных в проведении свободного времени (музыкальные инструменты и пр.). Исследование этнокультурных процессов обязывало белорусских этнографов зафиксировать изменения и в сфере материальной культуры [10]. В фундаментальных исследованиях были раскрыты тенденции в развитии городского благоустройства и жилища [11]. В изданиях, посвященных национальной одежде белорусов, затрагивается и городской костюм [12]. Отдельные истории,

характеризуя городскую жизнь, привели в своих работах примеры из области функционирования материальной культуры и опубликовали изображения предметов быта, созданные на основе музейных собраний (конка, чайный набор, настольная лампа, граммофон, музыкальная шкатулка и пр.) [13]. Однако подобные исследования редко затрагивают материалы, происходящие из Могилевской губернии. Чаще в качестве примеров фигурируют Минск, Витебск, Пинск и др. Автор данной статьи в ранее подготовленных публикациях раскрывает мир вещественного окружения представителей разных кругов городского общества, показывает изменения в благоустройстве городской среды [14; 15]. Но воссоздание мира вещей в культуре горожан белорусских губерний как самостоятельная задача в названных сочинениях не ставилась.

Общим недостатком почти всех указанных работ является невнимание к деталям частной жизни горожан. Это, вероятно, было объективно предопределено отсутствием широкой источниковой базы и совершенно очевидно объясняется методологически заданной направленностью на показ обширной панорамы жизни городских жителей, мощных и стремительно развивавшихся процессов в городах, коренным образом перестраивавших миропорядок и, кроме того, необходимостью освещения широких слоев населения. Частный быт и комфорт горожанина не представлялись целесообразным объектом для научного анализа и только косвенно затрагивались при повествовании о глобальных явлениях в культуре. Таким образом, возник перекосяк, заключающийся в смещении акцента с этнографической реконструкции мира повседневности отдельного человека на характеристику пространства за пределами частной жизни горожанина. Тем не менее, вышеназванные работы представляют интерес при исследовании предметного окружения жителей городов белорусских губерний в начале 20 в.

Источниковую базу исследования составили отдельные архивные источники и периодические издания изучаемой эпохи. В числе архивных документов в Национальном историческом архиве Беларуси, в которых подобная информация представлена фрагментарно и в небольшом объеме, следует назвать разнообразную отчетность в губернии. Это внутренняя переписка и документы, высылавшиеся из канцелярии Могилевского губернатора в вышестоящие инстанции, документы из фондов городских управ и дум (в большей степени сохранились материалы Могилевской городской управы, Мстиславской городской управы, Гомельской думы и управы) [16–19]. Значительную информационную нагрузку несут памятные книжки, обзоры, справочники, издававшиеся в губернии и посвященные отдельным городам, такие, например, как «Весь Гомель. Адрес-календарь на 1913 г.», вышедший в 1912 г. и пр. Полезными в этих материалах являются перечни услуг и сведения о ценах на товары, указания на наличие заведений, связанных со сферой бытового обслуживания, и др. Самым насыщенным подобной информацией источником необходимо признать местные периодические издания, выходившие в начале 20 века. Именно в них размещались реклама с подробными сведениями о вещах для личного и общественного пользования, информация о новых товарах и услугах, отзывы о нововведениях и усовершенствовании городской среды и пр. Существенным дополнением к письменным и статистическим данным являются изобразительные источники – многочисленные опубликованные открытки с видами городов и изображением объектов и предметов материальной культуры. Именно они в первую очередь помогают воссоздать материальную среду за пределами частного быта горожанина. В определенной мере к исследованию могут быть привлечены вещественные памятники прошлого. Но количество предметов, связанных с городским бытом начала 20 в., в фондах музеев Гомеля, Могилева и др. городов поднепровского региона довольно ограничено. Кроме того, к сожалению, во многих случаях они представляют собой хотя и оригинальные вещи, датированные временем изучаемой эпохи, но их происхождение часто достоверно не связано именно с жизнью горожан Могилевской губернии. Часто такие предметы поступают на хранение не от коренных жителей, либо в силу разных обстоятельств их легенды точно и доказательно не могут быть воссозданы.

Следует отметить, что на формирование предметного окружения человека в изучаемый отрезок времени оказывала влияние имущественная, социальная, конфессиональная, этническая и в определенной мере профессиональная принадлежность человека. В силу вхож-



дения в черту еврейской оседлости, города и местечки Беларуси оказались переполнены еврейским населением. В них же проживали представители других этнических и конфессиональных групп, поэтому быт горожан здесь в большей степени имел на себе отпечаток, связанный с этнокультурными традициями жителей, исповедовавших разные религии и воспитанными в системе специфических культурных координат. Однако отсутствие достаточной информации по указанным вопросам и постановка задачи на углубленное исследование совокупности распространенных и схожих для пользования в городах материальных предметов переориентировали процесс изучения темы на общие для горожан явления материальной культуры. Они в первую очередь определяют культурный ландшафт как городской, в отличие от сельского, и высвечивают своеобразие городского уклада и присущих ему черт. Еще одно обстоятельство требует своего уточнения: численность и разнообразие предметов, окружавших городских жителей столетие назад, было огромным, и не обо всех сохранились хотя бы фрагментарные свидетельства. Поэтому автором были выделены и проанализированы только наиболее значимые вещи либо достоверно известные описания предметов, имевших отношение к повседневной культуре горожан Могилевской губернии начала 20 века.

Ряд предметов использовался при благоустройстве городов. В первую очередь в Могилеве и Гомеле появились новые виды покрытия (плиточные, асфальтовые тротуары), кроме широко практиковавшегося мощения улиц булыжником и их покрытия деревянными настилами [20, с. 295]. По-новому планируется освещение центральных частей городов – уже монтируются керосинно-калильные фонари, но используются и простые керосиновые лампы. Постепенно расширяется распространение новых видов освещения. Однако электрическое освещение в первую очередь стало доступно учреждениям или обеспеченным жителям. Так, сад княгини Ирины Ивановны Паскевич в Гомеле и станция Либаво-Роменской железной дороги в 1911 г. имели электрическое освещение [20, с. 305]. В начале 20 в. стало разнообразнее оснащение праздничной городской среды – цветы, фонарики, арки из зелени содействовали созданию торжественной и веселой атмосферы на улицах, в садах, парках в дни государственных и религиозных праздников, во время проведения вечеров и т.д. Значительное количество информационных знаков на улицах и вывесок на зданиях, известных и в более раннее время, замещается обилием рекламы, причем сами же современники указывали на ее избыточность. На улицах устанавливаются специальные тумбы для афиш. В связи с активизацией финансово-экономического развития в городском ландшафте возникают новые силуэты – здания банков, магазинов, требовавшие новых предметов для оснащения (кассовые аппараты, новые виды мебели для оборудования рабочих мест и пр.). Сохраняются и традиционно присущие городам объекты (скотобойни и пр.), в отдельных крупных городах были сооружены водопроводы (Могилев, Гомель), но при этом система ассенизации оставалась прежняя.

В числе часто упоминаемых транспортных средств в городах были экипажи, которыми правили извозчики, в источниках упоминаются сани, пролетка, особое внимание притягивала к себе конка – вагон на рельсах, передвигавшийся на конной тяге [8, с. 350]. Она распространилась в первую очередь в крупных городах, преимущественно столичных, губернских и реже уездных. Так, в уездном городе Гомеле уже курсировала конка, которую гомельчане называли «наша белицкая черепаха», ее путь проходил от центра города – Базарной площади в предместье Белицу. В городах можно было увидеть ломовых извозчиков, осуществлявших перевозки на прочных телегах. Новацией стало появление в городах автомобилей, проезд первых из них по улицам, судя по описаниям современников, вызывал пристальное внимание жителей, становился особым событием в жизни провинциального центра. Об этих фактах сообщали местные газеты, указывая фирму автомашины, наличие пассажиров, место отправления и цель назначения путешественников. Увеличение количества автомобилей относится к периоду кануна Первой мировой войны. Так, Могилевская городская управа в это время уже рассматривала вопрос о регистрации автомобилей и установлении движения пассажирских автомобилей в губернском городе [21]. Такая же практика относилась и к владельцам велосипедов. В том же Могилеве в 1914 г. составлялись списки владельцев велосипедов и осуществлялась их регистрация [22]. Использование велосипедов стало более распространенным явлением, их появление и лихачество владельцев вынуждали городские вла-

сти принимать меры к учету этого вида транспорта, специально создавать правила езды и, чаще тщетно, пытаться вынуждать горожан выполнять их. Велосипеды были в основном заграничного производства, стоили довольно дорого и, несмотря на постоянно возрастающую популярность, были доступны ограниченному кругу лиц. Наличие современных видов транспорта было для горожан не только вопросом престижа, но и актуальным решением проблем перемещения в городском пространстве. Отдельные города, в которых динамично возрастала численность жителей и быстрыми темпами расширялась территория, нуждались в новых видах транспортных услуг, поэтому, например, в Гомеле в начале 20 века обсуждался вопрос о появлении трамвая, но Первая мировая война и дальнейшие события прервали эту дискуссию и план не был реализован.

Расположение Могилева и других городов губернии на реках привело к использованию пассажирских и грузопассажирских пароходов. В начале 20 века они курсировали по разным маршрутам, перевозя пассажиров по месту назначения, вместе с тем они были задействованы и в сфере досуга. Так, налаживались пароходные гуляния, предполагавшие любование природой с воды, отдых на берегу в открытом пространстве и возвращение домой. Пароходы могли быть задействованы для паломничества и в других целях. Железная дорога быстро стала неотъемлемым видом транспорта, а распространившийся новый способ передвижения вызвал к жизни строительство и оборудование вокзалов.

К рассматриваемому времени относится распространение такого средства связи как телефон, но эта новация первоначально была доступна лишь некоторым жителям провинции [23]. Известно, что первые аппараты были весьма громоздкими. Накануне Первой мировой войны даже в значимых уездных центрах их обладателями становились немногие. По-прежнему, как и в последние десятилетия 19 века, были востребованы открытки, рассылавшиеся по почте, как и письма. Образцы поздравительных открыток имеются сегодня во многих музейных и частных коллекциях. Усиление деловых и расширение личных контактов потребовало открытия новых отделений почтовых контор.

Сфера услуг в рассматриваемый период играла большую роль в жизни горожан разного достатка и культурных ориентаций. Для городской среды рассматриваемой эпохи типичны торговые ряды, лавки, магазины, парикмахерские, призванные удовлетворять повседневные запросы жителей. Увеличилось количество центров общественного питания. Дополнением к обжорным рядам, трактирам, закусочным, буфетам стали уже многочисленные в начале 20 в. рестораны, претендовавшие на более высокий уровень обслуживания и более высокий класс предоставляемых развлечений.

Хотя для провинциальных городов начала 20 века была характерна деревянная застройка и преобладание одноэтажных строений, внешний облик улиц с постоянно увеличивавшейся этажностью зданий дополняла крикливо оформленная реклама. В это время в быту горожан прочно закрепились такие понятия как «квартира», «сдача жилья внаем», «доходный дом». Частые пожары в городах привели к постройкам брандмауэров. Это были каменные стены без окон, возводившиеся между домами с целью избежать распространения пожара. Фрагменты некоторых из них еще даже сегодня можно заметить при сносе ветхих домов в старой части городов. При возведении городской усадьбы строили флигели, мезонины. Известно о наличии в некоторых городах Могилевской губернии ночлежек (например, в Гомеле и др.).

Прочно вошедшими в повседневность и практически неизменными в частной жизни горожан оставались набор продуктов питания, предметов для ухода за домом и др. Большинство вещей бытового обихода перешло из 19 века в 20 век, изменив в некоторых случаях лишь внешнее оформление. Однотипность материальной среды в провинциальных городах диктовалась и схожестью домашних занятий жителей, невысоким уровнем достатка большого числа городских семей. Об интерьерах жилья городского населения известно крайне мало, однако можно предположить, что он насыщался разнообразными предметами; информация о них случайно зафиксирована в разных источниках: рекламе товаров, объявлениях о продаже своего имущества городскими жителями, в описаниях пропавших вещей во время краж и пр. Поскольку стандартизация и унификация быта возрастали, то подобные допущения возможны, так как многие предметы в городской среде уже не производились своими руками, а приобре-

тались в готовом виде. До нашего времени сохранились разрозненные указания на оснащение и украшение комнат, имевших в изучаемую эпоху шторами, покрывалами, модной мебелью.

В уездных городах Могилевской губернии, и тем более в губернском центре, в начале 20 в. существенно расширился спектр вещей бытового назначения. Об этом можно составить впечатление на основе обобщения данных о продаже таких предметов местными магазинами, выписке их по почте и т.д. Показательную для каждой исторической эпохи часть материальной культуры формируют продукты питания. Применительно к началу 20 в. известны случаи фальсификации продуктов питания и факты недовольства обывателей городов Могилевской губернии по поводу низкого качества выпекаемого хлеба, разведения водой молока и др. В городах губернии торговали постным маслом, мукой, сахаром, рыбой, салом и свиной, молочными продуктами и маслом, булками, баранками, колбасами. Была развита пряничная и конфетная торговля, продажа фруктов, различных напитков, табачных изделий. Зачастую в одной лавочке можно было приобрести разные виды товара, например, как указывал современник, в Гомеле в лавчонке на улице Речицкой «можно достать все от дегтя до сельтерской воды, кваса «фиалки» и «монпансье» [24, с. 2] Горожане приобретали изделия из меха, кожи, холст, готовое платье, дамские и мужские шляпы, часы, золотые и серебряные изделия, а также мебель, глиняную, эмалированную, деревянную посуду, матрасы, картины, книги, музыкальные принадлежности, аптекарские и парфюмерные товары. Существовали мастерские не только по изготовлению, но и ремонту вещей. Так, с 1 июля 1914 г. в том же Гомеле по Базарной улице начала действовать специальная обувная мастерская Н.Я. Хавина, где принимались заказы на детскую, женскую, мужскую обувь, по сообщению рекламы, «как изящной работы, так и крестьянской» [25, с. 4]. При выборе товаров все большую роль начинает играть, кроме качества вещей, еще и понятие престижности, влияние моды. Например, мода на восточную тематику и вещам, соответственно стилизованным, привела к открытию в ряде уездных городов, в том числе в Гомеле, на улице Замковой, 71, магазинов по торговле «всевозможными японскими изделиями». Гомельчанам предлагались роскошные ширмы, чайники, художественные вазы «сацума», шелковые, бумажные, пальмовые и плетеные веера, изящные фигуры, лакированные шкатулки, искусственные букеты работы японок, а также японские бумажные салфетки, духи, зубной порошок, мыло, детские игрушки и пр. [26, с. 4] Для обустройства и ремонта дома горожанам поставлялись оконные рамы, краски, обои, известь, кирпич, изразцы, железные и скобяные изделия. Торговали мылом, дегтем, семенами, керосином, старьем и тряпьем. В быт городских жителей постепенно входили разнообразные технические приспособления.

Технический прогресс привел к появлению в сфере услуг и развлечений горожанина некоторых новинок. Благодаря ему в города постепенно проникает телеграфная и телефонная связь, новые виды покрытия улиц, принципиально другое освещение (электрическое), на дорогах встречаются велосипедисты, реже — появляются проезжавшие через город автомобили. Новые веяния проникли в сферу развлечений, например, можно отметить появление новой аппаратуры для создания и просмотра кинолент, что создало условия для открытия кинематографов. Прослушивание музыки стало возможным не только с помощью «живых звуков» (все большую распространение получили пианино, гитары и другие музыкальные инструменты), но и с использованием граммофона — механического прибора для воспроизведения звука, записанного на граммпластинку. Граммофоны привозились из-за границы, чаще из Германии, а на пластинки записывались городские песни, романсы, популярные арии из оперетт. Вместе с тем сохранялись известные ранее, в 19 в., музыкальные инструменты (фортепьяно, скрипка, виолончель). Изредка на страницы местных газет попадали упоминания о шарманщике, который имел большой ящик на подставке, последний с помощью вращения рукоятки механическим способом воспроизводил звуки мелодии популярных песен. Стремительно входили в жизнь горожан фотоателье. Типичным для обстановки фотоателье было размещение на невысоком подиуме рисованного задника с декоративными колоннами, пышными драпировками, вазонами, а также креслами и столиками для позировавших клиентов. Съемка была довольно доступной для разных социальных слоев. Выставлять фотографии напоказ в гостиных, кабинетах стало модной тенденцией для изучаемого времени [8, с. 832–833].

Возраставшая популярность занятий спортом вызвала к жизни появление в городах новых объектов, например, велотреков, и приобретение горожанами специального оборудования – футбол, лаун-теннис, крикет, крокет. Они пользовались симпатиями и в городе, и при выезде горожан на дачи, куда отправлялись с мебелью, посудой и где часто использовался труд прислуги. Купание в реке происходило в специальных купальнях, которые сооружались отдельно для женщин и мужчин. Стали популяризировать кремы от загара, ношение легких зонтиков, защищавших от солнца и пр.

Выводы. Таким образом, следует констатировать насыщение предметной среды в городах Могилевской губернии в начале 20 в. новыми вещами, но основной пласт материальной культуры горожан в изученный отрезок времени оставался неизменным. Это было обусловлено рядом факторов: во-первых, производство товаров и их потребление определялось уровнем экономического развития региона в целом, что, как следствие, не предполагало быстрого и масштабного замещения одних видов предметов бытового пользования другими; во-вторых, мобильность большинства провинциальных городских жителей оставалась невысокой, и поэтому проникновение новаций как результат заимствования сводилось к минимуму; в-третьих, основной массив населения составляло небогатое мещанство, в силу недостаточной имущественной обеспеченности и информированности оно было мало восприимчиво к новациям. Кроме того, в малых городах часть жителей сохраняла наполовину сельский образ жизни, которому свойственна консервативность, и этот уклад был устойчивым в связи с постоянным пополнением городов переселенцами из сельской местности.

Наиболее гибкими к открытиям к включению новых элементов в материальную культуру оказались отдельные сферы городской жизни. Транспортная сфера – при условии прокладки через город новых шоссе и железнодородных линий, активизации сообщения по воде на пароходах и пр. (новыми стали сами транспортные средства и вещи, которые содействовали комфортному пребыванию в них пассажиров). Индивидуальный транспорт дополняется коллективным, при этом роль последнего неуклонно возрастает.

Новационным изменениям подверглась сфера потребления. Об этом свидетельствует расширение сферы покупок продуктов питания, ношения готового платья, приобретение вещей фабричного производства для обустройства домашнего интерьера и др. (мебель, фарфоровая и металлическая посуда, керосиновые лампы, швейные машинки фирмы «Зингер» и др.)

На изученных материалах следует констатировать отличие мира вещей провинциального от столичного быта не только в перечне, но и в качестве предоставляемых услуг. Предметная среда здесь медленнее пополнялась новинками для бытового использования. Так же, как и в крупных центрах, присутствовали явные контрасты в материальной составляющей быта жителей разного имущественного достатка. К общим чертам при сопоставлении жизни горожан Могилевской губернии и крупных городов Российской империи в начале 20 века можно отнести также унификацию быта, пользование одинаковыми вещами. Общим в крупных и малых городах, хотя и пропорционально разным, был сельский компонент в сфере материальной культуры, в изучаемую эпоху горожане еще сохраняют приверженность к отдельным блюдам народной кулинарии, ношению элементов костюма, характерным для традиционной культуры и пр., в большей мере эти явления нашли распространение на городских окраинах. Но и здесь подобные тенденции постепенно угасали, а их поддержание было чаще уделом тех, кто недавно стал обживать городское пространство. Специфику набора вещей жителей разной конфессиональной ориентации восстановить крайне трудно, судя по редким косвенным данным, своеобразие в их предметной среде отмечается за счет предметов религиозного культа – иконы, оклады, лампы у христиан и пр. Единичные предметы, характерные для бытовой культуры городского населения в рассматриваемую эпоху, связывались с профессиональной деятельностью (орудия труда ремесленников и др.). Зато абсолютно достоверно определяется огромная разница в вещественном окружении горожан разного имущественного достатка. Влияние на изменение материальной культуры оказывал технический прогресс. Но степень распространения нововведений отличалась и в уездных городах Могилевской губернии и даже в отдельных частях одного и того же города. На общем фоне, кроме Могилева как губернского города, выделяется Гомель (наличие газовых фонарей, во-

допровода, более разветвленная сфера обслуживания, более разнообразное насыщение товарами и др.), менее отличимы друг от друга по обеспечению вещами бытового пользования и объектами в сфере обслуживания Рогачев, Чаусы, Быхов, Мстиславль, Чериков, Горки, Орша, Климовичи, Сенно.

Практическое использование материалов связано с возможностью обращения к ним в работе в средней общеобразовательной школе на факультативах по отечественной истории и культуре, в воспитательной деятельности с молодежью, а также в просветительной и краеведческой работе учреждений культуры Гомельщины и Могилевщины (музеев, библиотек и пр.), при подготовке в городах региона массовых развлечений при реконструкции местной истории во время празднования дней города и т.д.

### Литература

- 1 Материальная культура. Вып. 3 / Под ред. С.А. Арутюнова (отв. ред.). – М.: Наука, 1989. – 224 с. (серия «Свод этнографических понятий и терминов»).
- 2 Анохина, Л.А. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов / Л.А. Анохина, М.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
- 3 Будина, О.Р. Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР / О.Р. Будина, М.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1989. – 254 с.
- 4 Засосов, Д. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков / Д. Засосов, В. Пызин. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 467 с.
- 5 Руга, В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта начала XX века / В. Руга, А. Кокорев. – М.: АСТ. Астрель, 2010. – 740 с.
- 6 Рынки Петербурга. Конец XIX – начало XX в.: альбом / Под ред. С.А. Козлова. – Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2005. – 120 с.
- 7 Ривош, Я.Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века / Я.Н. Ривош. – М.: Искусство, 1990. – 303 с.
- 8 Беловинский, Л.В. Энциклопедический словарь Российской жизни и истории. XVIII – начало XX в. / Л.В. Беловинский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 912 с.
- 9 Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В.К. Бандарчык [і інш.]; пад рэд. В.К. Бандарчыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 248 с.
- 10 Беларусы: У 12 т. / В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, А.І. Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 1995–2010. – Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё / В.К. Бандарчык [і інш.]. – 2001. – 433 с.
- 11 Беларусы: У 12 т. / В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, А.І. Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 1995–2010. – Т. 2: Дойлідства / А.І. Лакотка. – 1997. – 391 с.
- 12 Маленка, Л.І. Беларускі нацыянальны касцюм / Л.І. Маленка. – Мінск: Ураджай, 2001. – 160 с.
- 13 Шыбека, З.В. Мінск: Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада / З.В. Шыбека, С.Ф. Шыбека. – Мінск: Польша, 1994. – 341 с.
- 14 Яшчанка, А.Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст.: Гісторыка-этнаграфічны нарыс / А.Р. Яшчанка. – Гомель: ГКІ, 1997. – 80 с.
- 15 Яценко, О.Г. Гомель в феврале 1917 года: социально-бытовой аспект (по материалам газеты «Гомельская копейка») / О.Г. Яценко // Беларусь у эпоху рэвалюцыйных узрушэнняў: да 100-годдзя выхаду ў свет газеты «Наша Ніва»: матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 10 ліст. 2006 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: І.І. Багдановіч [і інш.] – Мінск, 2006. – С. 126–128.
- 16 Национальный исторический архив Беларуси [Далее: НИАБ]. – Фонд 2099. – Оп. 1. – Могилевская городская управа.
- 17 НИАБ. – Фонд 2101. – Оп. 1. – Мстиславская городская управа.
- 18 НИАБ. – Фонд 2100. – Оп. 1. – Гомельская городская управа.
- 19 НИАБ. – Фонд 2912. – Оп. 1. – Гомельская городская дума.
- 20 Жудро, Ф.А. Город Гомель. Географическо-статистический очерк / Ф.А. Жудро, И.А. Сербов, Д.Н. Довгялло // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического общества. – Вильна, 1911. – С. 293–353.

21 НИАБ. – Фонд 2099. – Оп. 1. – Д. 295. Переписка о регистрации автомобилей к установлению движения пассажирских автомобилей в г. Могилеве. 1913–1914 гг.

22 НИАБ. – Фонд 2099. – Оп. 1. – Д. 306. Списки владельцев велосипедами и переписка по их регистрации и уплате окладного сбора. 1914 г.

23 НИАБ. – Фонд 2100. – Оп. 1. – Д. 48. Переписка управы с гомельским телефонным предприятием о передаче в собственность города данного предприятия. 1913 г.

24 Гомельская мысль. – 1913. – 18 июня.

25 Гомельская копейка. – 1914. – 19 июля.

26 Гомельская мысль. – 1913. – 21 апр.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 11.01.10

## ФИЛОСОФИЯ

УДК 13 : 316. 647. 5 (476)

### Праблема рэлігійнай талерантнасці ў сучаснай Беларусі

В. А. АДЗІНОЧАНКА

У артыкуле разглядаецца праблема рэлігійнай талерантнасці. Сцвярджаецца, што дасягненне талерантных узаемаадносін паміж людзьмі не з'яўляецца толькі маральным патрабаваннем, але павінна абапірацца на існуючую ў краіне культурную традыцыю, а таксама прававыя нормы. Аналізуецца пытанні наладжвання міжканфесійнага дыялогу на Беларусі. Прыводзяцца статыстычныя дадзеныя і вынікі сацыялагічных даследаванняў, якія характарызуюць сучасную рэлігійную сітуацыю ў краіне. Сцвярджаецца, што ва ўмовах поліканфесійнай Беларусі рэлігійная талерантнасць з'яўляецца неабходнай ўмовай захавання цэласнасці грамадства і яго развіцця.

**Ключавыя словы:** дзяржаўны атеізм, дэкларатывная рэлігійнасць, пераходная сітуацыя, свабода сумлення, талерантнасць.

The article deals with the problem of religious tolerance. It has been stated that tolerant relations between people are not only moral requirement, but they should base both on the cultural tradition, existing in the society, and on law norms. The problems of the inter-confession dialogue development have been analyzed. Statistical data and the results of sociological research have been given, that characterize modern religious situation in the country. It has been stated that in multi-confession Belarus religious tolerance is a necessary condition of the state integrity preservation and its development.

**Keywords:** state atheism, declarative religiousness, transition situation, freedom of consciousness, tolerance.

Спачатку скажам аб шматаспектнасці пазначанай праблемы. Зараз на Беларусі адбываюцца істотныя змены ў розных галінах жыцця, у тым ліку і ў рэлігіі. Таму праблема талерантнасці закранае псіхалагічныя, сацыяльныя, юрыдычныя і іншыя моманты. Мы пастараемся выкласці яе так, каб дасягнуць некаторай паўнаты, магчымай у межах артыкула, і тым самым даць уяўленне аб ёй як аб нейкай цэласнасці.

Нельга не адзначыць актуальнасці (ад лац. *actualis* – *дзеісны*) той праблемы, якая абмяркоўваецца. Мы можам выявіць два аспекты разважанняў аб рэлігійнай талерантнасці, абумоўленыя характарам той сітуацыі, у якой зараз знаходзіцца наша грамадства, а таксама тэндэнцыямі яе развіцця.

Першы – гэта канстатацыя росту колькасці рэлігійных арганізацый. За перыяд з 1988 года яна павялічылася больш як у 4 разы (з 768 да 3162). Для ілюстрацыі рэлігійнага становішча ў краіне прывядзём статыстычныя дадзеныя па колькасці рэлігійных суполак на 1 студзеня 2011 г.:

| Найменне канфесіі                | Усяго па рэспубліцы |
|----------------------------------|---------------------|
| Праваслаўная царква              | 1545                |
| Стараверская царква              | 32                  |
| Рымска-каталіцкая царква         | 475                 |
| Католікі лацінскага абраду       | 1                   |
| Грэка-каталіцкая царква          | 15                  |
| Рэфармацкая царква               | 1                   |
| Лютэранская царква               | 27                  |
| Евангельскія хрысціянне-баптысты | 275                 |
| Іаганская царква                 | 1                   |

|                               |             |
|-------------------------------|-------------|
| Новаапостальская царква       | 21          |
| Прэсвітэрыянская царква       | 1           |
| Хрысціяне веры евангельскай   | 505         |
| Хрысціяне поўнага Евангелля   | 55          |
| Хрысціяне веры апостальскай   | 9           |
| Царква Хрыстова               | 5           |
| Месіянскія суполкі            | 2           |
| Адвентысты сёмага дня         | 72          |
| Сведкі Іеговы                 | 27          |
| Мармоны                       | 4           |
| Іудзейская рэлігія            | 35          |
| Прагрэсіўны іудаізм           | 17          |
| Мусульманская рэлігія         | 24          |
| Бахаі                         | 5           |
| Крышнаіты                     | 6           |
| Армянская апостальская царква | 1           |
| <b>Усяго</b>                  | <b>3162</b> |

Для нашых разважанняў трэба падкрэсліць, што для Беларусі характэрна поліканфесійнасць. Самай вялікай канфесіяй, калі судзіць па колькасці зарэгістраваных суполак, з’яўляецца праваслаўе (1545 суполкі), потым ідуць хрысціяне веры евангельскай (505) і рыма-католікі (475). Але, на наш погляд, колькасць зарэгістраваных суполак той ці іншай канфесіі не з’яўляецца відавочным паказчыкам той ролі, якую яна адыгрывае ў сучаснай рэлігійнай сітуацыі на Беларусі. Пытанне аб колькасці прыхільнікаў той ці іншай канфесіі на Беларусі зараз з’яўляецца даволі спрэчным. Афіцыйна лічыцца, што прыкладна 50% насельніцтва краіны – веруючыя, з іх прыкладна 80% – праваслаўныя, 10% – католікі і 2% – пратэстанты. На наш погляд, тут ідзе супастаўленне розных паказчыкаў, бо падлік адбываецца на падставе самавызначэння чалавека, таго, да якой веры ён сам сябе адносіць. У праваслаўі і пратэстанцтве гэтае аднясенне мае розны сэнс. Як правіла, аднясенне да праваслаўя мае характар не рэлігійнай, а культурнай ідэнтыфікацыі. Чалавек лічыць сябе праваслаўным таму, што ў дзяцінстве быў хрышчоны ў праваслаўнай царкве або ў сілу ўяўленняў, што праваслаўе – “усходнеславянская рэлігія”. Калі ж чалавек заяўляе аб сваёй прыналежнасці да пратэстанцтва, у гэта ўкладваецца зусім іншы сэнс. Як правіла, гэта азначае, што ён рэгулярна наведвае суполку, прымае ўдзел у яе жыцці, вывучае Біблію і суадносіць яе палажэнні са сваімі паводзінамі. Таму, на наш погляд, трэба праводзіць далейшыя даследаванні для аналізу рэальнай рэлігійнай сітуацыі на Беларусі, пра што, дарэчы, пішуць многія даследчыкі. Таксама пры абмеркаванні праблемы талерантнасці неабходна ўлічваць, так бы мовіць, “якаснае адрозненне” паводзін прадстаўнікоў розных канфесій. Напрыклад, у пратэстанцтве ёсць тры асноўныя палажэнні веравучэння, распрацаваныя яшчэ Марцінам Лютэрам у яго палеміцы з каталіцтвам: 1) выратаванне адбываецца толькі праз веру; 2) Біблія з’яўляецца адзінай крыніцай веравучэння; 3) усе веруючыя з’яўляюцца святарамі. Гэтыя палажэнні абумовілі спецыфіку паводзін пратэстантаў у іх стаўленні да людзей іншых поглядаў: 1) яўна выражаная ўпэўненасць у сваіх перакананнях (або імкненне прадэманстраваць яе); 2) імкненне суаднесці свае выказванні са Словам Божым – Бібліяй, аўтарытэт якой для кожнага хрысціяніна з’яўляецца безумоўным; 3) імкненне да місіянерскай дзейнасці. Нават калі яны не займаюцца ёй спецыяльна, пратэстанты актыўна ўступаюць у дыскусіі, распавядаюць аб сваёй веры і імкнуцца далучыць да яе. Усё гэта ўплывае на наладжванне з імі талерантных узаемаадносін. Апрача таго, самі паводзіны пратэстантаў прадугледжваюць магчымасць абмеркавання і свабоднай дыскусіі на конт палажэнняў хрысціянскага веравучэння, а гэта значыць – прастору рэлігійнай талерантнасці. Трэба ўлічваць, што большасць тых пратэстанцкіх кірункаў, якія зараз распаўсюджаны на Беларусі, сфарміраваліся ў ЗША на падставе існуючых там прынцыпаў свабоды веравызнання і рэлігійнай талерантнасці. Таксама гэтыя прынцыпы характэрны



і для Еўропы, менавіта тут яны прашлі доўгую і цяжкую гісторыю фарміравання. І таму ўваходжанне Беларусі ў прастору еўрапейскай культуры прадугледжвае ажыццяўленне прынцыпаў рэлігійнай талерантнасці.

Пераходная сітуацыя, у якой зараз знаходзіцца наша краіна, абумоўлена пачатай у СССР у сярэдзіне 80-х гадоў мінулага стагоддзя так званай перабудовай, абвяшчэннем у 1991 годзе дзяржаўнай незалежнасці Беларусі і далейшым развіццём нашай краіны. Адбыліся істотныя змены ў стаўленні да рэлігіі: адмаўленне ад палітыкі дзяржаўнага атэізму і наладжванне дыялогу з рэлігійнымі арганізацыямі.

У сувязі з гэтым адзначым, што нам зараз трэба выпрацоўваць вопыт талерантнасці, магчымасці бесканфліктнага суіснавання людзей з самымі рознымі поглядамі і перакананнямі. Бо савецкае грамадства не было талерантным прынцыпова, у ім абвяшчаўся тэзіс, што немагчыма “мірнае існаванне” ў ідэалагічнай сферы. У галіне рэлігіі ў СССР паслядоўна праводзілася атэістычная палітыка. Фармальна абвяшчалася свабода сумлення, але яна мела чыста дэкларатыўны характар і на самой справе жорстка падаўлялася. Улады разглядалі рэлігію не проста як “перажытак мінулага” і “опіум народа”, але і як “адзіную легальна існуючую ў СССР антыкамуністычную ідэалогію”, з якой неабходна было змагацца.

У апошні час у нашым грамадстве сітуацыя паступова мяняецца. Адбыліся не толькі змены ў заканадаўстве, але і ў рэальным стаўленні ўладаў да веруючых. Зараз людзі могуць адкрыта заявіць аб сваіх рэлігійных поглядах і пры гэтым не баяцца рэпрэсій з боку ўлад. Змяніліся і адносіны да веруючых у грамадстве, на іх ужо не глядзяць як на людзей “несучасных”, “адсталых” і тым больш “фанатыкаў”.

Трэба адзначыць, што пералом у стаўленні да рэлігіі ў часы перабудовы меў перш за ўсё палітычныя прычыны. Шмат якія аўтары звязваюць яго з тым, што страціла сваё жыццёвае значэнне камуністычная ідэалогія і на яе месца прыйшла рэлігійная.

Згодна з сацыялагічнымі апытаннямі, напярэдадні распаду Савецкага Саюза да ліку няверуючых адносіла сябе каля 65% насельніцтва рэспублікі, а ў 1998 – 25,4%, гэта значыць, амаль у 2,5 разы менш. За гэты ж час амаль удвая вырасла катэгорыя тых, хто лічыць сябе веруючым – з 22 да 37,5%. Аднак гэтыя лічбы не павінны ўводзіць у зман – як паказваюць сацыялагічныя даследаванні, рэлігійнасць жыхароў Беларусі мае пераважна дэкларатыўны характар: веруючымі называюць сябе прыкладна 50% насельніцтва, у той час рэгулярна наведваюць храмы і выконваюць прадпісанні сваёй рэлігіі не больш 7% насельніцтва. Аднак модным зрабілася дэманстраваць сваю рэлігійнасць. Асабліва распаўсюджанай гэтая мода была ў 90-я гады мінулага стагоддзя, калі на хвалі перабудовы імкнуліся адмовіцца ад усяго савецкага і звярнуцца да іншых каштоўнасцей. У рэлігійнай сферы зараз пануе неакрэсленая духоўнасць, лічыцца, што трэба ў нешта верыць. Большасць беларусаў атаясамлівае сябе з праваслаўем, але размова ў дадзеным выпадку ідзе не аб рэлігійнай, а аб культурнай ідэнтыфікацыі – чалавек заяўляе аб сваёй прыналежнасці да акрэсленай традыцыі. За гады Савецкай улады ў большасці людзей было страчана само разуменне таго, што такое рэлігія. Яна зводзілася, па-першае, да выканання традыцыйных абрадаў (як прыклад: амаль 100% насельніцтва Беларусі і пры камуністах святкавала Пасху) і, па-другое, да сродку суцяшэння чалавека ў яго бедах. Вельмі часта рэакцыяй людзей на змены пачатку 90-х гадоў, якія разбурылі звыклы лад іх жыцця, быў зварот да рэлігіі.

Як паказалі сацыялагічныя даследаванні, прыкладна палова насельніцтва верыць у варажбу, сурокі і г.д., прычым у гэта ж верыць і больш паловы людзей, якія лічаць сябе веруючымі. Цікава, што ў гэтыя і падобныя ім рэчы верыць і значная частка людзей, якія лічаць сябе няверуючымі. Да гэтага дадаюцца рэшткі вельмі моцнай язычніцкай традыцыі, якая існавала на Беларусі. Напрыклад, значная частка насельніцтва зараз святкуе праваслаўную Радуніцу. Але па тым, як гэта робіцца, можна зрабіць вывад, што гэта – былыя Вясеннія Дзяды (“дзядамі” на Беларусі называюць духаў памёрлых продкаў). Людзі ідуць на могількі, ядуць там і п’юць і частку ежы і пітва пакідаюць на магілах. Гэта чыста язычніцкі звычай кармлення “дзядоў”. Яго рэлігійны сэнс большасць людзей зараз не асэнсоўвае, гэта ўспрымаецца як традыцыя. Але, безумоўна, што такія дзеянні знаходзяцца па-за межамі хрысціянства.

Шмат якія даследчыкі пішуць аб “эфекце ківача” ў развіцці стаўлення да рэлігіі ў постсавецкіх краінах – ад дэкларатыўнага масавага атэізму да дэкларатыўнай рэлігійнасці. Гэта ж назіраецца і ў разуменні талерантнасці, яна разглядаецца як, безумоўна, станоўчая якасць чалавека і грамадства. І вельмі часта гэтыя разважанні маюць чыста абстрактны характар. За імі не стаяць ні асэнсаванне наяўнай рэлігійнай сітуацыі ў краіне, ні рэальныя паводзіны тых, хто разважае. Больш таго, мы можам казаць аб з’яўленні ў апошнія часы “рэпрэсіўнай талерантнасці” (выраз Г. Маркузе), калі любая акрэсленасць поглядаў і палеміка разглядаюцца як праява неталерантнасці. Для нас гэта абцяжарваецца яшчэ і тым, што, калі кажуць аб талерантнасці, вельмі часта выкарыстоўваюцца схемы разважанняў, распрацаваныя зусім у іншых культурных умовах без якой-небудзь спробы суаднесці іх з рэальнай сітуацыяй ні той культуры, з якой яны былі запазычаны, ні беларускай. І таму гэтыя разважанні – як іншароднае цела ў нашай грамадскай свядомасці, яны дэскрэдытуюць самую ідэю талерантнасці, бо з-за сваёй дэкларатыўнасці не даюць магчымасці наладзіць дыялог паміж прыхільнікамі розных поглядаў і заводзяць у тупік. І таму вельмі важным для нас з’яўляецца абмеркаванне, якое зараз адбываецца ў Еўропе, вынікаў палітыкі мультыкультуралізму, накіраванай на захаванне ў асобнай краіне і свеце ў цэлым культурных адрозненняў. У апошнія часы ў выступленнях кіраўнікоў вядучых еўрапейскіх дзяржаў было адзначана, што гэтая палітыка не дала плёну і раз’ядноўвае грамадства. Зараз у Еўропе назіраецца імкненне перайсці ад абстрактных разважанняў да ўліку рэальнай культурнай традыцыі той ці іншай краіны.

Усё тое, што сказана вышэй, не адмяняе самой неабходнасці развіцця талерантнасці на Беларусі, але патрабуе перавесці дыскусію на глебу нашай сацыяльнай і культурнай рэчаіснасці. Гэта – другі аспект разважанняў аб праблеме рэлігійнай талерантнасці ў сучаснай Беларусі, на які мы хацелі б звярнуць увагу.

У псіхалагічным плане “талерантнасць” і “нецяярпімасць” азначаюць супрацьлеглыя ўстаноўкі на ўспрыманне “іншасці” іншага. Безумоўна, талерантнасць з’яўляецца неабходнай умовай існавання сучаснага грамадства, для якога характэрны плюралізм поглядаў і паводзін.

Але пры разважаннях аб талерантнасці, у прыватнасці, аб талерантнасці ў нашай краіне, мы хацелі б зрабіць націск не на маралізаванне (“трэба быць талерантнымі”), а на праблематызацыю (грэч. *problema* – *задача, цяжкасць, перашкода*), каб чалавек канкрэтызаваў для сябе, што такое талерантнасць, звязаў яе са сваім жыццём і тым самым адчуў, якія намаганні яму трэба зрабіць, каб быць талерантным. Бо гэтыя намаганні неабходныя. Не так лёгка суіснаваць побач з чалавекам, чые погляды і ўчынкі выклікаюць пачуццё непрымання. Фармальным спосабам паводзін, пры дапамозе якога можна супрацьстаяць неталерантнасці, з’яўляецца элементарная ветлівасць – здольнасць з павагай і тактоўнасцю ўзаемадзеінічаць з людзьмі, гатоўнасць успрыняць іх меркаванні і выслухаць супрацьлеглыя пункты погляду. Але ветлівасць мае, па-першае, свае падставы і, па-другое, свае межы. І менавіта таму талерантнасць з’яўляецца праблематычнай, бо для чалавека характэрна настойваць на сваіх перакананнях і лічыць іх правільнымі (інакш ён бы іх не прытрымліваўся). Апрача таго, у сваіх паводзінах людзі заўсёды ствараюць адзін аднаму праблемы, і кожны, як правіла, лічыць, што яны створаны іншымі, а не ім.

Але ўзаемадзеянне паміж прыхільнікамі розных рэлігійных (або антырэлігійных) поглядаў – вельмі праблематычная сфера, у якой найбольш верагодна праяўленне нецяярпімасці. Рэлігія грунтуецца на веры ў звышнатуральнае – тое, што мае для чалавека найбольшую каштоўнасць і на што ён абаянаецца ў сваім жыцці. Таму разыходжанні паміж прадстаўнікамі розных рэлігійных поглядаў маюць для іх прынцыповы характар. Гісторыя сведчыць, што праявы неталерантнасці часцей за ўсё адбываліся менавіта на рэлігійнай глебе, напрыклад, такое жадлівае пакаранне, як спальванне, ужывалася пераважна да тых, каго лічылі ерэтыкамі.

Зараз у нашай грамадскай свядомасці талерантнасці надаецца статус адной з асноўных рыс нацыянальнага характару. Пішуць аб “талерантным беларусе” і тлумачаць гэта тым, што Беларусь доўгі час была паміж Усходам і Захадам, таму тут суіснавалі прыхільнікі розных поглядаў. Шмат у чым гэта так. Трэба падкрэсліць, што Беларусь – гэта традыцыйна поліканфесійная дзяржава, на яе тэрыторыі мірна жылі прадстаўнікі самых розных рэлігій. У нас не было сур’ёзных сутыкненняў, а таксама праследаванняў на рэлігійнай глебе. Для беларусаў

была характэрна верацярпімасць. У Статуце Вялікага княства Літоўскага 1588 года было запісана: «А таксама прывілеем, прысягаю нашай вырашана мір паміж рознымі рэлігіямі бярэгчы... А ў сувязі з тым, што ў Рэчы Паспалітай існуе не малая розніца ў адносінах веры хрысціянскай, папярэджваючы тое, каб па гэтай прычыне паміж людзьмі сутыкненні якія-небудзь шкодныя не пачаліся, якія ў іншых каралеўствах ясна бачым, абяцаем тое сабе сумесна за нас і за нашчадкаў нашых на вечныя часы пад абавязкам прысягі, пад вераю, гонарам і сумленнем нашым, што мы, якія з’яўляемся рознымі ў веры, мір паміж сабой захоўваць, а ў сувязі з рознасцю ў веры і з адрозненнем у цэрквах крыві не праліваць...» [4, с. 112–113].

Але зараз, і гэта адзначаюць шмат якія аўтары, беларусам трэба выходзіць са стану “памежнасці”, асэнсоўваць сваю культурную і гістарычную спецыфіку і менавіта на гэтай глебе будаваць, у прыватнасці, талерантныя узаемаадносіны паміж рознымі канфесіямі.

У перакладзе *талерантнасць* азначае *цярпімасць* (ад лац. *tolerantia* – *цярпенне*). Яе вызначаюць як цярпімасць да іншых поглядаў, вераванняў, паводзін. Але, на нашу думку, пры пабудове ўзаемаадносін паміж людзьмі з рознымі поглядамі не зусім адэкватным з’яўляецца націск менавіта на пачуццё цярпімасці. Неабходна падстава, абапіраючыся на якую, можна знаходзіцца побач з тымі, з кім нязгодны.

Талерантнасць можа разумецца, па-першае, фармальна, як вынік абыхавасці да сутнасці іншых поглядаў, якая праяўляецца у рэлігійызме: лічыцца, што любыя погляды з’яўляюцца суб’ектыўнымі і менавіта таму раўнапраўнымі. Але трэба сказаць, што гэтая пазіцыя з’яўляецца сведчаннем нежадання абмяркоўваць існуючыя праблемы, а таксама імкнення прадэманстраваць “шырыню сваіх поглядаў”. Як правіла, людзі з такой устаноўкай, калі яны сутыкаюцца з выказваннямі і паводзінамі, якія закранаюць іх інтарэсы, дэманструюць вельмі моцную нецярпімасць. Па-другое, талерантнасць можа разумецца змястоўна. Для талерантнага ў гэтым сэнсе чалавека і грамадства характэрна ўпэўненасць у правільнасці сваіх поглядаў, у сукупнасць якіх уваходзіць таксама перакананне, што трэба быць цярпімым да іншых поглядаў і паводзін. Такая пазіцыя не выключае плюралізму думак, але таксама сцвярджаецца, што любыя ідэі павінны абмяркоўвацца і ацэньвацца. Але тады некаторыя погляды і спосабы паводзін могуць быць непрынятymi.

Як прыклад першага тыпу талерантнасці мы можам прывесці пазіцыю так званых нетрадыцыйных рэлігій. Гэта рэлігіі, якія ўзніклі ў XX стагоддзі ў Заходняй Еўропе і Паўночнай Амерыцы і ў якіх робіцца націск на тое, што “традыцыйныя рэлігіі” (хрысціянства, іслам, будызм і інш.) былі абмежаванымі ў сваіх веравучэннях і не адпавядаюць сучасным умовам, а трэба мець погляды, якія аб’ядноўваюць у сабе ўсё тое лепшае, што напярэдавала чалавецтва. Знешне прыхільнікі гэтых рэлігій дэманструюць поўную павагу да іншых рэлігійных поглядаў і толькі прапануюць адмовіцца ад “абмежаванасці”, але аснова іх веравучэння мае вельмі канкрэтны характар (як правіла, гэта запазычаная з індуізму вучэнне аб аватарах – розных праявах Боства). Як толькі пачынаеш на гэта ўказваць і не згаджацца з імі, яны дэманструюць надзвычай моцную ступень неталерантнасці. Тлумачыцца гэта тым, што ў гэтых рэлігіях адсутнічае распрацаванае вучэнне аб стаўленні да людзей, якія не прымаюць твае погляды.

Нам трэба падкрэсліць, што тое, што мы называем талерантнасцю, – гэта прадукт менавіта еўрапейскай культуры, і выпрацавана яна шмат ў чым на падставе хрысціянства.

Мы можам сказаць пра некаторыя палажэнні хрысціянства, абапіраючыся на якія, фарміруецца талерантнасць. Першае – гэта ідэя любові да іншага чалавека як асноўная якасць хрысціяніна: “Вы чулі, што сказана: любі блізкага твайго і ненавідзь ворага твайго. А Я кажу вам: любіце ворагаў ваших, слаўце тых, хто праклінае вас, рабіце дабро тым, хто ненавідзіць вас і маліцеся за тых, хто крыўдзіць вас і пераследуе вас” (Мц. 5, 43–44). Другое – гэта асуджэнне фарызейства (пад фарызеямі разумеюцца людзі, якія лічылі сябе “праведнымі” і на гэтай падставе асуджалі іншых): “Двое людзей увайшлі ў храм памаліцца: адзін фарызей, а другі мытнік. Фарызей, стоячы, гэтак маліўся ў сабе: “Божа, дзякую табе, што я не такі, як другія людзі, рабаўнікі, крыўдзіцелі, чужаложцы, або як гэты мытнік. Пашчуся два разы ў тыдзень; даю дзесяціну з усяго, што прыдбаю. Мытнік жа, стаўшы здалёк, не адважыўся нават вачэй падняць на неба; але, б’ючы сябе ў грудзі, казаў: “Божа, будзь міласцівы да мяне, грэшніка!”. Кажу вам, што гэты пайшоў у дом свой апраўданым больш, чым той” (Лк. 18, 10–14).

Шмат якія аўтары пішуць, што пры ўзаемадзеянні паміж рознымі рэлігійнымі накірункамі трэба рабіць націск не на кансэнсус, а на кампраміс. Бо веравучэнне розных рэлігійных накірункаў мае несумяшчальныя паміж сабой палажэнні, напрыклад, у католікаў і пратэстантаў, гэта стаўленне да Дзевы Марыі і святых. Але і кампраміс, на наш погляд, з'яўляецца недастатковай падставай для талерантнасці. Больш трывалым будзе паглыбленне ў сваю веру і менавіта адсюль успрыманне веруючых, якія належаць да іншых рэлігій. Як прыклад, мы прывядзем пазіцыю такога арыгінальнага і глыбокага рускага мысліўцы, як Канстанцін Лявонцьеў (1831–1891). Ён абвяшчаў сябе паслядоўна праваслаўным чалавекам і сваё жыццё закончыў у манастыры. Але лічыў вельмі карысным для праваслаўных вопыт католікаў, якія «людзі моцныя, перакананыя, упартыя, якія і нам могуць служыць добрым прыкладам» [3, с. 311]. Можна прывесці і шмат іншых выказванняў (праваслаўных, католікаў, пратэстантаў, мусульман), у якіх дэманструецца павага да прыхільнікаў іншых рэлігій за іх адданасць сваёй веры.

Трэба таксама адзначыць, што хаця рэлігійная сітуацыя ў сучаснай Беларусі мае свае праблемы, але ў цэлым для яе характэрна мірнае суіснаванне прадстаўнікоў розных канфесій, а таксама наяўнасць міжрэлігійнага дыялогу. Яго асноўным ініцыятарам зараз з'яўляецца праваслаўная царква. На ўзроўні рэспубліканскага кіраўніцтва наладжаны вельмі добрыя ўзаемаадносіны паміж праваслаўнымі і католікамі, ідзе ўзаемадзеянне з евангельскімі хрысціянамі-баптыстамі, праведзены вельмі прадстаўнічыя канферэнцыі па пытаннях дыялогу з мусульманамі і іудзеямі.

Але, на наш погляд, талерантнасць у сучасным грамадстве Беларусі павінна будавацца не на рэлігійнай аснове, бо рэлігія для гэтага не прызначана. Павінна быць свецкая аснова, а канкрэтна, дакладна распрацаваная прававая база, якая б забяспечвала ў краіне права на розныя погляды, больш канкрэтна – на свабоду сумлення. Заканадаўства Беларусі зараз гэта забяспечвае. У артыкуле 16 Канстытуцыі напісана: “Рэлігіі і веравызнанні роўныя перад законам”. Аб гэтым жа кажа закон “Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях”: “Рэлігіі і веравызнанні роўныя перад законам. Ідэалогія рэлігійных арганізацый не можа ўстанаўлівацца ў якасці абавязковай для грамадзян” (Арт. 6), “Грамадзяне роўныя перад законам незалежна ад іх стаўлення да рэлігіі. У афіцыйных дакументах стаўленне грамадзяніна да рэлігіі не ўказваецца, апроча выпадкаў, калі гэтага жадае сам грамадзянін. Перашкода ажыццяўленню правоў на свабоду сумлення і веравызнання, а таксама ўстанаўленне якіх-небудзь пераваг або абмежаванняў правоў грамадзян у залежнасці ад іх стаўлення да рэлігіі не дапускаецца і праследуецца па закону” (Арт. 7).

У заключэнне адзначым наступнае. Талерантнасць – гэта жыццёвая пазіцыя (як індывіда, так і грамадства), і яна павінна быць вырацавана на нейкіх падставах. Яна не самакаштоўная, і яе трэба суадносіць з іншымі патрабаваннямі, напрыклад, з правам абмяркоўваць любыя рэлігійныя або палітычныя погляды і не прымаць іх (быць да іх нецярпімымі). Рэлігійная талерантнасць не можа існаваць проста як патрабаванне, яна павінна мець “анталагічны базіс”, абапірацца на прававыя нормы, культурную традыцыю і рэальныя ўзаемаадносіны паміж рознымі канфесіямі ў грамадстве.

Трэба адзначыць, што талерантнасць з'яўляецца спосабам пераадолення нецярпімасці і варожасці паміж прыхільнікамі розных поглядаў і паводзін. Яна ўзнікае ў сітуацыі дыялогу, які павінен ажыццяўляцца. Яго аснова – імкненне высветліць пункт погляду іншага чалавека, застаючыся пры гэтым пры сваіх перакананнях, але суадносячы іх з перакананнямі іншых людзей. У сферы ўзаемадзеяння паміж рознымі канфесіямі ёсць праблемы з наладжваннем дыялогу. Бо прадстаўнікі некаторых рэлігійных арганізацый проста прапаведуюць свой пункт погляду, не жадаючы слухаць іншых.

Таксама мы звяртаем увагу на тое, што, кажучы аб узаемадзеянні паміж канфесіямі, трэба выходзіць менавіта са спецыфікі беларускай сітуацыі. Бо ёсць небяспека выкарыстання схем разважання, створаных на падставе аналізу сітуацыі ў іншых краінах. Напрыклад, адной з актуальных тэмаў разважанняў зараз з'яўляецца праблема “ісламскага тэрарызму”. Але трэба падкрэсліць, што само яе ўзнікненне абумоўлена падзеямі, якія адбываюцца за тысячы кіламетраў ад Беларусі і ніякага дачынення да нас не маюць. Мусульмане з'явіліся на нашых

землях у пачатку XIV стагоддзя, мірна тут жылі, дэманстравалі патрыятычную пазіцыю і ўнеслі свой уклад у развіццё беларускай культуры. Цяперашняе кіраўніцтва аб'яднання мусульман неаднаразова падкрэслівала сваю павагу да іншых рэлігій і непрыманне гвалтоўных паводзін ва ўзаемаадносінах паміж людзьмі розных поглядаў.

Разважаючы аб рэлігійнай талерантнасці і міжканфесійным дыялогу, трэба памятаць, што большасць тых рэлігій, якія зараз ёсць на нашых землях, дзейнічаюць тут даўно і не з'яўляюцца нечым іншародным для нашай культуры і грамадства. Наладжванне талерантных узаемаадносін паміж прыхільнікамі розных канфесій, якія існуюць зараз на Беларусі, з'яўляецца адной з асноў стабільнасці краіны і яе далейшага развіцця.

### Літаратура

- 1 Закон “Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях”: закон Рэспублікі Беларусь. – Мінск: Беларусь, 1996. – 23 с.
- 2 Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь (са змяненнямі і дапаўненнямі). – Мінск: Беларусь, 2004. – 95 с.
- 3 Леонтьев, К.Н. Православие и католицизм в Польше / К.Н. Леонтьев // Записки отшельника / Сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. – М.: Русская книга, 1992. – С. 305–318.
- 4 Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцикл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 17.01.10

## Социум как единство материального и духовного

В. Н. КАЛЫКОВ

Показано, что история человека и общества начиналась не только с изготовления и применения орудий труда, но и с выработки интеллекта, а социум представляет собой материально-духовную реальность.

**Ключевые слова:** духовное, интеллект, информация, культуризация общества, материальное.

The article shows that the history of mankind and society started not only with the production and use of instruments of labor, but with the intellect development, and that socium in fact material-spiritual reality.

**Keywords:** spiritual, intellect, information, society culturalization, material.

В классической форме проблему соотношения материального и духовного выразили Г. Гегель, Л. Фейербах и Ф. Энгельс. По определению Гегеля, философия распадается на две основные формы разрешения противоположностей между бытием и мышлением – «реалистическую» и «идеалистическую». Вся история философии, считал Фейербах, вращается вокруг вопроса об отношении духовного к материальному. «Как мышление относится к бытию, как логика относится к природе?» – спрашивал философ. И отвечал: «Не было бы природы, никогда логика... не произвела бы ее из себя» [1, с. 243]. «Великий основной вопрос всей... философии, – отмечал Энгельс, – есть вопрос об отношении мышления к бытию». Важнейшее его содержание составляет альтернатива: «...что является первичным: дух или природа...» [2, с. 282–283]. Последующая философия неоднократно обращалась к универсальной философской проблеме. Например, Н.А. Бердяев писал: «Не природа создается нашим ограниченным разумом, а ... разум (с законами логики) создается... состоянием природы... Логика есть приспособление мышления к бытию» [3, с. 60]. Заметим: бытие не только материально, но включает в себя духовное, а материальное не тождественно природе.

Корни материализма уходят в адекватное отражение действительности на основе развивающейся практики, обобщения достижений техники и науки.

Идеализм также не случаен и опирается на определенные основания:

- отрыв познания от материи, абсолютизация отдельных сторон мыслительного процесса, преувеличение активной роли мышления;
- на заре человеческой истории относительно низкий уровень знаний обуславливал приписывание сверхъестественных идеальных свойств непонятым явлениям природы (где были замечены гармония, порядок и закономерность) и общества;
- уходящие с исторической арены господствующие классы и группы, чтобы сохранить свои привилегии, были заинтересованы в иллюзорном, скрывающем истинные материальные факторы, отражении действительности.

Помимо негативных, идеализм имеет и позитивные корни. Он «оправдан» в связи с тем, что по мере усложнения общественной жизни в деятельности человека возрастает роль духовных компонентов – психики, интеллекта, сознания и бессознательного. Идеальное есть не просто духовное, воображаемое, оно существует как материализация человеком замыслов, участвует и присутствует во всем, что человек делает разумно.

Люди столкнулись со средой, которая неадекватна их телесности, и содержанием познания стало непосредственно неоощуемое. Идеалистическое признание бестелесных феноменов предвосхищало научное разграничение вещества и поля, стимулировало развитие науки и искусства, ныне оно оценивается как смыслообразующая основа современной постиндустриальной цивилизации. В основе информационного общества лежат два взаимосвязанных процесса: революция, вызванная лавинообразным ростом информации (основа роста духовности социума), и революция в информационно-кибернетической технике и техноло-

гии как материальной основе движения информации. Развитие цивилизации и культуры (в последней имеются материальная и духовная стороны) – основа для усиления позиций как диалектического материализма, так и идеализма.

Противопоставление материального и духовного относительно. И.В. Гете полагал, что каждому возрасту человека соответствует та или иная позиция. Ребенок является реалистом (материалистом – В.К.): он убежден в существовании, например, груш и яблок. Юноша, забегая со своим чувством вперед, превращается в идеалиста. Напротив, у зрелого мужчины имеются все основания стать скептиком (т.е. отойти от идеализма – В.К.). Старик же тяготеет к мистицизму (идеализму – В.К.).

О возможности взаимного превращения материального и идеального писал В.И. Ленин: «Мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важная для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды» [4, с. 104]. Сознание способно столь активно (созидательно и пагубно) воздействовать на материальный мир, что о его вторичности можно говорить лишь в генетическом, историческом плане. Соединяя в себе оба бытийных начала (материальное и духовное), человек способен одухотворять косную материю во все более грандиозных масштабах.

Термин «материя» впервые встречается у античных философов (Платон, Аристотель). Понятие же материи первыми давали французские материалисты XVIII в. П. Гольбах полагал, что «материя... есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства» [5, с. 84]. Ж.-Ж. Руссо материей называл все, что человек сознает вне себя и что действует на его чувства. Было положено начало гносеологическому этапу в понимании материи, пришедшему на смену наглядно-чувственным представлениям и этапу, где материя отождествлялась с атомами. Г.В. Плеханов в статье «Трусливый идеализм» определял материю как «то (в «себе» сущее), что опосредственно, или непосредственно, действует, или, при известных обстоятельствах, может действовать на наши внешние чувства» [6, с. 469]. Мысль об опосредованной возможности действовать на человеческие чувства оказалась плодотворной: наука XX в. продемонстрировала, что имеется слой реальности непосредственно ненаблюдаемых объектов (например, кварки, глюоны, суперструктуры и т.д.).

На основании анализа кризиса в философском осмыслении новых открытий и достижений в физике на рубеже XIX–XX вв. В.И. Ленин дал свое определение материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [7, с. 131]. Конечно, источником формирования понятия «материя» следует считать не только ощущения, а познание как единство чувственного и рационального, мировоззрение человека в целом. Ведь большая часть размерностей универсума очень мала или бесконечно велика, и мы не можем их ощутить, не можем, например, «почувствовать» волновые свойства микрообъектов.

Комментируя ленинское определение понятия материи, Т.И. Ойзерман отмечает: «Понятие материи как чувственно-воспринимаемой объективной реальности, независимой от сознания и воли людей, принципиально неприменимо к категории материалистического понимания истории. Производительные силы и производственные отношения создаются людьми, их объективность носит субъект-объектный характер, т.е. они частью независимы, а частью зависимы от человеческой деятельности» [8, с. 18]. Не только производительные силы и производственные отношения, а все социальные явления объективны и субъективны, материальны и духовны. Итак, ленинское понятие материи, по замыслу являясь абстрактно-всеобщим, не охватывает всего многообразия форм ее существования. Это понятие материи в большей степени применимо к естественной природной реальности (последняя существует вне и независимо от сознания) и в меньшей – к искусственной, созданной человеком из природной материи социальной реальности, существующей вне сознания, но в зависимости от него как вещественная сила знания. Поскольку человек как единство природного и социального, телесного (материального) и духовного – часть сущего, постольку противопоставление объективной и субъективной реальности, материального и идеального относительно. Идеальное существует как включенное в материальное, в нейрофизиологические структуры и

процессы, в систему знаков, во взаимодействие человека со средой. Идеальное выступает как продукт и форма человеческого труда, преобразования природного материала и общественных отношений.

В контексте общепринятой эволюции появление идеального сознания связано с усложнением форм отражения. У истоков сознания как социокультурного продукта стояла практическая деятельность человека, которая многократно приводила в соответствие манипулирование материальными объектами и их мысленные проекции, выливавшиеся в устойчивые интеллектуальные схемы, логические фигуры. «Переход от действия к слову – символу, а затем к комбинаторике понятий, судя по всему... воспроизводится как на уровне индивидуального развития, так и в истории человечества» [9, с. 308].

Э.В. Ильенков определяющим фактором возникновения и развития сознания считал «функционирование общественно-трудовой деятельности» [10, с. 221]. Философ понимал идеальное как существующее в формах коллективной человеческой деятельности, т.е. как своеобразную объективную реальность по отношению к индивидуальной психике. Согласно Д.И. Дубровскому, стороннику информационного подхода к сознанию, сознание возникает как эмерджентное качество биологической материи, превращаясь в обществе и культуре в самоорганизующуюся систему. Сознание как субъективная реальность динамично (образующие его компоненты и их связи пребывают в постоянном изменении), многомерно (представляет собой единство многих «измерений») и биполярно (есть единство «Я» и «не-Я») [11, с. 63].

Информация реализует способ существования движущейся материи, проявляется в процессе отражения. Трех основным уровням материи – неживой, живой и социальной – соответствуют основные усложняющиеся виды информации: элементарная (спонтанно возникшие информационные связи неорганической природы), биологическая и социальная. Для социальных информационных структур характерно увеличение объема передаваемых сведений, возрастание скорости потока сообщений и их обработки, внедрения в практику, более полное использование обратных связей в процессе управления. «Информация имеет смысл... в ситуации выбора, т.е. в ситуации неопределенности. То, что устраняет неопределенность, и есть информация» [12, с. 66].

Духовный мир человека (его важнейшие составляющие – познавательные способности, способности чувствования и духовные потребности) динамичен. На начальном этапе существования человека когнитивные (познавательные) способности сводились к ощущениям и восприятиям, чувственные способности элементарны (переживание состояний голода, боли, страха, удовольствия и т.п.), потребности преимущественно направлялись на сохранение и продолжение жизни. В дальнейшем более развитыми становятся мышление, знания, язык, появляются сложные эмоции: любовь, ответственность, долг, формируется воля; потребности непрерывно обогащаются и усложняются. Возникают альтруизм, сознание общественного долга, гуманное отношение к природе и другим Я, устремленность человека к культуре, к сфере выбора. Созерцание, мышление, чувствование становятся взаимопроникаемыми, происходит более тесная интеграция когнитивных и чувственных способностей, потребностей, формируются высшие атрибуты человеческой духовности – предельные проблемы, вопрос о смысле бытия и т.п. Потребности ориентированы на сохранение, упрочение и улучшение цивилизации. Духовность отдельной личности диалектически связана с духом эпохи и общества, куда вплетен индивид. Рациональная деятельность включает в себя интеллект, логические операции, расчет и т.п., которые как вписываются в понятие духовности, так и могут вступать в противоречие с ним.

История человека и общества начиналась не только с изготовления и использования орудий труда, но и с выработки интеллекта, духовности. Все переживаемое и творимое человеком содержит духовное: замысел, цель, мотив, интерес или иное побуждение к действию. Духовность выражается в способности человека преодолевать себя «вчерашнего» в процессе обновления и совершенствования. В духовном мире человека сочетаются рациональность и иррациональность, новации и стереотипы, информация и дезинформация, свобода и детерминация, познавательные побуждения и нравственные императивы, целенаправленные уст-



ремления и инстинктивные, а также стихийные порывы, ситуативные настроения и твердые убеждения, сомнение и вера, идеологические установки и психологические архетипы и т.д.

Духовность человека проявляется: а) в уникальности человеческой индивидуальности; б) в сопричастности к универсальности, к целостности природы и культуры. Человек соотнесен с внешним миром и одновременно обособлен от него, осознает самого себя как отдельное существо [13, с. 477]. Метафизический разрыв названных противоположностей, абсолютизирование одной из них ведет то ли к индивидуализму, то ли к растворению индивидуального в общем (от религиозного до политического).

К. Маркс акцентировал внимание на технико-технологическое и экономическое развитие, а М. Вебер – на роль духовных оснований социальной жизни, на ее базисных ценностях. Оба эти подхода, дополняя друг друга, создают необходимую полноту описания общества. «Рассмотрение общества как целостной, исторически развивающейся системы, в которой культурно-исторические коды выполняют роль программ, определяющих тип воспроизводства и функционирования системы, вполне согласуется с исходной установкой марксизма – анализировать общественную жизнь как объективный, естественноисторический процесс» [14, с. 19].

К. Маркс писал о взаимосвязи средств материального производства и средств духовного производства. Помимо материального и духовного элементов воспроизводства социума способ существования и развития человечества (способ воспроизводства общественной жизни) включает в себя функционирование общественных отношений и формирование конкретного типа личности. Материальное производство (система хозяйствования) ориентировано на удовлетворение потребностей людей в питании, одежде, жилище и т.д. Духовное производство отражает реальность и вместе с тем программирует деятельность, дает необходимые знания, формирует ценностные ориентации. Производство общественных отношений обеспечивает определенную организацию взаимодействия в системе «человек – природа – техника». Производство конкретного типа личности ориентировано на формирование человека, соответствующего требованиям общества и способного к саморазвитию.

Духовное органично вплетено в экономическую, социальную и политическую сферы социума. В социокультурной модернизации мировоззренческие установки, жизненные смыслы выступают как программы обновления разнообразных видов деятельности, воспроизводства социальной жизни. Представитель социальной психологии Г. Лебон полагал, что крупные исторические события являются видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей. В.И. Ленин писал, что все противоречия общества проходят через головы людей. Сейчас, помимо представления о философии как науке о всеобщих законах мироздания, общества и познания, все больше утверждается позиция, согласно которой философия представляет собой анализ мировоззренческих или культурных универсалий, а также разработку новых теоретических смыслов, задающих многообразие миров для науки и культуры [15, с. 195–200]. М.К. Мамардашвили сформировал тезис: философия является рефлексией над предельными основаниями культуры. Универсалии культуры раскрывают многие стороны эмоционального, рационального, оценочного восприятия человеком мира, это – квинтэссенция накопленного социального опыта, фиксируют в языке наиболее общие определенности бытия, выявленные развитием познания и практики, обнаруживают себя в материальных и духовных проявлениях.

Вхождение человечества в постиндустриальное общество с его глобальными информационными сетями и технологиями, возрастающая роль образования и самообразования, знаний, публичной, гражданской, духовной сферы, приоритет экологии и гуманизация общественных отношений – все это свидетельства культуризации общества, органического соединения в социуме материального и духовного. Перспективы дальнейшего цивилизационного развития, основанного на знании, зависят от глубоких преобразований всех сторон социального бытия, от обеспечения действенной взаимосвязи науки, образования, культуры и хозяйственной практики.

### Литература

- 1 Фейербах, Л. Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М., 1956. – Т. 1.

- 2 Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – М., 1961. – Т. 21.
- 3 Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М., 1989.
- 4 Ленин, В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 29.
- 5 Гольбах, П. Избранные произведения: в 2 т. / П. Гольбах. – М., 1963. – Т. 1.
- 6 Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. / Г.В. Плеханов. – М., 1957. – Т. 3.
- 7 Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 18.
- 8 Ойзерман, Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2000. – № 3.
- 9 См.: Философия: под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Минск, 2006.
- 10 Философская энциклопедия. – М., 1962.
- 11 См.: Дубровский, Д.И. Информация, сознание, мозг / Д.И. Дубровский. – М., 1980. См. также: Дубровский, Д.И. Основные категориальные планы проблемы сознания / Д.И. Дубровский // Вопросы философии. – 2008. – № 12.
- 12 Науменко, Л.К. Эвристический потенциал диалектической теории мышления / Л.К. Науменко // Вопросы философии. – 2009. – № 6.
- 13 См.: Фромм, Э. Пути из больного общества / Э.Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
- 14 Степин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2006. – № 2.
- 15 См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 4.

## Проблема понимания сущности человека в философской традиции

В. И. ЛУКОВСКИЙ

Изучение сущности человека помогает понять суть его мировоззрения, а тем самым определить механизмы формирования новых мировоззренческих оснований. Специфика философского подхода состоит в том, что в философии человек рассматривается как целостность, человек и мир человека в его основных проявлениях. Анализ проблемы человека показывает, что в настоящее время настоятельной необходимостью становится интеграция естественных, технических и гуманитарных наук.

**Ключевые слова:** антропологический поворот, культура, мировоззрение, смысловые ориентиры, человеческое бытие.

The study of human being essence helps to understand the gist of his world outlook, and by this to define the mechanisms of new outlook bases formation. Peculiarity of a philosophical approach is in the fact that in philosophy a human being is treated as integrity, a human being and his world in its main aspects. Analysis of a human being problem shows that at the present time integration of natural, technical and humanitarian sciences is becoming an urgent necessity.

**Keywords:** anthropological turn, culture, outlook, sense orientators, human existence.

В каждой культуре на конкретном историческом отрезке главенствует определенное представление о человеке – о том, что он есть, почему он такой, каким ему должно быть. Многообразные взгляды, концепции, исследования, дошедшие до наших дней или канувшие в Лету, так или иначе отвечают на эти вопросы.

Необходимость постановки этих вопросов и попытки дать на них ответы – явление, на первый взгляд, объяснимое. Важность решения проблемы человека связана с тем, что человек – это продукт среды и, что особенно важно, творец истории общества, субъект всего многообразия видов деятельности, и без понимания сущности человека невозможно понять ни исторический процесс в целом, ни ценностно-смысловую сферу личности и закономерности ее формирования и разрушения, в частности.

Тем не менее понимание сущности человека ускользает при якобы возрастающей значимости этого понимания. Вероятно, данной проблеме сопутствует “уничтожительная известность”, когда популярность опережает формирование понимания обществом подлинной глубины проблемы, когда наслышанность о ней принимается за ее знание.

В таком случае следует иначе подойти к исследованию проблемы человека, взглянуть со стороны на данный процесс, задавая самому себе ряд вопросов: в чем практическая значимость изучения сущности человека, почему именно философия берет на себя ответственность за решение данной задачи и, если она действительно является монополистом, то готова ли она помочь человеку здесь и сейчас, опустив пространные рассуждения? И, наконец, стоит ли вообще выделять человека из общества, частью которого он является, все больше растворяясь в нем, превращая тем самым проблему поиска сущности человека в ненужную суету?

Сохраняя последовательность, попытаюсь ответить на эти вопросы.

В современных условиях при обострении глобальных проблем повысилась ответственность человека за свою деятельность и, прежде всего, его ответственность за сохранение природы и жизни на Земле. Ведь потенциал ядерного оружия таков, что все живое на планете может быть уничтожено быстро и многократно. Все более повышается потребительское отношение к природе – она рассматривается как продовольственный склад и не более того. Многочисленные локальные конфликты на почве межэтнических, межконфессиональных противоречий дают понять, что силовые методы решения этих конфликтов доминируют и альтернативы этому не существует, или же метод диалога, ненасилия не рассматриваются

как наилучшие сценарии. Конечно, понимание ненасилия как морального принципа нередко наталкивается на скепсис. Те, кто привык к мысли о конструктивной роли насилия в истории, указывают именно на то, что ненасилие не соответствует реалиям общества, сотканного из частных и конкурирующих интересов, в котором государство держится на силе.

Все вышеперечисленное порождает размышления о случайности, неопределенности, хаотичности человеческого бытия, нарастании скептицизма по отношению к поиску надежных смысловых ориентиров. Одной из самых опасных тенденций остается обострение трагического мироощущения, в результате которого миллионы людей страдают различными формами депрессии, живут, не веря в свои силы и завтрашний день. А недавние события – революционные волнения в Египте, Йемене, Тунисе, Алжире, Ливии – только усиливают данные тенденции.

Таким образом, существует ряд проблем, требующих для своего осмысления новых мировоззренческих ценностей, а так как мировоззрение в полной мере присуще только человеку, мы вплотную приблизились к ответу на первый поставленный вопрос. Изучение сущности человека помогает понять суть его мировоззрения, а тем самым определить механизмы формирования новых мировоззренческих оснований. Ведь прежде чем произойдут изменения в политической, социальной, культурной и прочих сферах человеческой жизнедеятельности, требуется осознание необходимости этих перемен. Только тогда начнется практическая сторона решения вышеуказанных проблем, когда человек внутренне будет к этому полностью готов. Говоря словами классика, “разруха не в клозетах, а в головах” [1, с. 276].

Стихийность, случайность очень характерны для всего исторического процесса, но чаще всего результат дают последовательные осознанные действия: правильные мысли порождают правильные слова и поступки.

Теперь мы подошли к ответу на второй вопрос: почему именно философия практически с момента своего появления изучает феномен человека и не стоит ли ей передать право на рассмотрение данного вопроса другим наукам?

Специфика философского подхода состоит в том, что в философии человек рассматривается как целостность, человек и мир человека в его основных проявлениях. И здесь следует обратиться к истории вопроса.

Еще древние греки поняли, что “человек может начать философствовать только с себя. Разгадка бытия для человека скрыта в человеке. В познании бытия человека есть совсем особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей. Человек не есть дробная часть мира, в нем заключена цельная загадка и разгадка мира” [2, с. 256].

В древнегреческой культуре доминировал принцип космоцентризма. Мир воспринимался как целостность, в которой всем и всему отведено строго сообразное место, изменить которое без непредсказуемых и зловещих последствий не представлялось возможным. Это была, по М. Буберу, “эпоха обустроенности”, когда человек чувствовал себя в мире, как в доме. Плата за эту обустроенность – невыделенность личности из мира и из социума: человек чувствовал себя частью природы, вещью наряду с другими вещами, обладателем пусть и не самой почетной, но собственной ниши [3].

В V веке до н.э. в философии происходит антропологический поворот. Это явление было закономерным, ведь только от осознания Я можно идти к пониманию человека в целом. “Смешно, по-моему, будет, если я, не зная самого себя, примусь исследовать нечто мне чуждое”, – утверждал Сократ [4, с. 108–109]. Именно он впервые заговорит не о началах мироздания, а о жизни человека здесь и сейчас – о его доблести и добродетели, о мудрости и страдании, о благе и истине. Гибель Сократа не случайна. Обезличенное общественное мнение греческого полиса не могло примириться с мыслью о праве человеческого мышления на поиск индивидуальной истины.

Его ученик Платон не ослабил внимание к человеку, считая, что лучшее в нем – душа, и именно ей должно руководить телом, подобно лошадиной упряжке, определяющей путь колесницы. Однако “душа неоднородна. Лошади, влекущие колесницу жизни, имеют разный нрав и вид. Одна – белая; она исполнена стремления к добродетели, к истине; именно она и может усматривать идеи. Вторая же, черная, с трудом повинуетя узде. Она связана с телом

и представляет наши низкие страсти. Потому необходим возница, разум, который должен повиноваться божественной части души – духу – и сопротивляться влечениям” [5, с. 126].

В свою очередь ученик Платона Аристотель считал, что истинным человеком считается тот, кто способен навести порядок в окружающей его действительности. Душа человека – его мышление. Однако отношение к человеку как к разумному животному в античной культуре не было всеобъемлющим. Задолго до Аристотеля, еще в гомеровском эпосе, появляется тема Судьбы, Рока, высшего неразумия, вторгающегося в жизнь человека и разрушающего ее во имя космического порядка.

На излете античности, в период эллинизма, а затем и в эпоху господства Рима концепция “обустроенного человека” претерпевает крах. Наступает “эпоха бездомности”. Полисная система, в которой человек чувствовал себя как дома, расшатывается и гибнет. Огромность, бездонность мира нарушает космоцентрическое равновесие. В Космос все настойчивее вторгается Хаос. Шаги Рока все слышнее. Где человеку искать чувство безопасности, если устойчивой общности больше не существует? Разве что в себе – в удовольствиях (эпикурейцы); в безразличии и сомнении (скептики); в бесстрастии и мужестве (стоики) [3].

В период средневековья преобладают феодальные социально-экономические отношения, сословная иерархия и господство религии. Именно последняя определяет ход исторического процесса, она составляет основное наполнение этого периода. Поэтому неудивительно, что именно религия становится “новым домом человека”. Однако единственная цель человека – это прославление Бога. Отступление от этой позиции жестоко наказывалось, поэтому, и по ряду других причин, человек не мог чувствовать себя в этом доме хозяином.

Существенно изменился взгляд на человека в эпоху Ренессанса. Происходили удачные попытки возрождения идеалов античности на принципе гармонии разума и веры. Проводя исторические параллели, нетрудно заметить, что эпоха Возрождения по форме и содержанию напоминает период “хрущевской оттепели” в Советском Союзе. Сохраняется структура государства, роль идеологии и компартии, а в случае XIV–XVI веков это религия и церковь, но роль человека-творца, его внутренней и внешней свободы, безусловно, выходит на первый план, пробивая дорогу искусству и науке.

Новоевропейская философия наследует понимание человека как созидателя, но акценты здесь расставлены по-иному. Не чувства, а разум человека выделяет его из окружающего мира. Формируется социоцентрическая концепция человека, устанавливающая абсолютный приоритет общества (государства) над гражданином. Именно с учения Рене Декарта начинается второй после античности и более мощный этап логоцентризма – европейский рационализм. Постепенно отторгая идею человека как богоизбранного существа, рационализм провозглашает главным мерилом научно-технический прогресс, а главной целью – удовлетворение человеческих потребностей.

Последним философом классического периода, создавшим законченную, позитивную антропологию был Иммануил Кант. Он попытался увязать ряд противоречий, которые породила эпоха рационализма, – свобода человека и социальные законы, бесконечный процесс познания и временные рамки, которыми ограничено бытие человека, рационализм и эмпиризм. А рассуждая о человеке, как таковом, Кант на первое место выдвигает нравственность, считая, что ее требования выше обстоятельств.

Мыслители XIX века или брали во внимание какое-нибудь одно качество человека, или же рассуждали о человечестве вообще. Так, по Л. Фейербаху, человек определяется любовью, а для К. Маркса он – часть материальной природы, и становится человеком только в процессе трудовой деятельности. Для Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше главное в человеке – его внутренняя свобода. Только Достоевский видит свободу в изгнании “бесов” в самом себе, а Ницше, чьи идеи вызвали огромный резонанс в обществе и, возможно, остались до конца непонятыми, чтобы достичь внутренней свободы, предлагал “освободиться от морали, чтобы суметь морально жить” [6, с. 24].

В целом, период середины XIX – начала XX веков – это период социальных потрясений, следующих за этим депрессий, когда человечество расстается с прошлым, порой отвер-

гая недавние идеалы (нигилизм) и перебирает сценарии будущего. Не станем судить о правильности выбора того или иного сценария, но в основе многих процессов, явлений, происходивших в различных сферах жизнедеятельности общества, лежало простое человеческое чувство – разочарование. По А. Камю, в истории никогда не проливалось такого количества крови, как во имя идеи рациональности (ведь “рациональны” и газовые камеры, и умерщвление психически больных, и труд людей в лагерях). В этом величайший парадокс рационализма: человеческий разум провозглашается всем, а человек – ничем. Ради торжества понятия “человек” уничтожается конкретный человек. Миллионы людей, каждый из которых – целый мир. Воля к совершенствованию мира и человека оборачивается тоталитаризмом. Аморальная наука, которая представляется панацеей от всех бедствий, порождает современную экологическую катастрофу. Зерно этих бедствий “падает в землю” в XVII в., а обильно удобряется и пестуется в эпоху Просвещения. Так, Ж.-Ж. Руссо первым заговорил о цене прогресса. Эта цена – моральная деградация “цивилизованного” человека, свято уверовавшего в то, что с прогрессом науки сам собою произойдет прогресс человека. Истинный прогресс, утверждал он, остался в далеком прошлом, когда человек ощущал природу своим домом и вслушивался в голос божества [3].

Антропологический поворот в философии XX столетия, связанный с именами В. Соловьева, М. Шелера, Х. Плеснера, М. Бубера, В. Несмелова, Н. Бердяева и многих других, был вызван уже не столько реакцией против научного подхода к человеку, сколько необходимостью изменения классической философии, которая абсолютизировала разум и сводила человека к абстрактной идее. В целом, ситуация в философии начала XX века в чем-то схожа с эпохой эллинизма – это время постоянных социальных потрясений, и философия пытается помочь человеку, облегчить его страдания. Человек нуждается в защите, становится “простым колесиком” в огромной государственной машине. Не только вне, но и внутри себя может отсутствовать ощущение стабильности, уверенности. Так, З. Фрейд указывает на наличие особого пласта психики – бессознательного – неподвластного человеку. Отсюда следует его известная сентенция: “Я не являюсь хозяином в собственном доме” [7, с. 378].

По мнению Ясперса, философия не претендует на функции универсальных спасающих религий, но она в некотором смысле служит средством преодоления мира и является своеобразным аналогом спасения. Философское учение Хосе Ортеги-и-Гассета было попыткой выработать для человека систему ориентиров, которые бы помогли ему преодолеть все перипетии существования в современном буржуазном обществе. Персоналисты попытались модернизировать христианские представления о человеке, обращаясь к реальным, земным проблемам человеческого существования. Философы-прагматисты обвинили всю прежнюю философию в отрыве от жизни, абстрактности и созерцательности. Философия, по их мнению, должна стать общим методом решения тех проблем, которые встают перед людьми в различных жизненных ситуациях, в процессе их практической деятельности [8, с. 121].

На сегодняшний день существуют утверждения, что человека вообще невозможно рассматривать как некий объект. Целостность человека определяют энергоинформационные потоки, которые непрерывно сообщаются и перетекают друг в друга, зависят от наших мыслей, чувств, физиологических функций различных частей нашего организма. Образно выражаясь, можно сказать: человек – это “поток” интеллекта, информации и энергии, постоянно самообновляющихся, причем в каждый момент времени. Выходит, что человек – не столько “вещь”, сколько “процесс” [9, с. 173].

Итак, космоцентрическая антропология пыталась оправдать существование человека как существа, призванного олицетворить гармонию мироздания; теоцентрическая антропология – пусть и с оговорками – придавала человеку божественный статус; итальянский гуманизм превозносил человека как “венец творения”; человековедение Нового времени пыталось найти высшее достоинство человека в его рациональности. В философии XX века вопрос о сущности человека занимает центральное место. Но дает ли такая история вопроса о человеке право философии решать данную проблему самостоятельно? Имеет ли смысл синтезировать различные научные дисциплины, отрасли, или это только раздвоит единую и целостную природу челове-

ка, которая проявляет себя как в его естественных потребностях и устремлениях, так и в его социальной, культурной, духовной и нравственной жизнедеятельности?

Анализ проблемы человека показывает, что в настоящее время настоятельной необходимостью становится интеграция естественных, технических и гуманитарных наук. Необходимость такой интеграции объясняется уже тем, что человек – существо биосоциальное, как и тем, что поле деятельности человека все более расширяется – она охватывает и землю, и космос, и биосферу, и техносферу, области производства материального и производства духовного и т.д. Поэтому человековедческие аспекты все чаще становятся органической составляющей исследований естественных и технических наук. Например, социобиология оформилась как самостоятельное направление сравнительно недавно, в 70-х годах XX века. Основная идея заключается в том, что у человека, включая его мораль, культуру, социальные институты, не может быть никаких проявлений, которые бы противоречили его биологической природе. Биологическая эволюция является фундаментом и сопутствующим процессом социальной и культурной эволюции. Социобиология предлагает искать обоснование того или иного поведения людей, той или иной формы их взаимного существования в мире живой природы, опираясь на достижения биологии. А вот философы, принадлежащие к физикалистскому направлению, взяли на вооружение не достижения биологии, а последние разработки такой науки, как физика. Идеалом философов этого направления является построение механистической модели человека, которая бы вписывалась в картину мира, рисуемую современной физикой. С позиций естественных наук пытались объяснить человека и бихевиористы. Бихевиоризм является ведущим направлением в американской психологии XX века, которое оказало огромное влияние и на философию этой страны. В его основе лежит понимание человека как совокупности двигательных и сводимых к ним вербальных и эмоциональных ответов (реакций) на воздействия (стимулы) внешней среды. Общеметодологическими принципами бихевиоризма стали принципы позитивизма, согласно которому наука должна описывать только непосредственно наблюдаемое [8].

Таким образом, ответ на второй поставленный вопрос вышел неоднозначным. Синтез наук может принести новые открытия в области понимания сущности человека, а может быть ошибочным решением, порождающим еще больше безответных вопросов.

Очередной вопрос: могут ли всевозможные научные изыскания, в первую очередь в философии, помочь человеку практическими решениями насущных проблем?

Несколько забегаю вперед, отмечу, что если первый вопрос имеет однозначный ответ, второй, по крайней мере, не повисает в воздухе, то с данным вопросом дело обстоит сложнее. Если философия претендует на то, чтобы быть влиятельным фактором культурного самосознания эпохи, она должна взять за отправной пункт своих размышлений потребность людей в мировоззренческой ориентации через актуальное вопрошание. Она должна предлагать вопрошающему не перечень возможных “точек зрения”, а конкретный ответ в конкретных обстоятельствах. Тем самым философия вернулась бы к своей исторической точке кристаллизации, к тем стародавним античным временам, когда она, с легкой руки Пифагора, конституировалась как особая форма духа и как мощная мыслительная традиция. Генезис этой традиции весьма поучителен для современного культурного самосознания [10].

В свете современного антропологического кризиса возникла социокультурная потребность в том, чтобы философия XXI века заговорила внятными, ясным человеческим языком.

В завершение хотелось бы сделать акцент на взаимодействие общества и человека. С одной стороны, человек – это продукт общественный, с другой – самостоятельная, независимая личность. А если личность полностью растворяется в социуме, теряя индивидуальность, ее надо рассматривать только в совокупности с другими индивидами. Но в таком случае общество берет на себя огромную ответственность – формировать ценностно-смысловую сферу и транслировать ее основы человеку.

Замечу лишь, что в конкретных исторических условиях, временных периодах общество не всегда успешно справлялось с поставленной задачей. И на сегодняшний момент эта проблема может быть более чем актуальна. С одной стороны, человеку постоянно приходит-

ся принимать вызов времени, которое требует все больших знаний, умений и навыков для полноценного освоения мира, осознания себя полноценным членом общества. В результате все больше усиливается пропасть между «реальным и идеальным Я». Следствием такого несоответствия являются тревога, нарушение психологической адаптации, социальная незрелость, эмоциональные расстройства. С другой, само общество может не поспевать в формировании новых мировоззренческих установок, что приводит к деформации ценностно-смысловой сферы личности.

На сегодняшний момент не секрет, что досуговая самореализация людей, особенно молодежи, осуществляется вне учреждений культуры и заметно обусловлена влиянием интернета и телевидения. Вместе с тем наблюдается тенденция к дегуманизации и деморализации в содержании искусства. Нарушается процесс интернализации, в результате которого внешние структуры должны стать внутренними регуляторами. В этих условиях человеку просто необходимо осознавать себя не только частью общества, но и свободной развивающейся личностью, способной самостоятельно творчески мыслить, самостоятельно принимать решения в ситуации выбора.

На все поставленные вопросы трудно найти однозначные ответы, но не следует забывать, что «человек есть тайна, ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [11, с. 63].

### Литература

- 1 Булгаков, М.А. Сочинения / М.А. Булгаков. – Минск: Университетское, 1989. – 432 с.
- 2 Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев // Мир философии: книга для чтения. – М.: Политиздат, 1992. – Ч. II. – 624 с.
- 3 Чернявская, Ю. Введение в культурно-философскую антропологию / Ю. Чернявская [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: [http://filosofy.vuzlib.net/book\\_o060\\_page\\_4.html](http://filosofy.vuzlib.net/book_o060_page_4.html). – Дата доступа: 30.01.2011.
- 4 Цит. по: Кудишина, А.А. Философия: семинары / А.А. Кудишина. – М.: МГОУ, 2010. – 140 с.
- 5 Лега, В.П. История западной философии / В.П. Лега. – М.: ПСТГУ, 2009. – Ч. I. – 451 с.
- 6 Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1: Литературные памятники. – 829 с.
- 7 Цит. по.: Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 544 с.
- 8 Ортега-и-Гассет. Восстание масс / Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 118–124.
- 9 Карпов, Е.В. Информационный подход в исследовании человека. Материалы второй международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях». Часть 2 / Е.В. Карпов. – Волгоград: ВГУ, 2000. – 364 с.
- 10 Лазарев, Ю. Новый взгляд на философию XXI века / Ю. Лазарев // Петровская академия наук и искусств. Крымское отделение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://pan-i.ucoz.ru/publ/socialnye\\_tekhnologii/lazarev](http://pan-i.ucoz.ru/publ/socialnye_tekhnologii/lazarev). – Дата доступа: 30.01.2011.
- 11 Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1985. – Т. 28. – Кн. 1. – С. 46.



## Современная философская антропология: ретроспектива и перспективы

В. Э. НАРИЖНЫЙ

В статье показана связь кризиса современной философской антропологии с доминированием региональных (частнонаучных) антропологий. Продемонстрирована необходимость изучения человека в тотальности его бытия.

**Ключевые слова:** современная философская антропология, Макс Шелер, историография философской антропологии Шелера, предпосылки возникновения философской антропологии Шелера, человек как целостный феномен.

This article shows the relationship of the crisis of modern philosophical anthropology with a dominant regional anthropologies. Demonstrated the need to study the human in totality his existence.

**Keywords:** modern philosophical anthropology, Max Sheler, historiography of Sheler's philosophical anthropology, prerequisites of philosophical anthropology, human as holistic phenomenon.

Исследователи последних лет, резюмирующие состояние антропологической проблематики в конце XX – начале XXI века, отмечают, что наряду с возрастающим к ней интересом, по-прежнему остаются нерешенными задачи терминологической ясности и методологии. Проблематичным остается даже сам предмет антропологии. В данной связи констатируется, что «прежние, сложившиеся в науке и иных интеллектуальных практиках методы и подходы исчерпали себя, и человечество как целое стоит перед необходимостью заново выстраивать способы и методы взаимодействия человека с миром» [1, с. 3]. Между тем, одной из важнейших причин сложившейся ситуации, на наш взгляд, является недостаточное внимание к теме истоков философской антропологии, а также к вопросу реализованности крупнейших философско-антропологических проектов XX века. Под реализованностью здесь следует понимать степень использования предложенных в этих проектах стратегий в изучении человека. В качестве примера сосредоточимся на ситуации с критической литературой относительно работ одного из основателей философской антропологии – Макса Шелера.

Общий объем исследований, прямо или косвенно затрагивающих шелеровский философско-антропологический проект, следует признать достаточно большим.

Критическую оценку философских воззрений, разработанных основателем философской антропологии, можно найти у М. Хайдеггера, М. Бубера, К. Ясперса, Г. Гадамера. Можно признать также удачной попытку собрать и обобщить работы различных авторов, представляющих западную философскую традицию исследования философии Шелера, которую предпринял Г. Шпигельберг. В работе «Феноменологическое движение» содержится материал, посвященный как собственно феноменологии, так и другим тесно связанным с ней аспектам философии этого немецкого мыслителя [2–6].

Из значимых научных работ по шелеровской философской антропологии, вышедших в 1990–2000-е годы, следует выделить книги В. Хенкманна «М. Шелер» и А. Зандер «Введение к М. Шелеру». Отличающиеся систематичностью изложения философии Макса Шелера, они носят обзорный характер либо по хронологии жизни и деятельности философа, либо классифицируют его основные идеи, исходя из философской проблематики [7–8].

В современной немецкоязычной литературе активно изучается социальная философия и социальная антропология М. Шелера, например, М. Михальским и Чер Унг Паком [9–10]. Ранее основательные исследования философов-социологов М. Оссовской и А. Шюца позволили раскрыть некоторые проблемы развития феноменологических идей Макса Шелера в социологическом разрезе [11–12].

Интерес к этической составляющей в философском наследии Шелера поддерживался в основном О. Пёггелером и М. Фрингсом, изучавшими его иерархию ценностей, феномены политики и морали в его рецепции, установленную им зависимость новоевропейской морали от воздействия ressentiment. О. Пёггелер, кроме того, разрабатывал связи хайдеггеровской и гуссерлевской философии с шелеровской [13, s. 166–203; 14, s. 7–19]. Необходимо подчеркнуть, что М. Фрингс, американский философ, ученик Хайдеггера, длительное время являлся председателем американского отделения общества М. Шелера и целенаправленно занимался изданием шелеровских трудов. Своими исследованиями О. Пёггелер, М. Фрингс развили традицию, заложенную еще современниками Макса Шелера, его соратниками-оппонентами Д. фон Гильдебрандтом, Э. Штайн, Н. Гартманом, которые много внимания уделяли проблемным темам феноменологии религии, аксиологии и этики [15–19].

Сегодня западные авторы подходят к изучению наследия Шелера комплексно, используя для этого международные colloquia. Сборники научных статей по их итогам, особенно изданные в 1994, 1995, 1997, 2003, 2006 и 2007 годах, имеют неоспоримо высокую научную ценность. Они публикуются в рамках «Феноменологических исследований» (Томы 28/29 и так далее), начиная с Кельнского colloquia 1993 года «Человек в эпоху уравнивания». В современной зарубежной философской традиции труды Шелера выступили предметом критического переосмысления. Публикации Х. фон Алеманна, Э. Аве-Лалемана, М. Габеля, П. Янсена, А. Леруа, Х. Леонарди, Р. Маля, Р. Бекера, К. Бермеса и многих других затрагивают широкий спектр проблем философии Макса Шелера и увязывают их с актуальными проблемами современного общества. Например, исследования ведутся, начиная от истории перипетий возникновения философской антропологии в Кельне до анализа причин переворота и упадка ценностей европейской культуры. Или от рассмотрения роли феноменологической редукции и апорий проблемы реальности до изучения оппозиции индивидуализма и коллективизма в контексте шелеровского видения человека и места последнего в современном техногенном глобализирующемся мире [13, s. 10–34, 35–69, 70–95, 116–163, 234–239, 271–312; 20, s. 20–33, 81–99, 21–25].

В русскоязычной литературе также присутствует целый ряд авторов, для которых учение Шелера стало центральным предметом исследовательского интереса. В советский период И. Кулик (1979), П. Градинаров (1982), А. Малинкин (1989) в своих диссертационных изысканиях акцентировали внимание на социологии познания М. Шелера, сущностях и сущностных взаимосвязях в шелеровской онтологии [26–29]. Следует подчеркнуть вклад А. Малинкина, которому удалось достаточно детально рассмотреть один из важнейших шелеровских концептов – ressentiment.

Феноменологические, антропологические, онтологические и аксиологические взгляды Макса Шелера анализировались уже в постсоветский период Д. Роинашвили (2001), С. Васильевой (2008) и С. Симаковым (2008) [30–32]. Если С. Васильева занималась разработкой проблем эмоционального априори и «материальной этики» Шелера, то С. Симаков исследовал феноменологию жизни в концепции немецкого мыслителя.

В современном российском философском сообществе отсутствуют монографии, специально изучающие жизнь и деятельность Макса Шелера. Вместе с тем, необходимо упомянуть работу Л. Чухиной по религиозной западной философии, где основателю философской антропологии посвящен отдельный раздел [33]. Его творческое наследие рассматривается ею в рамках современных метафизически-антропологических проектов. Кроме того, значение Шелера для современной философской антропологии в определенной степени эксплицировали П. Гуревич, Б. Григорьян, Б. Марков, Д. Атанов, С. Лохов и др. [34–37]. Что касается научных статей, специально посвященных философским идеям Шелера, особого упоминания заслуживают сочинения Ю. Давыдова, Д. Дорофеева, М. Хорькова [38–41].

Свою роль в исследовании персоналий философской антропологии XX века сыграли и философы Беларуси (А. Демидов, Е. Хомич, Я. Яскевич и другие), принявшие участие в Республиканских чтениях 2002 года, непосредственно посвященных М. Шелеру [42].

Итак, при широчайшей палитре представленных тем по шелеровской философии, про-

блема причин и предпосылок возникновения философской антропологии Макса Шелера, а также продуктивность его идей в интерпретации человека для современной культуры не были рассмотрены систематично. Подобное рассмотрение представляется актуальным в связи с тем обстоятельством, что философская антропология, понимаемая как особая философская дисциплина и в настоящее время переживающая кризис, в разработке своей проблематики так и не смогла значительно продвинуться по сравнению с первой третью XX века – временем появления проектов философской антропологии М. Шелера и Х. Плеснера. До сих пор данная дисциплина переживает те же затруднения, что и тогда. Главным из них является господство региональных антропологий, существование которых обусловлено тематизацией человека в рамках специальных научных дисциплин – биологии, психологии, истории и др. Каждая из них имеет специфическую перспективу исследования и, соответственно, интерпретацию человека. В итоге последний оказывается расколотым на обособленные фрагменты.

Между тем М. Шелер отмечал, что человека нельзя редуцировать к какому-либо обнаруживаемому в нем признаку. Так «человек не есть человек, потому что он «мыслит» (Декарт, Паскаль): он мыслит, потому что он есть человек, и потому, что человек есть». Любой из них является частью структурного целого и указывает на другие части, в связи с чем бытие человека М. Шелер называл «кругообразным бытием». Все так называемые противоположности человеческой природы, которые выделялись в истории философской мысли, по М. Шелеру, вырваны из тотальности человеческого бытия.

Понимание человека из целостности его бытия не стало, несмотря на открывающиеся при этом философские перспективы, доминирующим в философско-антропологическом проекте М. Шелера. Экспликация такого понимания у него осуществлена крайне лаконично (чуть больше двух страниц печатного текста в рукописных фрагментах от 1927 года – за год до смерти). В целом терминология мыслителя перегружена понятиями предшествовавшей метафизики и зачастую несет груз ее предрассудков. Его философская антропология продолжала испытывать диктат понятий души, жизни, сознания, духа, тела, к которым добавились к тому же понятия современной физики, биологии, психологии, и имела тенденцию исследовать тотальность человеческого бытия из них, а не из самой тотальности.

Представляется, что идея М. Шелера о человеке как целостном феномене может оказаться продуктивной для философской антропологии. Рассмотрение человека в его бытии должно стать альтернативой региональным антропологиям (равно как и попыткам их обобщений).

### Литература

- 1 Атланов, Д.Ю. Человек как предмет современной философской антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д.Ю. Атланов. – СПб., 2008. – 22 с.
- 2 Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск: Водолей, 1998. – 384 с.
- 3 Бубер, М. Проблема человека. Два образа веры / М. Бубер. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
- 4 Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.
- 5 Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
- 6 Шпигельберг, Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Г. Шпигельберг. – М.: Логос, 2002. – 680 с.
- 7 Henkmann, W. Max Scheler / W. Henkmann. – Munchen: Beck, 1998. – 272 s.
- 8 Sander, A. Max Scheler zur Einfuhrung / A. Sander. – Hamburg: Junius, 2001. – 184 s.
- 9 Michalski, M. Fremdwahrnehmung und Mitsein: Zur Grundlegung der Sozialphilosophie im Denken Max Schelers und Martin Heideggers / M. Michalski. – Bonn: Bouvier, 1997. – 251 s.
- 10 Пак, Чер Унг. Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств / Чер Унг Пак // Социологический журнал. – 1997. – № 4.
- 11 Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1055 с.

- 12 Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали / М. Оссовская. – М., 1987. – 280 с.
- 13 Studien zur Philosophie von Max Scheler. – Freiburg / Munchen: Verlag Karl Alber, 1994.
- 14 Poggeler, O. Ressentiment und Tugend bei Max Scheler / O. Poggeler // Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft. – Bonn: Bouvier Verlag, 1997.
- 15 Гильдебранд, фон Дитрих. Смысл философского вопрошания и познания // Антология реалистической феноменологии / Дитрих фон Гильдебранд. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- 16 Гильдебранд, фон Дитрих. Что такое философия? / Дитрих фон Гильдебранд. – СПб.: Алетейя, 1997.
- 17 Штайн, Э. Отображение триединства в творении // Антология реалистической феноменологии / Э. Штайн. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- 18 Гартман, Н. Систематическая философия в собственном изложении / Н. Гартман. – СПб.: Азбука, 2001. – 320 с.
- 19 Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 708 с.
- 20 Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft. – Bonn: Bouvier Verlag, 1997.
- 21 Becker, R. Die Bildung der Gesellschaft. Schelers Sozialphilosophie im Kontext / R. Becker, Ch. Bermes, H. Leonardy. – Wurzburg: Konigshausen und Neumann, 2007.
- 22 Bermes, Ch. Solidaritat, Person und Soziale Welt / Ch. Bermes, W. Henckmann, H. Leonardy. – Wurzburg: Konigshausen und Neumann, 2006.
- 23 Bermes, Ch. Vernunft und Gefühl. Schelers Phanomenologie des emotionalen Lebens / Ch. Bermes, W. Henckmann, H. Leonardy. – Wurzburg: Konigshausen und Neumann, 2003.
- 24 Bermes, Ch. Person und Welt. Schelers "Formalismus" – Perspektiven und Wirkungen / Ch. Bermes, W. Henckmann, H. Leonardy. – Freiburg: Alber, 2000.
- 25 Bermes, Ch. Denken des Ursprungs – Ursprung des Denkens. Schelers Philosophie und ihre Anfänge in Jena / Ch. Bermes, W. Henckmann, H. Leonardy. – Wurzburg: Konigshausen und Neumann, 1998.
- 26 Малинкин, А.Н. Социологическая концепция М. Шелера: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.Н. Малинкин. – М., 1989. – 19 с.
- 27 Малинкин, А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии / А.Н. Малинкин // Социологический журнал. – 1997.
- 28 Малинкин, А.Н. Макс Шелер о реформе высшего образования в Веймарской республике / А.Н. Малинкин // Логос. – 2005. – № 6 (51).
- 29 Градинаров, П.И. Сущностная онтология М. Шелера: автореф. дис. ... канд. филос. наук / П.И. Градинаров. – М., 1982. – 23 с.
- 30 Роинашвили, Д.И. Философская антропология Макса Шелера: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д.И. Роинашвили. – М., 2001. – 22 с.
- 31 Симаков, С.Ю. Феноменология жизни Макса Шелера: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С.Ю. Симаков. – СПб., 2007. – 19 с.
- 32 Васильева, С.В. Антропология, теория познания и этика в философии Макса Шелера: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С.В. Васильева. – М., 2008. – 20 с.
- 33 Чухина, Л.А. Человек и его ценностный мир в религиозной философии / Л.А. Чухина. – Рига: Зинатне, 1980. – 288 с.
- 34 Григорьян, Б.Т. Человек: его положение и призвание в современном мире. – М., 1986. – 224 с.
- 35 Лохов, А. Феномен тела как проблема философской антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. Лохов. – М., 2003. – 20 с.
- 36 Марков, Б.В. Философская антропология / Б.В. Марков. – СПб., 1998. – 306 с.
- 37 Гуревич, П.С. Философская антропология / П.С. Гуревич. – М., 1997. – 607 с.
- 38 Давыдов, Ю.Н. Макс Шелер как социолог науки / Ю.Н. Давыдов // Концепция науки в буржуазной философии и социологии. – М., 1973.
- 39 Давыдов, Ю.Н. Концепция науки в социологии Макса Шелера / Ю.Н. Давыдов // Социологические исследования. – 1984. – № 4.
- 40 Хорьков, М.Л. Ранний Хайдеггер и поздний Шелер: Прерванный диалог /

М.Л. Хорьков // Историко-философский ежегодник 2005. – М.: Наука, 2006. – С. 176–184.

41 Дорофеев, Д.Ю. Философско-антропологические принципы феноменологической аксиологии М. Шелера. Манифестации времени позднего Шелера. Значение философской антропологии М. Шелера для М. Бахтина // Философская антропология М. Шелера / под ред. Д.Ю. Дорофеева. – Спб.: Алейтея, 2011. – 568 с.

42 Философы XX века: Макс Шелер: материалы 7 Республиканских чтений, Минск, 16 января 2002 г. – Мн.: РИВШ БГУ, 2003. – 94 с.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 09.09.11

## Гуманистическая проекция современной цивилизации

Л. И. НЕДЕЛЯ

В статье раскрывается содержание гуманизма как способа ценностного освоения действительности, выражающего потребность в гармонизации двух измерений культуры – материально-технического прогресса и морально-духовного развития человека. Анализируется взаимодействие социального и человеческого, их противоречивое соотношение в общественном процессе.

**Ключевые слова:** гуманизм, креативные способности, ценность личности, цивилизация, человеческий фактор.

The article describes the contents of humanism as the way to value reality, expressing the need for harmonization of the two measurements of culture: material-technical progress and moral-spiritual development of a personality. It analyses the interaction of the social and the human, their contradictory correlation in a social process.

**Keywords:** humanism, creative abilities, value of a personality, civilization, human factor.

Идея гуманизма как классической парадигмы анализа общественного процесса сохраняет в нынешний период теоретическое и практическое значение. Развернутый в теорию, гуманизм – основополагающее понятие, охватывающее и субординирующее всю систему изменяющихся знаний о человеке и его взаимодействие с окружающей средой. Степень гуманизации общественных отношений в реализуемом праве на свободу, развитие индивидуальных способностей, материальное и духовное благополучие человека – высший критерий оценки организации и управляемости социума.

В данном аспекте гуманизм можно рассматривать как способ ценностного освоения действительности, как сфера «первичной аксиологизации», т.е. оценки общественных явлений, фактов, институтов под углом зрения их адекватности интересам и потребностям индивида, создания условий, необходимых для человеческого самосохранения и саморазвития. В таком случае социальное соответствует человеческому, но на пути этого совпадения возникают противоречия, связанные с неоднородностью общественной системы, столкновением интересов различных групп, неодинаковым уровнем жизнеобеспечения, расхождениями в понимании способов достижения поставленных целей и др. Поэтому очевидно, что степень гуманизации действительности измеряется соотношением абсолютного как идеальной модели создания социального общества и относительного как его реального состояния с ориентацией на перспективу развития.

Одновременно аксиологический смысл приобретает сам человек как мерило общественных отношений, оценивающих их адекватно своей сущности. Это отражается в понятии социальный капитал – степень доверия к государству, общественным структурам, властным организациям. Роль личности как активного субъекта гуманизации жизненного процесса, субъективная детерминация, ее созидательно-преобразующее влияние как источника ценностей на общественное развитие представляет собой «вторичную аксиологизацию». В многообразных видах социального творчества воплощаются интеллектуальные, профессиональные, деловые, организаторские, моральные качества и способности, благодаря которым происходит гуманизация социальной среды и сохраняется гуманистическая перспектива восхождения цивилизации на более высокий уровень. Человеческий фактор способствует превращению возникающих возможностей гуманизации общественных отношений в действительность. При этом обогащаются как традиционные ценности гуманизма, так и создаются новые, обусловленные более полным и глубоким познанием законов природы и общества и достижениями в науке и технике.

Креативные способности современного человека реализуются в сферах компьютеризации, видеофикации, создания инновационных технологий. Инновационное мышление и проектная культура – важные гуманистические ценности, позволяющие существенным образом

модернизировать экономику, внедрять в производство наукоемкие ресурсосберегающие технологии и тем самым улучшать качество жизни. Но инновационная проблематика относится не только к материальной культуре, а включает и духовную слагаемую: профессиональное самоопределение, свободный выбор инновационного творчества, адекватного склонностям и способностям личности, осознание значимых современных ценностных ориентаций.

Гуманизм выражает объективную потребность в гармонизации двух измерений культуры – материально-технического прогресса и морально-духовного развития человека. Динамика технократизации и гуманизации происходит в органической связи с познанием индивидом самого себя, возможностей роста соразмерно с объективными запросами времени. Это подтверждается такой гуманистической ценностью как свобода в русле «для чего», т.е. изменение окружающей среды адекватно возросшему уровню творческих сил человека. Свобода раскрывается в понимании общественных тенденций развития, апробировании жизненной позиции в индивидуальном восприятии одной из возможностей выбора. Гуманистический характер моральной свободы состоит в том, что она предполагает определенную степень избирательной предпочтительности, позволяющей проследить взаимосвязь свободы с внешней необходимостью. Ценность личности, ее гуманистический потенциал возрастают в зависимости от степени автономности и самостоятельности, способствующих социально-духовной мобильности. Субъективно-личностное становится выражением социально необходимого, конструктивным фактором влияния на действительность. Общественно значимое проявление индивида состоит, прежде всего, в возможности реализации человеческой сущности в труде, познании, общении. Коллективные формы социального творчества содействуют разворачиванию индивидуального своеобразия личности. Вступая в различные ценностные отношения с миром, человек занимается и творчеством собственной жизни.

Следует отметить некоторые противоречия в становлении индивида: несоответствие между общей и профессиональной культурой, односторонность как следствие специализации, свойственной современной науке и производству. В повседневном обиходе сложилось понятие «компьютерный человек», поглощенный виртуальным общением, зависимый от него и теряющий способность к контактности с реальным миром. Как полагают ученые, внедрение в быт достижений научно-технического прогресса в определенной мере отрицательно влияет на внутреннюю экологию человека, поэтому нужно более основательно изучать естественные процессы жизни и искать механизмы поддержания и сохранения жизнеспособности индивида. Известный врач, академик РАМН В. Казначеев отмечает: «Без изучения живого вещества обеспечить безопасность планеты невозможно» [1, с. 3].

Возникает дисгармония в формировании рациональных и эмоциональных сторон внутреннего мира человека, неполнота освоения социальных ролей, а, следовательно, и потеря ценностного смысла жизни. Это порождает духовную ограниченность, установки на чувственные наслаждения, примитивизм и вульгаризацию потребностей, отсутствие моральной рефлексии.

Рыночные отношения также сопровождаются деструктивными моментами, усиливая прагматичные и утилитарные ориентации в оценке общественных фактов и поведения, в стремлении к богатству и погоней за деньгами. Отмеченные издержки в социальном развитии индивида свидетельствуют о частичности выявления его творческих склонностей и об их не востребоваемости. Например, недостаточный уровень развития гражданского общества – следствие несформированности морально-политических качеств сознательности, чувства нового, принципиальности, инициативности, отсутствия социального заказа на их вовлечение в местное самоуправление. Этому способствует и бюрократизация государственного управления как фактор дегуманизации социума. Высокие административные барьеры порождают отчуждение человека от властных структур, снижают степень доверия к чиновникам.

В сфере производства имеющая место низкая мотивация к эффективному труду – результат моральной незаинтересованности в нем, недостаточного профессионализма или отсутствия соответствующих условий деятельности, а также неудовлетворительного материального стимулирования. То есть, социально необходимое не совпадает с индивидуально-человеческим. Требуется решения и проблема подготовки высококвалифицированных специалистов мирового уровня, от которых зависят темпы экономического роста в стране. Целесообразно, чтобы система образования была творческой по задачам, содержанию и методам

профессионального обучения, что обусловлено человеческим фактором, мастерством преподавательского состава: способностью умело отбирать и использовать новейшую научную информацию, противостоять информационному хаосу, осуществлять интеграцию в сферу технологических открытий, практиковать современные интенсивные методы обучения, развивающие созидательные ресурсы студентов.

Гуманистической направленностью отличается предупреждение и разрешение противоречий между сущностью и существованием человека в русле наметившейся тенденции к общественному расслоению, что предполагает сохранение социально ориентированной экономической политики, сохраняющей гарантии защищенности для неадаптированных к рыночным отношениям. Одновременно и предоставление условий для стимулирования частной инициативы и предпринимательства. Таким образом, социальное и человеческое – взаимодействующие факторы: несовершенство социального отражается в ограниченности роста человеческого, которое, со своей стороны, сдерживает, замедляет и тормозит развитие социального.

Гуманистическая проекция современной цивилизации находится в единстве с кардинальными историческими изменениями и затрагивает существенные проблемы жизнедеятельности индивидов в условиях динамичных общественных процессов. Это, прежде всего, глобализация мироустройства, что соответствует нынешним требованиям социального прогресса, но неизбежно сопровождается возрастанием унифицированных стереотипов образа жизни и норм поведения, нивелированием этнических и национальных признаков в духовной культуре. На фоне общих тенденций глобализации прослеживаются стремление к сохранению своей ментальности, самобытности, национального самосознания и ценностей. Жизнеспособность нации поддерживается верой в собственные силы, опорой на многовековые традиции, преемственность достижений в культуре, в качествах народного характера.

Интеллектуальный потенциал нации позволяет использовать положительные стороны глобализации в политической, экономической и гуманитарной сферах, в целях технологической модернизации, интеграции и обмена информацией, расширения пространства сотрудничества и взаимодействия, консолидации совместных усилий в решении глобальных проблем. Очевидно, что гуманистическая проекция мирового сообщества должна выражаться в укреплении единства человеческого рода на основе многообразия и взаимного обогащения накопленными достижениями. Коллективный Разум, ноосферное мышление необходимы для преодоления угрозы войны, неодинакового экономического уровня между развитыми и развивающимися странами, обеспечение природными ресурсами, решение экологических проблем, порождаемых усложняющимися отношениями с биосферой. Эти ставшие уже традиционными проблемы длительного характера обусловлены социальными антагонизмами и подтверждают кризис цивилизационной системы, неспособность разумного регулирования их разрешением. Подход к ним должен быть планетарно масштабным, с позиций не абстрактного, а практически-действенного гуманизма. Необходима выработка гуманистической позиции в осуществлении социального контроля над всеми формами человеческой деятельности и, прежде всего, отношения к природе.

В настоящее время человечество приблизилось к овладению тайнами природы. Погодные катаклизмы последних лет ученые обосновывают несколькими версиями: глобальным потеплением вследствие активизации антропогенного фактора – расширения хозяйственной деятельности, интенсивностью космических лучей, изменениями направлений движения воздушных масс и др. Зависимость от природы вызывает необходимость поиска человеком как биологическим видом более совершенного инструментария взаимосвязи с окружающей средой. Природа и общество находятся в сущностном единстве, так как природосохранение – залог человекосохранения. Это определяет требование включения природы в сферу гуманизма, придания ей высокого ценностного статуса. Гуманистический подход к природе определяет разумное взаимодействие с ней и сохраняет в индивиде человеческое начало. Весомое значение приобретает формирование нового экологического сознания, ориентированного на понимание происходящих в природе изменений, адаптированность к ним, стремление своей деятельностью не нарушать равновесие между различными компонентами природной среды. Экологическая культура – фундаментальная ценность современного гуманизма.



Деструктивное влияние на природу и общество оказывает опасность войны. Россией и США осуществлены практические меры для сокращения стратегических наступательных вооружений, что повышает степень безопасности в мире. Но российский академик Б.Е. Черток подчеркивает: «Военная доктрина США предусматривает новые методы ведения локальных войн в XXI веке. Главная роль в них отводится навигации, космическому «всевидению» и связи, передачи информации, управлению. Более того, судя по опыту прошлого века, в этом столетии должны появиться новые виды космического оружия, которые сегодня мы придумать пока неспособны. Все это необходимо учитывать» [2, с. 3].

По отношению к космосу воспроизводится модель земного противостояния интересов ведущих стран, осваивающих внеземное пространство. Проведение подлинно научных исследований имеет прикладное применение и отражает интересы всего человечества. Это геологоразведка, картография, метеорология, спутниковая связь.

Истоки дегуманизирующих факторов цивилизации – в гегемонистских устремлениях упомянутой страны, пытающейся сохранить мировое господство, политических и военных амбициях, алчности и эгоизме стремящихся к увеличению прибылей транснациональных корпораций, в экономическом кризисе, снижающем уровень ВВП, в преобладании стихийности над сознательностью в общественном процессе. Здесь наяву – разрушительная активность ради получения собственной выгоды и самоутверждения посредством пренебрежения интересами других стран и народов. Но все же фундамент цивилизации создается и сохраняется конструктивной частью человечества, благодаря которой поддерживается баланс между центростремительными и центробежными тенденциями, происходит преемственность общечеловеческих ценностей свободы, справедливости, равенства, обогащение их современным содержанием. Они приобретают подлинно человеческий смысл, поскольку распространяются на все области жизнедеятельности индивидов – по социальному положению, собственности на средства производства, условиям труда, удовлетворению материальных и духовных потребностей.

Культурно-историческое значение в отношениях между сообществами имеют общечеловеческие нормы: открытость, честность, правдивость, благожелательность, благородство и др. Важно реконструировать общечеловеческие ценности в условиях технократического и информационного общества. Показателем в данном контексте принцип толерантности как способности в многополярном мире быть терпимым к интересам, убеждениям и действиям других общностей, уметь понять и, возможно, принять иные позиции, если они не причиняют ущерба общечеловеческим интересам и способствуют благоденствию. Толерантность – способ разрешения и смягчения социальных противоречий, достижения взаимопонимания в конфликтных ситуациях, что исключает насилие и принуждение. Это своеобразное идейное противостояние, с поиском компромиссных решений. Тем самым возникает человеческое пространство единения, в котором происходит обмен духовными ценностями: понимания на понимание, доверия на доверие, уважения на уважение. Однако ныне подобное пространство возможно только в ограниченном масштабе – в отношениях между отдельными государствами или регионами.

Итак, гуманистическая проекция современной цивилизации наиболее выразительно и доказательно проявляется в социально благополучном обществе, в котором создаются условия для развития человеческого потенциала и его использования для решения социально-политических и экономических задач.

### Литература

- 1 Черток, Б.Е. Захватить Луну / Б.Е. Черток // Аргументы и факты. – 2011. – № 4. – 26 января.
- 2 Казначеев, В.А. Спасти усталую нацию еще не поздно / В.А. Казначеев // Аргументы и факты. – 2010. – № 28. – 14 июля.

УДК 141.7 : 303.1

## К методологии построения инновационной праксиологии

В. С. НОВОЖИЛОВ

В статье рассматриваются методологические вопросы формирования инновационной праксиологии – зарождающейся в настоящее время на стыке философии, социологии, культурологии, эвристики, креативной психологии, структурно-функциональной системологии междисциплинарной области исследований, призванной теоретически объяснить принципы и понятия инновационного развития деятельности, стать основанием организации новейшего типа деловой активности.

**Ключевые слова:** динамическое равновесие общества, жизнедеятельность, инновационная технология, прагматический инструментализм, самодвижение материи.

The article deals with methodological aspects of innovational praxiology formation, that originates now at the joint of philosophy, sociology, cultural studies, heuristics, creative psychology, structural-functional systemology, inter-discipline area of research, meant to unite principles and concepts of activity innovational development, to become the basis for the newest type of business activity organization.

**Keywords:** society dynamic balance, vital activity, innovational technology, pragmatic instrumentalism, matter self development.

Последовательный материалистический монизм под праксиологическим углом зрения требует находить объективные предпосылки человеческой деятельности в спонтанной активности бытия, философски определяя деятельность как всеобщую имманентную характеристику порождающей Природы.

Самодвижение материи на социальном уровне ее существования представляется, таким образом, процессом отыскания разумом новых организационных форм жизни, реализации многих, в том числе и неиспользованных самой природой направлений развития, всевозможных, в рамках объективных законов, сочетаний стихийных сил и процессов [1, с. 28].

Человеческая деятельность – событие в мировой линии жизни, призванное дополнить и умножить творческую силу природы. Эта установка новейшего гуманизма и социального оптимизма легла в основу коэволюционной и ноосферной парадигмы современного научного и философского мышления.

Представляет интерес рассмотрение всего комплекса деятельностной проблематики под углом зрения весьма актуальной в наше время инновационной праксиологии. В выше означенном смысле большая часть человеческой деятельности по отношению к собственно природной – инновационна.

Проблемное поле инновационной праксиологии складывается в настоящее время в ходе осознания противоречивости современной ситуации, связанной с деятельностью – дисгармонией между познавательно-креативными силами прогресса, необходимыми для освоения (присвоения) природных и социальных сил, и недостаточными смысло-ценностными ориентирами человеческой активности.

В современном, специфическом смысле слова, инновационная – это такая социальная деятельность, которая сознательно направлена на создание и эффективную реализацию изобретений (изделий, технологий, управленческих решений и т.д.), способных обогатить социальную жизнь, дать ей оригинальное, иногда совершенно новое направление. Эта деятельность рождает вещи материального и духовного свойства с необычными потребительскими качествами, обеспечивающими высокую и надежную конкурентноспособность.

Решение инновационных задач предполагает такую деятельность, которая ориентирована не просто на развитие какой-либо области или сферы жизни, а на совершенствование характеристик этого развития. Конечно, всякое обновление содержит качественные изменения, но чаще всего эти изменения не выходят за рамки потенциальных возможностей и допустимых состояний процесса. Инновационное совершенствование предполагает, кроме того, принципиально иной ориентир изменений, а именно – выход субъекта деятельности за

пределы рутинного, репродуктивного по своей сути воспроизведения прежних образцов опыта. Инновационная продуктивность означает креативность в ее максимально творческом варианте и всегда противостоит часто встречающемуся в настоящее время «деятельностному невежеству», даже если она рядится в тогу подлинной креативности.

Инновационным поведенческим установкам соответствуют особые мировоззренческие идеалы и убеждения, на основе которых выстраиваются новые формы коммуникаций и сферы профессиональной активности. Критериями подлинной инновационной деятельности являются высокие социальные ценности в форме смысложизненных позиций, передовых демократических убеждений, осознанного понимания социальной ответственности вместе с наличием профессиональных, научно оснащенных компетенций.

Пропаганда и реальное распространение в последнее время такого вида установок свидетельствует о реальном наступлении давно прогнозируемого периода подлинно интенсивного роста производительных факторов прогресса.

С общей, культурологической точки зрения, интенсивные факторы развития характерны преимущественно для западного типа цивилизации на современном постиндустриальном этапе ее существования. Сегодня эту цивилизацию часто называют техногенной, но еще точнее и правильнее ее было бы называть научно-техногенной.

Структурная перестройка экономики в настоящее время выдвинула на передовые позиции новые наукоемкие отрасли производства. «Онаучивание» всех сфер социальной практики становится девизом времени и условием расширенного воспроизводства жизни. Меняются не только подходы в деятельности, но и теоретические представления о соотношении теории и практики. Теоретическая компонента практической деятельности обеспечивает качественное обновление образцов социальной организации для поддержания состояний динамического равновесия в обществе.

Объективно говоря, не бывает сугубо количественных, экстенсивных способов развития в их обособленности и отрыве от качественных. Качество и количество слиты в диалектическом единстве и характеризуют закономерный механизм любых изменений.

Однако, обращаясь к реалиям современного социального развития, можно заметить ускорение темпов качественных переходов, их преобладание над количественными, и, как следствие, – усиление социальных ожиданий все новых и необычных решений практических проблем. Расширенное воспроизводство самых разных сторон жизни сегодня понимается как инновационное только тогда, когда оно строится на основе так называемых «прорывных» технологий.

Методология построения инновационной праксиологии должна исходить из принципов комплексности и междисциплинарности. Характер этой области исследований обязывает соединять в общей теоретической модели философско-психологические, культурологические и теоретико-системные представления, базирующиеся на отчетливом и всесторонне обоснованном мировоззренческом фундаменте.

Философская концепция деятельности имеет давние исторические корни. В том или ином виде она объединяет все остальные области философского знания независимо от сложившихся мировоззренческих направлений и ориентаций.

Можно даже утверждать, что вся история формирования философской рефлексии над предпосылками и условиями человеческого существования пронизана праксиологическими, деятельностными ассоциациями.

Философские системы в своем стремлении к рациональному обоснованию человеческой активности неизменно превращались в поиски субстанциального источника этой активности.

Сначала, в глубокой древности, эти поиски приводили к построению умозрительных антропосоциоморфных мифологических картин мира, в которых человеку отводилась роль объекта и одновременно участника игры сверхъестественных тотальных космических сил; затем, в эпоху монотеизма, – к определению установленных Богом границ человеческой свободной воли. В более поздние натурфилософские эпохи жизнедеятельность человека упрощенно понималась как прямое проявление единых природных сил.

До середины 19 века деятельность сторона человеческой сущности в гораздо большей степени разрабатывалась идеализмом, который мистифицировал человеческую жизнь, искажая действительную связь материальной и духовной практики.

Диалектический материализм, подкрепленный в своей доказательной базе новейшими достижениями конкретной науки, особенно результатами системологии, представленной в 20 веке общей теорией систем, теоретической кибернетикой, синергетикой и их специальными приложениями (системным анализом, системотехникой, исследованием операций, теорией принятия решений и т. п.), оказался способным прояснить принципиальные материальные основания праксиологии в целом и может стать поэтому основой разработки современной инновационной праксиологии.

Онтологические основы общей праксиологии с диалектико-материалистических и системологических позиций самым прямым образом предполагают также понимание гносеологических и психологических аспектов человеческой деятельности.

В задачи настоящей статьи не входит последовательное и обстоятельное осуществление анализа этих аспектов. Попробуем лишь обратиться к некоторым общим и, на наш взгляд, узловым гносеологическим вопросам проблематики деятельности.

Материальная деятельность в своей самой продуктивной, креативной части представляет собой результат предварительной и сопровождающей ее духовной практики.

Будем исходить из того, что познавательная активность должна быть включена в общий объем практической активности. Познание, разумеется, относится к духовной деятельности и направлено не на изменение предметной среды, а на развитие духовной сферы путем создания идеального продукта в виде идей, законов, теорий и т.п.

Вместе с тем, жизнедеятельность человека – единый процесс, в котором материально-практические и духовно-познавательные элементы не рядоположены и не субординированы жестким образом, а слиты и взаимопроникают друг в друга. Разорвать их можно только в абстракции, делая, например, акцент на специфике разделения физического и умственного труда.

Для инновационной праксиологии важным является положение, согласно которому человеческая деятельность направляется в основном не стихийными силами, а является результатом сознательного подбора вариантов в процессе принятия целесообразных решений.

Такого рода решения в снятом виде содержат физиологические механизмы, характерные для всего живого, и называются доминантным поиском. Роль объективных факторов в этом поиске выполняют преобладающие потребности, детерминирующие безусловные рефлексy, составляющие общий механизм реагирования живого в соответствии с генетической программой вида. Условно-рефлекторные реакции накладываются на безусловные, дополняют их и обеспечивают единство поведенческой активности индивида.

В целом, направленность и ограничения поисковой деятельности любого живого существа описываются в терминах прямой и обратной связи организма со средой, побуждающих, подкрепляющих и тормозящих стимулов действия с участием памяти, эмоционального фона и некоторых других психофизиологических состояний и процессов.

У человека эти факторы преломляются через призму сознания и мышления. «Пульсация» жизненной позиции человека в процессе выбора линии поведения состоит в постоянном разрешении задач иерархизации смыслообразующих ценностных реакций и побуждений. Ответ на поставленную человеком практическую задачу подвижен, подлежит постоянной корректировке, уточнению и изменению.

Целерациональность человеческой поисковой деятельности не означает, что этот процесс полностью логичен, то есть алгоритмизирован в рамках известных формальных схем. В инновационном аспекте весьма серьезное значение для детерминации креативного поведения имеют иррациональные моменты: творческая интуиция, ассоциативные бессознательные и подсознательные ментальные связи, множество стохастических отклонений и т. п. Они обуславливают, например, неконформное поведение, импульсивное решение, неожиданные отклонения от принятой парадигмальной линии, все то, что Я. Котарбинский, один из создателей современной праксиологии, называет инициативной препарацией опыта [2]. Дело в том, что в человеческой деятельности массив культурного наследия одновременно определяет и затрудняет процесс овладения целью. Здесь налицо противоречивое единство и столкновение задач, характерных для инновационной деятельности: с одной стороны – поддержание устойчивых образцов организации, а с другой – их обновление или кардинальная ломка.

Диалектико-материалистический подход к анализу человеческой жизнедеятельности требует сравнения этого подхода с позитивистским пониманием опыта, особенно в его прагматическом варианте. Речь идет о прагматизме как философском учении, которое получило свою разработку и обоснование в трудах Пирса, Джемса, Дьюи и других западных философов. Наибольшее распространение прагматизм получил в США в начале 20 столетия, где его идеи наиболее полно соответствовали духу американского капитализма и всего уклада жизни американского общества, ориентированного на достижение максимальной выгоды и коммерческой прибыли. В отечественной философской литературе философия прагматизма была подвержена жесточайшей критике за очевидную склонность его к субъективному идеализму, мировоззренческому релятивизму и утилитаризму.

По происшествии времени, однако, становится очевидным, что некоторые принципы и идеи прагматизма, особенно в его инструменталистской трактовке, вполне вписываются в общую праксиологическую парадигму новейшего научно-технического мышления, пытающегося подобрать теоретические ключи для понимания организованной сложности мира и работы с ней.

Условием включения прагматической интерпретации человеческой жизнедеятельности в состав современной праксиологии может стать полный отказ ортодоксального прагматизма от своей исходной установки, согласно которой сознание человека полностью сводится к тому, «чтобы быть инструментом его нужд, что он не может ни в малейшей степени иметь в виду что-либо выходящее за пределы этих нужд» [3, с. 337].

Материалистически переосмысленный прагматистский инструментализм, на наш взгляд, может обогатить новейшую праксиологию рядом идей, позволяющих ей перейти с мировоззренческо-декларативного уровня на востребованный ныне операциональный уровень.

Этот последний сводится к построению в рамках праксиологии теоретических моделей с позиций современного структурно-функционального подхода.

Здесь следует заметить, что в современной методологической литературе часто раздвигают структурный и функциональный подходы. Утверждается, что структурные исследования направлены только на выявление способа или закона связей между элементами системы, а функциональные интересуются не внутренними, а только внешними, «результатными» аспектами жизнедеятельности системы.

Иногда, когда процессорные механизмы деятельности принципиально недоступны для прямого изучения, как, например, в случае с бессознательными факторами познания, такое разграничение приходится принимать. Специфический функциональный метод «черного ящика» как раз и предназначен для косвенного воспроизведения структурной морфологии по наглядным результатам функциональной активности.

В большинстве же случаев, в том числе и тогда, когда требуется объяснение преобладающей дискурсивной активности человека как целерациональной по своему существу, необходимо ориентироваться на комплексный, то есть структурно-функциональный подход, требующий сначала раскрытия реальной структуры системы деятельности, а затем – выявления ее закономерных результатов.

Дескриптивная познавательная система в упрощенном информационно-кибернетическом смысле может быть эксплицирована в рамках известной модели управления: входная информация (для науки – эмпирические данные), вслед за этим – процессорная переработка ее благодаря прежнему научному опыту как своеобразной внутренней информационной памяти, а также логико-методологическая трансформация эмпирических данных под влиянием нормативных предписаний (философских идеалов, теоретических картин мира, инструментальных норм и операций), которые превращают входную информацию в выходные данные (теоретические результаты, прикладные решения).

Эта модель, как и многие предшествующие ей, например, программа универсального преобразователя информации Тьюринга еще задолго до Виннера и Шеннона, была построена в соответствии с аналогическим стилем мышления, требующим отыскания тождественного сходства в многообразных явлениях действительности. Указанный стиль мышления обеспечивает общую для всякого рационального понимания задачу сведения сложного к простому через формулирование законов, имеющих междисциплинарное значение.

В кибернетике, на основе ассоциаций, навеянных новейшими открытиями в физике, математике, логике, биологии, теории связи и некоторых других наук, появляется структурно-функциональная модель, объясняющая с единых формальных позиций всякий процесс самоорганизации и управления.

Познавательный процесс – один из многих ему подобных процессов такого рода. Данное обстоятельство и позволяет, в дополнение к содержательному, философскому и психологическому объяснению характеристик познавательной деятельности применять также и формальное, теоретико-кибернетическое.

Однако, кибернетический подход в гносеологии таит в себе опасность такого абстрактного теоретизирования, которое может снизить уровень теоретического анализа соответствующей проблематики, как это произошло в свое время при построении неопозитивистской модели познания, элиминирующей действительного субъекта познавательной деятельности из рамок рассмотрения. К. Ясперс названную модель характеризовал как замену «высокой надпредметности» классической философии «пустой беспредметностью» формальных построений.

Если акцентировать внимание только на абстрактно-формальной стороне механизма формирования познавательного образа, то может сложиться впечатление, что предложенная неопозитивистами, узкая, по сути физикалистская, схема этого механизма адекватна реальной логике познания. Нормативные предписания, вытекающие из этой схемы, в содержательном виде можно выразить следующим образом: фиксируй предложения наблюдения, затем обобщай по известным индуктивным схемам для выведения закона, из закона дедуктивно выводи следствия в форме, позволяющей осуществлять проверку этого закона.

Однако, если помнить, что субъект познания, кому адресован данный алгоритм, является не механическим устройством с жесткой однолинейной детерминацией познавательного поведения, а реальный человек, включенный в реальную социальную практику, тогда становится ясным, что и сугубо кибернетический, структурно-функциональный и неопозитивистский подходы явно недостаточны для экспликации процесса познания.

Сложный процесс интериоризации внешнего мира во внутренний опыт познающего и практически действующего субъекта, то, что Маркс когда-то назвал процессом «пересаживания материального в человеческую голову и преобразования в ней», диалектико-материалистическая философия и современная праксиология объясняют с применением известных всеобщих диалектических законов и категорий и выделяют в этом процессе три основных этапа:

1. Внешняя практическая деятельность, при которой предмет практики диктует способ познавательной деятельности, в основном методом проб и ошибок.
2. Начало перехода внешне-предметных действий во внутренние перцептивные действия, то есть формирование образа восприятия на основе рассудочной генерализации опытных данных.
3. Продолжение процесса в виде идеализации образов путем конструирования теоретических моделей, логических манипуляций с ними, и, как результат, – создание фундаментальных законов и теорий, прогнозирование, принятие решений для реализации практических целей.

Таким образом, целерациональное движение человеческой жизнедеятельности можно изобразить в виде праксиологического круга: в практике начинается и практикой завершается эта жизнедеятельность.

Всего очевиднее становится ограниченность формального структурно-функционального понимания всей сложности человеческой познавательной и материально-практической активности, когда речь заходит о целерациональности, имеющей место в области гуманитарного познания и социальной практики.

В познавательных ситуациях такого рода представленная выше кибернетическая модель хотя и применима, однако в гораздо более сложном варианте, который представлен в рамках таких уже ранее названных прикладных методологических дисциплин, как теория исследования операций и теория принятия решений, которые часто объединяются в литературе общим названием системного анализа.

Принимая такую предметную трактовку системного анализа, следует подчеркнуть, что он занимается проблемами рационализации процесса принятия самых сложных решений по поводу совершенствования организационных форм, то есть тех, которые имеют место при

наличии большого количества разнородной и даже противоречивой информации и, следовательно, типичных для практики социальных преобразований.

Здесь вполне уместно напоминание, что структурно-функциональный подход в исследовании организационной деятельности одним из первых начинал разрабатывать отечественный философ и ученый А.А. Богданов, создатель несправедливо забытой тектологии – всеобщей организационной науки, призванной перебросить методологический мостик между философским и теоретическим уровнями праксиологии.

Междисциплинарный характер тектологии отразил отчетливо зарождающиеся уже в начале 20 века и характерные для нашего времени идеалы и нормы мышления, который Л. Берталанфи назовет методологическим перспективизмом, призванным заменить прежний редукционизм мышлением, основанным на структурных аналогиях.

«Мой исходный пункт, – пишет А. Богданов, – заключается в том, что структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношение величин, и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим» [4, с. 205].

С инновационно-праксиологической точки зрения интересно то, что в тектологии Богданова мы находим, правда, без употребления современных специальных терминов, основные методологические процедуры системного синтеза и анализа. Читаем: «...всякое изменение комплексов и их форм возможно представить как цепь актов соединения того, что было разделено, и разделения того, что было связано» [4, с. 206].

По А. Богданову, прогрессивные изменения – это закономерное сохранение позитивных или уничтожение негативных организационных форм, по сути являющееся тем же принципом эволюционного естественного отбора, а также многих других похожих на этот принцип фундаментальных идей, витавших в духовной атмосфере новейшей науки: принципа дифференциации и интеграции систем Г. Спенсера, принципа наименьшего действия Ле Шателье в физической химии, объединенных привычной для современного системного подхода установкой, утверждающей, что всякая система стремится к изменению таким образом, чтобы свести к минимуму внешние нарушения.

А. Богданов отвечает на кардинальный вопрос о том, в каком направлении должна изменяться система, если она сохраняется. Как следует из его теории – ко все возрастающим различиям внутреннего содержания, или, выражаясь современным кибернетическим языком, в сторону увеличения структурного многообразия. Типичным примером такого разнообразия является, например, разделение трудовых операций, функциональное разнообразие в живом организме и т.п.

Таким образом, автор тектологии сумел на теоретически строгом уровне эксплицировать сложную диалектику изменчивости и устойчивости в развитии, показать механизм прогрессивных инноваций, что делает его исследование методологически весьма ценным для современной праксиологии.

В заключение подчеркнем, что задача комплексного построения инновационной праксиологии имеет не только мировоззренческое и теоретическое значение. Ее решение призвано способствовать повышению методологической культуры будущего специалиста любого профиля, активизации его деловой активности.

### Литература

1 Новожилов, В.С. Онтологические основы праксиологии с позиций информационно-кибернетического подхода / В.С. Новожилов // Известия Гомельского государственного университета. – Гомель, 2010. – № 6.

2 Котарбинский, Я. Принципы рациональной организации деятельности / Я. Котарбинский. – М., 1946; Котарбинский, Я. Трактат о хорошей работе / Я. Котарбинский. – М., 1958.

3 Цит. по: Философская энциклопедия: в 5 т. – М., 1962–1970. – Т. 4.

4 Цит. по: Тахтаджан, А.Л. Тектология: история и проблемы / А.Л. Тахтаджан // Системные исследования. – М., 1972.

УДК 1 : 502.131.1 : 303.7

## Социально-критический анализ стратегии устойчивого развития

Н. О. Сиротко

В докладе Брунтланд (1987) было отмечено, что «развитие» должно быть «устойчивым». В результате этого, в течение последних двадцати лет мы могли столкнуться с несколькими дискуссиями на тему устойчивого развития, часть из которых взаимно исключалась. Анализ международного документа показывает, что стратегия устойчивого развития в данном ее понимании есть, в первую очередь, не экологическая, а экономическая идея.

**Ключевые слова:** интересы, ограничения, окружающая среда, потребности, устойчивое развитие.

In the wake of the Brundtland report (1987) it was argued that 'development' ought to be able to accommodate 'sustainability'. As a result, during the last twenty years we have been confronted with several different discourses of 'sustainable development', some of which are mutually exclusive. Analysis of international document shows that the sustainable development strategy in this sense is, first and foremost, not environmental, and economic idea.

**Keywords:** interests, limitations, environment, needs, stable development.

Понятие «устойчивое развитие» вошло в употребление после опубликования в 1987 году комиссией Брунтланд (по фамилии председателя, в тот период – премьер Норвегии) доклада о глобальной окружающей среде и развитии. Доклад также являлся первым глобальным описанием, учитывающим экологические аспекты развития с экономической, социальной и политической перспективы. Это был значительный прогресс по отношению к принятой почти декаду назад программе «Человек и биосфера» ЮНЕСКО.

Со времени пионерских рассуждений комиссии Брунтланд выражение «устойчивое развитие» использовалось в разных значениях, в зависимости от того, употреблялось ли оно в академическом контексте, либо в контексте планирования, бизнеса или экологической политики. В результате этого в течение последних двадцати лет мы могли столкнуться с несколькими дискуссиями на тему устойчивого развития, часть из которых взаимно исключалась. Например, защитники глобального равенства народов, ведущие международные корпорации, а также локальные организации, занимающиеся строительством жилья, – каждая на свой манер обращается к формулировке устойчивого развития для обоснования либо выставления в выгодном свете своей деятельности. Дифференцированное понимание проблемы значительно повлияло на восприятие экологического аспекта.

Делая экскурс в историю, заметим, что в большинстве случаев вызовы для человечества, преодоление которых было связано с использованием ископаемого топлива и производных материалов, считались триумфом экономики и элементом, влияющим на экономическое благосостояние. Опасением 70-х годов было то, что главные экологические проблемы будут результатом конечности ресурсов. В начале XXI века возник новый вызов: средства, использованные для преодоления нехватки сырья, включая замену некоторых видов сырья другими, а также «более чистые» экологические продукты, услуги, могут стать источником экологических проблем следующего поколения. Эта проблема является серьезным вызовом для социологов и для тех, кто отстаивает положение, что окружающая среда есть главный элемент, и считает устойчивость ключевым фактором в радикальной программе достижения сущностных изменений в современном капитализме.

Комиссия Брунтланд определила устойчивое развитие следующим образом: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает в себя два ключевых понятия:

– понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования



беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного решения;

– понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [1, с. 50].

Данное определение вошло в употребление в ситуации отсутствия согласия по процессу, который почти для каждого является желательным. Однако простота этого понимания обманчива и заслоняет сложность проблематики.

Анализ международного документа показывает, что стратегия устойчивого развития видится авторам Доклада как инструмент для одновременного достижения двух главных целей.

- Во-первых, решения проблемы бедности и нищеты в третьем мире, путем стимулирования экономического роста как в развивающихся, так и в развитых странах, и, как следствие, устранения проблем загрязнения окружающей среды.

- Во-вторых, сохранения биологического разнообразия в биосфере Земли, природных ресурсов для будущих поколений [2, с. 175].

Рассмотрим возникающие на этом пути трудности.

Первое заблуждение авторов Доклада состоит в том, что решение проблем окружающей среды может быть достигнуто в результате устранения бедности в третьем мире. Действительно, проблема загрязнения окружающей среды отчасти связана с проблемой бедности в третьем мире, но стимулирование экономического роста в странах третьего мира ведет к ее еще большему обострению. Если бедность и нужда часто действительно являются одними из главных причин разрушения окружающей среды, то устранение бедности и нужды отнюдь не ведет автоматически к бережному отношению к природе. Напротив, удовлетворение основных потребностей и дальнейшее стремление к более высоким стандартам потребления, сопоставимым со стандартами развитых стран, происходит при возрастающем потреблении энергии и ресурсов. Это верно, во всяком случае, тогда, когда структуры производства и потребления, существующие в развитых странах, представляют собой образец для всеобщего подражания. Даже если в Докладе Брунтланд и во многих других публикациях подчеркивается необходимость некоего «иного развития», современное экономическое развитие все еще осуществляется по «проблемным» образцам энергетически и ресурсно-интенсивной модели индустриализации развитых стран. Но такое развитие не может быть примером для развивающихся стран, так как оно экологически неустойчиво. Причем именно будущие поколения могут быть больше всех затронуты результатами проведения политики энергетически- и ресурсно-интенсивного развития.

В Докладе Брунтланд не представлено ни одного аргументированного обоснования возможности практической реализации концепции продолжительного экологически устойчивого роста. Более того, Доклад подменяет конкретный анализ возможностей реализации концепции введением нормативных постулатов: «Комиссия придерживается мнения, что массовая бедность не может далее рассматриваться как естественная. Бедность не только сама по себе есть зло. Бедность требует устойчивого развития для удовлетворения основных потребностей всех людей, развития, которое должно открыть всем людям перспективу лучшей жизни. Мир, в котором правит бедность, всегда будет подвержен экологическим и иным катастрофам...» [1, с. 51]. Однако, экономический рост в странах третьего мира еще не гарантирует решения проблем бедности. И хотя с ростом ВВП на душу населения растет уровень благосостояния людей, преимущества роста обычно распределяются в пользу богатых и в третьем мире.

Из этого следует, что проблема загрязнения окружающей среды связана, в первую очередь, не с бедностью в странах третьего мира, а с господствующей энергетически- и ресурсно-интенсивной моделью развития стран Запада, которую стремятся копировать развивающиеся страны.

Серьезное заблуждение авторов Доклада состоит в том, что удовлетворение основных потребностей современного поколения возможно без существенного ущемления жизненных шансов и интересов будущих поколений иметь как минимум равный нынешнему уровень

удовлетворения своих собственных потребностей.

Сформулированный в 1992 г. 3 принцип Декларации Рио-де-Жанейро по делам окружающей среды и развития гласит: «Право на развитие должно быть реализовано, чтобы обеспечить справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды» [3].

Неудовлетворение основных потребностей может вести к экологически опасным последствиям; высокие темпы прироста населения и хищническая эксплуатация окружающей среды являются как предпосылкой, так и следствием материальной нищеты во многих регионах планеты. Но из этого, однако, не следует обратное, а именно то, что глобальное удовлетворение основных потребностей, которое со своей стороны связано со значительным возрастающим использованием природных ресурсов, можно как-то согласовать с шансами будущих поколений на такой же уровень удовлетворения хотя бы основных потребностей. Эта задача представляется тем более невыполнимой, если высокие уровни потребления в развитых странах не будут пересмотрены в сторону уменьшения, а по всему миру не станут добиваться удовлетворения основных потребностей при меньшем потреблении энергии и природных ресурсов [4, с. 36].

Вопрос о необходимости введения жестких ограничений по уровню потребления в развитых странах затрагивается в брунтландовском Докладе лишь вскользь и ограничивается не более чем благими пожеланиями. Устойчивое развитие предполагает, что люди с высоким уровнем благосостояния *добровольно* изменят свои жизненные привычки в той мере, в какой это соразмерно экологическим возможностям нашей планеты.

Комиссия Брунтланд избегает в своем Докладе какого-либо серьезного анализа этой сложной ситуации. Она предпочитает выйти из затруднительного положения с помощью своего рода комбинации из этических постулатов, главный из которых состоит в том, что все поколения, и современное, и будущие, имеют (будут иметь) свою долю справедливых притязаний на удовлетворение собственных потребностей. Словно такого рода удовлетворение потребностей фактически возможно! Однако, апория здесь состоит не в принципиальной неразрешимости проблемы, если принять во внимание существующую возможность для перераспределения шансов на использование ресурсов между «первым» и «третьим» миром. Доклад также не предлагает никаких убедительных аргументов в пользу того, что при ущемлении интересов богатых стран в пользу развивающихся стран могло бы быть найдено решение, которое в то же время не было бы в ущерб еще не представленным сегодня будущим поколениям. Как представляется, все это выдает озабоченность Комиссии лишь интересами современного поколения.

Следовательно, будущие поколения не могут обладать равными современному поколению шансами на удовлетворение своих потребностей в связи с фактическим уменьшением мировых запасов природных ресурсов. Равное удовлетворение основных потребностей в рамках современного поколения требует существенного ущемления интересов богатых стран в пользу бедных, перераспределения шансов на использование ресурсов между Севером и Югом, добровольный массовый альтруизм.

Анализируя определение Брунтланд, заметим, что сами «потребности» изменяются во времени, поэтому едва ли правдоподобно, чтобы потребности будущих поколений были те же, что и потребности настоящего поколения. Развитие само в себе способствует определению «потребностей», создавая особенные дефиниции для каждого поколения и разных культур. Являются ли развитие или экономический рост основными определителями изменяющихся потребностей? В какой степени наше осознание изменений в сфере потребностей влияет на их удовлетворение? Это те вопросы, которые редко задаются вне радикальных кругов «зеленых», но они имеют последствия для всех нас.

Вышесказанное подводит нас к постановке следующего вопроса, который не содержится в определении, – каким образом в разных культурах определяются потребности? Во многих случаях имеет место силлогизм: устойчивое развитие неизбежно для всех нас, но

может пониматься по-разному в зависимости от культуры. Это кажется удобным, пока мы не начнем задавать себе вопрос, каким образом эти разные определения связаны друг с другом. В одном обществе существует согласие о том, что свежий воздух и открытые пространства – это необходимые критерии устойчивого развития. Следовательно, будет очень трудно соединить такое определение «потребностей» с дефиницией других обществ, стремящихся скорее к материальному богатству, даже ценой большего загрязнения. Именно такая ситуация имеет место в развивающихся странах, когда прибыль от ускоренного экономического роста обещает немедленную выгоду, а окружающая среда должна использоваться исключительно для пользы богатых стран. Более того, как мы можем установить, какой вид деятельности является *более* устойчивым? Мнение, что общества (государства) должны сами определять, не слишком помогает делу (кто решает? На каких основаниях принимаются решения?).

Существует множество недоразумений (противоречий), связанных с вопросом, что следует согласовывать (устойчивое, или согласованное развитие).

Некоторые экономисты, ратуящие за окружающую среду, полагают, что природные ресурсы, или «критический природный капитал», составляют приоритет в отношении к доходам, которые черпаются из них. Они утверждают, что созданный человеком капитал не может быть успешным заместителем природного капитала, а устойчивое развитие выступает скорее как «сильное», а не «слабое». Если нашей целью является устойчивое пользование возобновляемыми ресурсами, тогда устойчивое развитие предполагает, что управление этими ресурсами осуществляется в интересах природного капитала. Если мы хотим измерить «критический природный капитал», то мы можем выяснить уровень замещения произведенного капитала капиталом натуральным [4, с. 34].

Это увеличивает количество проблем политического и дистрибутивного происхождения. Во-первых, не следует забывать, что природный капитал, «критический» или нет, обыкновенно находится в собственности индивидов, групп или корпораций. Защита общих ресурсов перед лицом сильного наступления рынка явилась источником политической борьбы, которая значительно усилилась с конца 80-х годов и триумфа неолиберализма в международных политических кругах. Характер этого общественного сопротивления получил название «общественный капитал» – термин, продвигаемый Всемирным банком.

Защиту природного капитала нельзя отделить от определенных ключевых вопросов, связанных с распределением. Кто владеет генетическим материалом, контролирует его, а также распоряжается окружающей средой? Какая связь между «экологическими услугами», выполняемыми государствами с низкими доходами, а также как выглядит их будущее участие в охране ресурсов?

На вопрос «что следует согласовывать?» можно ответить по-другому. Некоторые авторы утверждают, что следует согласовывать настоящий (либо будущий) уровень производства (или потребления). Речь идет о том, что рост численности населения в мире ведет к увеличению требований к окружающей среде, и определение устойчивого развития должно брать этот факт во внимание. Одновременно потребительская практика индивидов изменяется вместе с растущими заработками. Имея выбор, большинство жителей Индии, Китая или Бразилии может хотеть иметь собственный телевизор или автомобиль, по примеру индустриальных стран Севера. То, что делает это для них невозможным, – низкие зарплаты и относительно «слабо развитая» инфраструктура в бедных странах. Если страны, такие как Китай или Индия, будут и далее достигать высоких показателей долгосрочного экономического роста, то ожидания у населения этих стран в отношении потребностей радикально сменятся [4, с. 37]. Как соотносить с устойчивым развитием мощные движения рынка, связанные с увеличением реализации автомобилей или телевизоров?

Существуют различные ответы на этот вопрос. Те, кто поддерживает устойчивое развитие в контексте товаров и услуг, получаемых через рынок и бизнес, аргументируют, что должны расширять потребительскую базу. Другие подчеркивают, что производство большинства товаров и услуг в настоящее время неустойчиво по своей сути и что должно насту-

пить уменьшение или изменение моделей потребления. Более того, как в развитых, так и в большом числе развивающихся стран утверждается, что эффективное функционирование в экономике невозможно без компьютеризированной системы информации и доступного частного транспорта.

Разные подходы к вопросу об «устойчивости» отражают различные модели поведения людей каждый день, что редко обсуждается. Люди определяют свои «потребности», успешно посягая на удовлетворение потребностей других людей, что в итоге может стать для этих людей долгосрочной угрозой (в контексте устойчивости). Что еще более важно – процесс, в котором расширяются возможности собственного выбора (уменьшая тем самым выбор других), является в значительной мере незаметным для нас в повседневной жизни. Однако он имеет ключевое значение, если мы сознательно хотим вести себя более «устойчиво».

Пока эти процессы не станут более явными, дискуссии об устойчивом развитии должны будут учитывать вопрос, должны ли экологические расходы переноситься (и как) с одной группы на другую, как в рамках одного общества, так и между ними. Север экспортирует большинство своих токсических и технологических отходов в беднейшие страны, а также многие из своих «потребностей», связанные с энергетикой, питанием, минералами, реализует с помощью Юга. Более того, общественное неравенство имеет характер не только внутри-, но и межпоколенный: уничтожается настоящее, за что заплатить придется будущему. В бедных обществах гораздо более очевиден приоритет настоящего перед будущим, где для многих людей вызовом является даже вопрос выживания.

На сегодняшний день вывод неутешителен: «Пока наши северные экологические следы остаются такими большими, как сегодня, и фактически продолжают увеличиваться, у нас нет права и ни малейшей возможности помешать китайцам и всем другим народам следовать по нашему смертельному пути. Северу просто удобно отрицать, что этот путь смертелен. Поэтому Север продолжает ждать, что где-то когда-то появится рыночный сигнал, побуждающий нас снизить потребление бензина или воды – выжидательная позиция, которая сама по себе неустойчива» [5, с. 296].

Мы имеем также другое наследие прошлого. Экономика, исторически сформированная вокруг идеи нехватки ресурсов и выгоды, приносимой технологиями, основывалась на увеличении прибыли от скудных ресурсов. Среди других выгод экономического роста следует указать на политическую законность, которая признавала в динамично развивающейся капиталистической экономике тех, кто успешно преодолевал трудности, чтобы больше производить и «создавать» больше «богатства». Данные предположения нелегко примирить с возможностью сделать устойчивым индустриальный Север. Также существует трудность в согласовании «развития» и «устойчивости». Очень проблематичной представляется легитимация только одной формы «ценностей», хотя и являющейся фундаментальной в капиталистических, индустриальных обществах. Также следует указать на пути понимания вопроса «богатства», учитывая, что большая часть этого богатства производится таким образом, что подрывает устойчивость. Немецкий социолог Ю. Хабермас подошел категорично к данной проблематике, вопрошая: «Может ли цивилизация позволить себе полностью поддаться направляющей силе одной из своих подсистем – а именно динамической закрытой экономической системе, которая может функционировать и быть стабильной только лишь путем перевода воспринимаемой важной (*релевантной*) информации на язык экономических ценностей и ее преобразования» [4, с. 38].

По обсуждаемой проблеме «устойчивости» установлено, что ее потенциал лежит в дискурсах, к ней относящихся, а не в непосредственной (сущностной), или эвристической ценности, которой она обладает. Следует внимательно проследить данные дискуссии. Некоторые исследователи считают, что идея устойчивого развития, достигнув совершеннолетия, в настоящий момент лишена полноты прав взрослого гражданина. Вместо новых, радикальных интерпретаций, которые вынуждали бы нас к изменению понимания устойчивого развития, этот термин, обычно не подвергая критике, соотносят с существующими практиками и поли-

тикой, что дает прибыль от ребрендинга. Как это изменить?

Прогресс в глобальной коммуникации и генетике выделил нашу связь с окружающей средой настолько существенно, что было бы немудро выражать ее без «природы», которая описывается как «устойчивая». В XXI веке принципиальным является восприятие нас самих как части дискурса об устойчивости. В конце XX века устойчивое развитие эволюционировало как собрание наблюдений природы и наших с ней связей, но для большинства было ясно, что ключевое значение имеют связи другого характера, существующие внутри и между обществами. «Природа» как внешний для нас элемент придала смысл критике неустойчивой экономической политики.

Подводя итоги, заметим, что задача устойчивого развития, согласно основным международным документам (Доклад Брунтланд, «Повестка дня на XXI век»), сводится к поддержанию экономических функций окружающей среды с целью гарантировать, как минимум, сравнимый с нынешним уровень потребления на неограниченном временном отрезке, т.е. в конечном счете, к задаче рационального менеджмента «природного капитала». Комиссия Брунтланд видит оптимистическую перспективу устойчивого развития как устойчивого роста: «Технологическим и социальным развитием можно управлять, оно может быть приведено к такому состоянию, которое открывает новую эру для экономического роста» [1, с. 9–10]. Таким образом, «устойчивость» в данном ее понимании есть, в первую очередь, не экологическая, а экономическая идея.

### Литература

1 Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989. – 372 с.

2 Катасонов, А.В. Политическая концепция устойчивого развития: сопоставительный анализ современных версий: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.В. Катасонов. – М., 2008. – 229 л.

3 Декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1738>. – Дата доступа: 15.03.2009.

4 Michael R. Redclift. Sustainable Development (1987–2005) – an Oxymoron Comes of Age // Problems of Sustainable Development. – Vol. 4, No 1, 2009. – S. 33–50.

5 Вайцзеккер, Э. Фактор четыре: Затрат – половина, отдача – двойная: Новый доклад Римскому клубу: пер. с англ. / Э. Вайцзеккер, Э.Б. Ловинс, Х.Л. Ловинс. – М.: Academia, 2000. – 400 с.

УДК 130.2 : 316.7 : 005.44 (=161.3)

## Проблема национально-культурной идентичности белорусов в условиях глобализирующегося мира

В. К. СТЕПАНЮК

Особую остроту в условиях современного глобализирующегося мира приобретает поиск основ идентификации нации. Наиболее эффективная стратегия дальнейшего развития Беларуси должна предполагать учет тех ментальных особенностей белорусской нации, которые сложились исторически: сильная связь с традицией, миролюбивость, толерантность и веротерпимость. Это позволит Беларуси стать той моделью глобализирующегося государства, которое при сохранении собственной национальной идентичности сможет вписаться в глобальное социокультурное пространство.

**Ключевые слова:** белорусская нация, глобализирующийся мир, идентичность, коммуникации, универсализация и глобализация культуры.

The search for the nation identification bases under a modern globalizing world has become very topical. The most effective strategy for further development of Belarus should take into account mental peculiarities of the Belarusian nation which have been formed historically: strong ties with tradition, peace loving, tolerance and tolerance of other people's beliefs. These allow Belarus to become the very model of a globalizing state, which preserving its own national identity will be able to join the global socio-cultural space.

**Keywords:** Belarusian nation, a globalizing world, identity, communications, universalization and globalization of culture.

Актуализация этнонациональных проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации. Глобализация знаменуется превращением мира в единое социальное пространство, охваченное разнообразными сетями экономических, политических, социальных коммуникаций. Сложение транслокальных рынков сбыта и труда, образование транснациональных корпораций и международных экономических, политических, культурных организаций, действующих поверх границ национальных государств, ставит под вопрос суверенитет и полномочия национального государства. Глобализация в области культуры способствует размыванию тождественности границ национальных культур, расшатыванию сложившихся этнических и национальных традиций. Одной из ведущих сил глобализации выступает миграция – трудовая, туристическая, образовательная. Непрерывные перемещения, развитие международных контактов различного уровня порождает появление новых – транслокальных, транснациональных идентичностей [1, с. 115].

Действие транснациональных экономических сил, функционирование глобальных и региональных политических организаций, сложение устойчивых политико-экономических объединений по примеру Европейского союза размывает сложившуюся международную систему национальных государств, проблематизирует статус национального государства на международной арене.

Однако, чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы национально-культурной идентичности.

В глобализирующемся мире, где «деструктурируются организации и общественные отношения, делегитимизируются институты, только идентичность остается островком безопасности, главным, а иногда и единственным источником смыслов» [2]. Особенно это важно для белорусского общества, существующего на пересечении различных культур и традиций, однако способного на протяжении столетий сохранять и делать возможным гармоничное и продуктивное их взаимодействие.

Социокультурная и национальная идентичность выражает систему принципов, норм, традиций, критериев, средств языковой коммуникации, а также эмоциональный настрой и

стереотипы, проявляющиеся в исторической действительности данной социокультурной общности – этноса, нации и т.д. Идентичность является тем общим, что создает целостность, единство данных конкретных субъектов и отличает их в том или ином отношении. Степень общности или различные отношения, в которые вступает на определенном уровне и в определенный исторический момент данная социокультурная общность, – это проявление различной идентичности.

С изменением общественно-исторических условий, геополитической координации мира, взаимодействия с другими культурами меняется и развивается идентичность каждого этноса, нации, группы наций и народов. В этом смысле социокультурная идентичность есть исторически изменяющаяся категория. Однако в ней есть нечто постоянное, инвариантное.

В одних случаях социальные общности (этнос, нация и т.д.) могут развивать собственные, присущие только им принципы, нормы, критерии, ценности, стереотипы, углубляя и воспроизводя свои исторические традиции в новых условиях. В других – под влиянием чужих культур включаться в более широкую степень общности или вообще терять свои специфические характеристики, превращаясь в какую-то другую форму идентичности.

Особенно интенсивно эти процессы происходят сейчас, в эпоху глобализации.

Проблема национально-культурной самоидентификации напрямую связана с вопросами национальной идеи, самоощущения личной принадлежности к определенной национальной культуре. Культурная самоидентификация определяется через корреляцию с тремя главными составляющими социокультурного процесса:

- погруженностью в единое семиотическое поле культуры;
- принадлежностью, сопричастностью и сопрягаемостью с общим историческим путем развития культуры;
- принятием и осознанием ценностно-традиционного строя культуры, ее ценностной семантики, выраженной в историческом наследии и специфике ментальности [3, с. 496].

В условиях современного глобализирующегося мира основания национально-культурной идентификации существенно трансформируются. В этом смысле историко-философская и, в целом, историко-культурная компонента оснований национальной идентичности является наиболее устойчивой, инвариантной по отношению к современным формам развития и ассимиляции массовой культуры. Такую же устойчивость демонстрируют и те типы индивидуального и общественного сознания, которые обращены к истокам национальной культуры.

В рамках соотношения категорий глобальное – локальное принципы и идеалы национально-культурной идентификации имеют консервативно-локальное значение. Тем самым создается защитная среда культурным ценностям конкретного национального государства, что неизбежно приводит к возникновению противоречий между ними и тенденциями универсализации и глобализации культуры. Возникновение противоречий свойственно также соотношению базисных принципов национально-культурной самоидентификации и ценностно-мировоззренческих ориентаций личности.

Как правило, более мощная культура и цивилизация стремится структурировать не только свое, но и окружающее пространство, в соответствии со своими политическими и экономическими принципами, интересами и ценностями.

Тип общества на каждой конкретной стадии его исторического развития определяют основания культуры. Они представляют собой предельно обобщенную систему мировоззренческих представлений и установок, формирующую целостный образ человеческого мира и реализующуюся в форме мировоззренческих универсалий, аккумулирующих опыт человечества. На основе системы универсалий, определяющих способ осмысления и переживания человеком окружающей действительности, складывается характерный для исторически определенного типа культуры образ мира и представление о месте человека в мире.

Любая исторически сложившаяся в культуре система универсалий сохраняется до тех пор, пока она обеспечивает воспроизводство и генерацию необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения.

Смыслы мировоззренческих универсалий культуры обнаруживают себя во всех формах духовного и практического освоения мира. Люди всегда воспринимают универсалии культуры с позиции своего жизненного опыта, вкладывая в них личностный смысл. В результате, в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве их индивидуального мировоззрения.

Формирование и преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственное изменение типа культуры всегда связано с переломными этапами человеческой истории, когда происходит не только трансформация образа человеческого мира, но и изменение продуцируемых им типов личности.

Современная цивилизация как раз находится на переломном этапе своего развития, когда необратимые изменения происходят не только в окружающей человека среде, но и в предметной среде, где непосредственно живет человек. Возникают совершенно новые формы организации труда, виды коммуникаций, способы хранения и передачи информации, связи в человеческих сообществах. Мир становится многокультурным, однако нивелирования культур не происходит: культуры сосуществуют, взаимно влияют друг на друга. Национальная идентичность важна для самосохранения страны, народа в глобализирующемся мире.

Поскольку под социокультурным процессом как феноменом материального и духовного воспроизводства жизни социума понимается «сложнейший процесс социальной эволюции общества под влиянием многообразных факторов развития культуры – совокупного продукта непрерывной творческой деятельности человека во всех сферах бытия и сознания» [4, с. 3], постольку социокультурная идентичность будет охватывать социальные ориентации людей, их ценности и правила, и раскрывать их различия, обусловленные факторами национальной культуры.

Социокультурная идентичность характеризует совокупность ценностей, идей и взглядов, принятых в малой или большой группе населения, распредмеченных в интересах преобразования социальной реальности, обусловленных мировоззренческими представлениями членов этой группы, понимания группой своего места и целей жизни, осознания себя в истории, а также соответствующие этим ценностям и представлениям поступки, поведение в целом [5, с. 3–17].

Социокультурная идентичность является важнейшей характеристикой любой социальной общности как части нации, народа в целом. Принадлежность к определенной социальной общности и типу культуры придает людям уверенность в себе, облегчает восприятие многих жизненных ситуаций в соответствии с принятыми в данной культуре образцами, создает у людей чувство безопасности и социальной защищенности. Устойчивая социокультурная идентичность помогает преодолеть кризисные состояния в семье и обществе, и, следовательно, является важным фактором, воздействующим на социальное развитие страны и ее будущее.

Одним из признаков современных глобализационных преобразований является глобальная переориентация культуры, в результате чего формируется и распространяется понятие мировой культуры, влияние которой испытывает на себе также белорусское общество. За положительными последствиями такого процесса нередко скрываются попытки создания культуры «транснационального структурного капитализма», которая ориентирована на формирование культурной среды, в основе которой были бы положены ценности и нормы американского общества, способствующие реализации продуктов массовой культуры.

Такого рода культурная экспансия вызывает во многих странах мира попытку отгородиться от чужих, навязанных, неприемлемых для внутренней культуры ценностей, взглядов, стандартов поведения и т.п.

Для славянских стран бывшего Советского Союза, в том числе Республики Беларусь, также назрела необходимость взятия под контроль процессов влияния на духовную жизнь общества продуктов культуры западных стран, не соответствующих, а порой вступающих в конфликт с менталитетом собственной страны.

Современная социокультурная идентичность белорусов, с одной стороны, определяется рядом факторов, общих для любого процесса коллективной идентификации, а, с другой, – специфическими для современной культурной ситуации в Беларуси чертами.



Именно посредством различных типов социокультурной идентичности белорусы сохранили свою национальную специфику. Поскольку белорусы включались в разные государственные образования, все они активно воздействовали на формирование их идентичности.

Наиболее важными среди многих типов социокультурной идентичности считаются лингвистическая (владение языком нации), семейная, религиозная.

Социокультурная идентичность проявляется также посредством различных ассоциаций, сообществ людей. Со всеми типами социокультурной идентичности тесно связана народная белорусская культура.

Для белорусского менталитета издавна характерна сильная связь с традициями и историческими корнями, «можно отметить присущую белорусам несклонность к разжиганию и поддержанию конфликтов, к открытой борьбе за свои социально-культурные интересы. Даже когда эти интересы четко артикулируются, белорусы предпочитают занимать спокойную позицию, а не проявлять агрессивность. ...Наблюдается амбивалентный характер ценностных ориентаций белорусов. Частично эта особенность предопределена исторически: Беларусь всегда находилась между Востоком и Западом и поэтому имела амбивалентные интересы» [6, с. 227].

Сопричастность и сопрягаемость с общим историческим путем развития национальной культуры становится еще одним важнейшим фактором формирования культурной самоидентификации. Особенности белорусского духовно-культурного наследия определяются исторической судьбой народа и своеобразием его исторического пути, сложностями становления нации.

С одной стороны, ситуация в Беларуси является типичной для многих стран в том смысле, что, обладая собственной национальной культурой, она включает в себя значительную часть элементов мировой. Не подлежит сомнению тот факт, что белорусская культура европеизирована, но трудность заключается в сохранении внутреннего баланса между элементами национальной и европейской культур.

Осознание собственного исторического прошлого, адекватная интерпретация культурного наследия в свете современных исторических событий – вот главные задачи, стоящие сегодня перед белорусами, стремящимися осознать свою культурную уникальность и самобытность.

Обязательным условием формирования устойчивой национально-культурной самоидентификации является принятие и осознание ценностно-традиционного строя культуры. Белорусская культура в основе своей опирается на общеславянские ценностные ориентации. В то же время собственно белорусское восприятие мира, ценностный строй наших ментальных структур характеризуется и специфическими чертами, основы которых закладывались веками национальной истории культуры.

Современная белорусская культура, стремясь к единству, общности ценностных установок, настоятельно требует выработки новой парадигмы развития белорусских приоритетов и ценностей, непосредственно базирующихся на основах ментальности, сформировавшихся в ходе всего историко-культурного развития белорусской нации. Однако не следует забывать, что в глобализирующемся мире сохранение самобытности и оригинальности культурно-цивилизационного феномена Беларуси неразрывно связано с процессами выстраивания отношений с другими культурами на основе диалога, поликультурности и интеграции.

По вопросу о роли и судьбе национального государства в условиях глобализации высказываются самые разные мнения: от его абсолютизации до полной нивелировки его функций и возможностей. В обыденном сознании людей национальное государство предстает как универсальная форма организации общества, призванная создать все необходимые условия для жизни людей, защиты их прав и т.д. Еще совсем недавно государства представлялись как исключительные субъекты международных отношений и посредники в поиске и обеспечении сотрудничества для различных внутригосударственных субъектов. В условиях глобализации ситуация резко меняется. Ее сутью становится неподвластный государству процесс информационных, финансово-коммерческих, культурных и иных коммуникаций, лежащих в основе формирования новых надгосударственных общностей.

Становление и развитие новых транснациональных надгосударственных общностей «создает угрозу для одной из фундаментальных ценностей цивилизации – гражданского равенства, поскольку люди, вошедшие в мощные и организованные объединения, получают

преимущества перед людьми, не включенными в такие объединения или принадлежащими к относительно слабым общностям. Поэтому представительство и защита людей, не входящих в такие объединения, становится одной из важнейших функций государства... Отказ государства от исполнения этих функций вызовет выпадение огромных масс населения как из мирохозяйственной системы, так и из гражданских политических отношений» [7, с. 14].

В связи с анализом доминирующей тенденции современности – процесса глобализации, в фокусе внимания исследователей вновь оказались проблемы образования. Особый интерес в данной связи представляют государственные образовательные стратегии в области изменения идеологического компонента образовательных программ, а именно разработки того педагогического идеала, который стремится реализовать образовательная система в своей практике. Основной целью, стоящей перед национальной образовательной системой, в настоящее время выступает подготовка индивида, располагающего достаточными знаниями и возможностями для своей деятельности в различных культурно-политических контекстах. Такая трактовка педагогического идеала подкрепляется новым пониманием индивидуальной идентичности, которая должна совмещать в себе несколько иерархических уровней принадлежности – национальный, региональный и глобальный. Национальный компонент означает чувство принадлежности к национальному государству, тогда как региональный – принадлежность к более значительному историко-культурному ареалу. Глобальный уровень предполагает осознание принадлежности к объединенному миру.

В условиях глобализации все более актуальный смысл приобретает проблема личностной идентичности как проблема сущностного определения границ своего «Я» по отношению к «другим».

Глобализационные процессы современности в своей направленности на субъекта актуализируют вопрос о собственном осознании себя либо как части какой-либо организации, движения; либо как автономного, не представленного ни в каком социальном сообществе, субъекта действия; либо как создателя собственной идентичности. Если ранее индивид рассматривал себя исключительно в рамках национального государства и через призму национального государства, то современный субъект уже получает возможность мыслить себя, исходя из транснациональной перспективы. Сегодняшние общемировые тенденции позволяют говорить о том, что индивид все более стремится выйти из состояния пассивного объекта (будь то государственной или национальной политики, традиционных норм и убеждений или религиозных предписаний) и, благодаря этому, самостоятельно выстраивать собственную идентичность.

Представление о единичной идентичности, формирующейся на базе национальной принадлежности, более не применимо для анализа специфики идентичности в глобализирующейся реальности. Непрерывные миграции, перемещения и смена места жительства, длительные и кратковременные контакты с представителями различных культур вынуждают индивида вырабатывать различные стратегии самоидентификации.

Проблема идентичности в условиях глобализирующихся сообществ усугубляется тем обстоятельством, что образование более не выступает основным, доминирующим фактором ее формирования. Непрерывные миграции и перемещения значительных групп населения ставят под вопрос функцию формирования и поддержания национальной принадлежности, осуществляемую всеобщим обязательным образованием. Новую роль в формировании индивидуальной и групповой идентичности выполняют в настоящее время глобальные средства массовой коммуникации и, прежде всего, Интернет. В условиях глобализации функции образования подвергаются радикальному переосмыслению. По замыслу теоретиков образовательной политики, транслируемое образование содержание не должно быть ограничено рамками национальной культуры, а включать также тематики, развиваемые в глобальном политическом и медийном дискурсе. Тем самым образование призвано содействовать формированию множественной идентичности, иерархически выстраиваемой из локально-национального, регионального и глобального уровней. Однако остается вопросом будущего, насколько возможным окажется проект формирования региональной и глобальной идентичности посредством образования, нацеленного, прежде всего, на трансляцию национальной культуры, ограниченной в своем конкретном пространственно-временном континууме.

Опасность глобализации состоит в том, что человек постепенно утрачивает непосредственную связь с естественным природным и социально-культурным пространством, которое унифицируется под воздействием новых стандартов массовой культуры и стилей жизни. Это пространство приобретает черты непредсказуемой искусственности, оно конструируется и символизируется, обуславливая соответствующие состояния сознания отдельных людей. Поэтому важнейшая задача современного образования заключается в том, чтобы формировать у человека устойчивые ценностно-мировоззренческие структуры, отличающиеся относительной инвариантностью и выступающие нормативными и культурноценностными критериями отбора и усвоения информации.

### Литература

- 1 Рысакова, П.И. Национальная система образования как агент формирования глобальной идентичности / П.И. Рысакова // Философские науки. – 2010. – № 10.
- 2 Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУВШЭ, 2000.
- 3 Сокольчик, В.Н. Национально-культурная самоидентификация белорусов в условиях глобализирующегося мира / В.Н. Сокольчик // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир: Материалы международной научной конференции. – Минск, ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2008.
- 4 Танатова, Д.К. Антропологический подход в социологии / Д.К. Танатова. – М., 2006.
- 5 Лапин, Н.И. Проблема социокультурной трансформации / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2000. – № 6.
- 6 Титаренко, Л.Г. Социальная и национальная идентичность белорусов: основные типы и особенности трансформации / Л.Г. Титаренко // Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации: Сб. науч. ст. – Минск: НАН Беларуси, Институт социологии, 2006.
- 7 Соколов, В.В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности / В.В. Соколов // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 3.

УДК 930 (476): 930.1(73); 141.2(73)

## Историография А. К. Кравцевича в свете поэтологической философии истории Х. Уайта

В. В. ЦАЦАРИН

Статья посвящена рассмотрению концепции происхождения и ранней истории Великого княжества Литовского А.К. Кравцевича с точки зрения поэтологической философии истории Х. Уайта.

**Ключевые слова:** идеологический подтекст, историко-генетический метод, компаративистский анализ, контекстуализм, философия истории.

The article deals with the analyses of A.K. Kravtsevich's conception of the origin and early history of Grand Lithuanian principality viewed through poetologic philosophy of history by H. White.

**Keywords:** ideological implication, historic-genetic method, comparative analyses, contextualism, philosophy of history.

Американский философ Хейден Уайт предложил свою концепцию философии истории, которая получила в литературе название «лингвистический поворот в истории». Сам Уайт назвал свою теорию поэтологической философией истории [1, с. 22]. Согласно Уайту, на выбор историком тематики исследования, на стиль написания им той или иной работы влияние в первую очередь оказывают не методы, которые он использует при исследовании, а некоторые вненаучные моменты, которые скорее относятся к литературному творчеству – тип построения сюжета, тип формального доказательства и тип идеологического подтекста. Данная концепция была проанализирована нами ранее [2, с. 62–69]. Также нами была рассмотрена с этих позиций концепция истории Беларуси Н.И. Ермоловича. По нашему мнению, Ермолович использовал в своих исторических произведениях тип построения сюжета – комедия с элементами трагедии, тип формального доказательства – контекстуализм с элементами механицизма и тип идеологического подтекста – консерватизм [3, с. 53–62]. Целью данной статьи является анализ концепции происхождения и истории Великого княжества Литовского современного белорусского исследователя А.К. Кравцевича. При этом используются методы компаративистского анализа, историко-генетический метод.

Историческую концепцию А.К. Кравцевича можно отнести по типу построения сюжета к роману (или волшебной сказке, по терминологии П. Рикёра). Уайт отмечает, что для сюжета, построенного по типу романа, характерна итоговая победа добра над злом. Уайт использует термин “роман” в значении “рыцарский роман”, а не литературный роман, привычный для нас. У Рикёра данный тип построения сюжета имеет название волшебной сказки, что, возможно, более точно передаёт характер этого типа. Герой такой истории побеждает окружающий мир, освобождается от него и переделывает его [1, с. 30].

Кравцевич рассматривает такой аспект средневековой истории Беларуси как становление Великого княжества Литовского. Нами здесь анализируются его книги «Стварэнне Вялікага княства Літоўскага» [4], а также научно-популярная «Міндоўг. Пачатак вялікага гаспадарства» [5]. В них рассматриваются проблемы становления Великого княжества Литовского и его начальная история. Однако начинает Кравцевич своё исследование с более раннего периода, с вопросов балто-славянского взаимодействия в догосударственный период. В качестве главного героя исследования в работе «Стварэнне Вялікага княства Літоўскага» у Кравцевича имплицитно выступает население Великого княжества Литовского, то есть проживавшие на территории ВКЛ балтские и славянские племена. При этом Кравцевич постоянно подчёркивает мирный характер взаимодействия между балтами и славянами на данной территории. Он критикует историков, которые исходили из того, что пришедшие славяне завоёвывали территории балтов, а процесс становления Великого княжества Литовского рассматривали как обратный процесс завоевания балтами ослабевших славян-

ских государств. Кравцевич показывает, что, несмотря на абсолютное доминирование данного взгляда на историю Беларуси в прошлом, данная концепция ошибочна, а её истоки во многом видит в переносе мировосприятия историков XIX века на более раннее время.

Согласно Кравцевичу, основатели Великого княжества Литовского не могли исходить из интересов литовцев или белорусов, так как тогда эти народы ещё не сформировались. Также не выражали они интересы балтов или славян. В эпоху Средневековья на переднем плане находились не национальные, а, скорее, классовые интересы, что проявлялось в истории Европы постоянно. И становление Великого княжества Литовского, естественно, не является исключением. Что же касается основателя ВКЛ Миндовга, то Кравцевич отмечает, что он, если и выражал чьи-то интересы, то уж никак не балтов или славян, а только свои собственные и интересы своего рода, своей семьи.

Опыт мирного сосуществования балтов и славян, согласно Кравцевичу, очень помог населению Великого княжества Литовского в построении нового государства, укреплении его и обороне от внешних врагов. Сам процесс становления нового государства Кравцевич описывает как событие, навсегда изменившее жизнь населяющих его людей и сопредельных территорий. Повторив Уайта, можно сказать, что главный герой изменяет обстоятельства.

Естественно, что в становлении Великого княжества Литовского существовали различные трудности и препятствия, но население княжества или великий князь (главный герой книги «Міндоўг. Пачатак вялікага гаспадарства»), подчиняясь и примиряясь с некоторыми обстоятельствами, внешней жизнью, всё же добиваются своих целей. В итоге, все трудности были преодолены, новое государство было не только создано, выстояло в борьбе, но и стало важным фактором европейской политики. Таким образом, окружающая действительность была изменена и больше никогда не существовала в своём прежнем виде.

Таким образом, тип построения сюжета, используемый Кравцевичем при написании своих работ, можно охарактеризовать как [рыцарский] роман (волшебная сказка), возможно, с элементами комедии и трагедии.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные примеры из работ Кравцевича, которые подтверждают наши выводы. Говоря о расселении славян на балтских территориях, Кравцевич отмечает, что «у даследаванні працэсу ўтварэння ВКЛ гісторыкі шырока карысталіся аналагамі, здабытымі з пісьмовых крыніц 13–14 стст. па гісторыі Прусіі. Падставай было дапушчэнне, што развіццё абодвух балцкіх этнасаў адбывалася па падобнаму сцэнарыю, толькі літоўцам, у адрозненне ад прусаў, удалося стварыць уласную дзяржаву. Мне здаецца, падобныя аналогіі дарэчы пры вывучэнні найперш сацыяльнай гісторыі балцкіх плямёнаў. Аднак пры даследаванні дзяржаватворчага працэсу карыстацца такімі аналагамі патрэбна вельмі асцярожна, паколькі гістарычнае развіццё прускага і літоўскага этнасаў мела істотныя адрозненні і нямецкая каланізацыя Прусіі праходзіла не зусім так, як славянская на Панямонні» [4, с. 27]. Также к данному типу построения сюжета относится и вторая из анализируемых нами работ. В ней Кравцевич отмечает, что «у старажытнасці і сярэднявеччы каланізацыя новых земляў часта суправаджалася вострымі канфліктамі з мясцовым насельніцтвам. Напрыклад, многія нямецкія гарады ва ўсходняй частцы Германіі або ў Прусіі былі збудаваныя на месцы захопленых і знішчаных славянскіх і балцкіх паселішчаў. Да такіх гарадоў належыць, у прыватнасці, сучасная нямецкая сталіца – Берлін. На тэрыторыі Беларусі (у тым ліку на Панямонні) славянская каланізацыя... праходзіла зусім інакш – мірным шляхам і не суправаджалася вынішчэннем або выцясненнем тубыльцаў. Мясцовае насельніцтва было нешматлікае і рэдкае, каланістаў прыходзіла таксама не надта шмат, таму жыццёвай прасторы хапала для ўсіх» [5, с. 7].

Говоря о возникновении Великого княжества Литовского, Кравцевич утверждает, что «на час утварэння гэтай дзяржавы балта-славянскае ўзаемадзеянне было буйнейшай гістарычнай з’явай у рэгіёне. Дзяржава ўзнікла ў балта-славянскай кантактнай зоне і з самага пачатку складалася як з тэрыторый славянізаваных, так і балцкіх. Шматвяковы вопыт і напрацаваныя формы арганізацыі сумеснага жыцця дапамаглі ў крытычны (па знешніх прычынах) момант арганізавацца для стварэння дзяржавы, якая мела на сабе выразны адбітак супрацоўніцтва двух этнасаў. Кіруючая дынастыя і частка арыстакратыі мелі балцкае паход-

жанне, сістэма дзяржаўнай арганізацыі, сістэма права, дзяржаўная мова і большасць насельніцтва – усходнеславянскія. Усё гэта дазваляе вывесці, што ўзнікненне ВКЛ можна лічыць у пэўным сэнсе часткай працэсу балта-славянскага ўзаемадзеяння» [4, с.114]. Таким образом, новое государство возникло как выражение интересов обоих этносов, проживавших на данной территории. И в интересах обоих же этносов ВКЛ изменяла окружающую действительность, побеждая неблагоприятные условия своего существования. «У такіх умовах наступнай ступенню эвалюцыі балта-славянскага сімбіёзу на Панямонні стала стварэнне арганізацыі для абароны сваёй жыццёвай прасторы. Выглядае цалкам лагічным, што на чале арганізацыі стаў мацнейшы, правяраны ў баях і паходах ваенны правадыр. Яго этнічнае паходжанне істотнага значэння не мела, асабліва ў рэгіёне, дзе два этнасы вякамі жылі ўперамешку. Гісторыі вядома некалькі выпадкаў мірнага – па запрашэнню – прыходу балцкіх князёў на сталы ўсходнеславянскіх гарадоў і ніводнага – шляхам ўзброенага нападу» [4, с. 156]. Кравцевич также замечает, что «утварэнне новай дзяржавы аказалася цесна звязаным з гэтым працэсам, праходзіла пад яго моцным і, варта адзначыць, дабратворным уплывам. Папярэдні двухвекавы вопыт мірнага супрацоўніцтва аказаўся вельмі дарэчы, калі прыйшла патрэба стварыць новую дзяржаўную арганізацыю для абароны агульнай айчыны ад татараў і крыжакоў» [5, с.11]. Аналізуючы супрацьдзеянне ўзнікновению Великого княжества Литовского со стороны Галицко-Волынского княжества, Кравцевич отмечает: «Створаная Раманавічамі кааліцыя пагражала душэўнасці працэсу дзяржаўнага ўтварэння ў самым пачатку ці па меншай меры прыпыніць яго на неакрэслены час. Распачаты для выйсця з цяжкай сітуацыі дзеянні засведчылі буйны дзяржаўны талент неардынарнай асобы Міндоўга і здабылі яму рэпутацыю пачынальніка ВКЛ... Вынік аказаўся ўдалым, малады дзяржаўны арганізм даў ёй сваю жыццёвую сілу і набыў запас трываласці, якога аказалася дастаткова, каб перажыць наступны крызіс, на гэты раз узнікшы ў самой сістэме [4, с. 164–165]. Относительно балтского или славянского характера нового государства Кравцевич замечает, что «дзеянні жыхароў Наваградка, як і іншых беларускіх гарадоў Панямоння, выразна паказваюць, што гэтыя русіны не звярталі асаблівай увагі на этнічнае сваяцтва ці хрысціянскую роднасць, а больш дбалі пра свае жыццёвыя інтарэсы, абаронцам якіх яны лічылі балта Міндоўга, а не аднаверца і русіна Данілу Раманавіча – князя галіцка-валынскага» [5, с. 22–23], а «па заданню Раманавічаў жамойцкі князь Вікінт падняў супраць Міндоўга Яцвезь і палову Жамойці. Лівонскі ордэн таксама вырашыў выступіць супраць Міндоўга і магістар лівонцаў напісаў да князя Данілы: “дзеля цябе створым мір з Вікінтамі, хоць ён многа нашых братоў пагубіў”. Згадзіліся падтрымаць валынсянаў і мазавецкія князі, але абяцанага войска не прыслалі» [5, с. 24]. «У барацьбе за матэрыяльныя жыццёвыя інтарэсы на другі план адсоўвалася ўсведамленне этнічнай роднасці (як, дарэчы, і кроўнай)» [4, с. 167]. «Такім чынам, ядро ВКЛ ад самага пачатку было біэтнічным, і асноўную частку яго складалі ўсходнеславянскія землі Панямоння» [4, с. 189].

Далее Кравцевич подробно описывает военно-политические события XIII века, победы и поражения Великого княжества Литовского, дипломатические и военные. В итоге он отмечает, что «дзякуючы эфектыўнай дзейнасці таленавітай асобы, лідэра балта-славянскай дзяржавы, яна выйшла з першага выпрабавання з запасам трываласці, дастатковым, каб пераадолець наступны крызіс, на гэты раз унутраны» [4, с. 186]. Таким образом, несмотря на личную нелюбовь Кравцевича к Миндовгу, о чём он открыто заявляет [5, с. 17], Кравцевич характеризует период правления этого князя положительно, а его самого как создателя нового государства в интересах всего населения данной территории. Главной заслугой Миндовга Кравцевич считает то, что «Міндоўг зрабіў першы крок на шляху збліжэння яго краіны з заходнееўрапейскай цывілізацыяй. Хоць летапісец пісаў пра Міндоўга, што “хрышчэнне яго ільсцёвым (падманым – А.К.) было” і пазней ён сапраўды вярнуўся да паганства, тым не менш пачатак быў пакладзены. Праўда, спатрэбілася яшчэ больш чым сто гадоў, каб арыентацыя на Еўропу прыняла форму свядомага палітычнага рашэння і ажыццявіў яго вялікі князь Ягайла» [5, с. 29]. И далее: «Забойства Міндоўга справакавала крызіс створанага ім гаспадарства. Але ягонай галоўнай справе было накіраванае доўгае жыццё. Выпешчаная ім дзяржава не загінула, яна вытрымала ўнутраныя смуты і змаганні са знешнімі ворагамі. Пасля ягонай смерці жыць ёй заставалася яшчэ больш пяці стагоддзяў, дакладней 532 гады...» [5, с. 38].

Что касается дальнейшей истории Беларуси, то Кравцевич отмечает, что главные трудности возникли уже внутри самого Княжества. В итоге борьбы за власть Великое княжество Литовское даже попало в зависимость от Галицко-Волынского княжества. Но удачные политические действия сына Миндовга Войшелка привели к усилению ВКЛ [4, с. 189]. В итоге, «у канцы гаспадарання Трайдэна яго дзяржава выглядала больш моцнай, чым у пачатку 70-х гадоў 13 ст.» [4, с. 194].

Исследуя правление Витеня, Кравцевич отмечает, что главной задачей этого великого князя была борьба с крестоносцами. Однако и на этот Вызов Истории Великое княжество Литовское сумело дать достойный ответ. В целом, время правления и Витеня, и его брата Гедимины Кравцевич описывает как время новых побед и свершений в истории Великого княжества Литовского. Благодаря деятельности этих князей Княжество окончательно окрепло и стало важным субъектом восточноевропейской политической жизни [4, с. 200–201]. То есть неблагоприятные обстоятельства не помешали главному герою исследования Кравцевича не только окрепнуть, но и до неузнаваемости изменить окружающий мир.

Таким образом, Кравцевич репрезентирует исторические события исследуемого им периода, выстраивая их в сюжет по типу рыцарского романа (или волшебной сказки) по классификации Х. Уайта.

Что касается типа формального доказательства, при помощи которого Кравцевич префигурирует свои исторические тексты, то это сочетание механицизма с контекстуализмом. По Уайту, механицистские гипотезы интегративны по цели, но редуктивны, а не синтетичны. Поступки действующих лиц исторического поля рассматриваются как проявления некой надисторической силы. Сторонники этого направления пытаются найти причинные законы, которые определяют последствия процессов, известных в историческом поле [1, с. 36]. Что касается контекстуализма, то он определяется как тип формального доказательства, который стремится объяснить события исторического поля в рамках контекста, в котором они произошли, через определение их специфических отношений с иными событиями, произошедшими в окружающем их пространстве. Цель объяснения – определить «нити», которые соединяют изучаемых индивидов или институтов с их специфической социокультурной современностью. Контекстуализм выявляет в качестве объекта изучения любой объект исторического поля, подбирает «нити», которые связывают исследуемое событие с различными областями контекста. «Нити» определяются и прослеживаются в окружающей природе и социальном пространстве, в рамках которых событие произошло, а также ретроспективно, чтобы определить «истoki» события, и перспективно, чтобы определить его «воздействие» и «влияние» на последующие события. Всё это останавливается в точке, где «нити» исчезают в контексте другого события или «сходятся», чтобы обусловить появление нового события [2, с. 64]. То есть Кравцевич пытается проследить генезис и перспективу исследуемых им исторических событий, но также и опирается на так называемые общеисторические законы. При этом, если его механицизм эксплицитен, то контекстуализм часто используется Кравцевичем имплицитно. Так, в качестве верификаторов своих построений Кравцевич использует весь комплекс возможных источников: письменные, археологические, лингвистические, этнографические, картографические. Он постоянно сопоставляет данные разных источников и, используя методы исторической критики источников, одни из них называет истинными, другие – правдоподобными, иные не рассматривает в качестве достоверных [4, с. 165]. Также Кравцевич проводит подобного рода анализ и «внутри» каждого вида источников [4, с. 8–32]. Подробному критическому анализу Кравцевич подвергает историографию выбранной им темы [4, с. 32–89]. Таким образом, значительная часть исследования Кравцевича, как это и принято в нашей исторической науке, посвящена анализу источников и историографии проблемы. При этом используются общие правила исторической критики текстов, во многом введённые позитивистски настроенными исследователями, пытавшимися приблизить историю к науке.

Рассматривая причины возникновения и жизнеспособности Великого княжества Литовского, Кравцевич, по существу, подводит это событие под действие общеисторического закона, согласно которому государство возникает при условии общей территории, экономических и политических интересов, а катализатором данного процесса может выступить

внешняя угроза. Для территории ВКЛ это незатронутость её монголо-татарским войском, тогда как традиционные экономические и политические центры оказались разрушенными; существование развитой политической системы на славянской, свободной военной силы на балтской территории; военная угроза со стороны крестоносцев и тех же монголо-татар [4, с. 159–160]. А существование и развитие нового государства, согласно Кравцевичу, стало возможным благодаря общности экономических интересов, бурному развитию торговли и т. п. [4, с. 167; 5, с. 20–22].

Характеризуя основателя нового государства, Миндовга, Кравцевич, с одной стороны, отмечает его способности как лидера: «дзякуючы эфектыўнай дзейнасці таленавітай асобы, лідэра балта-славянскай дзяржавы, яна выйшла з першага выпрабавання з запасам трываласці, дастатковым, каб пераадолець наступны крызіс, на гэты раз унутраны» [4, с. 186], но с другой замечает, что «Спадарыня Гісторыя распарадзілася так, што яго асабістыя інтарэсы супалі з важнейшай грамадскай патрэбай Панямоння – арганізацыяй моцнай дзяржавы. Менавіта дзякуючы гэтаму супадзенню, а яшчэ спрыяльным знешнім умовам, дзяржава ўдалася і Міндоўг заняў ганаровае месца ў пантэоне герояў нашай гісторыі» [5, с. 17].

Что касается контекстуалистских доказательств у Кравцевича, то они чаще используются им при анализе общего хода развития Великого княжества Литовского. Так, он пытается исследовать менее освещённые в источниках периоды истории княжества, опираясь на события более позднего времени, которые рассматривает как «нити», ведущие вглубь [4, с. 126, 128, 142, 151, 152]. Но также и наоборот, некоторые исторические события, согласно Кравцевичу, имели своё продолжение и влияли на последующие. Например, «Прыняцце версіі балта-славянскага саюза, здаецца, дае магчымасць лагічна вытлумачыць і ўвязаць між сабою самыя розныя палітычныя падзеі, звязаныя з працэсам стварэння ВКЛ» [4, с. 158]. Исследуя принятие Миндовгом католицизма, Кравцевич отмечает, что это был чисто дипломатический шаг, давший возможность на некоторое время нейтрализовать угрозу со стороны Ордена и использовавшийся затем неоднократно [4, с. 178; 5, с. 29]. Также с позиции контекстуализма Кравцевич прослеживает деятельность великих князей литовских: «Галоўны вынік гаспадарання Віцены быў аднолькава важны як для далейшых лёсаў ВКЛ, так і ўсёй Усходняй Еўропы. Пад яго кіраўніцтвам дзяржава здолела выстаяць у вайне з Тэўтонскім ордэнам. Арганізацыя паспяховага адпору адладжанай, разагнанай на поўную моц ордэнскай ваеннай машыне кардынальна паўплывала на ўнутранае і знешняе развіццё балта-славянскай дзяржавы. У часы наступніка Віцены ягонага брата Гедыміна ВКЛ выступае моцнай дзяржавай з вялікім міжнародным аўтарытэтам. Яна з лёгкасцю далучае да сябе буйныя ўсходнеславянскія землі, якія шукалі ў гэтым моцным і роднасным дзяржаўным арганізме надзейную абарону ад татараў. Сталіца Гедыміна Вільня становіцца прэтэндэнтам на спадчыну Кіева» [4, с. 200].

Что касается типа идеологического подтекста рассмотренных исторических трудов Кравцевича, то его следует охарактеризовать как либерализм. Как исследователь Кравцевич положительно относится к переменам, которые происходили в изучаемый им период, видит их пользу для предмета его исследования – территории Великого княжества Литовского /Беларуси/. При этом он не выступает против постепенности становления государства, видит в этом залог успеха. С таких позиций он, например, рассматривает деятельность великих князей Миндовга, Витеня, но, особенно, Войшелка.

Таким образом, историческую концепцию А.К. Кравцевича необходимо отнести по типу построения сюжета к роману (волшебной сказке), по типу формального доказательства – к механизму с элементами контекстуализма, по типу идеологического подтекста – к либерализму по типу классификации, предложенной Х. Уайтом.

Если сравнить концептуализацию истории Ермоловича и Кравцевича, то необходимо отметить, что данные историки не просто имеют расхождения во взглядах на характер Великого княжества Литовского (по Ермоловичу оно – белорусское государство, по Кравцевичу – балто-славянское), но и по-разному строят свои исследования. Ермолович придерживается комедийно-трагедийного построения сюжета и консервативного идеологического подтекста. Кравцевич строит сюжет по типу романа (сказки), по типу идеологического подтекста отно-



сится, скорее, к либерализму. Общим моментом для этих двух историков является тип формального доказательства: контекстуалистско-механицистский. Является ли это совпадением, или такой тип доказательства характерен для современной белорусской историографии в целом, а также на чём основаны расхождения между стилями написания работ белорусскими историками – на личной позиции, или на «объективных» исторических сюжетах – могут выяснить дальнейшие исследования.

### Литература

1 Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002.

2 Цацарын, В.У. Хэйдэн Уайт і Польш Рыкёр аб структуры гістарычнага тлумачэння / В.У. Цацарын // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4 (55). Ч. 1. – С. 62–69.

3 Цацарин, В.В. Белорусская историография в свете поэтологической философии истории Х. Уайта (на примере работ Н.И. Ермоловича) / В.В. Цацарин // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6 (63). – С. 53–62.

4 Краўцэвіч, А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага / А.К. Краўцэвіч. – Мінск, 1998.

5 Краўцэвіч, А. Міндоўг. Пачатак гаспадарства / А. Краўцэвіч. – Мінск, 2005.

Гомельский государственный  
университет им. Ф. Скорины

Поступило 17.01.10

## Содержание История

|                                                                                                                                                       |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Абраменко М.Е. Оказание медицинской помощи населению Беларуси в годы Великой Отечественной войны .....                                                | 3   |
| Бабков А.М. Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь – август 1921 г.) .....                                               | 9   |
| Веремеев С.Ф. Изучение конфессиональной истории Беларуси в трудах отечественных историков 1920-х гг. ....                                             | 17  |
| Дмитрук И.П. Социальная поддержка талантливой и одаренной учащейся молодежи в Республике Беларусь (1991–2000 гг.) .....                               | 21  |
| Жихарев С.Б. Государственная политика в сфере железнодорожного строительства в России в конце XIX – начале XX вв. ....                                | 31  |
| Кротов А.М. «Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня»: об анатомии белорусско-польского конфликта 1918 г. ....                  | 41  |
| Лазько Р.Р. Пачатак савецкай нацыянальнай палітыкі: украінскі рубеж .....                                                                             | 48  |
| Лебедев А.Д. Влияние международного фактора на политику советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1917–1929 гг.) .....       | 53  |
| Макушников О.А. Моховский археологический комплекс под Лоевом X–XI вв. ....                                                                           | 60  |
| Марченко О.В. Кадеты в эмиграции в Германии: организационная структура и идеология .....                                                              | 67  |
| Міхедзька В.А. Этнасацыяльныя асаблівасці грамадскай дыферэнцыяцыі ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. ....                               | 71  |
| Моторова Н.С. Деятельность органов городского самоуправления Беларуси по развитию системы средних учебных заведений (1875–1914 гг.) .....             | 78  |
| Мязга М.М. Спробы польска-савецкага збліжэння напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі 1922 г. ....                                                         | 85  |
| Рубан А.А. Основные направления этнополитики в России, Украине и Беларуси в 1990–2000-е годы .....                                                    | 90  |
| Савченко Н.М. Антимафиозная политика и опыт борьбы с мафией в Италии .....                                                                            | 95  |
| Сидоренко М.М. Генезис палестинской проблемы в советской историографии .....                                                                          | 103 |
| Соловьянов А.П. Деятельность общественных организаций по оказанию помощи несовершеннолетним в БССР в 1920-е гг. ....                                  | 108 |
| Старовойтов М.И. Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-х годов (социокультурный аспект) .....                                            | 112 |
| Сугако Л.А. Ход и итоги эвакуации населения БССР летом 1941 года: проблемные аспекты .....                                                            | 122 |
| Толочко Д.М. Формирование органов государственного управления в Западной Беларуси осенью 1939 г. ....                                                 | 132 |
| Цемушаў В.М. Гомельская зямля ў першыя гады пасля вяртання ў склад ВКЛ (1535–1560 гг.) .....                                                          | 137 |
| Чаропка С.А. Пінскае паўстанне 1648 года .....                                                                                                        | 145 |
| Янушевич И.И. Основные направления деятельности партийно-государственных структур по отношению к Православной церкви в Беларуси (1917–1941 гг.) ..... | 150 |
| Яценко О.Г. Мир вещей в культуре городского населения Могилевской губернии в начале XX века .....                                                     | 157 |
| <b>Философия</b>                                                                                                                                      |     |
| Адзіночанка В.А. Праблема рэлігійнай талерантнасці ў сучаснай Беларусі .....                                                                          | 166 |
| Калмыков В.Н. Социум как единство материального и духовного .....                                                                                     | 173 |
| Луковский В.И. Проблема понимания сущности человека в философской традиции .....                                                                      | 178 |
| Нарижный В.Э. Современная философская антропология: ретроспектива и перспективы .....                                                                 | 184 |
| Неделя Л.И. Гуманистическая проекция современной цивилизации .....                                                                                    | 189 |

---

|                                                                                                                      |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Новожилов В.С. <i>К методологии построения инновационной праксиологии</i> .....                                      | 193 |
| Сиротко Н.О. <i>Социально-критический анализ стратегии устойчивого развития</i> .....                                | 199 |
| Степанюк В.К. <i>Проблема национально-культурной идентичности белорусов в условиях глобализирующегося мира</i> ..... | 205 |
| Цацарин В.В. <i>Историография А.К. Кравцевича в свете поэтологической философии истории Х. Уайта</i> .....           | 211 |

## Contents

### HISTORY

|                                                                                                                                                             |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| M.E. Abramenko. <i>Delivery of medical care to the population of Belarus during the Great Patriotic war</i> .....                                           | 3   |
| A.M. Babkov. <i>The activities of Belarussian Evacuation Department (B.E.D.) (January–August, 1921)....</i>                                                 | 9   |
| S.F. Veremeev. <i>The study of religious history of Belarus in the works of local historians of the 1920s.....</i>                                          | 17  |
| I.P. Dmitruk. <i>The social support of talented and gifted students in the Republic of Belarus (1991–2000) .....</i>                                        | 21  |
| S.B. Zhikharev. <i>State policy in the sphere of the railway building in Russia at the end of the XIX – beginning XX century.....</i>                       | 31  |
| A.M. Krotov. <i>“Property of cultural work of many centuries perishes in flame of the fire”: about anatomies of Belarussian-Polish conflict 1918.....</i>   | 41  |
| R.R. Lazko. <i>Beginning of Soviet nationality policy: the Ukrainian frontier .....</i>                                                                     | 48  |
| A.D. Lebedev. <i>The impact of the international factor on the Soviet state policy towards the Catholic Church in the Belarussian SSR (1917–1929).....</i>  | 53  |
| O.A. Makushnikov. <i>Mochov archeological complex near Loev in the X–XI century.....</i>                                                                    | 60  |
| O.V. Marchenko. <i>Cadets in emigration in Germany: organization structure and ideology.....</i>                                                            | 67  |
| V.A. Mikhedzka. <i>Ethnosocial features of public differentiation in Belarus in the second half of the XIX – beginning of XX centuries. ....</i>            | 71  |
| N.S. Motorova. <i>Activity of municipal government’ bodies of Belarus in development of the system of secondary education (1875–1914) .....</i>             | 78  |
| M.M. Miazga. <i>Attempts of Polish-Soviet rapprochement on the eve of Genoa conference 1922 ...</i>                                                         | 85  |
| A.A. Ruban. <i>The main directions of ethnical policy in Russia, Ukraine and Belarus in 1990–2000 ....</i>                                                  | 90  |
| N.M. Savchenko. <i>Anti-mafia policies and combating mafia in Italy .....</i>                                                                               | 95  |
| M.M. Sidorenko. <i>The genesis of the Palestinian problem in the Soviet historiography.....</i>                                                             | 103 |
| A.P. Solovjanov. <i>Activity of public organizations on rendering assistance by the minor in BSSR in 1920th.....</i>                                        | 108 |
| M.I. Starovoitov. <i>Handicraftsmen and self-employed farmers of Byelorussian-Russian-Ukraine Frontier in the end of 1930 (sociocultural aspect).....</i>   | 112 |
| L.A. Sugako. <i>The process and the results of evacuation of the population in BSSR in summer 1941: problem’s aspects.....</i>                              | 122 |
| D.M. Tolochko. <i>Formation of state bodies in the Western Belarus in autumn 1939.....</i>                                                                  | 132 |
| V.V. Temushev. <i>The Gomel land in the first years after returning in structure of Grand Duchy of Lithuanian (1535–1560).....</i>                          | 137 |
| S.A. Czaropka. <i>The uprising in Pinsk in 1648.....</i>                                                                                                    | 145 |
| I.I. Yanushevich. <i>The main orientations of policy of party and governmental bodies with respect to Orthodox Church in Belarus in 1917–1941-ies .....</i> | 150 |
| O.G. Yaschenko. <i>The world of things as the part of culture of Mogilev’s Region urban population at the beginning of the 20th century .....</i>           | 157 |

### PHILOSOPHY

|                                                                                                                                  |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| V.A. Odinichenko. <i>Religious tolerance in modern Belarus.....</i>                                                              | 166 |
| V.N. Kalmykov. <i>Socium as the unity of the material and moral.....</i>                                                         | 173 |
| V.I. Lukovsky. <i>Understanding of human being essence in a philosophical tradition.....</i>                                     | 178 |
| V.E. Naryzhny. <i>Modern philosophical anthropology: a retrospective and a perspective.....</i>                                  | 184 |
| L.I. Nedelya. <i>Humanistic projection of modern civilization.....</i>                                                           | 189 |
| V.S. Novozhilov. <i>About methodology of innovational praxiology development.....</i>                                            | 193 |
| N.O. Sirotko. <i>Social-critical analyses of the stable development strategy .....</i>                                           | 199 |
| V.K. Stepanuk. <i>The problem of national-cultural identity of the belarusians under a globalizing world.....</i>                | 205 |
| V.V. Tsatsarin. <i>Historiography of the A.K. Kravtsevich in the light of H. White’s poetological philosophy of history.....</i> | 211 |

## ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц, и ее разметка не требуется. Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить краткое резюме (на русском и английском языках), название статьи, фамилии и инициалы авторов на английском языке. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний). Плата за опубликование статей не взимается.

Авторы представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: [vesti@gsu.by](mailto:vesti@gsu.by)) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (`\textwidth 165 mm`, `\textheight 245 mm`). Аналогичны требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Для набора формул не должны использоваться пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.). Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензию специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Авторы не должны направлять статьи, которые уже опубликованы, либо приняты к печати в других изданиях. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией, и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта. Лицам, осуществляющим послевузовское обучение, предоставляется право первоочередного опубликования статей.

---

Технический редактор *И. В. Близнец*. Корректор *Е. В. Убоженко*

Подписано в печать 04.10.2011. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.  
Ризография. Усл. печ. л. 25,6. Уч.-изд. л. 22,3. Тираж 100 экз. Заказ № 467

Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования  
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»  
ЛИ № 02330/0549481 от 14.05.2009.  
Ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель.